se dnr UD2018/20399/RC

REGERINGSKANSLIET

Utrikesdepartementet

Enheten för Österuropa och Centralasien (EC)

Raoul Wallenberg

Utskrifter av intervjuer gjorda av undergrupp till svensk-ryska arbetsgruppen med diverse personer i Ryssland, huvudsakligen KGB-medarbetare.

I bilaga Bilagan förvaras i serie F I b

Postadress
103 39 STOCKHOLM

Besöksadress
Fredsgatan 6

Telefon
08 - 405 10 00

Telefax
08 - 723 11 76

E-post: ud@foreign.ministry.se
X.400: S=UD; O=Foreign; P=Ministry; A=SIL; C=SE

Telex
105 90 MINFOR S

Utskrifter av intervjuer gjorda av undergrupp till svensk arbetsgruppen med div. personer i Ryssland, huvudsakligen KGB-medarbetare.

Överlämnade av Hans Magnusson till Harald Hamrin 2005-08-24

OBS! Ej frisläppta!

(1)

4/96

6

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Кузнецовым Иваном Михайловичем
10 июня 1993 года.

Участвовали: Люрвалль Бьерн – 2 секретарь посольства Швеции в РФ

Козлов Александр Андреевич – сотрудник Министерства безопасности РФ

БЕСЕДА С КУЗНЕЦОВЫМ ИВАНОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ

Участвуют в беседе г-н Люрваль Бьорн, 2-й секретарь посольства Швеции /М./ и Козлов Александр, сотрудник Министерства безопасности России /РМ/

РМ: Деревня Крива Кимрского района Тверской области. Мы находимся в дачном доме, в деревенском доме Кузнецова Ивана Михайловича, который нас с благодарностью принимает, позволил нам записать нашу беседу на диктофоны и любезно согласился ответить на некоторые наши вопросы.
Уважаемый Иван Михайлович!
Нас - г-на Люраля и меня, Козлова Александра, сотрудника Министерства безопасности - интересуют некоторые исторические моменты, которые, возможно, в силу тех или иных обстоятельств сохранились у вас в памяти, касающиеся вашей службы непосредственно в органах безопасности. Нас интересуют конкретно сроки примерно окончания войны и немножко попозже. Речь идет о том, что все наши вопросы к вам будут связаны с судьбой шведского дипломата Рауля Валленберга. Нами установлены некоторые моменты, и мы ищем людей, которые помогли бы нам дополнительно какими-то красками, какими-то мазками выяснить эту судьбу, установить истину по делу. У нас есть специальное поручение Президента о том, чтобы всячески способствовать, мы включены в состав совместной шведско-российской комиссии по этому вопросу, и вот сообща мы и работаем.

К: Ясно.

РМ: Уважаемый Иван Михайлович! Учитывая, что я сделал вам такое предисловие, пожалуйста, если удастся вам что-то вспомнить, что-то нам рассказать, поведать по этому вопросу, - пожалуйста. В форме вашего свободного рассказа.

К: Дело обстоит так. Как вам известно, я работал в органах: во время войны в органах контрразведки СМЕРШ, после войны в Министерстве государственной безопасности. Ту фамилию, которую вы назвали, я вспоминаю. Такая фамилия в органах контрразведки, в руководстве, мне была известна. Я, конечно по своим обязанностям не имел отношения к следственным дела и прочее. Что касается г-на Валленберга, мне известно единственное: что такая фамилия в органах контрразведки фигуриро-

вала после войны. Я сейчас затрудняюсь сказать, был ли это 45 или 46 год, просто трудно сейчас припомнить, времен прошло достаточно. Известно мне, что г-н Валленберг находился в Москве, в Главном управлении контрразведки, вернее в Министерстве госбезопасности уже в то время. Так, по слухам, якобы он был доставлен в Россию, в СССР из Венгрии Насколько мне известно, там у нас представителем органов контрразведки СМЕРШ был генерал-лейтенант Белкин. Кто этими вопросами занимался с г-ном Валленбергом, мне неизвестно. Я только знаю, что у нас был переводчик немецкого языка, по-моему - Копелянский Даниил и все, что было связано с допросом иностранцев - немцы там у нас были, когда готовился Нюрнбергский процесс, - то этими людьми занимался переводчик Копелянский. Кто из следователей непосредственно работал, это мне неизвестно. Вот все, что я могу сказать вам на ваши вопросы.

РМ: Иван Михайлович! Вы упомянули фамилию Копелянского. Более того, вы утвердительно сказали, что именно он работал с Валленбергом.

К: Нет. Я этого не сказал. Я знаю, что он работал с иностранцами, поскольку владел иностранными языками, и - точно не могу сказать, но, по-моему, он должен был иметь отношение делу Валленберга, поскольку по всем делам были он и .... - я сейчас просто забыл фамилию второго переводчика, у нас в двое было.

М: Не Соловов?

К: Соловов. Правильно. Соловов. Вот кто-то из них обязательно должен был иметь отношение к такой категории граждан, которые, предположим, были в органах госбезопасности или в органах СМЕРШ.

РМ: А что, больше других переводчиков не было? Вы говорите, что вот именно они.

К: У нас были два переводчика, которых я знаю. Два переводчика Копелянский и Соловов. Копелянского даже имя помню: Даниил А Соловова я имя не помню.

М: Борис Васильевич, наверное, да?

К: Да.

РМ: Иван Михайлович! То есть эти два человека - они что, особенно хорошо владели немецким языком или же они были особенн

приближены к руководству и им доверяли больше?

К: Нет, нет! Они просто как переводчики. Никакими особыми привилегиями у руководства министерства или контрразведки СМЕРШ они не пользовались. Я знал всех, кто был близким, поскольку работал начальником охраны министра безопасности. Я знаю, кто был наиболее близким. Они официально работали переводчиками. Если, предположим, кого-то допрашивали, вызывали, я знаю, что они исполняли свою роль переводчиков.

РМ: Иван Михайлович, а вот вы с твердой уверенностью назвали Копелянского, потом по нашей подсказке вспомнили Соловова. Вот вы были начальником охраны министра, а они были простые переводчики. Как часто вам приходилось с ними сталкиваться?

К: Я их знаю, поскольку их вызывали на допросы и они были близкие сотрудники, в нашем же управлении были. Так что переводчики и стенографисты мне, конечно, известны. Когда, предположим, приводили людей допрашивать, из Германии привозили перед Нюрнбергским процессом, это просто входило в мои обязанности: я вызывал людей, поскольку был начальником охраны министра, а о чем там был разговор, ко мне это уже не имело отношения.

РМ: Ясно. Скажите, пожалуйста, в практику работы министра - не будем называть фамилию, будем просто называть этого человек "министром" - что входило, если он приглашал кого-то на допрос: он приглашал к себе в кабинет или же он приходил куда-то, к другому?

К: Нет. Если министр, предположим, допрашивал какого-то обвиняемого, то он или у себя в кабинете допрашивал, или выезжа в места содержания.

РМ: То есть он выезжал в места содержания - и в Лефортово?

К: И в Лефортово, да. Практически у нас было Лефортово и внутренняя тюрьма.

РМ: То есть других тюрем в вашем распоряжении не было?

К: Нет, не было.

РМ: И если где-то могли содержаться эти заключенные, то только в двух тюрьмах, относящихся к ведению Министерства?

К: Только в двух тюрьмах, совершенно правильно.

РМ: Отсюда непосредственно следует вопрос: доводилось ли вам знать или слышать, что министр вызывает на допрос непосредственно г-на Валленберга?

К: Нет, этого я не могу сказать. То есть просто я не знал. Фамилия-то у меня не от министра исходит и не от кого-то, я просто слышал, что такая фамилия среди граждан не Советского Союза была. Больше ничего.

РМ: То есть непосредственно мало ли кого к нему водили.

К: Совершенно правильно. Я даже и не знал.

РМ: По фамилии вы их не знали?

К: Да, да. Приводили, предположим, на допрос кого-то - я и не знал даже.

М: Ясно.

РМ: Иван Михайлович, вот у нас есть, может быть, такое предложение. У нас есть несколько тогдашних фотографий г-на Валленберга. Если вы посмотрите их?

К: Ну, что вы! (Смеется.)

РМ: Мы понимаем, что это память, 50 лет, считайте, прошло с тех времен. Но, может быть, вам удастся?

К: Это я сомневаюсь.

РМ: Ну, посмотрите на всякий случай.

К: Давайте. Посмотрим.

РМ: Может быть, что-то и навеет вам.

К: (посмотрев фотографии) Нет, этот мне не знаком вообще. Не знаю. Я эти фотографии в газете, между прочим, видел.

М: Да, они были в газете опубликованы.

К: Нет, не видел я такого. И не могу сказать, предположим, вызывал его Абакумов или ездил сам допрашивал. Этого я просто не могу сказать.

РМ: Иван Михайлович! И тогда еще один вопрос такого порядка: Вы говорите, что "по слухам", "слышали", что есть такой г-н Валленберг и т.д. Не припомните ли, от кого именно слышали?

К: Я просто не могу сейчас вспомнить. Не могу. Может быть, даже тот же Копелянский говорил. Или в разговоре с сотрудниками, которые, предположим, имели к этому отношение. Я просто сейчас не могу вспомнить.

М: Но в этом же отделе были и другие переводчики, в общем-то, которые тоже работали с военными, с немецкими военнопленными.

К: Я знаю только двух переводчиков: Копелянского и Соловова. Всю войну они работали у нас, в органах контрразведки. Особенно близко я узнал их, когда готовился Нюрнбергский процесс, потому что ряд обвиняемых, проходивших по Нюрнбергскому процессу, были у нас, в Москве.

М: Понятно.

К: Я видел, по-моему, начальника безопасности имперской канцелярии, - фамилию его, правда, сейчас уже не помню.

М: Вы знали Карташова?

К: Да, Сергея Николаевича я знал.

М: Он сам вызывал людей на допросы?

К: Этого я не могу сказать. Он был начальником отдела, а сам ли он вызывал людей или кто-то еще - я не в курсе.

М: Понятно.

К: Сергей Николаевич жив?

РМ: К сожалению, умер.

К: Многих уже нет, а я вот еще живу.

РМ: Дай Бог вам здоровья!

К: Спасибо. Мне скоро 80 лет, но вот живой еще, хотя я прошел эту школу. Вам, наверное, известно?

РМ: Не только вы живы, вот, например, Бачурин Андрей Владимирович, он 1911 года рождения.

К: Я его не знаю.

РМ: Недавно мы с ним встречались.

К: Я даже такую фамилию не помню.

РМ: Он приехал в 1946 году и начал работать во Втором Главном Управлении.

К: У Питовранова?

РМ: Да, у него.

К: А Питовранов жив?

РМ: Евгений Петрович жив-здоров.

К: Я с ним встречался, наверное, лет 20 назад.

РМ: Федосеева не знали, Сергея Михайловича?

К: Знал.

РМ: Тоже жив-здоров.

К: Был у нас еще Шубняков.

М: Мы с ним тоже беседовали.

РМ: Но это давно было, два года назад.

К: Не знаю, жив или нет Браверман, - вот он может ... /не дог или Чернов - он был заведующим секретариатом.

РМ: Начальник секретариата.

К: Да.

РМ: Чернов, к сожалению, тоже скончался, а Бравермана мы так и не нашли.

К: Я знаю, что он отсидел 15 лет и вышел. Он может находится в Твери, потому что у него там брат жил.

РМ: Браверман?

К: Да, Браверман Яков, - отчества его не знаю.

М: Он отсидел 15 лет?

К: Да, 15.

М: А дали ему, по-моему, 25 лет.

К: Нет, им дали по 15лет. Тогда срок 25 лет был уже отменен.

М: А, вот как!

РМ: Да. Судоплатов тоже получил 15 лет. Вы знали Павла Анатольевича?

К: Конечно. Всех знал.

М: Мы не сомневаемся.

К: Мамонова знал, Райха /?/.

РМ Майрановского или Байрановского, не помню сейчас, знали?

К: Фамилию Майрановский знаю, но самого не помню.

РМ: Скажите, пожалуйста, Павел Анатольевич мог иметь отношение к этому делу?

К: Кто это - Павел Анатольевич?

РМ: Судоплатов.

К: По-моему, нет. Судоплатов, кажется, в Первом Управлении работал.

РМ: Да.

К: Вообще, я затрудняюсь сказать.

/Пауза./

РМ: Скажите, вот как все-таки следует относиться к такому моменту, как исчезновение Валленберга?

К: Я и сам себе этот вопрос задаю, когда читаю прессу. Но я не пришел ни к какому выводу. Не могу ничего сказать.

РМ: Иван Михайлович! Во внутренней тюрьме на Лубянке была медсанчасть.

К: В каждой тюрьме есть медсанчасть.

РМ: В 1945-46-47 годах эту медсанчасть возглавлял некий Смолы

К: Такую фамилию я слышал. Знал, что есть такой - Смольцов.

РМ: Вы только слышали о нем, но не встречались?

К: Не встречался. Я его даже в лицо не знал.

РМ: Не припомните, в связи с чем вы слышали эту фамилию? Заходил Смольцов к министру хоть раз?

К: Не могу сказать.

РМ: Мог ли он вообще заходить к министру?

К: Если министр вызывал ... /не дог./.

РМ: А он мог его вызывать?

К: Ну, начальника тюрьмы, к примеру, он вызывал. Фамилия его была Миронов. Так Миронова он вызывал. А вызывал ли министр начальника медсанчасти, я не могу сказать. Я просто не помн

РМ: Я понимаю.

К: Ведь практически вызовы шли через меня.

РМ: Через вас шли вызовы только сотрудников или заключенных тоже?

К: Нет, заключенных я не вызывал. Заключенные вызывались через следователя, который вел их дела.
А кто вел дело Валленберга, мне тоже неизвестно.

М: Вам известна фамилия Кузьмишин?

К: Нет.

М: Кузьмишин как раз работал с Валленбергом. В основном он с ним работал.

К: Эту фамилию - Кузьмишин, я не припоминаю, хотя по фамилиям я знал многих ребят из следственной части.

М: Соколова знали?

К: Знал.

М: Как вы думаете, он мог иметь какое-то отношение к этому де

К: Трудно сказать. Соколов был старшим следователем. Был еще Путинцев ... /не дог./. Понятно, что тех, кто мог бы что-т сказать, нет. Леонова, например, расстреляли ни за что, потому что когда было "дело врачей", он лежал в больнице.

М: Ну, а в Секретариате, кроме Бравермана и Чернова, был ли е кто-нибудь, кто ... /не дог./.

К: Нет, больше никто к министру вхож не был.
Вся документация шла через них, и они могли многое помнить по документам.

РМ: То есть, через Вас никакие документы не проходили?

К: Через меня - нет. Я этим делом не занимался.

РМ: Ваше дело было: личная охрана, допуск, пропуск к министру и так далее, да?

К: Совершенно верно.

М: Браверман и Чернов имели постоянный доступ к министру?

К: Браверман был помощником министра, а Чернов был начальником Секретариата.

РМ: Иван Михайлович, часто ли Вам доводилось сопровождать министра в Кремль?

К: Я всегда его сопровождал.

РМ: Часто ли министр бывал у Генералиссимуса?

К: Нет. Только по вызову.

РМ: А как часто Генералиссимус вызывал его?

К: Не могу сказать, что часто.

РМ: Как министр относился к каждому вызову Генералиссимуса?

К: Как каждый министр - с большой ответственностью. Всегда при этом в нем чувствовалась большая напряженность. Генералиссимус есть Генералиссимус. Конечно, его все побаивались.

РМ: То есть, министр не был человеком, особо приближенным к Генералиссимусу?

К: Конечно, нет. Я могу твердо сказать, у них были строго официальные отношения. Никаких близких отношений у Абакумова с Генералиссимусом не было. Конечно, я не знаю, как там у них было на приемах, а так - только официальные отношени

РМ: Мог ли министр не выполнить указание Генералиссимуса?

К: По-моему, нет.

РМ: Мог ли министр без приказа Генералиссимуса решить судьбу какого-либо значимого человека?

К: Все зависело от положения того человека, чья судьба решалась. Если этот человек был, предположим, на ответственной работе у нас в Советском Союзе, то, конечно, его судьба, как правило, решалась на Политбюро. Министр докладывал, а решение принимало руководство страны. Рядовые же граждане, мне кажется, зависели в решении своей судьбы только от министра, его замов.

РМ: Мог ли министр решить судьбу Валленберга?

К: По-моему, нет. Это мое личное мнение.

РМ: Так мы и спрашиваем только Ваше личное мнение. Что вы, как бывший начальник личной охраны министра, слышали о том с какой долей значимости мелькала в разговорах, слухах сам фамилия Валленберг. Воспринимали ли эту фамилию как фигур

К: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Я просто помню фамилию. Я, например, помню, что привозили немецких генералов ответственных работников безопасности, и я помню какое значение они имели. А что касается Валленберга, у меня в памяти сохранилась только фамилия, даже не могу сказать в каком аспекте.

М: А фамилию Лангфельдер не слышали?

К: Нет, не слышал.

М: Лангфельдер был шофером Валленберга, и вместе с ним был тогда доставлен туда.

К: Нет, не слышал.

РМ: Иван Михайлович, теперь следующий вопрос. Поскольку вы в СМЕРШе близко общались со следственной частью, знали там многих ребят, вы, наверное, знали о существовании так называемых номерных заключенных и заключенных, которые содержались под своими фамилиями.

К: Нет, мне это неизвестно.

РМ: Речь идет о следующем: отдельные заключенные помечались номерами. Но для чего они помечались номерами, мы сейчас установить не можем.

К: Я и сам не знаю.

РМ: Если вы были начальником личной охраны и слышали фамилию Валленберга, то не думаете ли вы, что он мог находиться под каким-нибудь номером?

К: Вполне возможно. Я говорю, фамилия Валленберг в памяти сохранилась, а под какой фамилией или кодом, допустим, он содержался, это мне неизвестно. Может быть, он действительно был под номером, потому что такая практика существовала.

РМ: И все-таки, Иван Михайлович, как он мог исчезнуть?

К: Это я затрудняюсь сказать. Я и не вникал в эти дела.

РМ: Я понимаю.

М: /обращаясь к РМ/ Может быть переписку показать?

РМ: Иван Михайлович, вот посмотрите некоторые исторические документы.

К: Давайте.

М: Всех документов у нас с собой, конечно, нет. Но вот, например, письмо Вышинского Молотову.

К: Я как раз на днях читал это в газете.

М: Хорошо. Вот тут в конце есть по поводу дела Валленберга:

"Обязать товарища Абакумова представить справку по существу дела и предложение о его ликвидации".

К: Я об этом деле ничего не знаю.

М: Это понятно, мы просто спрашиваем, чтобы хоть что-то выяснить.

РМ: Во-первых, скажите пожалуйста, как ваш министр относился к внешнеполитическому ведомству, к МИДу, и конкретно к Вышинскому, к Молотову?

К: Я могу сказать, что он со всеми нашими бывшими руководителями государства был в официальных отношениях. Кому нужно было докладывать - он докладывал, с кем-то по чьему-либо поручению нужно было встретиться - он встречался. И в МИДе он бывал, и к нему приходили товарищи из МИДа, и Молотов его вызывал.

РМ: А Молотов сам никогда к Абакумову не приезжал?

К: Нет.

РМ: Абакумова вызывал Молотов, и Абакумов безоговорочно ехал?

К: Конечно.

РМ А вот что касается Вышинского?

К: Вышинский Абакумова не вызывал. Все-таки Вышинский был замминистра иностранных дел, а Абакумов был министром - соблюдалась субординация.

РМ: Вышинский бывал у Абакумова?

К: Нет. При мне - нет.

РМ: Как следует из этого документа, Вышинский просит Молотова обязать Абакумова представить справку по существу дела и предложение о его ликвидации. Как по-вашему, что это могло означать?

К: Я сам думал над этой фразой. Публицисты истолковывают ее кто как может. Я не думаю, чтобы Вышинский давал какой-нибудь намек о ликвидации, предположим, Валленберга. Из прессы я узнал, что по этому делу уже в то время была переписка между МИДом и шведскими властями, поэтому могу предположить, что МИДу, очевидно, мало что было известно по этому делу, и они хотели узнать о судьбе Валленберга, если он находился, предположим, в МГБ.
Корреспондент, комментирует концовку этого документа, говорит, что речь идет о ликвидации Валленберга. Лично я в это сомневаюсь.

М: Давайте посмотрим, что было дальше. По-моему, в августе этого же года Вышинский направляет непосредственно Абакумову письмо и просит ускорить ответ, который он должен был дать. Насколько я помню именно на этом письме есть фраза, что Абакумов ответил непосредственно Молотову в личном письме от 18 июля 1947.

К: Это возможно. Но я не в курсе дела. Это можно только по документам установить. Если это была официальная переписка в делах канцелярии МГБ должен быть документ.

РМ: Вы, наверное, знаете из прессы, что были предприняты активные попытки уничтожить все следы пребывания Валленберга в МГБ.

К: Да, я об этом знаю, но только из прессы. Другого я ничего не могу сказать. И потом, ведь не все, что пишут в прессе, соответствует действительности.

РМ: Это ясно. Но мы с господином Люрвалем официально доводим до вашего сведения: следы уничтожения факта пребывания Валленберга у нас в МГБ налицо. Это достоверно установлено И нам непонятно, в связи с чем и когда пытались уничтожить эти следы. Насколько я знаю, вы были с министром вплоть до его отставки.

К: Да, вплоть до его ареста. Это был 1951 год.

РМ: Мог ли в то время министр, несмотря на запросы МИДа, отдать указание стереть все следы пребывания в МГБ того или иного лица?

К: По-моему, Абакумов не мог этого сделать без ведома Сталина потому что, по всей видимости, в то время Валленберг был фигурой. Раз в то время МИД Швеции запрашивал наш МИД, то, очевидно, и Сталину, и Молотову было известно о Валленберге В таком случае Абакумов без санкции руководства ничего не мог сделать.

М: А вам не приходилось слышать об уничтожении каких-либо документов? Не обязательно по этому делу, а вообще.

К: Нет. При Абакумове, во всяком случае, я не слышал ни разу, чтобы какие-то документы или следы уничтожались. По-моему, это уже потом стало модным.

РМ: Ну, ясно. Тут он министр, хозяин положения, чего ему уничтожать. Если только, конечно, не было указания сверху. А кто являлся для него авторитетом?

К: Только Сталин.

РМ: И Молотов, естественно. Так или нет?

К: Я бы сказал, что только Сталин. Все-таки министр госбезопа-ности-это министр госбезопасности. Не мне вам говорить, чт это значит.

РМ: Да, в то время это была величина.

К: И в то время,и сейчас. Министр госбезопасности-это фигура в государстве. И не только в нашем, а в любом. Потому что больше сведений, чем у министра госбезопасности по всей видимости, ни у одного лица нет.

РМ: Да.

М: Я хотел бы вернуться к вопросу об этом письме Абакумова Молотову в день предполагаемой смерти Валленберга. Ведь могло быть и так, что Валленберг не должен был умереть, но он все же по какой-то причине скончался. И Абакумов тогда побоялся обратиться непосредственно к Сталину и хотел это сделать через Молотова.

К: Ну, это ваша точка зрения.

М: Это не моя точка зрения, это предположение.

К: Я не могу этого предполагать потому, что если бы даже наступила смерть Валленберга, все равно Абакумов должен был бы доложить, поскольку уже была переписка и им интересовались. Это мое личное мнение. Об этом должно было быть доложено руководству страны.

М: Да.

К: Потому что обращались к Молотову, обращались к Вышинскому и с Абакумова должны были спросить.

М: А чтобы Абакумов обращался к Молотову по делу Валленберга без ведома Сталина - это, по вашему, не реально?

К: Может быть, Сталин и не знал. Трудно сказать. Ведь не вникал же Сталин во все. Но поскольку были запросы вашего МИДа, то, возможно, Сталин был в курсе дела.

М: В принципе, наш посол даже был у Сталина и вел с ним бесед

К: Значит, Сталин был в курсе дела и никаких самостоятельных решений Абакумов принять не мог. Это уже определенно.

РМ: Давайте снова вернемся к Смольцову. Была ли у вашего министра практика давать поручения конфиденциального характера рядовым работникам? Вот, допустим, Миронов, начальник Лубянки, к нему заходил. А мог ли он дать поручение тому же

Смольцову лично?

К: Конечно, мог.

РМ: Такая практика у министра была?

К: Я считаю, что была.

РМ: Рядовых работников он к себе приглашал?

К: Конечно, приглашал. Я не помню, может быть, он и Смольцова приглашал. Я сейчас просто не помню.

РМ: В своем рапорте на имя Абакумова Смольцов пишет: "исполняя ваше личное поручение в отношении наблюдения за Раулем Валленбергом".

К: Вполне возможно, что Абакумов и лично вызывал Смольцова. Это не исключено.

М: Вот текст, может быть, вы его уже читали в печати: "Докладываю, что известный вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался". Это докладывает Смольцов Абакумову.

К: Это тоже было в прессе, я об этом читал. Если был такой Валленберг и содержался во внутренней тюрьме, естественно о смерти такой фигуры докладывалось.

РМ: У нас сейчас возник вопрос, мог ли Смольцов выйти с этим рапортом на министра или он должен был доложить по команде Миронову.

К: Поскольку Валленберг-это фигура, Смольцов мог выйти прямо на Абакумова. Миронов мог отсутствовать в это время.

РМ: А Даниил Григорьевич Копелянский говорит, что Смольцов ник не мог обратиться непосредственно к министру.

К: Копелянский не прав. Начальника тюрьмы могло в это время н быть и если бы такой случай произошел, Смольцов был бы обя зан доложить. Тем более, если такая фигура, как Валленберг содержался во внутренней тюрьме и знали, что он находится под контролем министра или замминистра, или начальника следственной части, то естественно, любое ЧП с данными людь ми всегда докладывалось непосредственно. И что Смольцов мог после смерти Валленберга написать докладную, это вполн реально.

РМ: Иван Михайлович, давайте вернемся к Копелянскому и Соловов Вы назвали их переводчиками.

К: Да.

РМ: А не были ли они следователями?

К: Нет. Это я могу сказать твердо.

РМ: Вы говорите по тому периоду, когда они работали в СМЕРШ.

К: И когда работали в МГБ, они так переводчиками и остались.

РМ: По должностям они не значились переводчиками.

К: Я не знаю, как они значились. Я знаю, что они использовались только как переводчики. Они присутствовали при допросе, переводили.

РМ: А допрашивали следователи?

К: Да, следователи.

РМ: Следователи допрашивали обычно наиболее важных персон?

К: Конечно, но поскольку переводчик требовался, значит допрашивали кого-то, кто не владел русским языком.

РМ: Я понимаю. Вот, скажите, к Абакумову на допрос приводили наиболее значимых людей. Копелянский или Соловов участвовали в этих моментах?

К: Когда допрашивали немцев, то да.

РМ: Абакумов не владел немецким языком?

К: Нет.

РМ: И естественно присутствовал переводчик или Копелянский, ил Соловов. Других не было.

К: Не было. В Первом Управлении у Судоплатова были свои переводчики, там и сотрудники владели иностранными языками, а у нас только Копелянский и Соловов.

РМ: Ваш "хозяин" был сначала...?

К: Начальником Главного Управления контрразведкой.

РМ: В каком году?

К: В 1948 году, кажется, в мае он стал министром госбезопасности. Меркулова освободили.

РМ: А до контрразведки раньше он был замнаркома.

К: Замнаркома внутренних дел. Как война началась, его сделали начальником Главного Управления контрразведки и из системы НКВД мы ушли в Министерство Обороны. И так до назначения Абакумова министром госбезопасности.

РМ: А потом он забрал СМЕРШ к себе.

К: Так и произошло.

РМ: Но СМЕРШ находился в одном здании с МГБ и пользовался всеми тюрьмами, изоляторами.

К: Да, да.

РМ: Теперь все понятно.

К: Все как было, так и есть. Только подчиненность была непосредственно Главному Управлению Обороны. Абакумов был замминистра Обороны, начальник Главного Управления. Я помню когда он выезжал на фронт, у него была командировка, подписанная Сталиным.

РМ: Нам удалось в архивных документах обнаружить одно письмо за подписью замнаркома Обороны Булганина. Вот оно, посмотрите.

/Пауза./

К: Да, насколько я помню, Булганин был в начале войны Членом Военного Совета и в конце войны, сохраняя этот пост, он уже был замнаркома Обороны. Когда мы долгое время были в Польше когда там формировалось демократическое правительство, кажется, правительство Радкевича, то Булганин там был как член Военного Совета, кажется, I Белорусского фронта. Когда правительство в Польше формировали, Булганин там был представителем СССР.

РМ: Это относится к февралю I945 года.

К: Возможно.

РМ: I7 января I945 года он отдал команду арестовать и доставить в Москву.

К: Фамилия Валленберг всплыла у меня в памяти в связи с материалами прессы и я, между прочим, ждал, что ко мне кто-то обратится, поскольку я был близким к министру человеком. Я это интуитивно чувствовал. Ко мне обращаются по многим вопросам.

РМ: Если вы еще пороетесь в своей памяти, то, может быть, вспомните кого-то из тех людей, кто бы мог еще прояснить ситуацию.

К: Я оторвался от бывших работников и не могу сказать. Единственный, кто может пролить свет - это работники бывшего Первого Главного Управления, судоплатовские. Они, по-моему, имели отношение к подобной категории людей. Тем более, если ввязывалось министерство иностранных дел. Поэтому единственное, где вам можно поискать источников новой информации это у бывших работников Первого Главного Управления.

РМ: Это сегодняшняя служба внешней разведки, выделенная из министерства обороны. Вы это имеете в виду?

К: Я это и имею в виду. Она теперь отдельно.

РМ: Судоплатов раньше возглавлял в годы войны первое спецуправление.

К: Да, всю войну он этим занимался.

РМ: А потом он стал руководить первым главком.

К: Да, он занимался партизанскими спецзаданиями.

РМ: И каково ваше мнение по этому вопросу?

К: По моему мнению, из старых работников, работавших в то время с Абакумовым, могли что-то знать Чернов, Броверман, Леонов. Леонов и Комаров расстреляны. Могли знать также Соколов, следователи, Путинцев, Лихачев.

РМ: Кто это?

К: Он был замом начальника следственной части. Я не знаю, жив он или нет, но, по-моему, тоже попал в эту мясорубку, потому что он был у Леонова замом.

РМ: А если вернуться ко времени после войны: Судоплатов был начальником Первого Главного Управления.

К: По-моему, Фитин был. А Судоплатов был у него замом.

РМ: Речь-то идет о том, что Судоплатов и в Первом Главном Управлении выполнял свои специфические функции.

К: Да.

РМ: А здесь, если речь шла о таких моментах, которые вы упомянули, к Валленбергу могли иметь отношение другие люди, а не те,которые были связаны с судоплатовской спецификой.

К: К делу Валленберга могли иметь отношение только следователи. Кто вел дело Валленберга, мне неизвестно.

М: Был такой Кузьмишин.

К: Честно говоря, я его не помню. Такого деятеля, как Рюмин, я помню.

М: А Лихачев Михаил Тимофеевич был расстрелян?

К: Да. Все они: Лихачев, Комаров и Леонов.

М: А Селивановский мог знать?

К: Мог знать, но, по-моему, он тоже умер.

М: По крайней мере, два года назад он был жив. И мы тогда с ним беседовали.

К: Мог быть в курсе дела Огольцов, первый зам Абакумова, но он умер. Сергей Иванович.

М: А если еще одну бумагу посмотреть. Вот здесь выдержка. Может быть, вы скажете что-то по поводу фамилии Капелянский, который что-то может знать.

РМ: Вот видите, вот на этом месте расшифровывается: Валленберга вызывал Капелянский и продержал столько-то времени.

К: Я читал кое-что об этом в газете. Вы знаете, я тоже особенно этому не верю. Тюремный надзиратель пришел, спросил, какой следователь, записали Капелянского. Капелянский сам мог и не вызывать. Мог вызывать по поручению кого-либо.

М: А мог он это делать по поручению министра?

К: Мог.

М: Чтобы министр не фигурировал здесь?

К: Мог.

М: А сам потом присутствовал в качестве переводчика.

К: Это может быть.

РМ: Значит, были визиты Абакумова в Лефортово.

К: Не так часто, но были.

РМ: И во внутреннюю тюрьму на Лубянке он иногда спускался? Или отсюда ему приводили?

К: Приводили. Насколько я знаю, он сам не ходил во внутреннюю тюрьму.

РМ: Мы хотели бы высказать вам огромную просьбу. С учетом вопросов к вам вы еще будете вспоминать некоторые моменты. Может быть, вы еще что-нибудь вспомните. Второй момент: готовясь к встрече с вами, мы принесли не все документы. Если бы вы разрешили нам еще раз посетить вас, было бы хорошо. Не будете возражать?

К: Не буду возражать. Все, что сохранилось у меня в памяти - а у меня неплохая память, - я вам сказал. Другого я, по всей видимости, не смогу вспомнить. Да и вспоминать нечего У меня фамилия просто всплыла после появления материалов в прессе. Я вспомнил, что такая фамилия фигурировала. Знаю, что, может быть, через меня проходил и документ Вышинского Я иногда имел такую возможность: приносили почту или он вызывал меня, чтобы передать что-то тому или другому. Значит, я мог помнить фамилию и по документам.

М: Я забыл задать еще один вопрос. Мы спрашивали по поводу взаимоотношений министра Абакумова с Молотовым. А какие бы взаимоотношения с Берией? Мог ли Берия иметь отношение к делу Валленберга?

К: Не могу сказать. Во всяком случае, взаимоотношения с Берией у Абакумова были плохие. Если бы Абакумова не посадили,

посадили бы Берию. Это моя точка зрения. Я понимаю так, что когда брали Абакумова, это было дело рук Берии. Потому что он много знал о художествах Берии.

М: Почему вы думаете, что именно в Первом Главном Управлении могли быть люди, которые непосредственно могли знать о Валленберге?

К: Поскольку вопросом интересовалось наше министерство иностранных дел, то связь с органами была через Первое Главное Управление.

М: Хотя уже документально установлено, что Валленберг содержался как военнопленный в контрразведке СМЕРШ.

К: Тем не менее, поскольку потом дело приобрело международный резонанс, то, естественно, Первое Главное Управление должно было быть в курсе дела. А кто именно в Первом Главном Управлении?

Я, честно говоря, мало там работников знаю. Руководство знаю: Фитин, Судоплатов, другие.

РМ: Остается поблагодарить вас, извиниться за беспокойство.

К: Ничего, пожалуйста.

(2)

3/96

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Адамовым Николаем Федоровичем.
3 октября 1991 года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

А: В 1947 году, я помню, я еще в этом был... (не дог.) Или в следственной части по особо важным делам мы были. Наверное.

В: Но вам когда-нибудь во время вашей работы доводилось слышать о Валленберге, о шведе, который содержался...

А: Я не помню так его фамилии. Мы занимались военнопленными немцами, военнымипреступниками. Вот там, помню, Браун был - личный врач Гитлера, Шернер - фельдмаршал, сын К..., которым я занимался сам. И вот нас с этой группой передали в следствен ную часть по особо важным делам. Наверное, это было в 1947 го ду. А в 1949 году меня оттуда выгнали, потому что я не выполнял указаний начальника следственной части.

В: А почему не выполняли?

А: Было указание: вызывать на допрос, протоколов не писать, писать справки. Я ему сказал: "Как же так?! Я ваше указание к делу не пришью. А если потом меня за это дело?" Ведь по каждому допросу я был обязан оформлять протокол хоть на одну страницу.

И вот в то время, когда я подписывал протокол, зашел старший следователь. Взглянул и ушел. Потом вызвал меня: "В лагерь тебя я загоню! В тюрьму загоню!"

В: А чье это было указание - не писать протоколы?

А: Начальник следственной части дал. Кто его знает? Ссылается на Абакумова.

В: А кто был тогда начальником следственной части?

А: Леонов такой был. Генерал.

В: Расстреляли его потом.

А: Его расстреляли. Вместе с Абакумовым они по этому делу прошли Леонов, Лихачев, заместитель, Комаров, тоже заместитель начальника.

В: А это в каком году было?
Конфликт такой, когда дают указания, а вам не нравится оно.

А: Примерно в 1947 году. В 1949 году меня уже выгнали.

В: Тут написано, что вы с 1946 по 1950 были уполномоченным.
С мая 1946 года по август 1950. Нет?

А: Наверное.

ВІ: По бумагам.

А: Уполномоченный Главного управления контрразведки?

В: Да.

А: Вот там—Старший оперуполномоченный четвертого отдела.

В: После этого вы работали в Бутырской тюрьме.

А: Да.

В: В тот период тоже никаких сведений о судьбе Валленберга...?

А: (переб.) Нет, ничего не слышал.
У нас были какие-то осужденные, я помню. В Бутырке сидели. Фамилий я абсолютно не помню. Англичане или американцы, может быть, немцы. Нет, по-моему, не немцы. К ним еще допускали из посольства. Один и два человека сидели.
Кого я помню? Шапорин был такой у нас, сидел. Моряки. Алавердов, что ли. Еще на букву "С".какой-то был. Осужден по служебным делам. Лоцию что ли выдали. Я уже не помню. По пять лет дали. Я с ними мучился. Как раз в 1953 году что ли амнистия была. И вот эти люди попали под амнистию. Мы написали заключение. Начальник тюремного управления его подписал. И прокуратура СССР должна. Всем дают. А вот этим, трем или пятерым никак не дают. Нет и нет.
По-моему, Камочкин был по спецделам. Я – к нему: "Александр Федорович, почему же вы не даете? Передайте. Если они не подпадают под амнистию, то пишите так тогда. Они уже начинают роп-

тать. Как бы голодовку не объявили". Они страшно боялись этих голо довок. (Смеются) Потом Сафонов подписал.

В: Вы не возражаете, если я назову вам несколько фамилий? Это в основном немцы. Часть - итальянцы. Это те люди, иностранцы, которые находились и во внутренней тюрьме, и в Лефортово содержались. И там они пересекались с Валленбергом. Может быть, вам кто-то из этих людей знаком каким-то образом? Вдруг вспомните фамилии.

А: Может быть.

В: Я вам просто их буду зачитывать. А вы тогда говорите, знакомы или нет. Рихтер.

А: Нет.

В: Роде.

А: Тоже нет.

В: Рёдель.

А: Нет. Это все в Лефортово?

В: Они в разных местах сидели. И в Лефортово. И во внутренней. Пелконен.

А: Тоже нет.

В: Кичман.

А: Нет.

В: Адельман.

А: Нет.

В: Штагель.

А: Нет.

В: Войда.

А: Нет.

В: Гроссхайм, Томсон и он же Крысько.

А: Нет, не помню..

Вот, по-моему, у нас сидела итальянка с сыном. Она интернированная была. Потом занимались этим делом. У нее кольцо что-ли пропало. Кольцо было изъято. Еще что-то. Но там было сообщено, что уничтожено. (Смеется) "Как же так?! Можно бумагу уничтожить, а эти вещи не уничтожаются". Но фамилии не помню. Только знаю, что она в одной камере с сыном сидела.

B: Давайте попробуем еще все-таки фамилии. Может быть, кто-то вспомнится.

Харт.

A: Нет.

B: Бергеман.

A: Не помню.

B: Супреан.

A: Я говорю, нет, не помню.

B: Ну нет, так нет. Валенштайн.

A: Нет.

B: Хофштеттер.

A: Нет.

B: Шлихтер, он же Шоер.

A: Нет, не помню.

B: Хубер.

A: Тоже не помню.

B: Крафт.

A: Нет.

B: Деморс.

A: Нет.

B: Хинкельдай.

A: Нет.

B: Катона.

А: Нет.

В: Алиджани.

А: Тоже не помню.

В: Лангфельдер.

А: Тоже не помню.

В: А сколько лет было сыну? Они в одной камере сидели.

А: Сначала маленького его взяли. А уж потом ему чуть ли не 18 лет было. Они сидели в одной камере.

В: Значит, долго сидели?

А: Они долго сидели. Но я не помню, в Бутырке они сидели или во внутренней.

Там Колтунов был. Но он, говорят, умер.

В: Вы были зам. по операм?

А: Я был заместителем по оперативной части.

В: Тогда, наверное, вы знаете те вопросы, которые хотелось бы нам сейчас уточнить. Когда стали разыскивать Валленберга, тогда появился рапорт Смольцова. Нашли рапорт начальника медчасти Смольцова.

А: Начальника какой тюрьмы? Лефортово?

В: Внутренней тюрьмы. Он писал рапорт на имя Абакумова. Как вы считаете, мог ли начальник медчасти писать на имя министра? Или это вызывает у вас подозрения?

А: Нет, тогда это вполне могло быть. Начальник спецчасти или медчасти мог написать. Абакумов был министром или начальником главного управления контрразведки?

В: Тогда уже министром. Это был 1947 год.

А: Мог вполне. Тогда это было проще.

В: Понятно.

А: Я помню такой случай. Проверяли мою работу из тюремного от-

дела и написали целую телегу, а справку дали Абакумову. Помимо начальника отдела я написал объяснение и ему, и попросил создать более квалифицированную комиссию, чтобы проверит работу. Я считал, что основная цель этой оперативной части - работа не среди личного состава, а среди заключенных, а те настаивали, что среди личного состава. Я еще тогда говорил, что.... (перерыв в записи)

.... 246-43-9I. У него еще был один телефон, но это, по-моему, был служебный. 246-43-9I - это домашний.

В: А он еще и работает?

А: Нет, сейчас по-моему ушел на пенсию. Я точно не знаю. Я с ним не говорил. Он звонил мне...

Ж: (перев.) Он звонил, когда умер кто-то из их знакомых.

В: Как вы думаете, кто из ваших бывших сослуживцев мог бы иметь какое-нибудь отношение к Валленбергу?

А: В нашем отделе, по-моему, таких нет.В четвертом... Хотя нет, может быть, и в нашем отделе были. Но у меня нет никаких телефонов.

В: Может быть, вы вспомните какие-то фамилии, тогда мы найдем

А: Был в первом отделе, вернее в первом отделении... Сиоманчук. Говорят он сейчас генерал.

В: Мы к нему тоже собираемся. Сиоманчук Леонид Емельянович.

А: Он был старшим оперуполномоченным в то время. Еще был начальник отделения.

В: Сверчук?

А: Нет.Тот, который был после него.Кузьмишин.

В: Кузьмишин, к сожалению, умер.

А: Копелянский, переводчик. Соловов, переводчик. Шилова, переводчица. Потапова Мария, переводчица. Еще кто?

В: Кущ Лидия.

А: Да, Кущ Лидия, я помню.Мой младший сын с ее дочкой в детски сад ходил. Масленников умер.Это наше отделение.

В: Он у вас был начальником отделения?

А: Нет. Он был также, как я, старший оперуполномоченный. Потом он был начальником отделения в тюремном отделе.

В: Василий Егорович Масленников умер?

А: Да, год или два назад.

Ж: Года полтора назад.

А: Народ умирает.Это я задержался немного.

В: Мы переговорили со многими, Копелянский все еще очень бодры

ВI: Соловов тоже.

А: Да, был такой переводчик. Копелянский, Соловов, Потапова Маша, Шилова. Ее муж, по-моему,тоже работал в этом отделе. Они вместе были во Франции, репатриировали наших. В частности, брали одного человека, я забыл его фамилию, он оказал им сопротивление.Они взяли его каким-то образом в одной квартире.

В: Стеснова. Помните такую? Анна.

ВI: Анна Леонтьевна Стеснова.

А: Я не помню такую фамилию. Ее я не знаю. Начальником отдела у нас был Карташов Сергей Николаевич. Он тоже умер. У него был заместитель по фамилии Чеснейший.

В: Не помню, есть ли у нас эта фамилия.Я напишу ее.

ВI: Как звали этого человека?

А: Я не помню.

ВI: В какие годы он работал?

А: Это было до ликвидации нашего Управления контрразведки.

В: Он был заместителем Карташова?

А: Да. Заместитель начальника 4-ого отдела. Там был 4-ый отдел

В: А помните ли вы человека по фамилии Бурашников?

А: Да, помню, он был в 4-ом управлении.../не дог./ отделе Главного Управления контрразведки. Он, по-моему, занимался партизанами. Он был в Управлении. По-моему, он был полковником, да, он не был генералом.

В: Николай Федорович, хочу задать вам такой вопрос. Внутренн тюрьмы были в Бутырках, в Лефортово, в других местах.

Были ли в каждой тюрьме медчасти?

А: Да, в каждой тюрьме была своя медчасть. У нас была своя санчасть.

В: Как правильно называть - медчасть или санчасть?

А: Санчасть.

В: Понятно. Жизнь есть жизнь.Если кто-то из заключенных умирал в санчасти, вследствие, предположим, болезни, то как и где его хоронили?

А: Этого я не знаю.Может быть, их кремировали?
Без вскрытия, которое проводил судмедэксперт, нельзя было похоронить ни одного умершего заключенного. Обязательно надо было иметь заключение судмедэксперта.

В: А эксперты были при тюрьме?

А: Нет. Был такой главный медицинский судебный эксперт профессор Симановский. Он был старик, и едва ли сейчас он жив.

В: Это было какое-нибудь бюро экспертизы? Как оно называлось?

А: Я не знаю.Мы вызывали всегда Симановского, и он сам пешком приходил в Бутырки. Он никогда на машине не ездил.

В: А откуда он приходил?

А: Наверное, из дома, точно я не знаю. Был такой Васильев, начальник санчасти Бутырской тюрьмы. Он был моложе меня. Возможно,он еще жив. Васильев. Не помню его имя. У нас были врачи. Как же их имена? Был высокий такой старик, его уже нет, наверное, в живых. Была женщина. Маслова.

В: Маслова? Врач, в белом халате?

А: Да, врач в Бутырской бюрьме.

В: Как ее звали?

А: Не помню.

В: Скажите, Симановский приходил на вскрытие, а где жерн его проводил?

А: В санчасти.

В: Значит, он только приносил инструмент?

А: А, может быть, у них в санчасти был свой инструмент. Я не знаю.

В: И там же он писал заключение?

А: Да, на каждого умершего. Без вскрытия нельзя определить причину смерти. Один, например, хотел повеситься, а, когда вскрыли, оказалось, что он умер от инфаркта. Не успел повеситься. Был такой случай.

В: Почему вы Симановского профессором называли?

А: Так его называли.

В: Может быть он, действительно, ученое звание имел?

А: Может быть. Он интересный был.

В: Это известный...

А: Я знаю,что к нам в Бутырки приходил.

В: Такой народ мемуары пишет.

ВI: К делу это отношения не имеет.У нас нет документального подтверждения, что Валленберг побывал в "Бутырках". Врачи друг друга знают. Их не так много.

В: Николай Федорович, вы не помните никого из врачей, кроме Смольцова, кто работал в санчасти внутренней тюрьмы и в Лефортово?

А: Этого я не помню. Мне кажется, Маслова не туда ли в Лефортово была переведена. Ну, это уже ,по-моему, было в 50-ых годах.

(3) 3/26

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Кирилловой Анной Михайловной
II октября I99I года

Присутствовали: Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;
Люрваль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

К: Какой это год?

В: Анна Михайловна, здесь речь идет прежде всего о 1945 - 1947 годах. Может быть, и более позднем периоде, но нас прежде всего интересует период с начала 1945.

К: В Москве?

В: В Москве. Потому что из тех материалов, которые мы восстановили, следует, что Валленберг очутился в Москве в феврале 1945 года. Больше того, нам известно, что с ним работал Сергей Николаевич Карташов, ваш тогдашний начальник. Но, к сожалению, Сергея Николаевича мы не можем спросить.

К: Понятно, я знаю, что он умер. Я ничего не знаю о нем, хотя я и работала. Тогда готовился Нюрнбергский процесс. Я совершенно не в курсе дела.

В: Анна Михайловна, а вообще вам доводилось слышать какое-либо упоминание о шведе, который находился в ведении отдела?

К: Нет. Совершенно. Я вам откровенно говорю. Даю вам слово никаких мыслей и слухов у меня о нем не было.

В: А вот, скажем, в документах? Иногда ведь доводилось печатать как бы обезличенные документы, где не указывались имена, фамилии, страны. Но доводилось ли вам печатать или видеть документы вот с такими пропусками, но которые по обстоятельствам их содержания могли бы напоминать то дело, о котором мы говорим.

К: Нет. Если, например, я что-то записывала, то расшифровывала и все. Я имею в виду во время войны, по немцам. Единственное что, это я уезжала в Харьков, в Бабий Яр. Там вешали немцев. С температурой сорок приходилось писать, чтобы сразу расшифровывали и в печать. А об этом человеке я совершенно не знаю. А вы беседовали с другими нашими товарищами?

В: Мы с очень многими беседовали.

К: С Солововым, Смирнитским, Копелянским, Стесновой.

В: Беседовали и с Анной Леонтьевной.

К: Анна Леонтьевна сейчас звонила и просила, чтобы вы ей позвонили. У нее какие-то данные есть. Она с кем-то разговаривала.

В: Хорошо. А может быть, кроме тех сотрудников, о которых вы говорили, помните еще кого-то из коллег по работе, кто предположительно мог иметь отношение к этому делу?

К: Я не знаю. Вот Соловов, Копелянский, Стеснова. Еще Мария, я забыла ее отчество.

В: Мария Афанасьевна Потапова?

К: Потапова. Смирнитский умер. А Вотрин?

В: Мы беседовали с Сергеем Ивановичем.

К: Это те люди, которые тогда работали. Они выезжали со мной в командировку. Я была с Андроповым в Венгрии. И они тоже выезжали. И Вотрин.

В: А из работников тех лет, 1945 - 1947 года, из работников отдела Карташова вы не могли бы припомнить еще какие-то фамилии?

К: По-моему, Евсеев Федор был заместителем Карташова.

В: Может быть, Евсенин Федор Яковлевич?

К: Да, да. У меня полный провал памяти.

В: А работал такой Чеснейший?

К: Работал.

В: А вы не помните, как его звали?

К: Не помню.

В: Он был тогда начальником отделения?

К: Да.

В: Может быть, еще есть вопросы?

Л: Еще можно спросить о других отделениях.

В: Так вот мы как раз и обсуждали про других.

Л: Вы помните Валендорфа?

К: Нет, не знаю.

В: А Гришаев Павел Иванович у вас работал?

К: Не знаю.

В: А Ендовицкий Сергей Дмитриевич?

К: По-моему, работал, но сейчас я его уже не помню. У меня полный провал памяти, я все время делаю уколы синализина и таблетки пью. Я прихожу в поликлинику в Варсанофьевском, встречаются и генералы, и полковники, и другие наши офицеры: "Ой, Анна Михайловна, как ваши дела? Вас не узнать". Я рассказываю им, что только что похоронила мужа и поэтому, наверное, измени-

лась. Они ко мне обращаются, а я им говорю: "Вы извините, но я не помню вашего имени-отчества". Даже, по-моему, Копелянского я спрашивала. Помню, что зовут его Даня, а фамилию не помню. Он удивляется, что я не помню его фамилию, еще бы, ведь мы проработали с ним много лет - с сорок третьег по восьмидесятый год. Из них пять лет я была в Будапеште с Юрием Владимировичем. Карташов тоже был там, а потом после него было много людей - Григоренко, Иванов, по-моему, Евдокименко.

В: А кто был сразу после Карташова? У него принял дела Рублев?

К: Рублева я не помню. Были Иванов, Евдокименко и Григоренко. А Рублева, по-моему, не было, но, может быть, я не помню, не могу вам сказать точно.

В: Анна Михайловна, у нас здесь есть список военнопленных интернированных. В основном это немцы. Это люди, которых мы установили по документам. В разное время они находились в одн камере с Валленбергом. Может быть, какая-то из этих фамилий вам что-то скажет. Я их вам перечислю.

К: Пожалуйста.

В: Рихтер, Родде, Редель, Пелконен, Кичман, Адельман, Штагель, Лойда, Гросхайм - Томсон (он же Крысько), Хилле-Ханс Бергеман Супреан, Валленштайн, Хофштеттер, Шмитте (он же Фейер), Хубер, Крафт, Деморс, Хинкельдей, Катона, Алиджани, Лангфельдер.

К: Нет, эти фамилии мне ничего не говорят.

В: Скажите, Карташов сам вел дела?

К: По-моему, нет.

Л: А немецкий он знал?

К: Нет.

В: А допросы он лично проводил?
То есть, не вел дела, а вызывал кого-то на допрос?

К: Я никого не видела у него на допросах. Но мне не приходилось особенно с ним сталкиваться, ведь он начальник, только по работе - я была секретарем - машинисткой.

В: Допросы проводились непосредственно во внутренней тюрьме или работники вызывали допрашиваемых к себе в кабинеты?

К: Не помню, но, по-моему, нет. В нашем отделе я не видела никого из иностранцев, не видела, чтобы кого-нибудь допрашивали. Это могут сказать только переводчики, которые с ними работали. Я этого не знаю. Я сидела в совершенно другом помещении. Дело не в том, что я не хочу вам сказать, просто мне нечего сказать.
Даже фамилии немцев, которые были в Харькове, я, естественно, не знаю.

В: Конечно, ведь столько лет прошло.

К: Я с удовольствием вам помогла бы, да нечем.

В: Спасибо.

(4) 3/96

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с Вотриным Сергеем Ивановичем
9 октября 1991 года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрвалль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР

В начале беседы Вотрин С.И. рассказал, что впервые узнал о деле Валленберга из публикаций в венгерской печати, когда приступил к работе в качестве переводчика в аппарате советника МГБ СССР в Венгрии в 1950 году. В 1953 году, после смерти И.В.Сталина, он разговаривал о Рауле Валленберге с одним из своих старших товарищей по работе, который сообщил, что Валленберга якобы никогда не вывозили в Советский Союз.

Отвечая на уточняющие вопросы присутствовавших Вотрин С.И. объяснил, что в период своей работы в ГУКР "Смерш" (отдел Карташова) в 1945 году он не знал о существовании Рауля Валленберга и Вильмоша Лангфельдера. Хотя в указанное время он был единственным в отделе переводчиком венгерского языка, к участию в допросах Лангфельдера его не привлекали.

При перечислении бывших работников органов государственной безопасности СССР, которые могли бы располагать какими-либо сведениями в отношении Рауля Валленберга, помимо лиц, ранее уже известных рабочей группе, Вотрин С.И. назвал Доперчука Ивана Филипповича, который в 1945 году занимал должность заместителя начальника отделения в отделе Карташова. Кроме того он высказал предположение, что для рабочей группы мог бы представить интерес генерал Белкин, бывший первым представителем МГБ в Венгрии.

Звукозапись данной беседы не проводилась в соответствии с пожеланием Вотрина С.И.

Арханников Зиборов Люрвалль

(5)

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с Потаповой Марией Афанасьевной
10 октября 1991 года

Присутствовали: Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;
Люрваль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР

В ходе беседы Потапова М.А. заявила, что о деле Рауля Валленберга ей известно только из сообщений средств массовой информации. За время службы в органах государственной безопасности СССР ей ни в процессе личной практики, ни при ознакомлении с документами, ни в беседах с сослуживцами не встречались упоминания об указанном деле.

Отвечая на уточняющие вопросы присутствовавших Потапова М.А. перечислила ряд бывших сотрудников органов госбезопасности Советского Союза, ранее уже известных рабочей группе. При этом представляет интерес ее замечание о том, что в качестве переводчика Карташова при работе по наиболее важным делам скорее всего мог привлекаться Копелянский Д.Г.

При ознакомлении со списком лиц, находившихся в заключении с Р.Валленбергом, Потапова М.А. вспомнила, что ей довелось участвовать в допросах Рихтера, который, по ее мнению, был интернирован в Болгарии, где являлся сотрудником германского посольства. Что-либо о дальнейшей судьбе Рихтера ей неизвестно.

Потапова М.А. также высказала предположение, что упоминания о Рауле Валленберге могли сохраниться в протоколах допросов содержавшихся вместе с ним военнопленных.

Звукозапись данной беседы не проводилась в соответствии с пожеланием Потаповой М.А.

Люрваль Зиборов

3/96

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Алифановой (Куц) Лидией Максимовной
15 октября 1991 года

Присутствовали: Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;
Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

3/76

В: В связи с тем, о чем мы говорили, нас интересовали бы любые разговоры в отношении какого-нибудь шведа, даже если не упоминалась фамилия Валленберга. Расскажите, если вам доводилось слышать о каком-нибудь шведе в 1945-47 годах. Может быть, потом доводилось слышать что-то о его судьбе, вообще о нем? Было что-нибудь такое?

А: Я в то время не работала у Карташова. Сначала я работала

у Утехина. Я приехала с фронта, и меня вызвал генерал Утехин. Это был другой отдел.

В: Понятно.

А: А потом уже, когда стали работать на... (не дог.)

В: Как раз этот период и интересует, 1945-47 годы.

А: В 1946-ом я уже уехала в Германию. Так что, к сожалению, помочь вам я не могу.

В: Значит, как я понимаю, ни в разговорах, ни по документам сталкиваться с Валленбергом вам не приходилось?

А: Нет, нет.

В: А такая фамилия, как Лангфельдер вам знакома?

А: Тоже не помню.

В: Фамилия хотя и немецкая, но он - венгр.

А: Нет, не знаю. Немцев, которые там были, например Шернер, другие, я помню. Там был переводчик венгр.

В: Вопин Сергей Иванович?

А: Да.

В: Побеседовать с ним, увы, тоже нельзя.

А: Он сейчас в Москве?

В: Да.

А: Я давно никого из них не видела. Со Стесновой разговаривали?

В: Да, поговорили.

А: С Надеждой Афанасьевной Потаповой говорили?

В: Тоже поговорили.

А: Вы со всеми говорили.

В: И с Борисом Алексеевичем Солововым тоже поговорили.

А: Вы это все пишете?

В: Конечно.

А: Я думала, что это Соловов позвонил мне и сказал.

В: Нет.

А: Так что я, к сожалению, помочь вам в этом деле не могу. У нас ведь немцы были, немецкий отдел.

В: Дело в том, что если Валленберга допрашивали, то его допрашивали на немецком языке, скорее всего.

А: Я его никогда не допрашивала. А если у вас есть протоколы... (не дог.)

В: В том-то и дело, что нет. Мы знаем, что с ним работал Сергей Николаевич Карташов, вызывал его на допросы. Это мы знаем.

А: Карташов по -немецки не говорил.

В: Вот в том-то и дело. Поэтому мы с переводчиками и беседуем.

А: Он же умер, Карташов.

В: К сожалению.

А: С Копелянским говорили?

В: Да, говорили.

А: Больше ничем не могу помочь.

В: А Смирнитский?

А: Он умер.

ВI: А он хорошо говорил по-немецки?

А: Да, конечно. Он окончил военный институт. Он сам допрашивал Шернера, без переводчика.

В: Он сам тогда работал?

А: Да, он был следователем, работал без переводчика.

В: Один работал.

А: Да. С Шернером я тоже сталкивалась. Меня приглашали несколько раз на его допросы. А шведов у нас, по-моему, никаких не было.

ВI: А вы помните Копелянского, он был майором?

А: Он был майор.

В: А Соловов?

А: Соловов уезжал в Германию.

В: А Бурашников Николай Иванович кем тогда был? Полковником?

А: Бурашников?

В: Это заместитель Сергея Николаевича Карташова.

А: Я его чина не знаю. Я тогда не была там. Он, наверное, раньше был. Как выглядит Бурашников?

В: Это сложно сказать. Просто другие вспоминают его, говорят, что он был добрый человек.

А: Я же с фронта позже приехала. Там были Кузьмишин и Вайндорф.

Л: Они тоже были майоры?

А: Я не знаю. Вы возьмите их дела в картотеке. Они там есть, наверное.

Л: Да, конечно.

А: Я сейчас уже могу перепутать.

В: А Вайндорф знал немецкий язык?

А: Вайндорф? Он же еврей. Понимал более-менее. Он всегда делал замечание, если употребляли не то слово, какое он знает. А ведь в языке можно разные слова выбрать.

В: Придирчивый был?

А: Он понимал.

В: А Кузьмишин?

А: Кузьмишин не говорил по-немецки.

В: Если он допрашивал, то с переводчиком?

А: Я ни одного раза с Кузьмишиным не работала. А он жив? Он умер, говорят.

В: Он умер.

А: Все умерли. Валя Шилова была переводчицей, тоже умерла. А сам Шилов умер?

В: Этого я не знаю.

А: Павел Алексеевич.

В: Не знаю.

А: Наверное, умер.

В: Да, по-моему, она и нам это говорила.

А: Масленников, следователь, тоже умер.

В: А с кем-нибудь из следственной части по особо важным делам вам в то время приходилось работать в качестве переводчика?

А: Нас же всех вместе потом передали туда.

В: В следчасть?

А: Да.

В: До того или уже после?

А: Нет, потом я уехала. Когда Рюмин был?

В: Видимо, да, в тот период.

А: Ведь мы параллельно работали. Они со всякими русскими, а мы со своими немцами. У нас было свое отделение.

В: Просто нам известно, что тем же самым делом Валленберга занимались и работники следчасти по особо важным делам.

А: Из следчасти разговаривал Гришаев.

В: Павел Иванович?

А: Да. Вы с ним говорили?

В: Пока еще нет, но мы собираемся поговорить. Он просто приболел немножко.

А: Но он ведь еще молодой.

В: А Кулешова Николая Арсентьевича вы не помните?

А: Помню. Он умер. Но он немецкий язык совсем не знал. Я с ним была в Саратове во время эвакуации. Я его оттуда знаю.

В: А Соколов Константин Анатольевич?

А: Он выступал на партсобрании.

В: А работать с ним не приходилось?

А: Нет. Они же там все полковники были. А парторганизация у нас была общая. У нас там Сеня (?) Путинцев был секретарем комсомольской организации. А что касается работы, зачем мы

ними будем работать?

В: Ну, мало ли, вдруг кто-то из них как раз подключался к работе с иностранцами в силу каких-то соображений, скажем, по указаниям министра или еще как-то. А когда им нужны были переводчики...

А: (перев.) С Абакумовым работал Копелянский. Стеснова иногда ездила, с ним работала. Больше, по-моему, никто. Я не знаю, Соловов работал или нет. Копелянский там фильмы переводил. А я там ни разу не была. Я даже в кабинете у Абакумова никогда не была.

В: А, по разговорам, сам Абакумов допрашивал?

А: Я не знаю. По-моему, Абакумов не допрашивал. У него было много других дел. Он ведь и русскими ведал.

В: Это понятно: министр есть министр.

А: Рюмин его "подсиживал".

В: И "подсидел" в конце концов.

А: А Рюмин сам недалекий мужик был. Когда на собрании выступал - так...(не дог.)

В: Лидия Максимовна, у нас тут есть список. В основном, это не цы. Как нам удалось установить, это лица, которые так или иначе находились совместно с Валленбергом в Лефортово или во внутренней тюрьме...

А: (перев.) А что, Швеция что-нибудь возбуждает насчет Валленберга?

В: Нет. Мы хотим установить судьбу человека.

А: Он что, погиб?

В: Если бы мы могли точно утверждать, что он погиб, и твердо это констатировать, то мы бы вас и не тревожили. Поэтому, если какая-то фамилия вам знакома и вы что-то можете сказат

то скажите. Я просто перечислю.

А: Да. Вот эти все погибли?

В: Нет, кое-кто из них жив. Это интернированные военнопленные.

А: Я работала с такими стариками, они, наверное, все умерли. Шорнер, наверное, умер.

В: Шорнер давно умер.

А: Курнатовский тоже давно умер. Он старый был.

В: Понятно, это же был командный состав. Давайте пройдемся по ним.

(Читает)

Рихтер.

А: Фамилию я помню. Только, по-моему, он по-русски говорил. Я с ним никогда не разговаривала.

В: Родде, Редель.

А: Я с ним лично - нет, а фамилия Редель - немецкая.

В: То есть никаких конкретных ассоциаций нет?

А: Нет. Я же после этого в Германии была. Вот вы мне назвали эту фамилию, а я стала думать, где я...(не дог.) Может быть, в Германии, потому что я там в оперативном отделе была.

В: Нет, здесь речь идет конкретно о наших делах.

(Продолжает читать.)

Пелконен, Кичман, Адельман.

А: Тоже нет, хотя все фамилии немецкие.

В: Штагер.

А: Нет, не знаю.

В: Гроссхайм, Томпсон, он же Крысько. Этого бы вы наверное, запомнили.

А: Нет, с этим я не работала.

B: Хилле, Харт, Бериман, Суприан.

A: Нет.

B: Валленштайн.

A: Нет.

B: Хофштеттер, Шлифтен, он же Шоер, Хубер.

A: Не знаю.

B: Крафт, Деморс.

A: Нет.

B: Хинкельдай, Катона.

A: Я никого из этих не знаю. Вы понимаете, у меня много фамилий немцев с войны. Я же была переводчицей на войне. И там все эти фамилии: Редель...(не дог.)

B: Ну конечно, столько лет прошло.

A Вы очень поздно взялись за это дело.

(7)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы со Стесновой Анной Леонтьевной
2 октября 1991 года

Присутствовали: Арканников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Люрваль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

3/96

В: Мы уже побывали у кого-то из ваших старых товарищей.

С: Которые работали в нашем отделении, да?

В: Да.

С: Сергей Николаевич, так, кажется, звали нашего начальника, он недавно умер.

В: Мы были у Бориса Алексеевича Соловова.

С: Соловов работал в нашем, Копелянский работал.

В: Побеседовали с ним, побеседовали с Бубновым Олегом Сергеевичем.

С: Бубнов Олег Сергеевич, затем, секретарь Назарова, она умерла уже. У нас еще стенографистка была, Анна Михайловна Кириллова. Она была стенографисткой-машинисткой в нашем отделений. Вот и все, кого я знаю из этого отделения.

В: А что вам вообще доводилось слышать по поводу Рауля Валленберга?

С: Мне просто фамилия эта знакома, а непосредственно о нем я ничего не знаю. А фамилия мне эта знакома, потому что упоминалась там у нас среди сотрудников нашего отделения. И когда я слышала уже по телевидению, по радио, то, вроде, эта фамилия мне знакома. Вот и все, что я знаю.

В: Может быть, она упоминалась, или.../не дог./

С: Нет, этого я ничего не знаю, потому что я, в основном, имела дело по немецкой линии, поскольку я знала немецкий язык.

В: Понятно, но дело в том, что ведь Валленберг тоже владел немецким языком.

С: Но я его и не видела, и не знаю ничего об этом, совершенно не знаю. Потому что у меня другая линия была, это интернированные немцы. В основном, я занималась переводами их показаний и больше ничего. Шелленберг, Пиккенброк, вот

эти немцы из Абвера. Ну, и еще мелкие сошки заезженные, которые были интернированы.

В: А вы не могли бы попытаться вспомнить о том, кто конкретно из работников отдела мог иметь отношение к Валленбергу?

С: Кто имел?

В: Ну, по тем разговорам, кто имел какое-то непосредственное касательство к этому делу?

С: Наверное, кто знал язык из наших, а из наших знали язык Соловов, Бубнов и Копелянский. Потому что они могли или допрашивать как оперативные работники, я-то лично не допрашивала, я только с оперативными работниками, но не с ними, а с другими имела дело, они меня привлекали как переводчика.

В: Это понятно, потому что тем, кто знали язык, им переводчики не нужны.

С: А непосредственно из этих могли трое только иметь, они трое знают язык, это Соловов, Бубнов и Копелянский. Кто-то из них, возможно, с ним имел контакт.

В: А Вайндорф, сотрудник, вам известен?

С: Вайндорф был начальником отделения, но он языка не знал. Он был или зам.начальника отделения, одним словом, он у нас был в отделении, Вайндорф.

В: О нем что-нибудь известно, о его дальнейшей судьбе?

С: Нет, я знаю, что его уволили, видимо, в 1953 году, он еврей, тогда их увольняли. Копелянский тогда ушел тоже, потом Сверчук у нас был. Может быть, он что-то знает.

В: А как его имя-отчество?

С: Его звали Яков. Отчества сейчас не помню.

В: Он был начальником отделения, да?

С: Да.

В: Он тоже еврей?

С: Да.

В: То есть он мог попасть в ту волну увольнений, которая была в 50-е годы, да?

С: Да, насколько я помню, он был уволен.

В: Им это как-то объяснялось? Или об этом вслух не говорилось

С: Нет, с кадровиками бесед не было. Видимо, было дано указание насчет увольнения евреев. По-моему, это было после смерти Сталина. Так, кто там еще был?... /не дог./ Бурашников такой был.

В: А что вы можете сказать насчет "персоны, к которой было особое отношение"? Ведь даже в прессе и в каких-то документах проходит формулировка как "особо важный заключенный". Что это такое?

С: На этот вопрос я не могу ответить. Я ведь была рядовым сотрудником, и по роду своей работы таких деталей не касалась. Возможно, это было связано с нашей дипломатией.

В: Хорошо, а вот скажите, вы ведь были, вероятно, знакомы со многими женщинами. Женщины чаще общаются друг с другом. Помните ли вы такие фамилии, как Лидия Кущ...

С: (переб.) Конечно, я даже сейчас с ней перезваниваюсь. Она сейчас на пенсии. Кущ была в нашем отделении.

В: В качестве кого она тогда работала?

С: Она тоже знала язык.

В: То есть, как переводчик?

С: Да, но ее меньше привлекали к интервьюированию, чем меня.

Она больше занималась письменным переводом. Я не хочу хвастаться, но язык я знала лучше других, т.к. до войны работала в "Интуристе". Поэтому для более сложной работы привлекали меня.

В: А кто-то мог общаться со шведами? Таких специалистов не было?

С: Нет. У нас чисто немецкое направление.

В: А английский язык?

С: Английский я знала, но работала с ним только по указанию кадровиков. Я знала польский, чешский, но работала с ними редко, если только письмо какое-нибудь перевести.

В: А Потапова?

С: Марья Афанасьевна была переводчиком в нашем отделении. Валентина Шилова умерла. Она тоже была у нас переводчиком.

В: А вы знаете номер телефона Кущ?

С: Да, если надо, то я могу его вам дать.

В: А Марьи Афанасьевны?

С: Тоже. Я с ними поддерживаю связь. Правда, мы общаемся только по телефону. Мне уже 77 лет, и я никуда уже не езжу

В: Да и Москва- большой город.

С: И не только в этом дело. Я страдаю аритмией, недомоганием.

/С. ищет номера телефонов./

С: Нет, Кириллова маленького роста. Кириллова ее знает. Она с ней контактирует. Ее звали Женя. Она у нас была тоже стенографисткой. Машинистка-стенографистка.

В: Кириллова Анна Михайловна?

С: Анна Михайловна. Она ее знает. А я забыла, как ее фамилия.

В: Ее фамилия не Ольшанская?

С: Нет, не Ольшанская. Я не помню, я с ней не общаюсь. А она случайно мне сказала, что ей звонила Женя. Я помню, что она у нас работала, они печатали.

В: Когда мы разговаривали с Копелянским, он нам посоветовал побеседовать, в том числе, возможно, и с машинистками, которые работали в то время.

С: Ну, вот. Женя и Анна Михайловна и есть машинистки.

В: Он называл еще фамилию Ольшанская.

С: что-то знакомое, но не близко.

В: У вас есть координаты Кирилловой?

С: Да. Сейчас надо опять посмотреть.

В: А может быть вы сразу возьмете свой справочник?

С: Нет.

/Вышла, вскоре вернулась./

Вот, вспомнила - Женя Алексеевна, а отчества не знаю. Назарова была у нас секретарем. Она умерла, Валентина Шилова была переводчиком, она умерла.

В: Секретарем кого?

С: Отделения.

В: Секретарем отделения? Это было бы, конечно, очень интересно

С: И муж у нее умер. Больше, я кажется, никого не знаю.

В: А водитель у начальника был?

С: Ой, не знаю. Я к этому никакого отношения не имела.

В: Если есть начальник, то есть машина, а если есть машина, то есть водитель.

С: Это естественно.

В: Обычно водитель - веселый парень.

С: Я сама никогда не ездила, не пользовалась ни машинами,

ничем. Даже не знаю.

В: Анна Леонтьевна, у нас есть список лиц, которые в той или иной степени пересекались с Валленбергом, когда он находился в Лефортово и во внутренней тюрьме. Не могли бы вы нам чем-нибудь помочь в этом плане? Может быть Вам что-то известно об этих лицах? У нас есть список фамилий, давайте пройдемся по нему.

С: Пожалуйста.

В: Рихтер.

С: Не знаю.

В: Родде.

С: Не знаю.

В: Редель, Пелконен.

С: Нет.

В: Кичман.

С: Нет.

В: Адельман?

С: Нет.

В: Штрайк, Штагель.

С: Штагель- что-то знакомая фамилия. Но я лично с ним не знакома.

В: Лойде.

С: Нет.

В: Гроссхайм. Он же Крысько, он же Томсен.

С: Нет.

В: Хилле.

С: Нет.

В: Харт.

С: Харт? Знакомая фамилия, но просто по звучанию.

B: Бергеман.

C: Нет.

B: Супреан.

C: Нет.

B: Валенштеин.

C: Нте.

B: Хофштельд. Шлитте, он же Шоят.

C: Нет.

B: Хубер.

C: Нет.

B: Крафт.

C: Нет.

B: Деморс.

C: Нет.

B: Хофштеттер.

C: Нет.

B: Эти лица Вам ни о чем не говорят?

MI: Есть одна фамилия, которая, возможно, Вам знакома: это Лангфельдер. Не приходилось слышать?

C: Нет.

В: А кого вы можете вспомнить из тех, с кем приходилось работать

С: Я помню Пикенброка и Шеленберга. А остальных не могу припомнить. Я вспоминаю одну итальянку. Очень красивая женщина была Она сидела в Лефортовской тюрьме вместе с мужем.

Л: Может быть, Аледжани?

С: Нет.

В: А фамилия Катона не попадалась?

С: Нет.

Л: Шанце?

С: Нет, нет. Сейчас я вспомню. Эта итальянка объявила тогда голодовку. И мне поручили с ней побеседовать. Она ко мне хорошо относилась, и я могла повлиять на нее, чтобы она вела себя как полагается. Нет, не могу вспомнить ее фамилию. Я помню, что ее потом выпустили и она уехала в Италию. Вылетело из головы.

В: Ну ничего. Итальянцы в данном случае нас не интересуют. А почему же вам все-таки запомнилась фамилия Валленберг? Ведь столько лет уже прошло. В связи с чем упоминалась эта фамилия там, где вы работали?

С: Видимо, его как-то упоминали среди этих сотрудников. Разговоры какие-то, наверное, были. И когда этот вопрос стал обсуждаться по радио, я подумала, что Соловов, в частности, имел, наверное к этому отношение. Потом был еще следователь из следственного отдела.

В: Кулешов?

С: Да. Мне говорил Копелянский, кажется, что Соловова по этому вопросу будто бы вызывали к Кулешову.

В: Вызывали когда?

С: Давно это было. Когда я еще работала. А, может быть, я где-то читала, что Соловов имеет к этому какое-то отношение.

В: А Рублева Ивана Федоровича помните?

С: Рублев Иван Федорович был начальником отдела. Я у него работал Это было в тот период, когда пересматривались дела русских.

В: То есть, это где-то 50-ые годы.

С: Да.

В: А Бакланов Владимир Александрович?

С: Я помню эту фамилию. Но я его знала только как начальника. А Рублева я хорошо помню, я у него работала переводчицей. Стенографисткой-машинисткой была у него Милованова. Не помню, как ее звали. НО она теперь уже, наверное, умерла. Это была пожилая женщина.

В: А Иван Федорович где потом работал?

С: По-моему, его перевели потом куда-то на Урал. Это был следственный отдел. Это был 1955 год, насколько я помню, потому что от него я перешла в немецкий отдел, во Второе главное управление. Меня туда взяли, поскольку начальник отделения меня знал. Это был Володя Клинкин, он знал меня по 1941 году, когда я работала с Барышниковым.

В: Да, это совсем другое отделение.

С: У меня еще все-таки есть какая-то память. Натренированная память, ведь я работала переводчицей. И даже занималась синхронным переводом.

В: А вы читали публикации по Валленбергу, их было много?

С: Нет, абсолютно ничего не читала. Я слышала только то, что передавали по радио и по телевидению. Я слышала выступление сестры.

В: То, что связано с рапортом начальника медчасти по поводу смерти, вы не знаете эту историю?

С: Абсолютно нет.

В: Как это делалось? Каково было тюремное содержание?

С: Тюремное содержание я примерно знаю, потому что я все-таки была на этом этаже. Наши окна выходили во внутреннюю тюрьму.

В: Окна вашего рабочего кабинета?

С: Туда, где допрашивали.

Содержание было совершенно нормальное. Кормили. А били ли - этого я не знаю.

В: Здесь вопрос в другом. Вот вы говорите, что была итальянка, которая объявила голодовку.

С: Она объявила голодовку, потому что они хотели, чтобы их вернули в Италию.

В: Понятно. Но когда объявляют голодовку, то приходит врач. Вы же контактировали с врачами?

С: Это было без меня.

В: То есть с врачами не было никаких контактов?

С: Нет. Следователь вызывал ее и говорил мне: "Анна Леонтьевна! Поговорите с ней." Она знала немецкий язык. Я говорила с ней просто по-человечески. Я даже помню, что у меня были духи и я ей немного дала. Она очень обрадовалась.

Меня привлекали для того, чтобы разрядить обстановку.

В: Значит, с врачами никаких контактов не было, и людей в белых халатах вы там не видели?

С: Нет. Этого не было. Она мне только пожаловалась, что ей вливали пищу в рот.

В: Было принудительное кормление.

С: Это она мне говорила. Как же ее звали? Грация Беатриче. Вспомнила.

В: А вы еще жалуетесь на свою память.

С: Ну что вы! В 77 лет у меня пока еще нет маразма.
А после того, как я пошла на пенсию, я преподавала в школе.

В: Она была молодая? Грация?

С: Да, молодая и очень красивая.

В: Не помните, чем закончилось дело этой молодой и красивой? Ее освободили?

С: Освободили и отправили с мужем обратно в Италию.

В: То есть вполне возможно, что она жива, здорова и загорает где-нибудь там на солнышке.

С: Сколько же ей тогда было?

x x x

(8)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ДОПЕРЧУКОМ ИВАНОМ ФИЛИППОВИЧЕМ 25 мая 1992 года

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич
ЗИБОРОВ Андрей Евгеньевич (представители Министерства безопасности Российской Федерации

3/14

20

Беседа с Доперчуком
Иваном Филипповичем
25 мая 1992 года

И.Ф. Я по роду своей работы не занимался вопросами, связанными с какими-то интернированными, военнопленными и т.д., поэтому данными я узнал только из прессы, что что-то такое в Союзе было. Что творилось? Позвонил мне бывший сотрудник этого отдела (старший в то время), не знаю ли я чего-нибудь, не слышал ли? Я ему ответил, что абсолютно ничего не знаю, не встречался и не могу сказать. Он меня спросил: "А кто мог знать, по-твоему, если этот человек проходил через наш отдел? Я сказал, что, по-моему, это были два начальника: начальник и его заместитель. Сверчук и Кузьмишин. Их в живых нет, насколько мне известно. Кто еще - не знаю. Думаю, что если это иностранец, значит, привлекали для работы переводчиков. Фамилии переводчиков я не знаю, т.е. не помню, короче говоря. Вот все, что я сказал. Почему моя фамилия всплыла здесь, понятия не имею. Вот все, что я могу сказать по этому делу.

М. Иван Филиппович, по роду своей тогдашней деятельности вы не сталкивались с иностранцами?

И.Ф. Нет, я сталкивался с иностранцами-преступниками только по Освенциму.

М. У вас был узкий участок?

И.Ф. Да, совершенно точно. Мы работали, помогали государственной комиссии по сбору материалов о преступной деятельности фашистской империи, оккупации.

М. А немецким языком вы владеете?

И.Ф. Нет.

содержании в тюрьме и т.д.?

И.Ф. Вообще жизнь есть жизнь. Думаю, что это возможно. Но я конкре ных фактов не знаю.

М. Речь идет о следующем. Вы как оперативный работник могли бы засвидетельствовать на практике, как фактически фиксировалась смерть вот таких подследственных?

И.Ф. Вот это я не знаю. Вы знаете наверняка, что, наверное, была такая служба, где все это должно было отражаться.

М. То есть, этого вы не знаете.

И.Ф. Я мог бы знать, если бы это касалось лица, с которым я был связан по работе. То, что это было с кем-то другим...(не дог. Тем более, я же говорю, такую фамилию я впервые узнал только из газет. И то, что на меня вышли, я считаю, это простая случайность, и я ничего вам конкретного пояснить и рассказать не могу.

М. Здесь просто речь идет о том, что мы стараемся разыскать всех работников отдела Карташова, я его так условно называю, поскольку он менял название в разное время.

И.Ф. Он так и шел: отдел Карташова.

М. Вот мы стараемся всех разыскать, поскольку, как нам удалось достоверно и документально установить, делом Валленберга занимался исключительно этот отдел. Поэтому мало ли, кто-то что-то слышал, кто-то что-то может рассказать о людях, кто мог бы знать.

И.Ф. Я назвал тех, если это было, кто мог соприкасаться с этим делом.

М. А сам Карташов вел дела лично? Не как начальник отдела, а именно как оперативный работник?

И.Ф. Может быть, по поручению руководства что-то и вел. Я думаю,

наверняка что-то могло быть. Но какого-либо конкретного факта я не знаю. И то Карташов сам без оперативного работника, я так допускаю, вряд ли мог, обязательно кто-то ему помогал хотя бы в черновой работе.

М. Понятно, то есть, оформление материала, перевод и прочее. Иван Филиппович, а вам довелось где в основном работать: во внутренней тюрьме, в Лефортово?

И.Ф. Во внутренней тюрьме я ни разу не был. Было, что просто в каби нет приводили. Даешь заявку. Откуда привозили? Я сталкивался - привозили и из внутренней тюрьмы и, по-моему, даже могли и из Лефортово привозить.

М. А непосредственно на место вы не выезжали? Скажем, в Лефортово

И.Ф. Нет. Нет, в Лефортово по делу, которое я, скажем, вел...

М. (переб.) Естественно, дела которые вы вели.

И.Ф. Я выезжал и в Лефортово. А во внутренней не был ни разу, не знаю.

М. А во внутренней тюрьме какой был порядок, как правило? Доставляли арестованных или интернированных в кабинет оператив ного работника, или оперативные работники работали в специальн отведенных местах?

И.Ф. То, что касается меня, доставляли в кабинет, где я работал. Как других - не знаю.

М. Понятно. А вам довелось слышать о таком деле ... ?

И.Ф. Слышали, потому что когда-то это было связано с помощью какой-то помощью, оказание помощи через ДЖОИНТ. И всё.

М. Не помните, в какие годы?

И.Ф. Может быть, это был период войны, наверное?

М. А вы помните помощь кого кому?

И.Г. Не знаю. Знаю, что что-то было, поэтому гадать...(не дог.)

М. Ну, конечно, зачем?

/Пауза./

Ну что же, если вопросов нет, нам остается только поблагодарит Ивана Филипповича и извиниться, что его потревожили.

(9)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ СО СТАРИНЧИКОВЫМ АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ 5 июня 1992 г

Участвовали:

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич – представитель Министерства безопасности Российской Федерации

Беседа со Старинчиковым
Алексеем Ивановичем
5 июня 1992 года

М. Сейчас мы зададим Алексею Ивановичу несколько вопросов, и он попытается на них ответить. Алексей Иванович, мы просим вас вспомнить все, что возможно, все, что сохранилось в вашей памяти, имеющее отношение к Раулю Валленбергу. Постарайтесь, пожалуйста, подробнее. В том числе и когда вы пришли работать, как его первый раз увидели и услышали о нем что-то. Вот именно в тот период вашей работы.

А.И. Во-первых, он где-то сидел в 116-ой, 117-ой ...
Это примерно был 46-ой или 47-ой год, точнее 47-ой. Сидели вдвоем, а вот с кем - сейчас я не помню. Я был старшим по корпусу. Но я считал его не шведом, а немцем. Потому что у нас же дел с ним было. Валленберг - вроде немецкая фамилия. Шапочка у него такая была, знаете, он, по-моему, даже сфотографирован в этой шапочке. Он ... болел ... и всегда ... вели разговоры вместе с напарником ...

М. Вы можете его описать? Рост ...

А.И. /Переб./ Он, наверное, выше меня.

М. Это примерно .../не дог./. У вас сколько?

А.И. У меня 172, у него где-то 176-178. Худощавое такое лицо. Черный. На шведа-то особенно не похож. А куда он делся .../не дог./. Если бы я знал, что такое ...

М. /Пер./ Сколько примерно он в 5-ом корпусе и какие камеры?

А.И. Я его всегда вспоминаю где-то в конце: или 116 или 117 камера. Там они сидели вдвоем. Там камеры маленькие.

М. А это напарники?

М. Рядом.

М. Его напарники менялись? В течение какого примерно времени он там находился?

А.И. Я сейчас уже затрудняюсь. Когда началась эта шумиха насчет Валленберга, я вспомнил: да, Валленберг у нас сидел. А сколько ... /не дог./.

М. Ясно. Алексей Иванович, скажите, пожалуйста, вам приходилось выписывать разрешение на выдачу его на допросы, как часто вы его ... /не дог./.

А.И. Редко его вызывали. И он никуда .../не дог./. Старший по корпусу идет .../не дог./. Утром принял, и идем со списком кому что нужно: врач, к начальнику тюрьмы, на допрос. Он очень редко обращался.

М. К врачам он обращался?

А.И. Вот это я не помню.

М. Не помните. А кого-нибудь из следователей, кто с ним работал, вы не помните? Фамилия Копелянский вам что-нибудь говорит?

А.И. Да помню я Копелянского, а вот он ли работал.

М. Соловов?

А.И. Не помню.

М. Не помните. Вайндорф? А Копелянского вы помните, да?

А.И. Да, Копелянского помню, что был такой, а работал ли он с ним, я не знаю. Насчет версии этой.

М. Да, по Смальцову вы что-то хотели.

А.И. Я считаю, что это неправильно.

М. Почему?

А.И. Это значит, что я должен был бы обратиться в случае смерти через голову начальника тюрьмы к министру Абакумову за разрешением. ... какая разница? Ну, кто такой Смальцов? Начальник санитарно

части.

М. То есть, когда человек умер в условиях режимного корпуса, его смерть таким образом не могла регистрироваться. Правильно? То есть рапортом. Или как?

А.И. Нет. Смальцов должен составить акт о смерти. А начальник Мирон приколоть этот акт с просьбой: такой-то акт подписал Смальцов и направить его уже ...

М. /Пер./ По команде.

А.И. Да и не Абакумову, наверное, а за кем он числится. Абакумов-то высокий человек. Зачем ему? А потом у них телефона нет, шифра нет. Пока это туда пойдет .../не дог./. Я считаю, что это туфта. Я сразу понял, что это туфта.

М. Это не вписывается ни в какие рамки.

А.И. Нет. Но вы понимаете, как он может обратиться? Начальник медсанчасти (пусть он полковник), но к министру за разрешением, когда есть следственный орган, за которым он числится, который за него отвечает. Он должен составить акт о смерти, указать причину смерти. Всё. И передать начальнику. А начальник уже по команде должен написать.

М. А не допускаете ли вы, Алексей Иванович, что тем самым рапортом Смальцова было прикрыто какое-либо другое действие?

А.И. Я допускаю.

М. В том числе и насильственное в отношении Валленберга?

А.И. Допускаю. Потому что я не знаю .../не дог./. Я даже как-то хотел пойти рассказать всю правду. Мы в тюрьме не били.

М. Не били?

А.И. Никого никогда. Я старшим по корпусу был. Я никого пальцем не тронул. И мои надзиратели, и офицеры никто никогда никого пальц

не тронул. Их увозили в Лефортово. Я вспоминаю, был такой Рафик .../ф./ - начальник ЦДРИ -(Дом работников искусства). Его так мучали. Привели его с допроса .../не дог./. Я с ними со всеми так приветливо, никогда никому не грубил. Он идет и говорит:"Ну, старший, мне сегодня попало".

М. Вот так, да? Это когда из Лефортово их привозили?

А.И. Да, из Лефортово привезли. Я еще посмотрел .../не дог./. У нас было заведено такое правило: если человек приезжает с допроса (их привозят), старший по корпусу должен его осмотреть. Может быть, он без глаза пришел, а потом скажут, в тюрьме. Я на него так посмотрел, он говорит:"А что вы на меня смотрите?" Я говорю:"Да что-то не похоже". Он плечами пожал и пошел. Я не допускал, чтобы у нас в тюрьме били. Я еще подумал:"В нашей советской тюрьме не будут бить". И когда выяснилось, а это уже было ... /не дог./. Тогда шло следствие по "делу врачей". И Миронов Свешников/?/ Ванька и хирург ... туда ездили. А дежуришь, приезжает ..., заключенные не возвращаются, ходят ... Вот там били, а у нас нет. Между прочим, я живу с двумя заключенными. Один сейчас помер. За ручку здороваемся. Никогда мы друг другу ничего ...

М. /Пер., Алексей Иванович, извините, что я перебил. А Валленберг был переведен во внутреннюю тюрьму на Лубянке из Лефортово?

А.И. Не знаю.

М. А как он потом исчез из вашего поля зрения?

А.И. Мы ведь работали по 12 часов. Приходишь - нет заключенного. У нас же нигде не регистрировалось ничего. Не знаю.

М. А вы помните Финогенова?

А.И. А как же!

М. Вам известна его судьба?

А.И. Нет.

М. Где он сейчас, чтобы его как-то .../не дог./.

А.И. Финогенов это знает, конечно. Я знаю, что он пошел на пенсию, а жив ли он, я не знаю.

М. Алексей Иванович, а известно ли вам что-либо о насильственных актах, имеется в виду приведение в исполнение приговора к высш мере? Где они проводились: во внутренней тюрьме на Лубянке или в Лефортово?

А.И. В тюрьме на Лубянке приговоры в исполнение не приводились. Зач же был бы. Во-вторых, может, у нас и били бы, может бы, дали та кую команду, но вы же видели, какое там расположение.

М. Видел, а как же, я же там работаю.

А.И. Ну вот. Значит, человек крикнул .../не дог./. А ведь работало много честных людей, и большинство честных, не подлецы, Комарс вы, Лихачевы и прочие. Значит, человек закричал, и вся тюрьма взбудоражена.

М. Значит, вывозили?

А.И. Поэтому у нас нельзя.

М. А кто-нибудь из персонала тюрьмы принимал участие в приведении приговоров в исполнение?

А.И. Нет, у нас нет. Мы слышали такое: был такой полковник Попов. Малограмотный человек, зам. коменданта. Вот, якобы, он расстре ливал.

М. Полковник Попов?

А.И. Нам говорили, что он всем деньги давал взаймы, он получал мног ему ребята не отдавали. Но у меня жил товарищ, Глинский/?/ Па- вел Егорович, он был дежурный. Мы друзья, на фронте вместе был по давним ходили. В гости друг к другу ходили. Я к нему приеха он мне должен был деньги ... Уже при нем, когда он там жил. Та:

дом двух - или трехэтажный. А в метрах 500 сарай. И там ... специальный ...

М. Алексей Иванович, скажите, пожалуйста, а сейчас, может быть, вы знаете людей, которые еще живы, кто в добром здравии, кото могли бы пролить дополнительный свет на дело Рауля Валленберг.

А.И. А вот Кузьмину-то не нашли? По-моему, в "Комсомолке", врача-т А у нее, по-моему, сестра была, она работала секретарем. Може она знает? Она с 17-ого года, Кузьмина.

М. Кузьмина у нас есть, Раиса Емельяновна, 12-го года, майор медицинской службы.

А.И. Нет, это ее сестра.

М. Родная?

А.И. По-моему, я так думаю. Потому что они очень похожи, она работа в отделе, потом перешла к нам секретарем.

М. Как звали-то ее, не помните?

А.И. Клава.

М. Кузьмина Клавдия? Отлично.

А.И. Да. Потом она была переведена в Лефортово секретарем, а оттуда уже я не знаю.

М. Она была секретарем-машинисткой?

А.И. Нет, она секретарь начальника тюрьмы в канцелярии.

М. То есть, она не медицинский работник?

А.И. Нет, они там уже дела принимали.

М. Подскажите еще, пожалуйста, ведь у вас, насколько я знаю, как у корпусного или в тюрьме, должны были быть личные дела заключенных.

А.И. Они хранились в канцелярии.

М. Вы не видели, личное дело заключенного Валленберга было? Вы

должны были принимать или отдавать его дело?

А.И. Нет-нет. Когда я работал в приеме, допустим, когда привозят кого-то, мне сразу несли дело, я его проверяю, знакомлюсь. Валленберга не было.

М. То есть, на приеме Валленберга вас не было?

А.И. Да, не было. Я позже приехал. Поэтому с делами я знаком.

М. А Клава Кузьмина как раз могла в канцелярии как секретарь? И работала с этими делами.

А.И. Конечно.

М. В 17 году, вы говорите, она рождена?

А.И. Да, это я совершенно точно знаю, что она на 3 года меня старше Она не выходила замуж.

М. Фамилия ее Кузьмина?

А.И. Кузьмина.

М. Клава. А отчество?

А.И. Просто не помню.

М. Вы говорите, что она сестра Раисы?

А.И. Да, они очень похожи с Раисой.

М. Ясно. Будем искать.

А.И. А эту я тоже помню, врача. Она была фавориткой Комарова. Бывал звонит, когда она дежурит:"Принесите мне лекарство, голова болит". Она сама несет.

/Смеется./

М. Сама несет, главврач. А еще, может быть, из врачей вы кого-ли помните, помимо Кузьминой? Кто-то в медсанчасти работал?

А.И. Помнил. Личность помню, а сейчас фамилию забыл. Хорошая женщин была, она потом ушла начальником отделения на Соляную.

М. Это был 46-47 год?

А.И. Да, 47-48.

М. Нам интересно, сталкивалась ли она с Валленбергом тогда, в этот момент?

А.И. Наверное. Врач, во-первых, принимает.

М. Да.

А.И. Когда привозят их из Лефортово или откуда-нибудь еще, вызывает врача. Врач приходит, делает осмотр. Но фамилию той я забыл. Шакина!

М. Шакина?

А.И. Шакина. Эта давно работала. Муж у нее был начальником канцеляр тюрьмы. Павел. Фамилию забыл. Шакина Екатерина, по-моему. Она врачом была.

М. Шакина Екатерина, врач.

А.И. Отчество забыл.

М. И Шакин Павел?

А.И. Нет, он не Шакин. Он на ней женился, у него жена умерла.

М. А его фамилия?

А.И. Забыл.

М. Но он был начальником канцелярии?

А.И. Начальником канцелярии.

М. Какого примерно они были возраста?

А.И. Года 14, 15-го. Еще вот такая деталь. Вы говорите о незаконных Я что заметил? Я считал, что всё делается по закону. Значит, когда Миронов - маршал авиации, Шакурин, "Борода" /у нас был та такой/, Леднев - начальник контрразведки ... /не дог./. И вот этот "Борода" всегда со мной, когда зайдешь ... Потом прихожу, он мне:"... не пускают". ... Земченко.

М. Земченко?

А.И. Да.

М. Он сейчас жив? Не знаете?

А.И. Нет, наверно. Он с 9-го года. Я говорю:"... не пускают ... сверху".

/Смеется./

М. Алексей Иванович, а еще из дежурных на тот момент офицеров, вообще из обслуживающего персонала тюрьмы кого-нибудь помните

А.И. Тогда Капитанов был у меня дежурный. Но я не знаю, жив ли он или нет. Он, наверное, с 14-15-го.

М. Капитанов?

А.И. Да. Его сын работал дежурным.

М. Как его имя?

А.И. Капитанов Алексей.

М. Он дежурный офицер? Дежурным по тюрьме был?

А.И. Да, дежурным по тюрьме.

М. Будем так говорить: ДПНСИ или ДПНТ, дежурный помощник начальника тюрьмы. Нет?

А.И. Нет, просто дежурный.

М. Естественно, он тоже знал?

А.И. А как же? Они все дела принимали, когда смерть ... /не дог./.

М. Он посменно вместе с вами дежурил?

А.И. Да, но я не знаю. Я то в ночь, не всегда я с ним .../не дог./. Мартынов Иван Александрович. Живет где-то по Северной дороге. Хороший товарищ. Он тоже был всё время здесь. А эти старые, уж умерли.

М. Возраст его?

А.И. С 14-го года.

М. Может, в добром здравии? Дай Бог.

А.И. Интересная такая деталь, если хотите, я вам расскажу "дело врачей". Их не надо?

М. Мы не хотим отвлекаться от Валленберга. Может быть, еще что-т Алексей Иванович, сейчас мы еще несколько вопросов такого порядка. Валленберг сидел под своей фамилией или под номером?

А.И. Нет, под своей фамилией.

М. Он не нумеровался?

А.И. Нет.

М. А кто в основном был под номерами?

А.И. Вознесенский был I3-ым номером, 30-ым был какой-то Герой Совет ского Союза, я так и не знаю, кто он такой ...

И многие другие.

М. А иностранцев тоже нумеровали?

А.И. Валленберг без номера.

М. Рёдель, Клисман/?/.

Эти фамилии вам что-либо говорят? Они могли находиться тогда с Валленбергом.

А.И. Не знаю.

М. Рихтер.

А.И. Не знаю. По-моему, он с кем-то из наших сидел.

М. Да.

А.И. Да. Может даже с ...

/Смеется./

М. Правда?

М. На каком языке они говорили?

А.И. На русском. Плохо, но .../не дог./.

М. Выучился он русскому языку?

А.И. Да.

М. Валленберг, да?

А.И. Да.

М. Вы с ним вот так вот?

А.И. Да.

М. Мы уже задавали этот вопрос: интерес со стороны руководства. Вам давали какие-либо указания смотреть за ним поближе или кормить получше, или что-то еще такое?

А.И. Строгие наблюдения. Например, за Вознесенским всегда было строгое наблюдение. Комиссии - комиссии.

М. А Валленберг? К нему какое-либо повышенное внимание руководства было?

А.И. Тогда их много было: и немцев, и шведов. Я не знаю, что за ... у него там был, но сидел швед Андерсен где-то в то же время или немножко попозже. Но по описанию не похожи.

М. Не похож, да?

А.И. Он белый, коренастый такой.

М. То есть, сам Валленберг, по вашему мнению, на шведа не был похож?

А.И. Да. Я не думал, что это швед.

М. Вы думали, что немец.

А.И. Я думал, немец. Когда вот уже прочитал .../не дог./. "Боже, это Валленберг!"

М. А как он был одет?

А.И. У него была какая-то куртка, и я запомнил головной убор. Насчет вещей тоже тут туфта. Потому что если вещи .../не дог./ Ведь мы как? Вещи описывают. Значит, квитанция выписывается в пяти экземплярах. Один идет ему, второй - в личное дело, третий в фино, четвертый - в наблюдательное дело. Я помню, что еще наблюдательное дело было в архиве в отделе "А". И пятый, значит, следователю ?/. Так что где-то что-то должно же быть. Пять экземпляров мы выписывали.

М. И вещи, которые у него забирались, хранились непосредственно тюрьме?

А.И. Да. У нас был склад, сдавали.

М. И они уходили только вместе с заключенным?

А.И. Только вместе с заключенным.

М. А если в отношении его принимались какие-то насильственные действия, допустим, приговаривали к исключительной мере или что-то, конечно, вещи потом ... /не дог./.

А.И. Не знаю таких. Коррупция была, конечно. Вот, например, умирает генерал. ... Плохо, плохо, и его увезли в больницу, и он там умирает. Сообщили жене. Жена требует какую-то шубу. Не знаю, чем дело кончилось, но скандал был огромный. Куда она делась? Или у нас ее кто-то .../не дог./? Не знаю. Если бы Валленберг куда-то убыл, вещи бы нашли, а если там деньги еще были, то ..

М. Вы говорите, что здоровье у него было хорошее?

А.И. Да, я не замечал, не знаю ...

"... плохая она". -"Ну и пусть подыхает, как собака".

М. Ясно.

М. Ландфельдер, не помните такую фамилию?

А.И. Не помню. ...

М. Еще фамилию, может, просто слышали - Кичман?

А.И. Нет.

М. Кац?

А.И. Не помню.

М. А вот при выводе на допрос из камеры кто записывает в книгу, что выдается документ? Валленберг или .../не дог./. Сам процесс расскажите.

А.И. Я вот тоже как-то хотел поехать, вам сказать. В то время (при-

мерно, до 48-го-49-го года) у нас был один контроль - техника выдачи на допрос. Приходит конвоир, подает мне какой-то там корешок. Я уже его знаю. "Ваша фамилия?" -"Такой-то". -"На допрос". Он начинал собираться, я его вывожу, передаю конвоиру. Конвоир его ведет через контрольный пост. На контрольном посту книга, где проставляется фамилия, инициалы, куда он идет и во сколько. И графа оставляется, во сколько он прибывает. И роспи его должна быть.

М. Всё есть. Теперь подскажите, пожалуйста, мог ли он попасть к другому следователю, если записан был, допустим, Иванов, Козло и так далее?

А.И. Нет, я не знаю.

М. Корешок должен был быть выписан следователем, который его вызывает?

А.И. Только следователем, да.

М. И уже конвоир знал его в лицо и приводил именно к этому следователю?

А.И. Ну, в лицо он его не знает.

М. Но в этот кабинет, допустим?

А.И. Там же написан кабинет. Приводит. Он ему сразу:"Садись". Тот садится, он пишет расписку.

М. Что принял заключенного?

А.И. Да.

М. Вот как раз такие книги мы нашли. Чтобы вы знали, именно эти книги с контрольно-пропускных постов, где записана именно фамилия Вальденберга и есть его роспись. Именно во внутренней тюрьме на Лубянке.

А.И. Я говорю, если бы его куда-то отправили, то вещи бы его отпра

ли вместе с ним. Понимаете? Ну, так или иначе, не стыкуется.

М. Да, да.

М. Как вы думаете, почему его арестовали с самого начала, как те перь говорят, по-еврейски?

А.И. /Смеется./ Ну, не знаю. Тогда ведь все для нас были шпионы, диверсанты, убийцы. Не знаю. По статьям я мог определять толь тогда, когда работал ... Там и статья, и описание.

М. Ну, Алексей Иванович, мы вам пожелаем выздоровления, доброго здоровья.

А.И. Спасибо.

М. Но оставьте, пожалуйста, за нами право, если мы еще проанализ руем то, что у нас есть, вашу информацию, еще раз навестить ва

А.И. Пожалуйста, конечно.

М. Мы бы вам были очень благодарны.

А.И. Может быть, я еще и дома буду. Телефон у меня есть.

М. Телефончик если бы вы еще подсказали нам.

А.И. I22-0I-I4. Мне бояться нечего, моя совесть чиста.

М. Да Бога ради! Здесь уже речь идет не о боязни.

А.И. Нет, вообще-то некоторые боятся.

М. Да, да.

А.И. Но я говорю, мы живем сейчас с человеком - Торошевский какой-т всегда боится ...

М. /Пер./ А вот Черноштан Павел Григорьевич, не помните?

А.И. Он живет здесь.

М. Мы знаем, что он живет здесь. Он мог его видеть или как-то ... /не дог./. Он когда пришел?

А.И. Мы вместе пришли.

М. Вместе пришли, так.

А.И. Вы понимаете, он работал на постах. И он его может и не знать

М. Мог и не знать. То есть, тот, кто работал на постах, он отноше ния к документации не имел.

А.И. Ни к документации, ни к заключенным.

М. Только смотрел, режим обеспечивал и всё.

А.И. Да. Но он и не расскажет.

М. Не расскажет?

А.И. Нет.

/Смеется./

М. А Шамшин Василий Алексеевич?

А.И. Шамшин Вася живет в Павлино.

М. Да, мы знаем. Он сейчас лежит на Пехотной, операцию ему сдела

А.И. Уже не помню: перешел в Сухановск или его перевели.

М. А-а, перевели.

А.И. Да. Не его где-то в 47-ом, наверное, перевели. Но он старший по корпусу был.

М. Старший по корпусу он был. Так же, как и вы, да?

А.И. Так же, как и я.

М. Он что, в том же корпусе был?

А.И. Но у нас же 5 корпусов было.

М. Да, я понимаю.

А.И. Вот я не помню сейчас, в каком он был.

М. А он вас подменял?

А.И. Вот это я не знаю.

М. Не помните, да?

А.И. А Скрынник вот - я не знаю, жив он или нет.

М. Скрынник?

А.И. Да.

М. Так. А это кто?

А.И. Этот тоже старший по корпусу. Вместе мы с ним работали. Но жив он или нет, он уж очень толстый был.

М. Скрынник. А отчество? Василий .../не дог./.

А.И. Василий, Василий, ой, дай Бог памяти. Он где-то живет в Железнодорожном.

М. Вот так, да?

А.И. Он очень часто работал наверху, помощником дежурного.

М. Вот так, да?

А.И. Он может помнить. Василий, Василий .../не дог./.

М. Ну ладно, это мы найдем.

А.И. Да. Не знаю, жив он или нет.

М. Так, Гуц.

А.И. Гуц, он где-то здесь живет, но он в Сухановске работал.

М. Он не работал во внутренней? Не работал Гуц, да?
Куц или Гуц?

А.И. Гуц.

М. Гуц Петр. В Сухановске он работал.

А.И. Да. Потому что я когда-то жил там. Ну я тут повспоминал.

М. В общем, если что-то вот так повспоминаете, может, кого-то здесь встретите, и встреча с ним навеет какие-то воспоминания, мы тогда с вашего разрешения где-то .../не дог./. Алексей Иванович можно так, да?

А.И. Если вспомню.

М. Тогда спасибо вам огромное. Мы на сегодня беседу завершаем.

(10)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ШАМШИНЫМ ВАСИЛИЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ 5 июня 1992 года

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич – представитель Министерства безопасности Российской Федерации

3/96

Беседа с Шапшиным
Василием Алексеевичем

М. ... содержался в пятом корпусе. Василий Алексеевич, с вашего разрешения, мы говорим вам, что записываем нашу беседу. На то и просим вас...(не дог.)

В.А. Ну, что знаю, а что не знаю...(не дог.) Во-первых, уже прошло. (не дог.)

М. Конечно.

В.А. Потом уже и года.

М. Довольно длительное время прошло.

В.А. А в пятом корпусе я работал.

М. Вы сами с какого времени работали во внутренней на Лубянке?

В.А. Я там работал, как демобилизовался, примерно в конце 39-го год

М. С 39-го пришли туда, да?

В.А. В конце.

М. И по какой период?

В.А. До того, как нас стали расформировывать. Я уже сейчас не помни

М. Это был пятьдесят какой-то год.

В.А. Да. Возможно, когда Сталин умер, в это время. Потом в комендан ский отдел...(не дог.)

М. Ушли, да? Василий Алексеевич, кем вы работали в 45,46,47-ом?

В.А. Я был старшим.

М. Старшим надзирателем?

В.А. Да. А в конце я уже был корпусным.

М. А когда вы были корпусным? Вы в пятом корпусе работали?

В.А. Работал.

М. Уже корпусным работали?

В.А. Перед корпусным. Я был, Волков работал, потом...(не дог.) Забыл уже фамилию. А как старший я наверху работал.

М. Наверху работали, да? А что там было?

В.А. Тоже заключенные. Там же двухэтажный, два крыла.

М. Может быть, вам что-то говорит...(не дог.)

В.А. Вещь большинство иностранцев были под [illegible]мерами.

М. Под номерами большинство иностранцев было?

В.А. Конечно. А фамилии не знаю.

М. Я понимаю.

В.А. Большинство. А как военнопленные...(не дог.)

М. Да, да. Он относился именно к военнопленным.

В.А. Просто большие начальники...(не дог.)

М. Здесь недостаточно большой начальник. Фамилии Валленберг, Рёдель.

В.А. Черт его...(не дог.) Сейчас я просто не фамилии...(не дог.) Наши там...(не дог.) Там сидел Ким, но это наш. По-моему, он даже в разведке был, он на особом положении был ...

М. А кто-нибудь из скандинавов: блондин, плотный, высокий...(не дог.)

В.А. У нас в этом корпусе большинство наши, все бывшие: Красной, Куро, когда их забрали. А вот какие фамилии...(не дог.)

М. Как корпусной вы сами работали с иностранцами?

В.А. Как я мог работать? У нас все не строго было.

М. Конечно, строго. Мы не сомневаемся.

В.А. Там если старший корпусной, там западлы бы. Там, как положено, хоть в час поднимут. Не знаю, говорят, что там издевались и так далее.

М. Да нет, я об издевательствах не говорю.

В.А. Я вообще тебе говорю. А так вообще строго было. От нас требовали по-человечески относиться.

М. Мы все-таки ищем этого человека.

В.А. Что я, не сказал бы фамилию?

М. Да нет, мы понимаем. Но вместе с тем...

В.А. (переб.) Я вам сказал про этих, я видел наших, когда их забрали в Манчжурии. Там сидели. Краснова тогда, поганца, не повесили.

М. А фамилии кого-нибудь из следователей, кто работал с заключенными, вы помните? Допустим, такие фамилии: Соловов, Копелянский, Вайндорф.

В.А. Я с ними как-то не вращался особенно.

М. Но вместе с тем, когда вы водили заключенных на допросы и так далее?

В.А. Когда я был корпусным, уже не водил.

М. Но вы выпускали?

В.А. Выпускал.

М. Выпускали или по фамилии, или под номером, когда вас просили?

В.А. Да.

М. Какие номера вам особенно примелькались в то время: конец войны, победа и сразу после нее?

В.А. Опять все большинство наших. Вот этот командующий, который командовал под Москвой, и был ... Он же тоже там был, забрали его. Я сейчас забыл.

М. А вот иностранцев запамятовали, да?

В.А. Запамятовал. Они как-то и так...(не дог.)

М. Скажите, вам приходилось спрашивать фамилии у иностранцев, которые долго сидели, или разговаривать? Кто-то из них владел русским языком? За это время, за два-три года иностранцы,

которые находились там, изучали же немного русские слова. Как они? Или же ни один из них не понимал по-русски? Может, припомните, что кто-то из них говорил по-русски?

В.А. Очень трудно ответить на такой вопрос. Вообще тех, которые нерусские, немного запоминаешь. Приходишь, там десятая камера а там...(не дог.) А так, чтобы сказать...(не дог.)

М. Алексей Иванович ... сказал, что камера Валленберга находилась в самом конце. В его памяти это где-то двести тринадцать двести восемнадцать.

В.А. Там корпусной был Целиков.

М. Целиков?

В.А. На пятом корпусе. Я тогда еще был надзирателем.

М. Ясно. Как звать-то Целикова?

В.А. Сейчас уже забыл.

М. Он был старше вас или моложе?

В.А. Постарше. Он жил в доме сорок пять по Новослободской улице. У нас там было общежитие.

М. А кто был у Целикова дежурным офицером?

В.А. Потом ему присвоили. Он старше меня. Большинство на четвертом корпусе у нас было. Он был более подвижный.

М. Вы были на четвертом корпусе?

В.А. На четвертом в большинстве. Может, и попадался, но сейчас не помню.

М. Может, вы помните кого-либо из врачей, медсестер, которые были в то время?

В.А. Там был полковник Смольцов. О нем в газете писали.

М. Это ясно. А кто у него были врачи?

В.А. Там были две женщины. Я их не припоминаю.

М. Может быть, фамилии, имя? Не припоминаете?

В.А. Врачей? Мне это было как-то ни к чему.

М. А не помните, кто из женщин работал в канцелярии секретарем?

В.А. Там, по-моему, работал Ермаков. Там был мужчина.

М. Как звали Ермакова?

В.А. Не помню.

М. Он старше вас был или моложе?

В.А. Чуть постарше. Он был пограмотнее. Столько прошло времени.

М. Да, конечно. Почти 50 лет прошло. Что же теперь говорить?

В.А. Да.

М. Почти 50 лет. Ищем мы и стараемся отыскать следы, чтобы нам расписать судьбу этого иностранца. Заинтересованы в этом многие стороны. Понимаете, Василий Алексеевич?

В.А. Я понимаю.

М. И, конечно, мы тут надеемся...(не дог.) Из тех ребят, которые там работали, может быть, кого-то, кого я вам не назвал, вы вспомните, которые в настоящее время живы?

В.А. Сейчас многих нет.

М. Многих нет.

В.А. Это кого я знаю, что уже нет. И вот даже Феликс, я не знаю, жив он или не жив. Потому что мы жили в общежитии, а он дома. Он немного постарше. Вот помню фамилию Волков.

М. Волков?

В.А. Да. Но тоже тот старше.

М. Ясненько, Василий Алексеевич. А так больше ничего не припомните?

В.А. Ничего такого я не знаю.

М. Вы когда-нибудь на приеме находились там?

В.А. Как на приеме?

М. На приеме заключенных. Ну, допустим, принимали прибывающих

к вам во внутреннюю тюрьму из других.

В.А. Это у нас сидит там приемный специально.

М. А! То есть вы там, на приеме не работали?

В.А. Нет, я там не работал.

М. А на конвое работали?

В.А. К следователю водил, когда еще надзирателем был.

М. Когда надзирателем были.

В.А. Это первый начальник.

М. Ага. А в каком году вы стали корпусным? Ведь это большое повышение! Я же знаю, что это должны запомнить, когда вы стали корпусным.

В.А. Черт его знает, когда. Так, я в 53-ем ушел.

М. В 53-ем вы ушли в комендантский, да?

В.А. В комендантский. Это я уже примерно говорю. Да, точно. Как та началась вся эта волынка.

М. Ага.

В.А. И Миронова там это...(не дог.) Полковник. Он же начальник над нами был. Финогенов.

М. Кстати, Финогенов живой?

В.А. Не знаю.

М. Он с какого года был?

В.А. Он старше!

М. Старше вас был?

В.А. Конечно. Он же был его заместитель. Что же? Головкин там еще.

М. Это тоже кто-то из руководства?

В.А. Да. Тоже из руководства. У него было два заместителя.

М. Финогенов и Головкин?

В.А. Да, у Миронова.

М. А Смольцова вы лично знали, как начальника медсанчасти?

В.А. Знал.

М. Что он был за человек?

В.А. Ну, он был медик выполнял, что ему говорило начальство. Мне-то он не...

М. (переб.) Нет, я понимаю. Но вот так он, как вы его наблюдал что ему начальство приказывало, он делал?

В.А. Ну, наверно.

М. Обязательно выполнял, да?

В.А. Вообще он такой требовательный был. Там пожалуются, он ...

М. Ага. А заключенные иногда просили врачей, обращались?

В.А. Да, обращались.

М. На них существовали медицинские карты? Медсанчасть вела медицинские карты?

В.А. По-моему, должна вести.

М. Должна была вести, да?

В.А. Ну, кто долго...(не дог.)

М. Ага. Как же все-таки такая...(не дог.) А фамилия Ландфельдер Рёдель?

В.А. Этих иностранцев я что-то не...(не дог.)

М. То есть они у вас...

В.А. (переб.) Власова я знал.

М. Власова знали, да?

В.А. Да. Как только постучил.

/Пауза./

Так я не могу. Если бы знал, что-то забыл.

М. Василий Алексеевич, мы вам верим. Тут вопросов нет. То, что вы помните, конечно, бы сказали, тут разговора нет.

В.А. Конечно. Потом и особенно не вникали. Там в особенности у нас не разговаривали, лишнего не говорили. Так говорят с тобой и все. Конечно, есть, может быть, а все строго было. Кто-нибудь пойдет, пожалуется, нам попадало.

М. Да.

(11)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ПАВЛОВЫМ ИВАНОМ СЕМЕНОВИЧЕМ 5 июня 1992 года

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич – представитель Министерства безопасности Российской Федерации

3/96

Беседа с Павловым Иваном Семеновичем / у него на квартире. Новосовихинское шоссе, дом 4, квартира 13./

М. Вы не возражаете, Иван Семенович, если у нас будет все записано?

И.С. Нет, не возражаю.

М. Иван Семенович, мы пришли к вам с большой просьбой помочь нам окунуться в события тех дней. Может быть, где-то в разговорах с сослуживцами, где-то так проскользнуло .../не дог./ Мы понимаем, что этого могло и не быть. Но вместе с тем хотим, чтобы вы поднапрягли свою память и немножко просветили. Нас интересует вот этот швед по национальности. Фамилия его Валленберг.

И.С. Валленберг?

М. Да. Вы сами тогда кем работали? Вы в конвойной группе или на посту стояли?

И.С. Я работал на посту, надзирателем пятого корпуса.

М. В пятом корпусе?

И.С. Да.

М. В пятом корпусе внутренней тюрьмы на Лубянке?

И.С. Да, на Лубянке, внутренняя тюрьма в доме два.

М. Да, в доме два.

И.С. Пятый корпус, четвертый, третий, где не хватает людей. Мы на следствие водили под номерами.

М. Под номерами они у вас были?

И.С. Да, они под номерами, нам фамилии там не указывали: Иванов, Петров, Сидоров. Номер называют, к корпусному приносят, говорят: "Вот такой-то номер в Следственное управление." В конвойную часть приходят и берут его. Спрашивают номер, он уже знает свой номер, и ведут в Следственное управление. Когда я попадаю в конвойную

группу, тогда вот так, а если на посту, через глазок смотрю и больше ничего.

М. Ясно.

И.С. Мы не знали. Только вот знали так иногда, слухом пользовались, что Вася Сталин там был.

М. Василий Сталин.

И.С. Да, Василий Сталин, например. Все говорят друг другу, где-то слышали. Вот и все.

М. А вот заключенного под номером семь?

И.С. Не знаю.

М. Не помните?

И.С. Нет.

М. А они под разными номерами?

И.С. Под разными.

М. В том числе и семь был, и пять был.

И.С. Все под разными номерами. Они нам не говорят, по фамилии не называли.

М. А иностранцы были среди заключенных?

И.С. А там не разговаривали.

М. Не разговаривали?

И.С. Там приводят из Следственного управления ко мне, если мой заключенный, просто входит корпусной, подойдешь, обыскиваешь его сразу, мало ли, может, ручку или что попало со стола взял. И все, никаких разговоров, ни слова. Разговоров не было, с заключенными запрещали разговаривать. Иногда спросишь: "Что там?" Никаких разговоров, очень строго было.

М. А вот кого-нибудь из следователей вы помните, кто в то время вел дела?

И.С. Я не помню. Из Следственного управления я никого не знаю.

М. Никого не помните.

И.С. Только вот скажут, какой номер, посмотришь, в какой комнате ном и все. Приведешь, посмотришь: "Можно?" Они уже знают: "Да, захо Его отдаешь, он подпись сделает: "Ладно, иди." И все, уходишь. Тут многие надзиратели у нас знакомые. Корпусные тут же живут. Корпусной Алексеев живет здесь.

М. Алексеев?

И С. Да.

М. Он в каком корпусе тогда работал? В разных, да?

И.С. В разных.

М. Они получали смену просто, да?

И.С. Да, посменно работали. Тут многие надзиратели уже умерли.

М. Иван Семенович, тогда у вас во внутренней тюрьме была медсанчас

И.С. Да, была медсанчасть. Там работал Куприянов начальником санчаст

М. Куприянов?

И.С. Да.

М. Это в каком году? Мы ведем речь о 47-ом, о 46-ом, о 45-ом годах

И.С. В это время я не работал. Я работал с 1952-го года.

М. Вы с 1952-го года работали?

И.С. Да.

М. А вот в те времена кто из ребят мог работать?

И.С. Это, может, Алексеев работал.

М. Алексеев здесь сейчас живет?

И.С. Здесь, в седьмом доме он живет, квартиру я не знаю, Алексеев Павел.

М. Алексеев. А как его звать?

И.С. Пашка.

М. Павел?

И.С. Да.

М. А отчество не помните?

И.С. Не помню.

М. В седьмом доме, говорите?

И.С. Да, в седьмом. Квартиру я не помню.

М. А в каком подъезде?

И.С. В первом подъезде, нет, второй.

М. Второй, да?

И.С. Да, спросите, там скажут, где живет Алексеев. Я только с 51-го года...

М. /пер./ А он раньше вас там работал, он в то время работал?

И.С. Да, он раньше работал.

М. Ясно. А так из врачей, кто у вас там был, никого не помните?

И.С. Нет, я этих не помню. Я молодой в то время был. Выводят, не гов. рят, кто там, и сразу в камеру. Вот я знаю, что Головцев /Голос ... /ф./ Вот этих я знаю. При мне они. Потом их звали не по фамилиям, а по номерам. ... Андрей Андреев, Тахурин - вот этих я знал. Это корпусные большинство.

М. А сейчас кто еще из корпусных, кроме Алексеева, здесь?

И.С. Из корпусных все. Один только что умер. Он конвойным был. Тут многие уж умерли, которые старые, давно работали. Когда Берию арестовали, стали байки про него рассказывать, втихаря так, дру: другу.

М. Ясно. Спасибо, Иван Семенович.

И.С. Пожалуйста.

(12)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С АЛЕКСЕЕВЫМ ПАВЛОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ 5 июня 1992 года

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич – представитель Министерства безопасности Российской Федерации

3/96

Беседа с Алексеевым
Павлом Васильевичем
(ветеран КГБ, работавший во
внутренней тюрьме на Лубянке)

М. Так, Павел Васильевич?

П.В. Да.

М. В каких корпусах вы в то время работали? Там у вас были 5-ый, 4-ый, I-ый корпуса.

П.В. Я работал во втором корпусе. Тогда я был старшим по корпусу.

М. Это в каких годах было, Павел Васильевич?

П.В. Ну, я не помню.

М. Война уже закончилась или еще шла?

П.В. Да.

М. Уже закончилась?

П.В. Да.

М. Но Сталин еще тогда был жив?

П.В. Ну, а как же?

М. Парад Победы состоялся, все нормально.

П.В. Парад состоялся. Председателем был .../не дог./. Забыл фамилию

М. Абакумов тогда был.

П.В. Абакумов уже сидел.

М. А до Абакумова вы работали, во время Абакумова вы кем работали

П.В. Я надзирателем, старшим надзирателем или просто надзирателем. А почему я хорошо помню? Когда он у нас сидел ...

М. /Переб./ Абакумов?

П.В. Да. Он сидел у нас.

М. Знаю.

П.В. И вот он говорил на прогулк., когда выходили гулять наверх ... /не дог./. У нас прогулочный двор был наверху. По лестнице спу

кались, лифт свободный - на лифте спускались. А если трое-чет ро, то по лестнице спускались. Но вот он просто хочет прогуля ся по лестнице, просит:"Давайте по лестнице пройдем". -"Пожа- луйста". Надзиратель его провожает.

М. То есть, вы эти моменты хорошо помните?

П.В. Да, это я помню. И еще помню. Он надзирателю говорит:"Если бы я знал, когда был председателем Комитета госбезопасности, я б вам жалование удвоил больше, чем офицеру".

М. Павел Васильевич, вернемся мы, однако, в те годы, в конец вой Вы тогда тоже работали. Поднадзорных иностранцев много у вас было?

П.В. Иностранцы были во время войны.

М. Во время войны и после войны.

П.В. И после войны.

М. Вот после войны вы шведа не помните? Высокого, симпатичного, с длинноватым лицом. Шведский дипломат.

П.В. Шведский дипломат? Нет.

М. Ясно. Итак, вам не приходилось встречаться?

П.В. Помню только, что были муж с женой. Он, вроде, из начальников. Во время войны сидел в камере немец вместе с женой. Знаете, ко я был корпусным, я был во втором корпусе. А второй корпус - эт женщины.

М. А-а, женщины. Возвращаемся к концу войны. Вы следователей кого нибудь по фамилиям помните, когда водили в конвойных группах к ним заключенных? Допустим, следователь Копелянский, следовател Соловов, следователь Вайндорф.

П.В. Нет, никого не помню. Они приходят к нам, беседуют с начальник особенно с дежурным по смене. Дежурный командует нами.

М. Да. А сейчас вы не помните, кто остался жив из дежурных по сменам, кто в то время работал? Может быть, вы знаете сейчас кого-то из дежурных смен, кто остался жив? Может быть, где-то встречались? С кем бы нам еще побеседовать, у кого информации больше, чем у вас?

П.В. Месяца три, четыре был Петерица. Знаете его?

М. Это кто такой Петерица?

П.В. Подождите, он уже как три месяца помер.

М. Царство ему небесное.

Жен. В первом корпусе тоже был, в первом доме, тоже помер.

М. Дежурным был, да?

Жен. Я не знаю.

П.В. Он, наверное, был в комендантском. У нас он не был.

М. Нас интересуют дежурные.

Жен. Вот теперь остался только Павлов.

М. С Павловым Иваном Семеновичем мы переговорили. Но он уже позже работал, он пришел в 51-ом году. А нас интересуют 45-ый, 46-ой 47-ой годы. Вот кто работал в то время?

Жен. Теперь разве найдешь.

М. Мы стараемся искать.

П.В. Вот был бы тоже корпусным хотя бы .../не дог./. Эти все москвичи. Я их не могу даже запомнить. Вот был .../не дог./. Наверное, он уже умер, он старше меня был. Я говорю, они все москвичи были.

М. А из врачей, из медсанчасти не помните никого?

П.В. Помню.

М. Кто бы мог из врачей сейчас быть живым?

П.В. Я не знаю, живые они или нет. А вот врач была у нас. Как только

ее фамилия, я забыл.

М. Максимова? Кузьмина?

П.В. Кузьмина.

М. Кузьмина. Померла, к сожалению.

П.В. Померла?

М. Да. Или нет?

П.В. Не знаю.

М. Вы давно с ней не встречались?

П.В. Я встречался с ними, знаешь, когда? В пятьдесят девятом году. Меня Таланов выгнал. Да как! Сказал дежурному:"Отбери у него удостоверение и проводи его за ворота".

М. Таланов - это кто был?

П.В. Подполковник, начальник тюрьмы.

Жен. Он тоже помер.

М. Тоже помер, да? А вот Финогенов кто такой?

П.В. Финогенов был заместителем начальника тюрьмы - Миронова.

М. Заместитель Миронова?

П.В. Да.

М. А вам судьба его не известна?

П.В. Не известна. Я вам говорю, я за городом. Я жил в Водниках.

Жен. На Долгопрудной.

П.В. На Долгопрудной, да.

Жен. И там никого не осталось такого возраста.

М. В Долгопрудном, да?

Жен. Да. Ну, так те, кто в Бутырке работал.

М. Я понимаю. В Бутырке нам не надо, нам нужна внутренняя.

Жен. А внутренняя - я не знаю.

М. Или Лефортово. С Лефортово никого не помните?

П.В. Нет.

Жен. Помним. Их тоже уже нет.

М. Тоже померли?

П.В. Да.

М. А Смальцова помните?

П.В. Смальцов?

М. Смальцов - начальник медсанчасти.

П.В. По национальности еврей, да?

М. Вроде, да. Смальцов. Он был начальником медсанчасти.

П.В. Начальником была .../не дог./. Вот как вы ее назвали-то?

М. Кузьмина?

П.В. Кузьмина.

М. Кузьмина была в 50-х годах. А я имею в виду 47-ой, 45-ый, 46-ой. Вот в то время Смальцов был.

П.В. Как бы назвали его фамилию, чувствую, что был. А в какие годы я .../не дог./.

М. Стерлось в памяти?

П.В. Да.

М. Ясно, Павел Васильевич. Тогда мы можем только поблагодарить за беседу. А вот Черноштана Павла Григорьевича помните?

П.В. Помню.

М. Он в какие годы работал, не помните? Шамшин Василий Алексеевич

П.В. Шамшин - это мой хороший товарищ. Он жил в нашем подъезде, а теперь живет в Павлино.

М. В Павлино переехал, да?

Жен. Вы там были?

М. Нет, мы сейчас поедем к нему. Он в какое время работал? Он в конце войны работал?

П.В. Да. Он в конце войны, даже до конца работал. Мне не дали до 35

лет работать, меня выгнали, когда было 27 лет. Исполнилось 25 календарных и два - армии.

М. Что вы хотели сказать про Василия Алексеевича Шамшина?

Жен. Ему недавно операцию сделали, но он, по-моему, дома.

М. Как он себя чувствует? Ничего? А что за операция?

П.В. Я вчера с его сыном встретился.

Я говорю:"Витя, скажи, как папа?" Он говорит:"Сейчас дома. На вроде, ходить". А ему в госпитале ... /не дог./. Я не знаю, г сейчас госпиталь.

Жен. Варсанофьевский переулок.

П.В. Варсанофьевский, да?

М. Да.

П.В. Там госпиталь?

М. Там у нас медслужба, а госпиталь у нас на Пехотной.

П.В. В общем, в госпитале ему делали операцию, грыжа была. Это вторая операция. Я забыл, какую, он первую операцию перен очень тяжело.

Жен. У него камни были. А адрес вам сказать?

М. Павлино, дом 15, кв. 208. Вроде, так.

Жен. Он побольше знает, потому что он подольше работал.

М. Кто такой Гуц Петр? Помните эту фамилию?

П.В. Гуц?

М. Да. Это нам Иван Семенович сказал, что такой тоже работал, як бы, пропускным.

Жен. Может, в другой смене?

М. Гуц Петр. Он вспоминал, вспоминал.

П.В. Я что-то такого сейчас .../не дог./.

М. Не помните, да?

П.В. Да.

М. Тогда, Павел Васильевич, мы вас поблагодарим. Большое спасибо.

(13)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ЧЕРНОШТАНОМ ПАВЛОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ 5 июня 1992 го

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн – 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич – представитель Министерства безопасно Российской Федерации

3/96

Беседа с Черноштаном
Павлом Григорьевичем
(в его квартире)

М. Павел Григорьевич, у нас рабочая группа изучает или пытается найти мельчайшие детали, которые могли бы пролить свет на содержание во внутренней тюрьме на Лубянке одного иностранца Фамилия его Валленберг. Поэтому мы к вам обращаемся, Павел Григорьевич, помогите. Случалось ли вам видеть его, слышать ли такую фамилию, как вот вы сами...(не дог.)? Вот этот момент. Если что-то, поднапрягите память. Мы были бы вам прямо обязаны за малейшую кроху хоть чего-то.

П.Г. Вы знаете, я вам скажу вот что. Когда мы работали, мы в это дело не вникали. Что там, какие там люди, кто там. Мы просто не вникали в это дело. Так, немножко вроде: где, что, фамилии а так абсолютно не вникали.

М. А фамилия Валлен...(не дог.) Мы понимаем это. Вашу службу мы уже достаточно изучили, беседуя...(не дог.) Смотрите, мы тут проговорили с Пашиным, Павловым Иваном Семеновичем, со Старичниковым, Голубевой Евдокией Андреевной. Мы со многими уже переговорили. Пришли и к вам. Мы понимаем вашу службу. Речь идет о чем?

П.Г. Слышал или нет. Даже представления не имел.

М. Корпусным у вас был Старичников?

П.Г. Старичников.

М. А еще кто были корпусными тогда?

П.Г. Не помню уже. Напомните, я скажу.

/Смеются./

М. Это ясно. Но мы тоже, к сожалению, всего не знаем, поэтому стараемся узнать.

П.Г. Извините, пожалуйста, но я вам не могу ничем помочь.

М. Вы работали на приеме заключенных?

П.Г. Нет.

М. На конвоировании заключенных?

П.Г. Ну, конвоировал я их когда? На допрос.

М. Абсолютно верно. К каким следователям вы их конвоировали?

П.Г. Вот этого теперь...

М. (переб.) Я понимаю, я назову вам фамилии: Соловов, Вайндорф, Копелянский.

П.Г. Вы знаете, нам фамилии этих следователей не говорили, а говорили, в какой кабинет и все.

М. Вы заводили, сдавали, получали расписку, что он принял, о приеме заключенного и уходили.

П.Г. Да. И всё. По-моему, там давали, кого вызывать. Но только кабинет и всё. А фамилии не могу.

М. Ясно.

П.Г. Я бы с удовольствием, но еще и давно, знаете...(не дог.)

М. Конечно, прошло практически полсотни лет.

П.Г. И уже на пенсии 15 лет. С 2[illegible]-го года я.

М. Ну что, Павел Григорьевич, извиняемся тогда.

(14)

З А П И С Ь

ФОНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ГОЛУБЕВОЙ ЕВДОКИЕЙ АНДРЕЕВНОЙ 29 мая 1992 года

УЧАСТВОВАЛИ :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн - 2-ой секретарь посольства Швеции

КОЗЛОВ Александр Андреевич
ЗИБОРОВ Андрей Евгеньевич (представители Министерства безопасност Российской Федерации

Беседа с Голубевой Евдокией Андреевно

Е.А. ... который сидит наверху, на пятом этаже, вот я вам и сказала Его бы нашли, он вам бы сразу сказал.

М. Понимаете, Евдокия Андреевна, ситуация складывается так, что м действительно разыскиваем всех возможных людей, кто мог бы что-то знать об этом деле. То, что вы нам говорите, мы действитель проверяли, но много лет прошло с той поры и никого из руководс ва внутренней тюрьмы, ни дежурных офицеров, которые в интересующий нас день дежурили, практически в живых нет. Поэтому мы и позволили себе потревожить вас.

М. Может быть, Евдокия Андреевна нам подскажет, кто может сейчас остаться в живых, кто может рассказать. Вы работали на контрол ном посту? Что это за пост?

Е.А. Вызывали арестованных на допросы.

М. Ваши обязанности в чем тогда заключались?

Е.А. В какое время их вызовут, дают талончик, мы регистрировали в контрольной книге.

М. Вы записывали с этого талончика. А на талончике что было?

Е.А. Какой следователь вызывал, в какую комнату и за кем они числились.

М. А вы сами знали этих следователей?

Е.А. Нет, откуда?

М. А вам на память не приходят какие-либо фамилии этих следователе

Е.А. Нет, не знаю, я не могу сказать.

М. Ну вот несколько фамилий, например, следователь Вайндорф - вам ничего не говорит?

Е.А. Нет.

М. Соловов?

Е.А. Ну, я знаю начальников отдела следственной части - Владимирски

М. Карташов.

М. Леонов.

Е.А. Леонов, да.

М. Вы получали талончик на выдачу заключенного, регистрировали в этой большой конторской книге, а затем что происходило?

Е.А. А потом их вели на допрос. Я спрошу у этого арестованного фамилию, имя, отчество, чтобы все правильно было.

М. Он себя называл вам, да?

Е.А. Называл, да.

М. Вы сами не сопровождали арестованного?

Е.А. Нет, нет.

М. Была специальная конвойная группа?

Е.А. Да, конвойная группа.

М. Которая их приводила и уводила.

Е.А. Нет, мы вообще с мужчинами были не связаны. Насчет женщин ... /не дог./ Их тоже не сопровождали, просто только когда в туалет или в баню.

М. То есть, вы регистрировали в журнале?

Е.А. Нет, этого нет. Мы только регистрировали, когда на допрос.

М. Когда вызовы на допрос?

Е.А. Да.

М. Время вывода и время когда приводили?

Е.А. Да, когда придет, и арестованный за это время расписывается.

М. Сам арестованный расписывается?

Е.А. Сам.

М. А не могли вы выдать не тому следователю? Допустим, в талоне был следователь написан, а потом вызывали и не к тому следовате.

Или как?

Е.А. Нет, этого не было.

М. Не было, да? То, что было в талоне, фамилию следователя вы пере вали в книгу?

Е.А. Да.

М. А вы на каком этаже работали?

Е.А. Я и на посту стояла на втором этаже.

М. Вы стояли непосредственно в режимном корпусе на посту, да?

Е.А. Да. На втором, только там, где находились женщины.

М. Только где женщины?

Е.А. Да.

М. А у мужчин вы на посту не стояли?

Е.А. Нет. Ну, стояли, бывало приходилось.

М. Подменяли,да?

Е.А. Да. Был второй этаж основной, где стояли женщины. Ну, там и мужчины находились. И за мужчинами следили, которые сидели в камерах.

М. Евдокия Андреевна, а в какой период времени вы работали, скажите пожалуйста. 44-й, 45-й, 46-й годы вы работали там?

Е.А. Да, я работала. Я до 57-го года работала. Я 15 лет работала там. Даже до войны работала.

М. И до войны работали? У вас была форма, воинское звание?

Е.А. Да, старший сержант.

М. Евдокия Андреевна, вот встречались иногда номерные арестованные. с ними как, они же ведь не расписывались в журнале?

Е.А. Нет, они так проходили.

М. Они проходили. Это вы уже делали отметку, что он прошел?

Е.А. Да.

М. А так вы не знали, под какими номерами какие фамилии идут? Сам надзирательский состав, контролерский состав, он не владел,

он не знал фамилии этих арестованных или все-таки знал?

Е.А. Я вообще не интересовалась.

М. Не интересовались. А вот фамилия Валленберг вам что-нибудь гово рит?

Е.А. Нет, я не могу ее вспомнить.

М. Не мож те?

Е.А. Не могу.

М. А много немцев было в 44-ом, 45-ом, 46-ом годах или интернирова ных, или что-нибудь, может быть, слышали о гражданах других стр

Е.А. Нет, я ниче не могу сказать. Как-то тогда меньше говорили.

М. Меньше говорили,да?

Е.А. Да.

М. Больше работали, меньше говорили.

Е.А. Да.

М. Это точно.

М. А самого начальника медсанчасти внутренней тюрьмы на Лубянке Смальцова вы знали?

Е.А. Да, я его знала. Уже пожилой довольно. Там врачи работали.

М. Из врачей кого-нибудь, может быть, помните, из молодых тогда?

Е.А. Конечно, она и сейчас жива, забыла просто фамилию.

М. Постарайтесь, пожалуйста, припомнить. Может быть, нам удастся ее ...

Е.А. Врача фами ия Кузьмина. Как она: вышла, не вышла, но с ним она .../не дог./

М. Кузьмина, а как зовут, не помните?

Е.А. Нет.

М. Она в то время работала в медсанчасти вместе со Смальцовым?

Е.А. Да.

М. Это относится и к 47-му году?

Е.А. Да, она работала.

М. Вы не помните, она аттестованная была, офицер или вольнонаемная Форму носила?

Е.А. Нет, врачи, наверное, все были аттестованные. Потому что еще Максимова была.

М. Максимова в возрасте?

Е.А. А эта была моложе ее. Но Максимова форму одевала. Такая была небольшого росточка.

М. Сколько примерно тогда было лет Кузьминой?

Е.А. Она намного моложе меня.

М. Примерно сколько ей было лет в сороковые годы? Около 30-ти, двадцать с небольшим, чуть-чуть за 30 ?

Е.А. Не могу сказать.

М. Где-то много моложе вас? Лет на 10 ?

Е.А. Больше.

М. Евдокия Андреевна, а вам за период работы приходилось сталкиваться, что кто-то из подследственных или заключенных заболевал и умирал там? Как все это происходило? Как оформлялось?

Е.А. Нет-нет, я не могу этого сказать. Это нам не докладывали.

М. И вы сами не ...

Е.А. /пер./ Нет. Когда человек умирает, вы же сами знаете, тут же убирают.

М. А случаи каких-то чрезвычайных происшествий: попытка к самоубийству, попытка побега? Предположим, в ваше дежурство случилось какое-то чрезвычайное происшествие, что вы должны были по инструкции делать?

Е.А. У нас был старший на посту. Мы по одному не ходили. У нас пропуск был. В нем 4 или 5 человек и старший. У нас такого не было,

нет я не буду говорить, потому что как-то .../не дог./

М. Просто вы сами не сталкивались с такими случаями?

Е.А. Нет. Все-таки заключенные были не какие-нибудь хулиганы, а люди были более или менее такие ... Случаев, чтобы они хулиганили, не было, все нормально.

М. При вызове на допросы иностранцы, которые у вас там находились, как называли свою фамилию? Как вы их распознавали?

Е.А. Иностранцев мало было. Мы спрашивали фамилию. Я не могу по-немецки говорить. Спрашиваю: "Фамилия?" Они отвечали. Их мало был

М. Евдокия Андреевна, не припомните, кто из тех, кто тогда с вами работал, мог бы сейчас оказаться в добром здравии?

Е.А. Из дежурных был Мартынов.

М. Мартынов?

Е.А. Да, Иван Александрович.

М. Он в то время в каком возрасте был?

Е.А. Он моложе меня. Может, в таком возрасте ... Он жил где-то ... по ... дороге. А сейчас не знаю.

М. Вы давно о нем не слышали?

Е.А. Нет. Когда я уволилась, он работал.

М. Вы в 57-ом году уволились?

Е.А. Нет, в 59-ом.

М. А сама медсанчасть где находилась? На каком этаже?

Е.А. На пятом этаже.

М. На пятом этаже?

Е.А. Да.

М. Там был лазарет, камеры для тюремного лазарета?

Е.А. Никаких там камер не было. Там были просто такие .../не дог./ В сестринской были окна большие, когда я работала, мы там ничего не переделывали, никаких камер там не было.

М. Заключенные часто прибегали к услугам санчасти? Как они могли воспользоваться услугами врачей? Или вызывали врачей в камеру, или врачи сами обходили?

Е.А. Сами. Старший спрашивал их: "Какие у вас вопросы ко мне? Есть жалобы?"

М. "Какие жалобы? Как, что?"

Е.А. Да.

М. Заключенные сами записывались?

Е.А. Да, они записывались, а потом вызывали их куда надо: к следователю или к врачу, или куда уж там не знаю.

М. И то же самое вы, допустим, из камеры выдавали заключенного, а конвойная группа его сопровождала, потом вам сдавала, так?

Е.А. Да, сдавала старшему.

М. А старший уже разводил?

Е.А. Да.

М. Старший уже разводил по камерам.

Е.А. Да. Тем более мужчин нам вообще по инструкции неположено. Это Мартынов.

М. Мартынов был старшим?

Е.А. Нет, у нас были старшие. Мартынов был дежурным на 5-ом этаже.

М. Был основной.

Е.А. Да.

М А из старших никого не припомните, кто бы сейчас мог жить здесь

Е.А. Нет, из старших никого не припомню. Где-то видела. А этот Старинчиков живет где-то здесь.

М. Старинчиков не здесь, он, по-моему, в ... живет.

Е.А. Не Старинчиков, а этот. Как же его фамилия?

М. Еремеев?

Е.А. Забыла фамилию.

М. Вы его в каком году встретили?

Е.А. Я не знаю. Я видела его как-то, с ним не разговаривала, только видела его. Он работал много лет.

М. Много работал?

Е.А. Да. Он старший был.

М. Подожди, а этот в Кучино живет, как его? Мы встречались с ним, он еще в Расторгуевке жил?

Е.А. Павлов, что ли?

М. А этот еще? Черноштан.

М. Черноштан ?

Е.А. Да, Черноштан.

М. Да. Он живет Наталихинская, дом .../не дог./

Е.А. Он может .../не дог./

М. Он сейчас работает в поликлинике вахтером.

М. В какой поликлинике?

М. Комитета.

М. ...

Е.А. На Павлино.

М. Павлино А как зовут его, не помните?

Е.А. Павел.

М. Павел Черноштан. Он живет на ул. Наталихинская, дом 21, точно не помню, на 8-ом этаже.

М. Талихинская?

М. Наталихинская.

Е.А. Здесь в Кучино остановка.

М. Здесь не далеко, да?

М. За девятиэтажкой, самый последний переезд в Кучино, там знают.

М. Он тогда вместе с вами работал?

Е.А. Да, он в конвое работал.

М. Еще?

М. Этот, до пенсии работал в совхозе. Знаешь! Черный такой.

Е.А. Может, Шамшин ?

М. Шамшин, да.

Е.А. Может, что и знает, мы с ним в одной смене не работали.

М. Нам сейчас нужны люди, которые в то время работали; не в одной смене, а люди, которые там работали. Может быть, кто-то из них что-то знает.

Е.А. Да, он там же ...

М. /пер./ А звать-то его как?

Е.А. Не припоминаю. Он живет тоже там.

М. 5-ый дом, по-моему.

Е.А. Там знают. Спросите Шапошникова, он давно живет.

М. Еще кто там?

М. Павлов, наверное, тоже там работал?

Е.А. Да.

М. А Павлов где сейчас?

М. Там же.

Е.А. Да, там живет Павлов Иван, живет в шестом доме.

М. Павлов Иван?

Е.А. Да.

М. А он кем работал, тоже в конвое?

Е.А. Да, в конвое и на посту. Я еще забыла вот этого .../не дог./ Коренчиков.

М. Коренчиков на Рябушинке/?/ жил.

Е.А. Они сейчас квартиру получили.

М. Коренчикова звать-то как? Он кем работал, старшим?

Е.А. Да.

М. А звать-то как?

Е.А. Мы не знаем.

М. Алексей.

М. Алексей?

Е.А. Да, Алексей.

М. Видите, как вы помогли.

Е.А. А что я помогла? Я не помогла. Вот я знаю, что один мужик .../н дог./ Но забыла по фамилии.

М. Этого мужика надо вспомнить.

Е.А. На букву "С".

М. Савин, Савостьянов, Савельев, Самойлов.

Е.А. Нет.

М. Он где был?

Е.А. Он на Рябушинке, через дорогу.

М. Может быть, Евдокия Андреевна, припомните тогда про этого? Может быть, через день-два, на следующей недельке мы заглянем. Он кем в то время работал, старшим или кем?

Е.А. Он и дежурным работал, и старшим был.

М. Тем более. Дежурный, он весь корпус знал.

Е.А. Ну, не корпус. Он там работал .../не дог./ Просто меняли и посылали на разные этажи. А мы на втором этаже были.

М. Там, где женщины?

Е.А. Да, где женщины, но там и мужчины сидели в камерах.

М. А из оперативных работников кто приходил и работал там непосредственно с заключенными? Вы сейчас не припоминаете никого, которые постоянно работали?

Е.А. Нет. А у нас этого очень мало было. Потому что, кому надо, они вызывали на допрос. Ну, может, и были.

М. Ну, все, да?

Остается только поблагодарить Евдокию Андреевну.

(15)

Ф О Н О Г Р А М М А

записи беседы с МАКУШЕНКО Василием Егоровичем
14 декабря 1992 года

У Ч А С Т В О В А Л И:

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн	– второй секретарь Посольства Швеции в Российской Федерации
КОЗЛОВ Александр Андреевич	– сотрудник Министерства безопаснос Российской Федерации

3/96

14 декабря

(Козлов (Ко), Люрваль (Л.) и Макушенко (М.) ведут беседу в доме последнего.)

Ко: Уважаемый Василий Егорович, просим вас ответить на наши вопросы, относящиеся ко времени пребывания в нашей стране известного дипломата Рауля Валленберга. Он содержался в Лефортово сразу после войны. Это был 1946 или, возможно, 1947 год. Василий Егорович, мы пришли услышать ваши соображения по поводу его возможной судьбы и просим вас по возможности вспомнить то время, тот период, вашу работу. У нас есть номер камеры, где он содержался. Может быть, вы могли видеть его в то время, может быть, вы вспомните его личность. Мы покажем вам фотографии. Сначала вы расскажите нам, где вы работали в 1945-47 годах?

М: В Лефортовской тюрьме.

Ко: Вы не помните, какую должность вы в то время занимали?

М: В 1945-46 годах я работал простым надзирателем.

Ко: Вы работали там с 1937 года?

М: С конца 1937 года.

Л: Валленберг содержался там с мая 1945 года по февраль 1947 года.

КО: Валленберг содержался под видом военнопленного. Скажите, пожалуйста, где в то время содержались военнопленные в Лефортово? В каких корпусах они были? Они содержались отдельно или вместе с нашими соотечественниками?

М: Я даже не могу конкретно сказать вам, как их размещали. То ли они отдельно находились, то ли нет. Понимаете, выдающиеся или особые личности шли у нас не по фамилиям, а под номерами. Мне неизвестно было, что это за люди, я даже фамилий не знал. По-моему, в 1943-44 годах были немецкие военнопленные или подданые, во всяком случае они считались военнопленными. Но я не знаю, по какой статье они шли - ведь нам не говорили, от нас все скрывали.

Ко: Да, это естественно. Василий Егорович, во время дежурств вы находились только в корпусе или сопровождали арестованных на прогулку, присутствовали на прогулочных двориках?

М: Я понял ваш вопрос. В эти годы, о которых идет речь, я был простым надзирателем, т.е. делал то, что мне говорили. Я и на прогулку водил, и на допросы.

Ко: Обычная работа.

М: Да. Я так работал до 1947 года. В 1947 году я стал старшим по корпусу. В этой должности я уже никого никуда не водил. В мои обязанности входило поместить прибывшего арестованного в камеру, выдать ему постель, следить за раздачей пищи и за тем, чтобы всех водили на прогулку, в баню. В моем ведении был только один этаж, я не имел права ходить по всей тюрьме. Я не должен был знать, что делалось выше или ниже, нас ругали за это.

Ко: Это ясно. А на каком этаже вы больше всего работали?

М: Трудно сказать. Я на всех этажах работал, потому что надзирателей и старших по корпусу меняли. Месяц на одном этаже работал, месяц - на другом.

Ко: Василий Егорович, вы помните на каком этаже находилась камера № 203?

М: Вы знаете, я не был там 40 или больше лет.

Ко: Вы ушли в 1964 году?

М: Да. Если на этаже было около 50 камер, то это примерно четвертый этаж.

Л: Тут есть план.

(Показывает)

Он вам что-то говорит? Это немного схематичный план.

М: Я что-то не пойму.

Л: Это-четвертый этаж.

М: Только четвертый?

Л: Да.

Ко: Вот схема четвертого этажа.

Л: И тут 203 камера, говорят.

М: Где-то на четвертом. Я сейчас уже забыл расположение. Я примерно знал, что 11-12 камер было в одном крыле, а их четыре крыла. Я припоминаю, что первый этаж кончается 49 камерой, а 50 камера уже на втором этаже. От третьего или четвертого этажа идет пристройка, в царское время там была церковь.

На втором этаже был отросток - санитарная часть, а на третьем и на четвертом этажах - там было добавлено несколько карцеров. Ну вот, примерно на четвертом этаже.

Ко: На четвертом этаже. Так. Вы упомянули санитарную часть, Орлову Анну Георгиевну вы помните?

М: Помню.

Это-медсестра. Но они самостоятельно не обслуживали. Порядок был такой: из задержанных или заключенных кто-то записывается к врачу или на перевязку и т.п. Врач иногда к себе вызывал. Тогда к нему приводили, в санитарную часть. Там он выслушивал больного и все такое. А медсестра разносила по камерам то, что врач выписывал. Лекарства. Одна она не ходила - обязательно с корпусным.

Ко: То есть?

М: Корпусной открывал дверь, и она выдавала лекарства.

Ко: А на прогулку или на допрос, или к врачу? Как вы, будучи контролером или надзирателем, выводили заключенных? Допустим: номер такой-то - к врачу!? Или: номер такой-то - на допрос? Как это делалось?

М: Это все делалось через дежурного по изолятору.

Ко: Так.

М: Если это медики, то санитарная часть отдавала список, кого выводить к врачу или лекарства выдавать. Список отдавался дежурному по изолятору. А дежурный смотрел, кто свободен в изоляторе - вот, пожалуйста, тебе список и иди к врачу, веди и лекарства раздавай. Корпусной не имел никакого права самовольно вывести кого-то из камеры. Если надо было переместить из камеры в камеру, все равно нужно было разрешение дежурного. Он дает бумажку - бланк какой-нибудь или еще что-то: из такой-то камеры такого-то перевести в такую-то камеру.

Ко: Василий Егорович, допустим, вот вы ни немецким, ни другими языками не владеете ...

М: Нет.

Ко: А как вы выполняли свою работу по отношению к тем заключенным, которые не владели русским языком? Ведь были же такие в то время! Военнопленные, к примеру.

М: Я понимаю. В наши обязанности такие разговоры не входили, нам не разрешалось это делать. Понимаете?

Ко: А как сам заключенный? Допустим, по своей инициативе? Если ему нужно было к врачу или нужно было выйти куда-то, или какой-то вопрос возникал? Он вам стучал или как это делалось

М: Стучал, да.

Ко: Вы открываете и ...?
Каковы ваши дальнейшие действия?

М: Догадывались по мимике. Или как сказать?

Ко: Жестами?

М: Да, объяснялись жестами. И уже я должен сообразить, чего там он просит - то ли врача, то ли чего еще.

Ко: Но в любом случае вы вызывали тогда старшего по корпусу и говорили ему, что обратился вот такой-то?

М: Да. К старшему по корпусу или к дежурному по изолятору: вот, мол, просит чего-то, хочет поговорить или следователя просит. Вот из такой-то камеры. Он приходит и сам уже там выясняет.

Ко: А вот, допустим, вам доводилось водить военнопленных (иностранцев) на допрос к следователям. Как вы это осуществляли?

М: Очень просто. Дается официальная бумага, через дежурного, где записано, что вот такого-то к такому-то (если кто-то вызывает). Обычно, если следователь приезжает и ему нужен вот такой-то, он пишет бумажку - вызов.

Ко: Указывает, что вот в такой-то кабинет вы должны привести, да?

М: Нет. Он пишет фамилию, имя и отчество.

Ко: Свои?

М: Нет. Не свои, а заключенного. Кабинет, в какой его привести. И все.

Ко: А свою фамилию следователь указывает?

М: Сейчас не могу вспомнить.

Ко: Не помните?

М: Не помню, да.

Ко: И, значит, вы вот на основании этого требования ... (не дог)

М: (Переб) Не я еще!

Ко: Не вы? Понятно.

М: Нет, не я. Эта бумажка идет ... (обрыв записи) Дежурный по изолятору проверял по картотеке, в какой камере он действительно находится, сам расписывался и говорил свободному, например, мне: "Василий Егорович, с такой-то камеры доставьте такого-то человека в такой-то кабинет."

Ко: Вы приводите человека из камеры к следователю ?

М: Да, к следователю.

Ко: А следователь затем расписывается у вас о приемке?

М: Нет.

Ко: Или вы просто доставляете - и все?

М: Я оставляю - и все. А там сидит дежурный по коридору или как он там называется. В следственном.

Ко: Уже в следственном, да?

М: Да, там, где кабинет. Я привожу, он записывает там в книгу, а я расписываюсь на бланке, что привел.

Ко: То есть, с самими следователями у вас контакта не было?

М: Никакого.

Ко: А могли ли заключенного или военнопленного, если его направляли к определенному следователю, передать какому-нибудь другому следователю?

М: Это уже там они сами, следователи ... (не дог) Это уже нас не касается.

Ко: А кто дежурил в следственном отделе? Из вашего состава?

М: Из нашего.

Ко: Вам доводилось вот так дежурить в следственном отделе?

М: Нет, не доводилось.

Ко: А кто обычно туда назначался из числа контролерского состава? Кто назначался дежурить в следственный отдел?

М: Там люди менялись, постоянных не было. В чем заключалось дежурство там? В основном его обязанности - привести - отвести ... Он же вызывает к телефону следователя во время своего дежурства. Звонят, скажем, из отдела, он и докладывает: "Вас вызывают к телефону". Вот его работа. А переводить туда сюда - это не его дело. Кончился допрос, он кнопку нажимает, говорят: "Сходишь". А потом: "Возьмите, отведите на место". И все.

Ко: Василий Егорович, если порыться в памяти, не припоминается вам из числа военнопленных человек, может, какие-то его характерные приметы, которые мы вам сейчас назовем: одетый в гражданскую одежду, с рыжими, огненно-рыжими волосами, небольшого роста?

М: Знаете, это очень трудно. В 80 лет все, что было, вылетело из памяти. И потом, вы вещь представляете, если бы их было десяток-другой, можно было бы запомнить кого-нибудь. Но ведь не секрет, она была полна, там человек 500 находилось. И течение большое. Поэтому запомнить кого-либо лично ... сейчас уже невозможно. Я сейчас не соображу, да и трудно очень много времени прошло. Я уже не то, что этих ..., а и с кем работал, сотрудников, и тех уже не помню. Позабыл уже все! Много времени прошло.

Ко: У нас есть несколько фотографий, сейчас мы покажем их вам. Может, визуально будет что-нибудь знакомое. Посмотрите, Василий Егорович. Пожалуйста, мы вам предъявляем.

М: Пожалуйста, пожалуйста, но очень трудно.

Ко: Василию Егоровичу предъявляются фотографии Рауля Валленберга.

М: Не помню. Ничего не припоминаю.

Л: И про какого-нибудь шведа вам не приходилось слышать? О том, что там находится какой-то швед и т.д.?

М: Нет, нет. Во-первых, у нас было очень строго насчет распространения ... (не дог) Не разрешалось, чтобы кто-то чего-то узнал, чтобы что-то передавалось.

Л: Угу. Понятно.

Ко: Василий Егорович, мы понимаем, в то время вы были простым надзирателем, выполняли поручаемую вам работу, и сейчас многое стерлось из памяти, но не смогли бы вы нам подсказать, кто бы мог дать побольше информации, сведений в том плане, в каком мы вам задавали вопросы?

М: Я понимаю. Но даже не могу сказать, кто может это. Я ведь был в надзорском составе и не имел никакого доступа к информации о том, что за человек и т.д. Абсолютно не имел таких сведения. Чисто конвоирная работа. Дежурный скажет привести - отвести или еще что-нибудь такое. А поступление человека: кто он, откуда - мы об этом ничего не знали, не ведали этими документами. Нового заключенного всегда принимал дежурный. Чтобы его принять в изолятор, должны были быть какие-то документы.

Ко: Да, да.

М: Поэтому дежурный был больше, так сказать, в курсе дела, потому что он принимал заключенного. После этого он давал нам указание обыскать заключенного и отвезти его в баню. Вот и вся наша работа.

Ко: Василий Егорович, не припомните ли вы кого-нибудь из числа дежурных по изолятору или из руководства, кто здравствует по настоящее время?

М: Всех дежурных я уже и не помню. А если взять руководство, то, например, в 1945 году у нас там был Захаров, начальник тюрьмы, потом был Петров. Вот этих я помню. Иванко меня уже на пенсию провожал.

Ко: А Иванко в то время работал там? В 1945-46 годы?

М: Нет. Он пришел после 50-х годов. Потому что, когда в 1964 г ду я уходил на пенсию, он провожал меня. А когда я поступал туда на работу, там был Захаров. Он был тогда помощником у этого ... (не дог.) Я его не помню сейчас.

Ко: Захаров старше вас по возрасту?

М: Старше. После Захарова был ... (вспоминает). Я знал Петрова, он был уже где-то после 1950-го года.

Ко: Этот период нас уже не интересует. Скажите, пожалуйста, Василий Егорович, вам не знакомы фамилии таких следователей как Копелянский, Соловов, Кузьмишин, Карташов, Вайндорф.

(М., слушая Ко., бормочет: "Нет, не помню.")

М: Это-следователи?

Ко: Да, это следователи, которые приезжали и работали в Лефорто во. Еще - Честнейший.

М: Нет, эти фамилии я не помню. Мне запомнился Комаров. Он был из "Особой инспекции"... считался, как-то повели в прокуратуру. Комарова, Лихачева я запомнил. Рюмин еще был такой.

Ко: Рюмин, да? К какому периоду это относится? Нас интересует период: 1945,1946,1947 годы.

М: Нет, он позже был.

Ко: Нас интересуют именно те следователи, которые работали с в нопленными, которые, может быть, владели языками.

М: Не могу сказать, честное слово.

Ко: Нас интересует все, что было связано,в первую очередь,с ин странцами, которые числились там под видом военнопленных.

М: Я понимаю.

Ко: Именно так. Советские граждане нас не интересуют.

М: Я понял вас. Но ... не могу вам сказать. Об этом могут зна те надзиратели, которые постоянно дежурили в следственной, я там не находился, не дежурил, поэтому фамилии ... (не дс Вот уже позже я помню Лихачева.

Ко: (Переб) На вашей памяти не осталось каких-нибудь несчастны случаев с военнопленными? Может быть, кто-то умирал от ин фаркта или случалось самоубийство?

М: Ни одного самоубийства не было. И я не припомню, чтобы кто умирал.

Ко: Именно из военнопленных, я имею в виду.

М: Да, да, я понимаю вас. Этого не было. У вас есть чертеж т

мы. Если вы там будете, то увидите, что там все просматривается с низу до верху. Если бы что и происходило, то все на глазах у четырех постовых, которые стояли на одном этаже. Такого я не припомню. Такого не было. Это точно. Чтобы кто-то повесился или еще что-то, такого не было. Если случалось какое-то ЧП, то всегда всему составу говорили.

Ко: Скажите, пожалуйста, а как вас инструктировали обращаться с военнопленными?

М: Очень лояльно. Не только с военнопленными, а со всеми, кто туда попадал. Люди там были не осужденные, а подследственные. Мы даже не называли никого из них на "ты", только на "вы". Нам абсолютно было не дозволено обзывать. Если заметил в камере какой-нибудь непорядок, чего-то нет на вицу, а нас инструктировали так, чтобы все в камере было на вицу, то докладывали корпусному, а корпусной - дежурному.

Ко: То есть вы сами без разрешения корпусного или дежурного по изолятору открывать камеру не могли.

М: Нет. Когда приходишь брать на прогулку, то говоришь дежурному, который стоит на посту, он открывает и принимает. Обеды раздать, медиков привести, лекарства раздать - только с корпусным. Постовой занимается своим делом. В крайнем случае, пришлют другого человека раздать обед. Конечно же, он не сам раздает, а женщина - раздатчица. Когда приводят нового человека - только с корпусным.

Ко: Василий Егорович, разрешите поблагодарить вас. Извините, что отняли у вас время.

М: Время-то ничего. Мы все переживали, беспокоились. Ничего такого нет, честно работал, и вдруг ...

Ко: Я же сразу сказал, что это касается исторического прошлого и нам надо было получить вашу консультацию. Я так и невестке вашей сказал, что нам нужно получить справку от вас. Если вдруг вы что-то вспомните, например, какую-то деталь, позвоните мне. Мой телефон у вас есть. Мы будем благодарны вам за любые детали.

М: Хорошо. Прошло много народа. Невозможно кого-то выделить или запомнить. Кроме того прошло уже 40 лет. Я встречаю и не узнаю иногда тех сотрудников, с которыми работал.

Ко: Спасибо.

(Конец беседы)

(16)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Сололовым Борисом Алексеевичем (II)
28 ноября 1991 года

Участвовали: Аржанников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

Люрвалль Бьерн, 2-ой секретарь посольства Швеции в СССР

Козлов Александр Андреевич, представитель Агентства федеральной безопасности РСФСР

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

28 ноября

(В беседе принимает участие Соловьев Борис Алексеевич (С.).)

Реплика: 28-е ноября 1991 года. Беседа с Борисом Алексеевичем Соловьевым. Если вы предоставляете мне право начать беседу, то я начну с вашего позволения. Борис Алексеевич, мы опять пришли к вам за помощью. Предмет нашей беседы остается прежним. В процессе работы, которая со времени нашей предыдущей встречи шла очень интенсивно по самым разным направления, мы столкнулись с проблемой, которая привела нас к вам еще раз. Работа у нас ведется по разным направлениям. Может быть, вам звонил Даниил Григорьевич. Он собирался с вами поговорить. Мы с ним провели уже вторую беседу.

С: Никто не звонил.

Реплика: Это связано со следующими обстоятельствами. В архивах нашли и тщательно изучили все журналы учета вызовов заключенных на допросы. В нескольких местах нашли и факты вызова на допрос Валленберга и его шофера Лангфельдера. В частности в журнале за 1946 год были зафиксированы две записи о вызове на допрос Валленберга оперуполномоченным 2-го отдела СМЕРШ Даниилом Григорьевичем Копелянским. Судя по записям, это была достаточно серьезная работа, которая проводилась в июле-августе 1946 года. Первая запись относится к июлю. Валленберг был вызван на допрос. Этот допрос был записан за Копелянским. Допрос продолжался свыше ... (не дог.). В период проведения этого допроса, видимо, для проведения очной ставки в тот же кабинет вызывался и Лангфельдер, который

присутствовал там более короткое время, а убыли и прибыли они одновременно, т.е. их допросы были одновременно. Второй допрос тоже был достаточно продолжительным, свыше двух часов. Запись в журнале свидетельствует, что Валленберг был вызван к Даниилу Григорьевичу Копелянскому. Но когда мы стали разговаривать с Даниилом Григорьевичем, он категорически утверждал, что он не вел допросы Валленберга. Мы попали в несколько противоречивое положение. Как вы можете прокомментировать эту ситуацию?

С: Как я могу объяснить эту запись, что вызывал Копелянский? У нас было много допросов. Через меня прошли сотни немцев. Какие-то допросы продолжались по два часа. Я сейчас все не вспомню. Но если это были целевые и довольно продолжительные допросы, то он должен их помнить. Если дело было не за ним... (не дог.). Кстати, там должно быть зафиксировано закрепление арестованных за отдельными работниками.

Реплика: Этого учета нет.

С: Вот бы их найти! Я немного отвлекусь. Я забыл вам сказать в прошлый раз. Вы не обращались к архивам третьего управления? Обращались?

Реплика: Да.

С: Тогда 2-ой отдел СМЕРШ находился в составе третьего управления.

Реплика: Поднимались архивы СМЕРШ и архивы третьего главка.

С: Там этого тоже нет?

Реплика: Нет.

С: Вы не искали в этих архивах дело Карташёва?

Вопрос: Вы имеете в виду дело начальника отдела?

С: Да, начальника второго отдела.

Реплика: Его нет.

С: Дела нет ни в третьем, ни в общем отделе?

Реплика: Мы ищем, но пока ничего нет.

Вопрос: Вы ведете речь о личном деле?

Реплика: Нет.

С: Оперативное дело начальника отдела. У него должны быть списки и указания, которые он получал непосредственно от Абакумова. Все должно найти отражение в этом деле, а его нет.

Вопрос: Как оно называлось? Оно было нономерным, литерным или какое-то еще?

С: Вот этого я вам не скажу. Это было дело начальника отдела.

Вопрос: Именно так оно называлось?

С: Да.

Вопрос: Номенклатурное дело, которое вел или должен был вести лично начальник?

С: Обязательно лично. Заместитель начальника отдела мог иметь какое-то отношение к этому делу. Длительное время его заместителем был Евсенин.

Реплика: Федор Яковлевич.

С: Правильно, Федор Яковлевич. Помощником был Фридман. Этот человек был арестован, будучи сотрудником. Потом его выпустили. Кстати, он обрабатывал многие материалы, поскольку неплохо писал. Может быть, что-то проходило через него. Все должно быть в этом деле.

Реплика: Ясно. Борис Алексеевич, позвольте передать вашу мысль. Мы поняли так: допуск к арестованным осуществлялся на основе какого-то списка, который утверждал начальник отдела.

С: Нет, не так. Если кто-то поступал,-будем называть его арестованный,-его передавали кому-то из следователей или опера-

тивных работников. В данном случае речь идет об оперативном деле. Мы же не были следователями. Это было оперативное дело. И задача прежде всего заключалась в сборе материалов, которые могли представить интерес для нашей контрразведки, для государства. Нужны были оперативные сведения. Это поручили тому же Копелянскому, он должен был вести это дело, отвечать за него полностью. И только он имел право вызвать на допрос, не считая, конечно, вышестоящих начальников.

Вопрос: Других уже не могли допустить к этому арестованному, кроме этого оперативного работника?

С: Нет, нет.

Реплика: Именно это я и имел в виду.

С: Только вышестоящие. Мог вызвать начальник отделения, если он вел дело вместе с ним и т.д., выше по лестнице.

Вопрос: Скажите пожалуйста, Борис Алексеевич, в каких учреждениях,- я имею в виду внутреннюю тюрьму на Лубянке и в Лефортово,- в то время работал ваш отдел?

С: Работали в Бутырской тюрьме, в Лефортово. Часть арестованных сидела во внутренней тюрьме.

Вопрос: Не помните ли вы, не приходилось ли вам непосредственно с Даниилом Григорьевичем Копелянским бывать в Лефортово?

С: Бывал, конечно.

Реплика: Дело в том, что у Даниила Григорьевича выпала из памяти его работа в Лефортовской тюрьме.

С: Он работал.

Реплика: В разговоре с нами он категорически отверг, что ему когда-либо доводилось работать в Лефортовской тюрьме. Я, конечно, считаю, что не мог такой большой контингент арестованных находиться в одном месте. Требовалось получать от них

оперативную и быструю информацию.

Еще вот эти записи, особенно в тюремном журнале. Если мы будем разговаривать как люди сведущие в этом, надзирателям было все равно, кого записывать в этот тюремный журнал и кому эти арестованные выдавались. У них были соответствующие требования на выдачу заключенных. На основе такого требования он и видел фамилию. Борис Алексеевич, в тюрьмах конвойные, выпускные надзиратели были, в принципе, одни и те же. Учитывая вашу интенсивную работу по линии контрразведки, ограниченный круг оперативного состава, имевшего допуск к арестованным, и одновременно ограничение конвойного состава, они же могли знать вас в лицо, когда вы сдавали...

С: (переб.) Следователей, работников?

Вопрос: Конвойные надзиратели, которые приводили к вам арестованных.

С: Кого они могли знать в лицо?

Реплика: Вас.

С: Конечно.

Реплика: Конвойные не могли сдать другому человеку. Если они ведут к Копелян-скому, то только туда, а если к Соловову, то только к нему.

С: Указывался кабинет. Практика была следующая, чтобы вам было яснее. Я буду условно называть "следователь", чтобы не путаться, неважно, кто это был, следователь или оперуполномоченный. Следователь звонил в тюрьму и говорил: "Доставьте на допрос такого-то в такой-то кабинет". И все. Он называл свою фамилию - Петров, Сидоров. Ему приводили - вот и все.

Вопрос: Я хотел спросить по процедуре. Когда приводили и уводили, вы расписывались в ордере в приеме?

С: По-моему, нет. Не помню. По-моему, нет. Они отмечали у себя.

Вопрос: Так они сами отмечали?

С: Да, вызвали на столько-то, и обратно. Они у себя вели учет. У нас этого не было.

Вопрос: И по телефону также вызывали конвой, когда нужно было вернуть арестованного?

С: Да. Обычно говорили: "Заберите такого-то из такого-то кабинета".

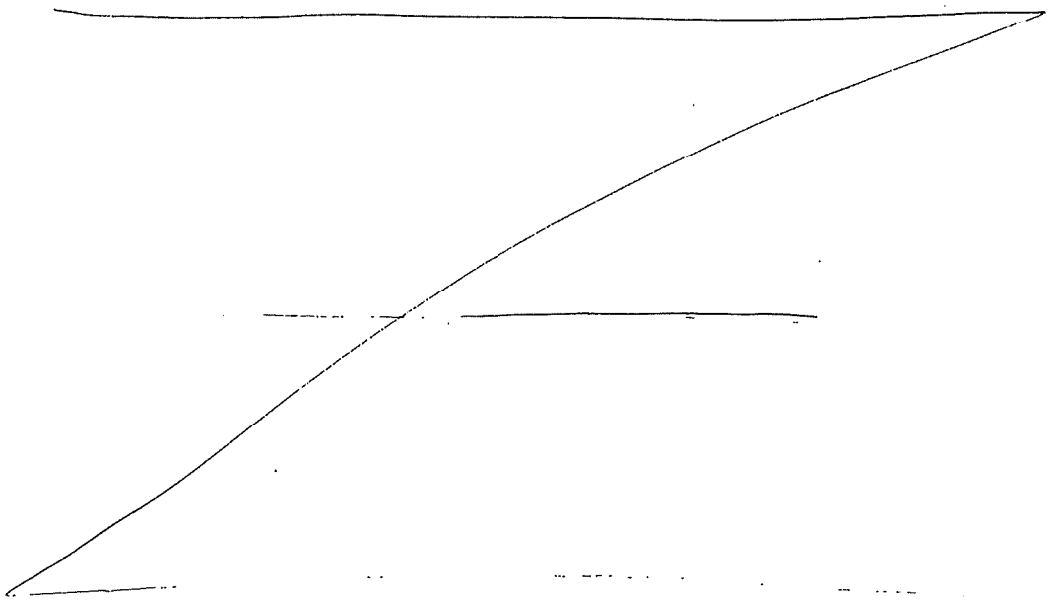
Вопрос: Все это было внутри охраняемой территории, в помещении? Побег был практически исключен?

С: Конечно.

Вопрос: Борис Алексеевич, в тот период в круг интересов контрразведки, СМЕРШ ... Вы знаете саму проблему Валленберга? Как он мог очутиться... Его основной миссией было нахождение в Венгрии в тот период, где он занимался деятельностью по линии... Не помните ли вы, в то время могло это заинтересовать тех, кто работал с Валленбергом и вообще, что он мог сказать?

С: Я ничего не слышал по этому поводу. Я думаю, интереса не должно было возникать в связи с его деятельностью.

Вопрос: По крайней мере, уточним формулировку в связи с этой известной частью его деятельности.



С: Да, да, насколько я знаю, здесь не должно было... (не дог.).

Вопрос: Даниил Григорьевич сказал нам, что в то время от одного австрийца, с которым он работал, - кстати, по этому делу работали и вы, мы подняли это дело, - так вот, этот австриец был руководителем будапештского бюро венской "Абер штелле".

С: Отто Армстер?

Реплика: Нет.

С: Франц?

Реплика: Да, Франц-Иосиф.

С: Только он был не начальником. Начальником как раз был Отто фон Армстер.

Реплика: Вы имеете в виду венское "~~Аберт~~ Абер штелле", а он работал в бюро в Будапеште.

С: Да, да. Занимался агентурной работой.

Реплика: Вот именно.

С: Его вел Копелянский, но я просто мог несколько раз допрашивать.

В: Речь идет о том, что по этому делу и Копелянский и сам Гфрорнер подняли вопросы "Джойнта".

С: "Джойнта"?

Вопрос: Да. И здесь у нас невольно напрашивается вопрос. Ведь Франц сам говорил, что его внешним, легальным прикрытием было оказание помощи евреям. Там же, в Будапеште, занимался этой проблемой и Рауль Валленберг. Один и тот же период, один и тот же интерес появился и к Валленбергу и к Гфрорнеру. Со стороны властей работали одни и те же лица. Как бы вы посоветовали нам действовать в этом вопросе?

С: Я в отношении "Джойнта" говорил с Рихтером. Были у нас показания, - от кого, я не знаю, - что "Джойнт" активно использовалась

немецкой разведкой. Они внедрили туда своих людей, завербовали многих активных сотрудников этой организации и таким образом получали информацию. В связи с этим у нас мог возникнуть к ним интерес. Тем более и Гфрорнер давал такие показания, что он сам занимался и вербовкой, и получением информации.

Реплика: В том числе он дал показания и о том, что сам был завербован от имени организации "Джойнт" и работал на американскую разведку.

С: Да, я с ним мог несколько раз встречаться.

Вопрос: Может быть, с этой точки зрения был проявлен интерес к Балленбергу?

С: Затрудняюсь сказать. Если бы сохранилось дело, какой-нибудь протокол допроса... (не дог.).

Вопрос: Хорошо. Скажите, Борис Алексеевич, вы помните переводчицу Егорову?

С: Не помню, их у нас много было. Может быть, была и Егорова. У нее какой язык, итальянский?

Реплика: Нет, немецкий. Мы говорим только о немецком языке.

С: Нет, Егоровой, по-моему, у нас не было. Может быть, в тот период, когда я отсутствовал?

Реплика: Это было в 1946 году.

С: Меня тогда там не было. Я же только в конце октября 1946 года приехал из Нюрнберга. Так что насчет Егоровой ничего сказать не могу. Но в прошлый раз я кое-кого назвать забыл. Я знаю еще нескольких переводчиков того времени. Болтов Олег Сергеевич.

Реплика: Да, мы его знаем.

С: Сергей Ендовицкий, Соловьев - они, по-моему, пришли вместе со

Смирницким в 1942 году, работали переводчиками. Кроме того, были женщины, которых я уже называл.

Вопрос: Следующий момент, Борис Алексеевич. Мы тут говорили с Даниилом Григорьевичем и выяснили, что он забыл свою следственную работу с Балленбергом. Вы сами привлекались к работе по делу Гфрорнера в качестве переводчика. Может быть, и он по Балленбергу привлекался как переводчик? С этой точки зрения - и мы это с Даниилом Григорьевичем обсудили - может быть, имело бы смысл вам с ним встретиться, вспомнить обстоятельства пусть не конкретно этого дела, но общую обстановку тех дней. Может быть, это навеет какие-то воспоминания? Даниил Григорьевич к этому отнесся достаточно благосклонно. Что вы сами об этом думаете? Может быть, если вы так поразмышляете, у Даниила Григорьевича найдется, что вспомнить, хотя бы от имени третьего лица? Может быть, вы даже поговорите без нашего присутствия.

С: Да, я понимаю.

Вопрос: Как вы сами считаете? Мы долго искали ниточки, которые бы нас куда-нибудь привели, чтобы пролить хоть немного света на это дело. Я твердо уверен в том, что Даниил Григорьевич может владеть этой информацией. Важно найти какие-то мотивы, которые бы побудили его к воспоминаниям. У нас, к сожалению, в ходе разговора мотивы оказались исчерпаны.

С: Поговорить с ним я, безусловно, могу, но даст ли это что-либо? Мы о чем-то уже с ним говорили, и он все время жаловался на свою память. У меня такое тоже бывает.

Реплика: Да, конечно, лет прошло много.

С: да, много лет прошло. Где я долго работал, там я людей еще помню, а где мимолетом... (не дог.).

Реплика: В данной ситуации Даниил Григорьевич, очевидно, что-то вспомнить сможет. Даже если мы поставим вопрос так, что это дело записано на фамилию Копелянского и работающим с ним числился Даниил Григорьевич, а реально он использовался в качестве переводчика при ком-то из руководства - будь то Карташов или кто-то из его заместителей, тот же Мурашников или еще кто-нибудь, - то это действительно могло до известной степени стереться в памяти.

С: Понимаете, что здесь? Я исключаю такое ваше предположение по следующим соображениям. Если, скажем, Копелянский участвовал в качестве переводчика допроса, то не он бы вызывал на допрос, а вышестоящий начальник - обычно было так.

Вопрос: А такой практики не могло быть, что руководитель, чтобы не утруждать себя лишний раз звонками, вызывает к себе оперработника и назначает его к такому-то... (не дог.).

С: Нет, так у нас не было. В тюрьму приезжали вместе. О Лефортове идет речь?

Вопрос: Именно о Лефортове.

С: Приезжали в Лефортово вместе, т.е. вышестоящий начальник и кто-то из оперуполномоченных в роли переводчика и вызывали. Даже если бы звонил оперуполномоченный, т.е. переводчик, все равно он бы сказал: "Доставьте к такому-то", назвал бы фамилию начальника, и начальник допрашивал. Всегда так было. Если допрашивал, скажем, заместитель Абакумова, ему переводил переводчик. И не к переводчику доставляли, а прямо к нему и тоже в Лефортово, в кабинет. Говорит: "Доставьте к Меньшикову". Действительно так было. Доставляли. Переводчик тут не фигурировал.

Вопрос: А если бы сам Абакумов хотел допрашивать?

С: Начальник секретариата тогда у него был Комаров. Он тоже расстрелян вместе с Абакумовым.

Вопрос: Был такой Чернов?

С: Чернов был. Это начальник следственной части по особо важным делам. Тоже расстрелян. То есть не Чернов. Это был Леонов. А Чернов был потом начальником секретариата. Чернов, по-моему, сейчас жив. Во всяком случае восемь лет назад он был жив.

Вопрос: Вы не помните его имя?

С: Иван.

Вопрос: А дальше?

С: Дальше не помню.

Реплика: Уже достаточно. Легче искать. Борис Алексеевич, и все-таки возвращаемся... (не дог.). Я подвожу вас к мысли о том, что говорить о Балленберге Даниилу Григорьевичу, - если он будет говорить - было бы легче от лица переводчика. Вы понимаете, что я говорю. Легче, чем непосредственно от лица, производившего его допросы.

С: Какая разница?

Реплика: Большая разница. Когда он будет говорить, что осуществлял перевод, а допрашивал Карташов.

С: Так он и сказал сейчас?

Реплика: Понимаете, мы не говорили с ним на эту тему.

С: Я поговорю - пожалуйста.

Реплика: Именно вот с этой точки зрения. Нам нужна информация, информация достоверная. Но нам сейчас неважно, кто его допрашивал и от имени первого или третьего лица будет нам давать эту информацию Даниил Григорьевич. Но чисто психологически, вы

согласитесь со мной, в данном случае было бы легче говорить от имени третьего лица.

С: Если бы речь шла обо мне, я бы сразу и сказал, что я помню, что его допрашивал такой-то, а я переводил.

Реплика: Информация о том, что он мог участвовать в качестве переводчика, была доведена до Даниила Григорьевича только в прошлой нашей беседе с ним. И он согласился, что с этой точки зрения он эту проблему не рассматривал. Он свое участие в качестье следователя отрицал начисто, а как переводчика... (не дог.). Он здесь немного прикинул и сказал, что надо подумать, но сейчас он не помнит. Сказал, что, может быть, с этой точки зрения с Борисом Алексеевичем мы поговорим, может быть, он что-то навеет мне. Примерно так он изложил мне.

С: Это июль-август 1945 года?

Реплика: 1946 года.

С: Еще одно хочу сказать для характеристики Копелянского. Он пользовался большим уважением как переводчик. Он закончил немецкую школу десятилетку. Пользовался уважением у всего руководства. Если Абакумову нужно было, он как правило приглашал его. Во время отдыха в Сочи, Копелянский переводил ему на даче. И на Колпачный, где он жил, тоже приглашал переводить. Я ему тоже переводил несколько раз, но непосредственно в здании. Стеснов переводил буквально несколько раз. В основном переводил Копелянский. Если его не могли найти, то обращались к нашей помощи. Это было обычно в ночное время с 2 до 4 часов. Кто-то, может быть, из руководства мог сказать ему прямо, минуя начальника секретариата, что сегодня будем допрашивать, чтобы он вызывал

такого-то к такому-то часу. Такое еще могло быть. Но это мог кто-то из больших людей, но не начальник отделения, не его заместитель, не заместитель начальника отдела. Такого не было. Даже не начальник отдела. Такой практики не существовало.

Вопрос: Но если представить гипотетически, чтобы закрыть этот вопрос до конца. Прибыли вы в помещение, где должны проводить допрос, куда надо вызывать человека. Начальник, например, говорит Копелянскому: "Даниил, позвони, вызови такого-то". Естественно, что звонит Копелянский, говорит, что это он и просит доставить Валленберга в такое-то помещение. Такое могло быть?

С: Могло быть.

Реплика: И естественно, что в журнале появляется запись, что это Копелянский, хотя на самом деле он был там на вторых ролях, т.е. только переводил.

С: Такое могло быть. А вообще практика такая была, что сам всегда вызывал к себе и работал.

Реплика: Понятно. И еще, Борис Алексеевич, чтобы вы знали. По результатам нашей беседы с Даниилом Григорьевичем он категорически отрицал, - категорически! - что работал в Лефортово. Прямо сказал нам в ответ, что вы... (обрыв з/з). Он сказал: "Я работал во внутренней тюрьме, но в Лефортове я никогда ни с кем из арестованных не работал".

С: А в Бутырках?

Реплика: Да, он сказал, что в Бутырках - да. А по поводу Лефортова он сослался на память и сказал, что если и бывал, то очень редко.

С: Может быть, редко. Но он ведь был там. И в Бутырках работал. Это я хорошо знаю. Я не представляю себе так, зрительно, что

я с ним в Лефортово встречался. Но он должен был там быть. Поскольку основная часть немцев содержалась в Лефортово. В Бутырках я точно помню. Потому что у нас был с ним такой комедийный случай. Он вызвал на допрос арестованного, разговаривал, а арестованный вскочил и стал его душить. Он такой крик поднял! Я в это время тоже был в Бутырках. Это я четко помню. Это я могу сказать безошибочно: там он был. И в Лефортово должен был быть.

Реплика: Да работал, работал, конечно. Ведь сохранились же журналы учета вызовов арестованных на допросы, а там же все фамилии перечислены, все это есть. Его фамилия встречается там очень часто. И не только по Валленбергу, но и по другим.

С: Да, да. Работал, работал.

Это он запамятовал.

Реплика: Это, конечно, немудрено. Прошло ведь полвека.

С: Конечно.

Реплика: Он же не говорит, что он не помнит те времена, если вспомнить подробно. Только в последующие годы, когда были публикации в газетах и т.д. То есть он ведь говорит немного иначе. Мы, конечно, можем проверить по стенограмме. Но у меня в памяти отложилось именно так, что если бы он имел какое-то отношение, то он бы помнил. А он не имел никакого отношения.

Реплика: А потом задали вопрос, что как следователь он мог не помнить, а как переводчик свою позицию... (не дог.). Я лично задавал этот вопрос. Он говорит, что он не помнит. Он не отрицал категорически. Это у нас записано.

Борис Алексеевич, у нас единственная просьба.

С: Я поговорю с ним.

Реплика: Просьба, поговорите с ним. Может, вам удобно и не по телефону, а так. Мы могли бы вас и подвезти.

С: Не надо, нет.

Реплика: Нет, не надо вмешиваться. Я думаю, вы лучше найдете общий язык без нашего участия.

С: Да, найдем. И он может подъехать. Посмотрим, как лучше.

Реплика: Тем более он говорил, что хотел к вам подъехать внучку посмотреть.

Он говорил, что он не только с вами встретится. Но, видимо, планы изменились.

С: После первого вашего разговора он мне позвонил.

Реплика: Нет, после второго.

С: Нет, я имею в виду после первого. Он мне сразу позвонил и сказал, что спрашивали, помню ли я такого-то. Он и меня спросил, помню ли я такого-то. Я сказал, что знаю это из прессы. "Я не помню совершенно", - говорит. Эту фразу он мне сказал. Добавил, что тоже узнал об этом из прессы.

Реплика: Тем более, что не хотелось бы самого Даниила Григорьевича ставить в неудобное положение, поскольку ведь работа-то продолжается. Где, что мы еще найдем - неизвестно. И если мы найдем что-нибудь, что неопровержимо доказывает, что он работал, то то, что он говорил ранее, будет, мягко говоря, труднообъяснимым.

А: А Кулешова вы не нашли?

Реплика: Умер.

С: Я думал, чем еще можно помочь. Попробуйте разыскать Синогенова. Это замнач внутренней тюрьмы, заместитель Миронова. Тогда он был еще молодой.

Реплика: Боюсь, что я с ходу не готов.

С: Почему я его называю? Он был заместителем начальника тюрьмы. Седой совершенно и вечно пьяный. Ходили слухи, что он лично принимает участие в расстрелах.

Люрваль (Л): Летом 1947 года была отменена смертная казнь в СССР. В мае 1947 года. Были ли случаи нарушения этого, применялись ли расстрелы?

С: Вполне возможно. Я не исключаю этого. По особому указанию. - Не исключено.

Вопрос: А по чьему указанию? Абакумова, например?

С: Да. А ему могли и сверху сказать. Финогенов много знает. Если он там сидел, шли какие-то разговоры. И Миронов - начальник тюрьмы - мог с ним делиться.

Вопрос: Финогенов - замначальника тюрьмы?

С: Да.

Реплика: Мы проверяли. Среди руководства на сегодняшний день живых не значилось, но фамилию Финогенова я дополнительно записал.

С: Миронов и тогда уже был в возрасте, а этот был молодой.

Вопрос: А как его звали, не помните?

С: У меня не было с ним никаких отношений. Не помню.

Вопрос: А звание какое у него было?

С: Майор, или капитан. По-моему, майор, все-таки.

Реплика: Я хочу вам показать копии тех документов, которые и ввели нас в это сомнение.

/Показывают С. бумаги./

Видите, это запись, которая была вычеркнута, эта - восстановлена.

Реплика: Дело в том, что записи в журнале за 1946 год, где упоминались Валленберг и Лангфельдер, были самым тщательным образом затушеваны, замазаны. Читайте самую нижнюю, восстановленную запись.

Л: С 10.30 до 13.00.

Реплика: 19 - это помещение. 10.30-13.00.

С: Понятно. 10.30. Это - значительное время: два с половиной часа. 203 кабинет, очевидно. Да?

Реплика: 203 - это камера в Лефортово, где содержался Валленберг. То есть: "из 203 камеры Валленберг к Копелянскому в помещение номер 19. Находился с 10.30 до 13.00".

С: Понятно.

Реплика: Номер 19 - комната. Он в то время был оперуполномоченным.

Реплика: Там внизу стоит дата, когда это было. Вот она - 17 июля 1946 года.

Л: Скажите, пожалуйста, очные ставки часто проводились?

С: В принципе, проводились. Не так часто. Если нужно было изобличить в чем-то арестованного, если он отрицал свое участие в каких-то делах, тогда проводилась очная ставка.

Реплика: Даниил Григорьевич так и заявил, что он никогда не проводил ни одной очной ставки за весь период своей работы в органах.

Реплика: Это он помнит точно. А если бы он проводил, тогда бы он вспомнил.

С: Да.

Реплика: (читают) Лангфельдер.

С: Да.

Реплика: (читают) "10.20-13.00. Туда же. Копелянский. 17 июля".

Вот сорок минут они были вместе. То есть это фактическая очная ставка.

С: Да, да. Получается очная ставка. И в том же кабинете.

Реплика: Все совпадает. И одновременно они прибывают обратно.

С: Значит, проводилась очная ставка.

Реплика: Слишком многое совпадает. Можно посмотреть просто из любопытства и следующую запись. Это следующая дата: "30 августа. Балленберг. Копелянский. 10.40-12.20".

Л: А здесь какое помещение?

Реплика: Помещение номер 21. 10.40-12.20.

Реплика: Да, в двадцать первом кабинете. То есть там были разные кабинеты? Вы приезжали в Лефортово...

С: (пер.) Какой свободен, такой и занимали.

Вопрос: Я хотел задать вам такой вопрос: какова ваша версия, почему здесь написано так, а Копелянский этого не помнит? Извините за такой вопрос.

С: На него не так просто ответить. Он когда ушел? По-моему, в пятьдесят третьем его уволили.

Реплика: В пятьдесят втором. Но потом он еще год был за штатом.

Л: (Он сам еврей. Это могло повлиять... (не дог.).

С: (пер.) Да, да. Это все с этим связано.

Я просто сейчас уже не помню, когда он ушел. В сорок третьем был Харьковский процесс. Он участвовал в нем. Это декабрь 43-го - январь 44-го.

Реплика: Это в пятьдесят третьем был Харьковский процесс.

С: Нет-нет, не в пятьдесят третьем. Декабрь 43-го - январь 44-го.

Вопрос: И участвовал в нем...?

С: Копелянский.

Вопрос: А что это был за процесс?

С: Это был процесс о душегубках.

Реплика: Судили карателей.

С: Один был русским и трое немцев. Четверых. С
Он все спрашивал,- интересно было,- когда что происходило, когда он ушел. Это же раньше было.

Реплика: Наоборот, позже.

Л: Харьковский процесс был в сорок третьем году или в пятьдесят третьем?

С: Да, позже Харьковского процесса. В то время он работал.

Реплика: Тогда он однозначно работал. Тогда он был оперуполномоченным.

С: Почему он не помнит? Работы было не так уж много. То есть до увольнения был небольшой период времени - через его руки прошло не так много людей. Трудно ответить, почему именно он не помнит. Видимо, он просто забыл. Может быть, в последующие годы. Нет ли каких записей за последующие годы?

Реплика: Нет, многие журналы уничтожены.

С: Нет ничего? Все уничтожено?

Реплика: Да нет, есть более поздние журналы, но их сейчас прорабатывают - пока фамилия Валленберга там не встречается. Кроме того, там есть много внутренних противоречий. Вот лефортовский журнал за сорок шестой год. Все тщательно закрашено и замазано, а в журнале за сорок седьмой год (то, правда, по внутренней тюрьме) - там полностью эта запись сохранена. Но в сорок седьмом году, правда, допрос вел уже другой человек.

С: Да, это я знаю, он был начальником нашего отделения.

Реплика: Но это уже весна сорок седьмого года. А это - лето сорок шестого. То есть это - те конкретные факты, исходя из которых, по крайней мере, мы обязаны быть уверены в том, что какое-то отношение к работе с Валленбергом Даниил Григорьевич все-таки имел. Случайно, просто так там эта фамилия появиться не могла.

С: Это безусловно. Какое-то отношение он имел.

Реплика: Сам Даниил Григорьевич (память ли здесь срабатывает или какие-то иные соображения - мне трудно судить точно) пока категорически возражает и категорически отрицает, что он все-таки имел отношение к этому делу.

Реплика: Понимаете, Борис Алексеевич, он же Гфрорнера назвал, я думаю, не-спроста. Он не назвал ни Иванова, ни Пе за. Он вел десятки, сотни арестованных. Давайте с вами поразмышляем. Он ведь почему-то взял и назвал именно его фамилию. Он мог назвать любую другую фамилию, но не назвал. И более того, опять совпадение. Опять здесь вопрос, вокруг которого могли бы крутить Валленберга. Но он назвал именно этого немца, который был в Будапеште. Именно немца, который был связан с еврейской организацией.

Л: Тем более он говорит, что ему дали указание, спросить Гфрорнера о "Джойнте". Он не помнит, кто давал указание. Но кто-то сверху это сделал.

Реплика: Тут очень много таких совпадений.

С: Он подтверждает свою работу в следчасти по особоважным делам?

Реплика: Подтверждает.

С: А кто же тогда вел допросы в следчасти, кто работал с Валленбергом?

Реплика: У нас есть данные только по 1947 год. Там перечисляются

работники следственной части по особо важным делам: ... чок, Вайндорф, Амелин, Копелянский, Кузьмишин. Из них единственный, кто может пролить хоть какой-то свет на это дело, Копелянский. Остальные не могут нам помочь в силу объективных обстоятельств. Даниил Григорьевич в силу каких-то обстоятельств, нам сложно судить, почему... (бросает). Поэтому мы и просим вас помочь и подсказать Даниилу Григорьевичу, что если он вспомнит что-либо, то мы отнесемся к нему самым благожелательным образом и выполним все его условия - я имею в виду сохранение тайны и т.д.

С: Я могу поговорить с ним.

Реплика: Он воспринял все несколько эмоционально. В логике ему не откажешь, вы ведь его знаете. Записей у него не было. Он сказал, что этого не могло быть. Был порядок, который никогда не нарушался. Шла передача людей, и ошибок быть не могло. Причем нескольких ошибок. Одну можно было допустить.

Реплика: Я тоже прекрасно понимаю состояние Даниила Григорьевича, потому что разумные доводы в такой ситуации наверное найти сложно, а говорить ему с нами не хотелось.

Реплика: Кроме того, он воспринимает это событие как большое злодеяние. Он говорит, что участвовать в этом злодеянии он не мог. Он отрицает свое участие. Но мы ведь не говорим о чьем-нибудь злодеянии. Мы говорим об оценке советской или какой-либо другой стороны. Мы говорим об информации, а не разбираем степень чьей-либо вины. Что касается Копелянского, то и в отношении него речь может идти только об информации. Мы понимаем, что он был лишь маленьким винтиком в огромной машине.

Реплика: Главное, что нам нужно, это, как говорил Александр Андреевич, информация. Дело в том, что даже то, что мы знаем о

деятельности Валленберга - это довольно односторонняя и недостаточная информация. До сих пор у нас нет ответа на вопрос о мотивах и причинах того, что Валленберг заинтересовал МГБ, причем на очень высоком уровне. Чем он мог заинтересовать - непонятно. Но это уже другой вопрос. Нам, наверное, остается только поблагодарить...

С: (пер.) Еще одна деталь. После первой встречи с ним он мне позвонил и сказал, что ничего не помнит по этому делу и вспомнил только после публикаций. Я сказал, что вспомнил, что сдавал в архив материалы Валленберга - "материалы арестованного № 7". Учет дел вел Кулешов. Он мне сразу сказал, что фамилия Кулешов ему неизвестна. Но ведь этого не может быть, т.к. он работал в следственной части и все мы подчинялись Кулешову. Нашу группу сразу возглавил Кулешов. Дело в том, что там были иностранцы, а мы не следователи, и это была оперативная работа.

Реплика: В какое время Кулешов находился в руководстве.

Реплика: Мы уже восстанавливали даты.

С: Он работал в следственной части очень долго.

Реплика: Вот у меня в портфеле дело Гфрорнера. Здесь он подписывается таким образом - старший оперуполномоченный следственной части по особо важным делам МГБ СССР майор Копелянский. Дата - 23 февраля 1949 года. В это же время работал и Кулешов.

С: Да, он должен его помнить. Может быть, у него что-то с памятью?

Реплика: С памятью у него плохо исключительно в связи с Валленбергом. Лефортово у него тоже выпало из памяти.

Реплика: Но после беседы с вами он все-таки вспомнил кто такой Кулешов.

С: А мне сказал, что не знает. Я тоже удивился.

Реплика: Как же он не знает? Вот он пишет постановление о продлении срока следствия и содержания под стражей Гфрорнера. Подписывает его и отдает для визирования помощнику начальника следственной части по особоважным делам полковнику Кулешову. Значит, он работал под его руководством.

С: Значит, в разговоре с вами он его вспомнил, а со мной - нет.

Реплика: Он не хочет говорить, поэтому мы и решили прибегнуть к вашей помощи. Убедите его, пожалуйста, что он нам не нужен как таковой Копелянский, как следователь, как переводчик или как еще кто-либо. Он нам нужен как абсолютно независимое лицо, как сторонний наблюдатель, который мог бы дать нам информацию, любую информацию о Валленберге, чтобы мы могли определить пути дальнейшей конкретной работы по поиску его следов, чтобы установить его судьбу. Документальное установление судьбы Валленберга - основная задача для шведской и советской стороны в этом деле, насколько я понимаю. Проще говоря, речь идет не о его роли. Никто не хочет ее выяснять. Речь идет о фактической стороне дела, связанной с Валленбергом, о том, что по крайней мере, ему было известно. Хотя бы эти вызовы на допрос. Мы хотим прибегнуть к вашей помощи, как к посреднику. Понимаете, эти материалы потом могут быть и обнародованы. И, даже при условии его отказа содествовать комиссии, фамилия Копелянского, несомненно, будет фигурировать, будет выставлена на всеобщее обозрение. Зачем ему нужно брать тяжкий грех на свою душу и на свое потомство?! Ведь он уже в годах. Зачем ему уходить с этим грузом?! Я не понимаю.

Реплика: Попробуйте. Понимаете, нам с ним разговаривать не очень

удобно и по-человечески не очень деликатно.

Реплика: Да, надо брать именно человеческую сторону.

Реплика: Мы беседовали с ним, но, может быть, вам удастся убедить его. А не удастся - так не удастся. Что делать!

С: Дайте мне ваш телефон.

(17)

Ф О Н О Г Р А М М А

записи беседы с ЮРЛОВОЙ Анной Георгиевной
28 ноября 1992 года

У Ч А С Т В О В А Л И:

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн — второй секретарь Посольства Швеции в Российской Федерации

КОЗЛОВ Александр Андреевич — сотрудник Министерства безопасности Российской Федерации

3/76

Лефортово

Ю: Мы ходили по камерам, контролировали санитарное состояние.

К: Насколько часто вы ходили по камерам?

Ю: Часто.

К: Еженедельно или раз в десять дней, или раз в месяц?

Ю: Часто. Еженедельно.

К: Вы обходили все корпуса, все камеры или выборочно?

Ю: За каждым в санчасти было закреплено определенное крыло.

К: За вами было закреплено крыло постоянно?
Все этажи или какой-то один? Что вы помните?

Ю: Пожалуй, поэтажно. Я как-то сейчас и не помню. Кроме этого, мы раздавали два раза в день лекарства.

К: Тем, кто заболел, кто жаловался на состояние здоровья?

Ю: Да, и тем , кому было назначено. Мы ходили с тетрадкой и раздавали лекарства. Если они жаловались и просили, мы никогда не отказывали.
Не могу сказать за других, я лично относилась к заключенным очень хорошо. Потому что я думала, все ли они виноваты. Я как-то не считала, что передо мной преступник, я считала, что передо мной человек. Я никогда не грубила, они все ко мне очень хорошо относились.

К: Были ли среди них иностранцы?

Ю: Много иностранцев, но фамилий я не помню.

К: Вы могли забыть. Вы не можете вспомнить, на каком этаже находилась камера № 201?

Ю: На втором этаже.

К: То есть эту камеру вы тоже могли носещать для выдачи лекарств, осмотра санитарного состояния?

Ю: Да, это нам было незапрещено. Мы ходили, когда хотели. К санчасти относились хорошо, с пониманием. Не было возражений, если мы шли из санчасти в корпус, и говорили, что должны обойти камеры. Со мной шел прапорщик.
Мы шли вместе.

К: Тогда не было прапорщиков, тогда были сверхсрочнослужащие.

Ю: После войны? Когда они появились?

К: Прапорщики появились в 70-х годах.

Ю: Тогда это были сержанты, старшины. Вот я с ним и обходила закрепленные за мной помещения. Попутно я записывала жалобы, если они были, оказывала им помощь.
Я относилась к ним очень хорошо, они тоже относились ко мне

П /Присутствуют Козлов А.А., сотрудник МБ (К.) Бьерн Люрваль (Л), сотрудник посольства Швеции. Беседуют с Юрлово (Ю.) Анной Георгиевной у нее на квартире./

К: Анна Георгиевна, мы еще раз возвращаемся к уже сказанной теме, обращаемся к вам за чисто гуманитарной помощью оказать нам содействие в поисках следов пребывания у нас в стране, в бывшем Советском Союзе (сейчас будем считать, что это Россия) одного шведского гражданина, который, возможно, содержался в Лефортово, но под знаком военнопленного. Его зовут Раул Валленберг. Мы доподленно установили, что он там содержался знаем номер камеры, где он находился, знаем, с кем находился. Поэтому нашу беседу начнем с вашего свободного рассказа какую миссию вы выполняли в Лефортове, что и как там было. Нас интересует период с 1944 по 1947 год. Начнем с этого. Пожалуйста, Анна Георгиевна.

Ю: Пожалуй, я вам даже не помогу, потому что я не помню эту фамилию. Военнопленные там находились. Их было много. Но фамилий я не помню.

К: Не исключено, что фамилий вы могли и не помнить. В тот период вы работали там фельдшером.

Ю: Да.

К: В частности, занимались медицинским обслуживанием заключенных, которые там содержались.

Ю: Конечно.

К: Расскажите, пожалуйста, в чем заключалось ваша работа.

Ю: Когда заключенный обращался с жалобами на состояние здоровья я должна была оказать помощь. Я оказывала помощь. Было запрещено спрашивать заключенных: откуда, за что, как. Можно было спросить только фамилию, имя, отчество и жалобы на состояние здоровья. Это мы могли. Другие подробности меня не интересовали.

К: Абсолютно верно. Это была инструкция, вы ее строго соблюдали

Ю: Я только приходила в камеру, осматривала. Для меня было основное - человек. Заключенный или незаключенный - для меня это безразлично. На основании жалоб я оказывала медицинскую помощь.

К: Анна Георгиевна, вы общались с больными только по поводу жалоб или у вас были систематические осмотры их состояния?

Ю: Это тоже было

К: Как они осуществлялись?

очень хорошо.

К: Мы и не сомневаемся, Анна Георгиевна, подскажите, пожалуйста, среди военнопленных по характерным приметам вы не можете вспомнить человека, который был с ярко рыжими волосами? Подумайте. Он ярко рыжий, небольшого роста. Такой человек не обращался за помощью? Не остался ли у вас в памяти след о нем?

Ю: Через мое сознание, глаза, руки, память прошло столько людей что теперь я не могу никого вспомнить. Работа там была очень тяжелой. Я давно ушла на пенсию, полностью отключилась. Там было много несправедливости со стороны сотрудников.

К: Именно к вам? Или как?

Ю: Ко всем. И ко мне лично, и к другим тоже. Так как Сыромятников (?), Евдокимов были. Ну, и ко мне тоже, конечно, было. Я вот попутно могу сказать, что я там же и жила на территории в "Лефортово". В квартире было 7 семей. Напротив была у меня положительная такая соседка с дочкой, а муж ее был на фронте. И потом написал, что он встретил женщину и не вернет Наше начальство: Евдокимов, Сыромятников, Пьянков узнали об этом. Им нужно было ее выселить. Ко мне они до этого все относились хорошо. Начальники то есть. Я работала добросовестно, в помощи никому не отказывала. И все было вроде хорошо. А потом, когда Сыромятников, Евдокимов и Пьянков узнали историю этой женщины, то пришли и сказали, чтобы она освободила эту комнату, потому что квартира коммунальная, а она работала вагоновожатым на трамвае. А она говорит: "Да, куда же я пойду с ребенком?" А они ей говорят: "Куда хочешь!" Она, конечно, никуда не пошла. Они пришли, вытащили ее из квартиры за руки - за ноги.

К: Понятно, Вы хотите сказать, что ими была проявлена несправедливость по отношению к обслуживающему персоналу, а не заключенным.

Ю: Я сейчас скажу, почему я Вам все это рассказываю. Мама пригласила к нам эту женщину с ребенком, потому что им некуда было идти. И вот тогда Сыромятников, Евдокимов и Пьянков стали очень плохо ко мне относиться. Мстить, следить за мной, нет ли у меня каких-нибудь ошибок. И вот в это время мне было, конечно очень трудно работать. Ну, вот, у меня выпало из памяти то, с чем я хотела это связать. Ну, да ладно.

К: Ничего, может и вспомните. А вот Вы, как медицинский работ-

ник, не наблюдали фактов или жалоб со стороны заключенных на физическое рукоприкладство к ним или что-то такое?

Ю: Все было. Было что-то ужасное. Это все будет записано?

К: Да. Это же наша история.

Ю: А я и не боюсь. Моя жизнь уже прошла. И прошла в "Лефортово". А там тяжело было работать. Так тяжело, что я все время хотела уйти оттуда. У меня двое детей, а муж тоже на фронте кого-то встретил.

И мы расстались. И вот работа была страшная. Наш корпус был напротив следственного корпуса. И вот, когда дежуришь, слышишь, что следователи допрашивали арестованных очень жестоко, заключенные кричали на весь корпус. У нас в санчасти все это было хорошо слышно. Я сидела и дрожала. Я боялась, что сейчас меня вызовут, чтобы я оказала помощь. У меня был наготове чемодан. Но я не знала, смогу ли я оказать помощь. В каком состоянии человек? Вдруг умрет?

Это ужасно. И так ежедневно.

К: А были такие смерти?

Ю; Да, были. Прибегаешь, а человек уже мертв. Или притащат в санчасть, я вот не помню ни одной фамилии, а перед глазами образы некоторых остались. Так вот притащили одного, высокого роста, красивого, с черной бородкой, положили на пол. Я сделала ему укол. Сердечный. А он уже готов. На глазах у меня умер. Вот такие факты. Много таких фактов было.

Или еще самоубийства были. Повешения. Один повесился.Вызвали меня.Я прибежала.

К: В камере? Не помните номер?

Ю: Нет, не помню.Крыло не помню.А этаж третий или четвертый. Ну, в общем, я его откачала.Он остался жив. У него даже был на шее транквалиционная борозда.Это уже близко к смерти. Пульса уже не было.Я сделала ему искусственное дыхание.Жизнь ему возвратила.Его перевели потом на первый этаж. В какую-то там угловую камеру. Он там был.Я смотрела на него в глазок через дверь.Он был подавленный,ходил по камере. Но больше уже не обращался.Вот такой случай. Или еще вены вскрывали.

К: Сами себе?

Ю: Да. Или разбивали стекло и перерезали себе артерию. И такие случаи были.Выходишь из санчасти, слышишь какой-то крик, и уже дрожь пробирает.Я была молодая, да еще дети у меня был Ведь такое время было, что,думаю,детей оставишь.Ведь кого-нибудь из сотрудников время от времени сажали.Был и нет его. На работу не вышел.Почему? За что? Заместителя начальника по садили.Куравлева. Девять месяцев отсидел,оказалось ни за что Розенблюм, врач, у нас работала. Ей прикрепили определенные камеры. Мы никто не знали их фамилии.Только она туда ходила и оказывала помощь. Потом вдруг она исчезла.Когда этих заключенных, видимо, куда-то отправляли, и им уже не нужно было оказывать помощь, то и Розенблюм тоже оказалась не нужна. И ее посадили. Она осталась в тюрьме. Через 15 лет я ее встретил Она пришла к проходной. Ей когда-то положена была медаль и деньги надо было получить, я ее встретила, она заплакала и сказала, что 15 лет просидела. Ни за что.

К: Сейчас она жива?

Ю: Нет, наверное. Она намного старше меня.

К: Анна Георгиевна, а с кем бы мы могли поговорить, побеседовать в настоящее время? Кто мог бы оказать нам помощь?

Ю: Старых там никого не осталось. И, пожалуй, никто ничего не знает.Я даже никого не могу назвать.

К: В канцелярии не было знакомых? Из девушек, там работавших?

Ю: Нет, они с нами не общались. Им не разрешали ходить к нам в корпус. Документы, деньги заключенных были...

Какие-то деньги были у заключенных на книжке. Фамилии в бухгалтерии, в канцелярии знали, но в лицо их не видели.

К: Анна Георгиевна, я снова возвращаюсь к камерам 201 и 203. Насколько я понял из вашего рассказа, вы могли в процессе проверки санитарного состояния камер или обращения заключенных заходить в эти камеры, в том числе в 1945, 1946 и 1947 годах?

Ю: Все годы, которые я проработала, мы заходили в камеры беспрепятственно.

К: Естественно, вы видели содержавшихся там людей. У нас здесь есть несколько фотографий. Возьмите, пожалуйста, очки и посмотрите.

Ю: Это давно?

К: Свет включить?

Ю: Нет, не надо свет. Фотографии большие. Ну, вот вроде знакомое лицо. Но разве я могу вспомнить фамилию!

К: Дело даже не в фамилии, а просто в узнавании.

Ю: Знакомое лицо.

К: Посмотрите другие фотографии - в профиль, в анфас.

Ю: Вот что-то знакомое. Что я могу сказать? Лицо знакомое, но я не могу вспомнить фамилию, не помню, сидел ли он там в такой-то камере.

Л: А если называть другие фамилии, например, Рёдель?

Ю: Как?

К: Вилли Редель.

Ю: Сколько бы вы не назвали фамилий, их было так много, что я их сейчас никак не могу вспомнить.

Л: Кичман?

Ю: Когда вы называете, мне кажется, что я знаю, и в то же время я могу ошибиться. Много лет прошло, да и сколько лет я уже не работаю.

Л: Посмотрите, вот здесь схема тюрьмы.

Ю: На что мне схема-то?

Л: Нет, посмотрите, она верная?

Ю: Да, да.

Л: У нас есть предположение, что 203 камера была внизу

Ю: Ну да, начинается крыло с меньшего номера, а потом вот так /показывает/ обойти и здесь уже конец крыла.

Л: Тогда здесь должен был быть меньший номер, нет? 201, 202, 203, и так далее.

К: Видимо, так. Вот отсюда. Здесь он сидел, вот так они шли /показывает/ отсюда-сюда.

Ю: Да, вот так.

Л: А санчасть на каком этаже была?

Ю: На втором.

Л: И 203-я камера тоже была на втором этаже? Или на другом?

Ю; По-моему, последней была 201-я камера. А 203-я уже, наверное на третьем этаже.

К: С вами работали и другие девушки-фельдшеры?

Ю: Да. Протасова, Орлова.

К: Они сейчас здравствуют, на пенсии?

Ю: Да, они тоже на пенсии. Они моложе меня, но они раньше ушли с работы. Последней из старых сотрудников из санчасти уходила я. Потом пришла молодежь.

К: Протасова и Орлова выполняли такую же работу, как и вы?

Ю: Да, такую же.

К: То же самое - санитарное обследование камер, заключенных, оказание медицинской помощи?

Ю: Да, мы работали посменно.

К: Вы говорили, что вели свои записные книжки, в тетрадях записывали результаты медицинских обходов.

Ю: Да, это все было.

К: А книжки эти сохранились или вы их куда-то сдавали?

Ю: Наверное, они в архиве. Уничтожать их не уничтожали. На каждого больного /но не на каждого заключенного/ была амбулаторная карточка. Не обязательно больного, но на каждог обратившегося в медпункт. Эта медицинская карточка сохранялась. А когда он куда-то убывал, мы эту карточку сдавали вместе с вещами, с личным делом.

К: У вас же не было вещей, личных дел? Они были в канцелярии? Или где?

Ю: У нас была только медицинская карточка. А все остальное было на складе.

К: Вы не помните, кто заведовал этим складом с личными вещами заключенных?

Ю: Это кто-то...

К: Из контролерского состава?

Ю: Да.

К: А из офицеров, работавших непосредственно в Лефортово, вы не помните никого? Может быть, ныне здравствующего.

Ю: Там был такой Степанов... Да я уже все забыла, тем более, сейчас я волнуюсь. Вам бы в Лефортово попасть, к начальству, там вы скорее бы узнали.

К: Там все начальство уже молодое, они не могут никого назвать. Поэтому мы обращаемся к тем людям, которые работали в то время, в том числе, вас решили нобеспокоить.

Ю: Офицеры... Евдокимов, Сыромятников. Это партийные работники, а Евдокимов - заместитель начальника. Ивашко был начальником, но он умер еще тогда. Потом там работал Журавлев, который тоже ни за что просидел девять месяцев, Сыромятников, и Евдокимов, они выкинули их семью.

К: Вы не помните, как звали Журавлева?

Ю: Журавлевых было два. Один Журавлев был в комендатуре начальником смены, а второй был заместителем начальника тюрьмы.

К: Он какого примерно возраста?

Ю: Они оба были старше меня. Начальства там много было, оно менялось. Но я как-то не очень обращала внимание. Только когда началось преследование со стороны Евдокимова, Сыромятникова... Работа была очень сложная, у меня одна мысль была - уйти, потому что работать было очень опасно. Смотришь - пропала Розенблюм. Между прочим, я ее даже видела, когда ее привели на следствие, я шла по следственному корпусу - и вдруг ее ведут, волосы растрепаны, она кричит: "Ни за что посадили!" Вот эта врач, Розенблюм так и оставалась у меня перед глазами.

К: Анна Георгиевна, со следователем вы, естественно, не общались.

Ю: Только когда они вызывали.

К: Вот такие фамилии, может быть, придут вам на память: Копелянский, Соловов, Бубнов, Вайндорф, Карташов. Из контрразведки СМЕРШ ребята были. Не припоминаете?

Ю: Не то, что не припоминаю, но как-то фамилии следователей нас в санчасти не интересовали. Если нас вызывал следовате: в кабинет оказать помощь заключенным, я лично как-то не обращала внимания на следователя.Мне только было нужно разоб раться с состоянием заключенного, выяснить,что с ним - и все внимание на это.А там где-то стоит следователь - мне как то все равно было.

К: Анна Георгиевна, вам приходилось оказывать помощь иностранцам, военнопленным и.../не дог./

Ю: Да.

К: А как вы с ними общались? Ведь многие из них не владели языком, не могли высказать свои жалобы.

Ю: Как-то понимали.

К: Как-то понимали?

Ю: Да, жестами, рассказами.

К: То есть: переводчика при вас не было?

Ю: Не было, переводчика нам не давали.Все это было очень стро очень все было изолированно.И предупреждали, чтобы не было лишних слов, никаких расспросов, только по медицинской теме А так, чтобы выяснить, откуда он, кто он такой - нет, чтобы таких вопросов не было, никакого сожаления, ни сочувствия.

Л: А вы помните случаи сердечных приступов у заключенных?

Ю: Приступы?

Л: Да.

Ю: Я помню, умер один молодой. Это был уже военнопленный, в то время ему стало плохо.Фамилий я никого сейчас не помню, и не умышленно. Я бы с удовольствием назвала фамилию. Я не боюсь. Мне сейчас все равно, но я не помню.Потому что там было ужасно работать, все это вроде пережила, вроде все позади; несправедливость и к заключенным и между собой. Мне сейчас как-то все равно, я бы назвала фамилии. Вот помню, в звал один заключенный, молодой. Я не знаю, ему было лет 30 с небольшим, может быть. Пока я прибежала, он умер , у него был инфаркт.

К: В камере?

Ж: В камере.

Ж: Где-то на третьем этаже, 4 крыло.Там первое,второе, третье, и четвертое - по крыльям. Ну,где-то четвертое крыло.

К: А вот сейчас его можете описать?

Ю: Черты? Точно? Нет.

К: Высокий, невысокий.

Ю: Он среднего роста. То, что я могу сказать, что среднего роста, не лысый, ничего, у него волосы такие.

Л: /переб./ Это было днем или ночью, или когда?

Ю: Нет, это днем было

К: Вы по ночам не дежурили?

Ю: Круглые сутки.

: Вы дежурили круглые сутки?

Ю: Круглые сутки, и были бесконечные вызовы. Было очень много вызовов. Мы никому не отказывали, в том смысле, чтобы помощь была оказана своевременно. С этим у нас было строго, об этом нас предупреждали с самого начала. Например, когда я пришла работать в тюрьму, мне прямо сказали, что на всякий вызов – бегом.

К: Немедленно.

Ю: Немедленно. Помощь должна быть оказана своевременно и хорошо.

К: Квалифицированная.

Ю: И не только из жалости к заключенному, чтобы сохранить ему жизнь, а потому, еще, что заключенный был нужен для того, чтобы дать какие-то сведения при допросе по поводу того, с кем он связан. Вот еще для чего ему было нужно сохранить жизнь. А потому нам вопрос в санчасти был поставлен так: сохранить ему жизнь.

К: Анна Георгиевна, вы работали в Лефортово с 37-го, допустим, по 41-й годы, потом уезжали в Саратов, где вы работали.

Ю: Да.

К: И возвратились вы в Бутырскую, тоже фельдшером и потом с 44-го года снова пришли в Лефортово.

Ю: Опять в Лефортово, потому что.../не дог./

К: /переб./ И тут уже.../не дог./ Я вам помогаю. Здесь уже было послевоенное время, мы победили. Так?

Ю: Да.

К: И вот здесь содержатся военнопленные. И каково было ваше отношение? Изменилось ли что-либо от того, что это были уже военнопленные? Что-то, как-то?

Ю: Нет, даже нисколько.Я лично про себя скажу, я совершенно ко всем относилась одинаково.

К: Я понимаю.

Ю: Военнопленный он или нет.

К: А как относились к военнопленным следовали?

Ю: Этого я не знаю.

К: То есть нет, я имею в виду то,что вы говорили, что где-то были случаи рукоприкладства, где-то физическое .../брос./ К военнопленным.../не дог./

Ю: /переб./ К военнопленным, по-моему.../не дог./

К: /переб./ К военнопленным было такое же отношение?

Ю: По-моему, военнопленных не избивали, нет.По-моему, военнопленных не избивали и относились к ним просто нормально.

К: То есть: фактов применения физической силы к военнопленным не было?

Ю: Нет, по-моему, этого уже не было.По-моему, этого не было. А после войны, вообще, таких случаев как-то меньше было.Это было больше до войны.

К: Это вы относите к тем, 37-м годам, когда вспоминали?

Ю: Да, да, это тогда больше было.

К: А после войны вот этого уже не наблюдалось?

Ю: А после войны, да, меньше. Этого как-то уже не наблюдалось.

К: А таких фактов по отношению к военнопленным, вы вообще не помните?

Ю: Нет, нет.К военнопленным - нет.Их не избивали.

Л: А как были одеты военнопленные в камерах?

Ю: Какие камеры были?

Л: Как они были одеты, в чем?

Ю: В чем прибыли, в том они и были.

К: В чем прибыли, то есть: им.../не дог./

Ю: /переб./ Форма немецкая.

К: /переб./ Специальной формы.../не дог./

Ю: /переб./ Немецкая форма.

К: /переб./ Нет, специальная арестантская форма в Лефортово не выдавалась?

Ю: Нет, нет, никому.Кто в чем прибыл, в том и был.

К: Среди них были и в гражданской одежде,и в форме.

Ю: Да, только , если военный, срывали знаки.

К: Погоны, знаки отличия.

Ю: Знаки отличия. А форма оставалась, одежда оставалась. Нет, из военнопленных как раз никого не избивали. И в то время уже меньше. Это относится действительно к 37-ому году, вот этим годам, до войны. Там была, конечно, ужасная жестокость. А после войны уже другое, да и начальство у нас какое-то уже другое было. Как-то уже мягче все. А к заключенным у нас вообще обслуживающий персонал относился неплохо. Следователи - да.

Л: А фамилия Смольцов вам известна?

Ю: Вы знаете.../не дог./

Л: /переб./ Смольцов - это был начальник медицинской части внутренней тюрьмы на Лубянке. Мы вам вот так вот говорим.

Ю: Да, но это там был, я там.../не дог./

Л: /переб./ А у вас кто был начальником медсанчасти?

Ю: Яншин.

К: Яншин?

Ю: Яншин, да.

К: Но он уже в возрасте был?

Ю: Да, он тоже старше меня был тогда. А потом Розенблюм.

К: А потом была Розенблюм, после войны? Розенблюм была после войны?

Ю: Нет, она до войны была.

К: До войны была.

Ю: А Яншин после войны.

К: Яншин был после войны?

Ю: После войны. Он умер. А Розенблюм была до войны.

К: А после Яншина кто был? Имеются в виду вот эти годы: с 45-го по 50-й, допустим. Кто в эти годы был начальником медсанчасти?

Ю: Пришла Валентина Павловна Бурзакова.

К: Бурзакова?

Ю: Да. Она.../запись испорчена/ после меня.

К: На пенсию?

Ю: Нет, она не на пенсии, она как раз моложе.

К: Моложе вас? Валентина Павловна Бурзакова?

Ю: Да.

К: Она, примерно, когда пришла? В конце 40-х, сразу после войны?

Ю: Значительно позже, после войны в какие-то годы.

К: Значительно позже?

Ю: Да.

К: Нас интересуют как раз вот эти 5 лет после победы. Именно этот период времени.

Ю: Там тогда работал Яншин в эти годы.

К: Яншин?

Ю: Начальник санчасти Яншин.

Л: Там тогда работали, вы говорили, Протасова, Орлова.

Ю: Протасова раньше.

Л: Именно в эти годы: с 45-го года?

Ю: Да.

К: Протасову как звали?

Ю: Мария Георгиевна.

К: Мария Георгиевна Протасова. А Орлову?

Ю: Зоя Васильевна.

К: Зоя Васильевна Орлова. Вы с ними не встречались, сейчас они живы-здоровы?

Ю: Они живы, а здоровы ли - не знаю.

К: Я понимаю. Вы не поможете нам, хотя бы установить, где они живут, чтобы побеседовать так же с ними.

Ю: Я вам дам телефон.

К: Обеих?

Ю: Да.

К: Речь идет о чем? Чтобы вы знали. Мы разговариваем и с контролерским составом. Но они говорят: "Вот мы стоим на посту, нам ничего, в принципе, кроме обличия"... /брос/ А так все-таки, может быть, мы выйдем через какое-то оказание медицинской помощи. Тем более вы были не причастны ни их физической, ни к какой охране. Вы наоборот, оказывали им../не дог./

Ю: Орлова и Протасова, пожалуй, вам ничего не скажут.

К: Ничего, да?

Ю: Протасова /усмехается/, она очень плохо относилась к заключенным, потому что она грубая. Если есть вызов, а они вызывали часто, потому что им надоедает сидеть в камере, больной, не больной, а вызовет, хоть вазелином помазать.

Вот она ходила и всех отчитывала. Они жаловались следователю следователь беседовал с ней, а она: "Ладно, ладно, я не буду, не буду грубить теперь им".

Через день она опять начинает грубить, так что она вам, наверное, ничего не скажет.

К: Ну, ладно.

Ю: А Орлова тоже всех понемножку отчитывала:"Что вы вызываете!?" Самая терпеливая я была.Я никогда с ними не грубила.

К: В данном случае мы ведем речь не о наших с вами соотечественниках.Нас интересуют военнопленные.Вот эти вопросы.

Ю: Я вам скажу,что они обращались очень редко.

К: Очень редко?

Ю: Очень редко. Я не знаю,почему.Или они боялись,что вот они попали к русским - бесполезно жаловаться, что ли?! Почему, я не знаю, но обращались они как раз редко.

К: Хорошо, а вот еще один вопрос, Анна Георгиевна. Все ли военнопленные шли у вас под национальностью немец, или среди них были венгры, чехи, шведы?

Ю: Нет,мы не писали национальность.

К: Не писали национальность?

Ю: Мы писали в карточку фамилию, имя, отчество, год рождения- и все. Больше мы в карточке ничего не писали.И его состояние.

К: А если он не умел говорить по-русски, как вы все это узнавали, или вам эти данные.../не дог./

Ю: Узнавали как? Он жестами показывал.Если сердце болит - жестами,если горло - так горло показывал.Если сердце болит, ну, ладно, надо сделать электрокардиограмму, что у него с сердцем.

К: А медицинскую помощь эти военнопленные принимали от вас безбоязненно?

Ю: Да.

К: Не боялись?

К: Они доверяли вам?

Ю: Доверяли.К санчасти они относились спокойно.

К: Спокойно относились?

Ю: Да, но они, как раз, обращались редко. Почему редко- я не знаю, но у нас даже вопроса такого не было:"Почему военнопленные к нам редко обращаются". Не обращаются, ну, значит, не нужно - и все. Вот один плохо себя чувствовал - умер скоропостижно. Они обращались, но очень редко.

К: В общем вы, исходя из нашей беседы, можете ли нам сейчас предложить какого-либо человека или бывшего сотрудника, ветерана, который чем-то мог бы нам способствовать в поисках?

Ю: В Лефортово вам был подсказали поскорее. Конечно, скорее бы подсказали. Я даже не знаю, кто сейчас жив, где кто. Мы общались-то мало. Ну, правда, какое у нас общение? Вот выходишь из санчасти на корпус и говоришь какому-нибудь прапорщику: "Пойдемте по камерам, мне нужно войти, посмотреть санитарное состояние". Беспрепятственно. Они нам никогда не отказывали - к санчасти так относились, что если нужно, так нужно. Вот мы так общались.

Или идешь лекарства раздавать. Мы брали кого-нибудь из дежурных, кто дежурил на посту. Пост такой был, был корпусной, который обходил по всем постам. Он сидел за столом на I-м этаже. Идешь к нему, обращаешься и, говоришь: "Пойдем, обойдем" или "Пойдем раздавать лекарства". Чтобы раздать лекарства, надо открыть окошко. Нужно иметь такой ключ. Он открывал - я в окошко подавала лекарства. Не в дверь, а в окошко. А если что-то нужно сделать на месте, то потом нас в санчасть вызывали. Если перевязка - так в санчасть, если банки - в санчасть вызывали. А если выпить лекарство, то подходишь к двери и давали лекарство в эту форточку.

К: Спасибо, Анна Георгиевна, есть вопросы?

Л: Нет, по-моему, .../не дог/

Ю: В общем-то я вам ничего полезного не дала.

К: Как сказать!

Ю: Я вчера вам так и сказала, что я вам полезного ничего не скажу.

К: Спасибо, конец беседы с Юдловой Анной Георгиевной.

(18) копия НМ

З А П И С Ь

фонограммы беседы с Юрловой Анной Георгиевной 26 ноября 1992 года:

Участвовали:

Люрвалль Бьерн – 2 секретарь Посольства Швеции в России

Козлов Александр Андреевич – сотрудник Министерства безопасности России

В помещении находятся Юрлова Анна Георгиевна (АГ), Козлов Александр (К.) и Люрваль Бьёрн (Л.).

К: 26 ноября 1992 года представитель Министерства безопасности Козлов Александр и представитель посольства Швеции Люрваль Бьёрн беседуют с Юрловой Анной Георгиевной у нее на квартире.

Анна Георгиевна, мы обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в поисках следов пребывания в нашей стране одного шведского подданного, который содержался в Лефортове в качестве военнопленного. Его звали Рауль Валленберг. Нами доподлинно установлено, что он содержался в Лефортове. Нам известен номер камеры, в которой он находился, мы знаем, с кем он там сидел Мы хотели бы, чтобы Вы рассказали нам, что Вы делали в Лефортове в 1944-1947 годах.

АГ: Я, пожалуй, ничем Вам не помогу, так как я не помню этой фамилии. Я знаю, что в то время в Лефортове находились военнопленные. Их там было много. Но я не помню этой фамилии.

К: Вы ведь в то время работали в Лефортове фельдшером и оказывали медицинскую помощь тем заключенным, которые там содержались?

АГ: Да, конечно.

К: Расскажите, в чем заключалась Ваша работа?

АГ: Я должна была оказывать медицинскую помощь тем заключенным, которые обращались с жалобами на состояние здоровья. Нам было запрещено расспрашивать заключенных. Мы могли только спросить заключенных об их фамилии, имени и отчестве и об их жалобах на состояние здоровья. Мы не имели права спрашивать их ни о чем ином. Да это нас совсем и не интересовало.

К: Да. Ведь так было положено по инструкции. И Вы эту инструкцию строго соблюдали.

АГ: Конечно. Для нас эти люди прежде всего были больными.

К: Вы оказывали помощь только тем заключенным, которые жаловались на свое здоровье? Наверное, так же проводились и систематические осмотры их физического состояния?

АГ: Да, конечно. Такие осмотры проводились.

К: Как они проводились?

АГ: Прежде всего, мы ходили по камерам и осматривали их санитарное состояние.

К: Как часто проводились такие осмотры?

АГ: Еженедельно.

К: Вы обходили все корпуса?

АГ: Нет. Мы у себя в санчасти закрепили за собой по одному из крыльев Лефортова.

К: За Вами были закреплены все этажи этого крыла?

АГ: Да. Кроме того, мы раздавали лекарства тем заключенным, которые в них нуждались. У нас была для этого специальная тетрадь, куда заносили номер камеры, фамилию и лекарство. Если у них были жалобы, мы им никогда не отказывали. Я всегда хорошо относилась к заключенным. Я ведь не знаю - виноват человек или нет. Поэтому и видела в них людей, а не преступников. Я им никогда не грубила, и они ко мне хорошо относились.

К: А иностранцы среди них были?

АГ: Их было много. Но фамилий я не помню.

К: А Вы сейчас не помните, на каком этаже находится 201 камера?

АГ: Помню. На втором этаже.

К: И Вы могли посещать 201 камеру для выдачи лекарств и осмотра санитарного состояния?

АГ: Да. Мы могли ходить туда в любое время. К санчасти все хорошо относились. Когда я выходила из санчасти и шла в корпус, то мне никто не препятствовал. Я просто говорила: "Мне надо осмотреть санитарное состояние камер". Мне давали провожатого из охраны, и я шла по камерам.

К: А среди военнопленных или людей, содержавшихся там под названием военнопленных, не было ли яркорыжего человека небольшого роста? Не обращался ли он к Вам за врачебной помощью?

АГ: Не помню. Через мои руки прошло столько людей, что я никого не могу вспомнить. Кроме того, я уже давно ушла на пенсию и совершенно отключилась от всего, связанного с той работой. Работа там была очень тяжелой. Кроме того, там допускалась несправедливость по отношению к сотрудником, в том числе и ко мне. Я жила на территории Лефортова в коммунальной квартире, где жило в общей сложности 7 семей. У меня напротив жила соседка, муж которой ушел на фронт и там завел себе новую жену. А так как его прежняя жена не была сотрудницей, то наши начальники - Сыромятников, Евдокимов и Пьянков - стали ее выгонять из комнаты. Ей некуда было идти, и я разрешила ей жить у

себя, пока она себе найдет жилье. После этого начальство стало за мной следить и всячески ко мне придираться. Так что работать было очень тяжело.

К: А вы, как медицинский работник, не сталкивались со случаями рукоприкладства по отношению к заключенным?

АГ: Все это было. А это все будет записано?

К: Конечно. Ведь это - наша история.

АГ: Ну и ладно. Я уже ничего не боюсь. Моя жизнь прошла в Лефортове. Там было тяжело работать. Я не раз думала о том, чтобы уйти. У меня было двое детей, а мой муж также завел себе на фронте новую жену. Работа была просто страшной. Наш корпус находился напротив следственного корпуса. Следователи допрашивали подследственных очень жестоко. Заключенные при этом очень громко кричали и в санчасти все было хорошо слышно. Когда я сидела в санчасти на дежурстве, я просто дрожала. Я боялась, что меня вызовут оказывать помощь подследственным. У меня всегда был наготове чемодан и я должна была по вызову бежать оказывать помощь. И я не знала, смогу ли я ее оказать. Все зависело от того, в каком состоянии находится человек. Ведь он мог и умереть. И так изо дня в день!

К: А бывали случаи смерти?

АГ: Да, были. Бывало, прибежишь, а он уже мертв. Или принесут человека в санчасть ...(не дог.). Я не помню их фамилий, но некоторых хорошо запомнила в лицо. Помню, принесли одного. Он был высокого роста, красивый, с черной бородкой. Его положили на пол. Я ему сделала сердечный укол, а он уже умер. Таких случаев было много. Бывали и самоубийства. Один заключенный повесился в камере. Я не помню крыла здания, но это был или 3, или 4 этаж. Я его откачала, он остался жив, хотя у него уже была на шее стратуляционная борозда и не было пульса. Я ему сделала искусственное дыхание, и он остался жив. Его потом перевели на первый этаж, в угловую камеру. Он не обращался за помощью. Я его видела в глазок, он ходил по камере очень подавленный, но за помощью не обращался. Бывали случаи, люди себе вскрывали вены. Или разбивали стекло и разрезали себе артерию. Когда выходишь из санчасти и услышишь крики, сразу дрожь пробирает. Я боялась оставить своих детей одних. Ведь было такое время, что многие сотрудники сами попадали в тюрьму. Приходишь на работу, а человека нет. Где

человек? – Посадили. Нашего заместителя начальника Журавлева посадили. Он отсидел 9 месяцев, как потом выяснилось, ни за что. У нас работала врач Розенблюм. Ее прикрепили к нескольким камерам. Мы не знали, кто там сидит. Только она знала фамилии этих людей, и только она ходила оказывать им помощь. А потом Розенблюм исчезла. Видимо, этих заключенных куда-то отправляли и Розенблюм тоже стала не нужна. Ее посадили. Я ее потом встретила у проходной. Ей нужно было получить то ли медаль, то ли деньги. Она заплакала и сказала: "Я просидела 15 лет ни за что".

К: А она сейчас жива?

АГ: Вряд ли.

К: Она старше Вас?

АГ: Да. Намного старше.

К: А с кем бы мы еще могли поговорить?

АГ: Из старых сотрудников уже никого не осталось. Я не могу Вам назвать никого, кто мог бы Вам помочь.

К: А Вы никого не знали из девушек, работавших в канцелярии?

АГ: Нет. Мы с ними не общались. Им даже не было разрешено ходить в корпус. Они работали с документами, знали фамилии заключенных, но самих заключенных никогда не видели. Ни бухгалтерия, ни канцелярия Вам ничего сказать не смогут.

К: Насколько я понимаю, Вы могли в 1944-1947 годах часто заходить в камеры 201 и 203?

АГ: Конечно.

К: Значит, Вы могли видеть тех людей, которые в этих камерах содержались? У нас есть фотографии, посмотрите их, пожалуйста.

(Рассматривают фотографии)

АГ: Это лицо мне знакомо. Но фамилию я не могу вспомнить.

К: Посмотрите другие фотографии.

(Рассматривают фотографии)

АГ: Это лицо мне знакомо. Но я не помню фамилии и не могу сказать, сидел ли он в этой камере.

К: А фамилия Рёдель Вам ничего не говорит? Вилли Рёдель?

АГ: Вы знаете, этих фамилий было так много, что я их уже не помню. Много лет прошло, и я уже много лет не работаю.

Л: Посмотрите схему тюрьмы. Она правильная?

(Рассматривают схему)

АГ: Да. 201 и 203 камеры находятся в начале крыла.

Л: А санчасть на каком этаже была?

АГ: На втором этаже.

Л: А 203 камера была тоже на втором этаже?

АГ: 201 камера была на втором этаже, а 203 - уже на третьем.

К: А где сейчас те девушки-фельдшеры, которые с Вами работали? Они сейчас на пенсии?

АГ: Да. Они сейчас на пенсии. Они моложе меня. Их фамилии - Протасова и Орлова. Они ушли с работы раньше меня. Из старых сотрудников я уходила из санчасти последней. После нас пришла уже молодежь.

К: А Протасова и Орлова выполняли такую же работу, как и Вы?

АГ: Да. Мы работали посменно.

К: А те тетради, книжки и документы, которые Вы вели, сохранились?

АГ: Я думаю, они в архиве. Ведь их не уничтожали. На каждого больного была заведена амбулаторная карточка. Такую карточку заводили не на каждого заключенного, а только на тех, кто обращался в санчасть. Эта карточка хранилась у нас. А когда заключенный убывал от нас, карточку сдавали вместе с вещами и личным делом.

К: А личного дела и вещей у Вас не было?

АГ: У нас была только медицинская карточка. А вещи были на складе.

К: А кто заведовал складом личных вещей заключенных?

АГ: Это был кто-то из контролерского состава.

К: А вы никого не помните из офицеров, работавших в Лефортове? Может быть, кто-то из них еще жив?

АГ: Это Вам лучше обратиться в Лефортово, к тамошнему начальству.

К: А там сейчас все начальство молодое. Они никого не могут назвать. Поэтому мы обращаемся к тем людям, которые работали в то время.

АГ: Из офицеров я помню Евдокимова, Сыромятникова. Сыромятников был партийным работником, а Евдокимов - заместитель начальника. Начальником был Ивашко, но он еще в то время умер. Там еще работал Журавлев, который ни за что просидел 9 месяцев. Сыромятников и Евдокимов тогда тоже выкинули его семью на улицу.

К: А Вы Журавлева не помните?

АГ: Журавлевых было двое. Один был начальником смены в комендатуре, а другой - заместителем начальника тюрьмы.

К: А какого он был возраста?

АГ: Они были старше меня. Вообще начальства у нас было много, оно часто менялось. Я вообще мало интересовалась тем, что там происходит. Работать было тяжело, тем более, что у меня были пло-

хие отношения с Сыромятниковым и Евдокимовым. Я часто думала о том, чтобы уйти. Работать было просто опасно, сотрудников самих часто сажали. Так было и с Розенблюм. Я раз видела ее, когда ее привели на следствие. Я тогда шла по следственному корпусу и увидела Розенблюм. Волосы у нее были растрепаны, она все время кричала: "Ни за что посадили!"

К: А со следователями Вы не общались?

АГ: Я общалась с ними только тогда, когда меня вызывали.

К: Я Вам назову некоторые фамилии, может быть, Вы что-нибудь вспомните: Копелянский, Соловов, Бубнов, Вайндорф, Карташов. Они тогда работали в контрразведке "Смерш".

АГ: Я ничего не помню. Нас в санчасти фамилии следователей не интересовали. Следователи нас вызывали в кабинет, чтобы оказать помощь заключенному. Мне тогда надо было разобраться с состоянием заключенного и оказать ему помощь. Все мое внимание было тогда занято именно этим. Следователь обычно стоял где-то рядом, но я на него не обращала внимания.

К: Вам ведь приходилось оказывать помощь и военнопленным? Как Вы с ними общались? Ведь они, как правило, по-русски не говорили?

АГ: Мы как-то понимали друг друга, объяснялись с помощью жестов.

К: Переводчика при Вас не было?

АГ: Нет, переводчика нам не давали. Все было очень строго. Нас предупреждали о том, чтобы не было лишних слов, всяких расспросов. Мы могли говорить только о состоянии здоровья. Мы не могли расспрашивать их о чем-либо ином, нам нельзя было выражать какое-либо сожаление или сочувствие.

Л: А Вы не помните случаи сердечных приступов у заключенных?

АГ: Помню. Я помню, как умер от сердечного приступа один молодой военнопленный. Ему было лет 30. Меня вызвали к нему в камеру. Пока я туда бежала, он уже умер. У него был инфаркт. Я не помню его фамилии.

К: Он умер у себя в камере?

АГ: Да.

К: А Вы не помните, в какой камере?

АГ: Эта камера находилась на 3 этаже 4 крыла.

К: А Вы сейчас не могли бы описать его внешность?

АГ: Я не помню точно его черты. Он был среднего роста, не лысый.

Л: Он умер днем или ночью?

АГ: Днем.

К: Вы ведь дежурили круглые сутки?

АГ: Мы дежурили круглые сутки. Вызовов было очень много. Мы никому не отказывали в помощи.

В том смысле, что помощь нужно было оказывать своевременно. С этим было строго. Нас предупреждали об этом с самого начала. Например, как только я пришла работать в тюрьму, мне сразу сказали: "На любой вызов - бегом".

К: Немедленно?

А: Немедленно. Помощь должна была оказываться своевременно. И хорошая помощь.

К: Квалифицированная.

АГ: Не только из жалости к заключенному, чтобы сохранить ему жизнь. А он еще был нужен для того, чтобы сообщить еще какие-нибудь сведения при допросе. По поводу связей. Вот еще почему ему надо было сохранить жизнь. И поэтому вопрос у нас в санчасти был поставлен именно так: сохранить заключенному жизнь.

К: Анна Георгиевна, вы работали в Лефортово с 37 по 41 год. Потом уезжали в Саратов, работали там.

АГ: Да.

К: А возвратились вы в Бутырскую? Тоже фельдшером?

АГ: Да.

К: И потом, с 44-го года снова пришли в Лефортово, да?

АГ: Опять в Лефортово.

К: Я хочу перейти к событиям послевоенного времени. Мы победили. В той тюрьме содержались военнопленные. Изменилось ли что-нибудь в связи с этим? Каково было отношение к ним?

АГ: Нет, ничего не изменилось. Я могу сказать лично про себя. Я относилась ко всем совершенно одинаково. Независимо от того, военнопленный это или нет.

К: Я понимаю. А следователи как относились к военнопленным? Вы говорили о том, что где-то имело место рукоприкладство, физическое воздействие. Было такое?

АГ: По-моему, военнопленных не избивали. Нет, к ним относились нормально.

К: То есть, фактов применения физической силы к военнопленным не было?

АГ: Нет, по-моему, этого уже не было. После войны вообще как-то меньше этого было. Больше всего было до войны.

К: Вы имеете в виду 37-ой год?

АГ: Да, тогда этого было больше.

К: А после войны уже этого не наблюдалось?

АГ: Да, после войны уже как-то меньше.

К: А по отношению к военнопленным вы вообще таких фактов не при-

помните?

АГ: Нет, не припомню. Их не избивали.
Л: А как были одеты военнопленные?
АГ: В чем прибыли, в том они и были. В немецкой форме.
К: Специальная арестантская форма в Лефортово не выдавалась?
АГ: Нет, никому. Кто в чем прибыл, в том и был.
К: То есть, были в гражданской одежде, и в форме?
АГ: Да. Только, если военный, то срывали погоны и знаки отличия. А одежда, форма, оставалась. Нет, военнопленных как раз никого не избивали. В то время этого было уже меньше. До войны, в 37 году, было, конечно, ужасно жестоко. А после войны уже было по-другому. Да и начальство у нас уже было какое-то другое. Как-то все было уже мягче. И вообще обслуживающий персонал относился у нас к заключенным неплохо. Это следователи могли относиться по-разному.
Л: А фамилия Смольцов вам известна?
К: Смольцов был начальником медицинской части внутренней тюрьмы на Лубянке. Мы вам говорили.
АГ: Да, но это было там. Я там не бывала.
К: А у вас кто был начальником медсанчасти?
АГ: Яншин.
К: Он был уже в возрасте?
АГ: Да, он был старше меня. А потом была Розенблюм.
К: Она была после войны? Розенблюм?
АГ: Нет, она была до войны. А Яншин - после войны. Он умер.
К: А после Яншина кто был? Допустим, с 45-го по 50-й годы? Кто был начальником медсанчасти?
АГ: А потом пришла Валентина Павловна Бурзакова. После Яншина. Потом она ушла. После меня.
К: На пенсию, да?
АГ: Нет, не на пенсию. Она как раз была моложе.
К: Моложе вас, да?
АГ: Да.
К: Валентина Павловна Бурзакова. А когда она примерно пришла? В конце 40-х годов? После войны?
АГ: Да, значительно позже, после войны.
К: Нас интересуют как раз вот эти 5 лет после победы. Именно этот период времени.
АГ: Тогда работал Яншин. В эти годы он был начальником санчасти.

Л: Вы говорили, что тогда работали Протасова, Орлова.
АГ: Да, это были фельдшера.
Л: Они работали тоже примерно в эти годы? С 45-го по 47-ой?
АГ: Да.
К: Протасову как звали?
АГ: Мария Георгиевна.
К: А Орлову?
АГ: Зоя Васильевна.
К: А вы с ними сейчас не встречаетесь? Они живы-здоровы?
АГ: Они живы. А насчет здоровья не знаю.
К: Я понимаю. Вы не поможете нам хотя бы установить, где они живут Чтобы побеседовать, как с вами.
АГ: Я вам дам телефон.
К: Обеих?
АГ: Да.
К: Чтобы вы знали, речь идет вот о чем. Мы разговариваем и с контролерским составом. Но они говорят, что, мол, мы стоим на посту и ничего не знаем, ничего не видим, кроме внешнего вида людей. А так, может быть, мы выйдем на то, что нам нужно, через оказание медицинской помощи. Тем более, вы не были причастны ни к какой охране. Наоборот, вы оказывали помощь.
АГ: Орлова вам, пожалуй, ничего не скажет. И Протасова тоже.
К: Да?
АГ: Протасова очень плохо относилась к заключенным. Она такая грубая. Вызывали нас часто. Заключенным надоедало сидать в камерах Чуть что - сразу вызывают, даже если и не болен. Ну, вот, она ходила и всех отчитывала. Они жаловались следователю. Следователь с ней беседовал, она говорила, что не будет больше грубить. А через день все опять начиналось сначала. Так что, она вам, наверное, ничего не скажет. Орлова тоже всех понемножку отчитывала. В общем, самая терпеливая была я. Я никогда не грубила заключенным.
К: Ну, в данном случае, мы ведем речь не о наших с вами соотечественниках. Нас интересуют военнопленные. Вопросы, связанные с ними.
АГ: Я вам скажу, что они обращались очень редко.
К: Редко?
АГ: Да. Я не знаю, почему. Возможно они боялись того, что попали к русским и считали, что жаловаться бесполезно. Почему - я не зна

Но обращались они как раз редко.

К: Хорошо. Еще один вопрос, Анна Георгиевна. Все ли военнопленные у вас были немцами по национальности? Или среди них были венгры, чехи, шведы?

АГ: Нет, мы не писали национальность. В карточке была только фамилия, имя, год рождения. И все. Еще в карточке отражали состояние здоровья.

К: А если человек не говорил по-русски? Как вы все это узнавали?

АГ: Как-нибудь узнавали. Он показывал жестами, что у него болит - сердце, горло или еще что-нибудь. И мы решали, что с ним надо делать.

К: А эти военнопленные безбоязненно принимали от вас медицинскую помощь? Не боялись, доверяли вам?

АГ: Нет, не боялись, доверяли. К санчасти они относились спокойно. Но они как раз обращались редко. Почему редко - я не знаю. Но мы как-то даже не задавали себе такой вопрос. Не обращались, значит, не нужно. И все. Вот один плохо себя чувствовал, потом скоропостижно умер. Они обращались, но очень редко.

К: Исходя из нашей беседы, вы не могли бы порекомендовать нам какого-нибудь человека - бывшего сотрудника, ветерана, который мог бы чем-то нам помочь в поисках?

АГ: Если бы вы обратились в Лефортово, то, по-моему, вам бы скорее подсказали. Конечно. Я даже не знаю, кто еще жив, кто где. Мы и общались-то мало. Какое у нас было общение? Выходишь из санчасти и говоришь какому-нибудь прапорщику: "Пойдемте по камерам, мне нужно посмотреть санитарное состояние". Они нам никогда не отказывали. Нужно, значит, нужно. Вот так мы общались. Или идешь лекарства раздавать. Мы брали кого-нибудь из тех, кто дежурит на посту. Там был такой корпусной, который обходил все посты. Он сидел за столом, на I-м этаже. Обращаешься к нему, говоришь: "Давайте обойдем". Или : "Пойдем раздавать лекарства." Там нужно было открыть окошко, а для этого нужно было иметь ключ. Он открывал, а я в окошко подавала лекарство. Не в дверь, а в окошко. Потом, мы вызывали в санчасть - на перевязку, поставить банки. А если просто надо было выпить лекарство, то мы подходили к двери и давали его в окошко.

К: Спасибо, Анна Георгиевна. Есть вопросы?

Л: Нет.

АГ: Ну, в общем-то я вам ничего полезного не дала.

К: Ну, как вам сказать.

АГ: Я вчера вам так и сказала, что я вам ничего полезного сказать не могу.

К: Спасибо.

Конец беседы с Юрловой Анной Георгиевной.

(19)

копия

З А П И С Ь

Основные беседы с Крыловой Анной Георгиевной 26 ноября 1992 года:

Участвовали:

Кюрваль Бьерн – 2 секретарь Посольства Швеции в России

Козлов Александр Андреевич – сотрудник Министерства безопасности России

3/16

В помещении находятся Юрлова Анна Георгиевна (АГ), Козлов Александр (К.) и Люрваль Бьёрн (Л.).

К: 26 ноября 1992 года представитель министерства безопасности Козлов Александр и представитель посольства Швеции Люрваль Бьёрн беседуют с Юрловой Анной Георгиевной у нее на квартире.

Анна Георгиевна, мы обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в поисках следов пребывания в нашей стране одного шведского подданного, который содержался в Лефортове в качестве военнопленного. Его звали Рауль Валленберг. Нами доподлинно установлено, что он содержался в Лефортове. Нам известен номер камеры, в которой он находился, мы знаем, с кем он там сидел. Мы хотели бы, чтобы Вы рассказали нам, что Вы делали в Лефортове в 1944-1947 годах.

АГ: Я, пожалуй, ничем Вам не помогу, так как я не помню этой фамилии. Я знаю, что в то время в Лефортове находились военнопленные. Их там было много. Но я не помню этой фамилии.

К: Вы ведь в то время работали в Лефортове фельдшером и оказывали медицинскую помощь тем заключенным, которые там содержались?

АГ: Да, конечно.

К: Расскажите, в чем заключалась Ваша работа?

АГ: Я должна была оказывать медицинскую помощь тем заключенным, которые обращались с жалобами на состояние здоровья. Нам было запрещено расспрашивать заключенных. Мы могли только спросить заключенных об их фамилии, имени и отчестве и об их жалобах на состояние здоровья. Мы не имели права спрашивать их ни о чем ином. Да это нас совсем и не интересовало.

К: Да. Ведь так было положено по инструкции. И Вы эту инструкцию строго соблюдали.

АГ: Конечно. Для нас эти люди прежде всего были больными.

К: Вы оказывали помощь только тем заключенным, которые жаловались на свое здоровье? Наверное, так же проводились и систематические осмотры их физического состояния?

АГ: Да, конечно. Такие осмотры проводились.

К: Как они проводились?

АГ: Прежде всего, мы ходили по камерам и осматривали их санитарное состояние.

К: Как часто проводились такие осмотры?

АГ: Еженедельно.

К: Вы обходили все корпуса?

АГ: Нет. Мы у себя в санчасти закрепили за собой по одному из крыльев Лефортова.

К: За Вами были закреплены все этажи этого крыла?

АГ: Да. Кроме того, мы раздавали лекарства тем заключенным, которые в них нуждались. У нас была для этого специальная тетрадь, куда заносили номер камеры, фамилию и лекарство. Если у них были жалобы, мы им никогда не отказывали. Я всегда хорошо относилась к заключенным. Я ведь не знаю - виноват человек или нет. Поэтому и видела в них людей, а не преступников. Я им никогда не грубила, и они ко мне хорошо относились.

К: А иностранцы среди них были?

АГ: Их было много. Но фамилий я не помню.

К: А Вы сейчас не помните, на каком этаже находится 201 камера?

АГ: Помню. На втором этаже.

К: И Вы могли посещать 201 камеру для выдачи лекарств и осмотра санитарного состояния?

АГ: Да. Мы могли ходить туда в любое время. К санчасти все хорошо относились. Когда я выходила из санчасти и шла в корпус, то мне никто не препятствовал. Я просто говорила: "Мне надо осмотреть санитарное состояние камер". Мне давали провожатого из охраны, и я шла по камерам.

К: А среди военнопленных или людей, содержавшихся там под названием военнопленных, не было ли яркорыжего человека небольшого роста? Не обращался ли он к Вам за врачебной помощью?

АГ: Не помню. Через мои руки прошло столько людей, что я никого не могу вспомнить. Кроме того, я уже давно ушла на пенсию и совершенно отключилась от всего, связанного с той работой. Работа там была очень тяжелой. Кроме того, там допускалась несправедливость по отношению к сотрудникам, в том числе и ко мне. Я жила на территории Лефортова в коммунальной квартире, где жило в общей сложности 7 семей. У меня напротив жила соседка, муж которой ушел на фронт и там завел себе новую жену. А так как его прежняя жена не была сотрудницей, то наши начальники - Сыромятников, Евдокимов и Пьянков - стали ее выгонять из комнаты. Ей некуда было идти, и я разрешила ей жить у

себя, пока она себе найдет жилье. После этого начальство ло за мной следить и всячески ко мне придираться. Так что работать было очень тяжело.

К: А вы, как медицинский работник, не сталкивались со случаям рукоприкладства по отношению к заключенным?

АГ: Все это было. А это все будет записано?

К: Конечно. Ведь это – наша история.

АГ: Ну и ладно. Я уже ничего не боюсь. Моя жизнь прошла в Лефо тове. Там было тяжело работать. Я не раз думала о том, чтос уйти. У меня было двое детей, а мой муж также завел себе на фронте новую жену. Работа была просто страшной. Наш корпус находился напротив следственного корпуса. Следователи допра шивали подследственных очень жестоко. Заключенные при этом очень громко кричали и в санчасти все было хорошо слышно. Когда я сидела в санчасти на дежурстве, я просто дрожала. Я боялась, что меня вызовут оказывать помощь подследственным. У меня всегда был наготове чемодан и я должна была по вызову бежать оказывать помощь. И я не знала, смогу ли я ее оказать. Все зависело от того, в каком состоянии находится человек. Ведь он мог и умереть. И так изо дня в день!

К: А бывали случаи смерти?

АГ: Да, были. Бывало, прибежишь, а он уже мертв. Или принесут человека в санчасть ...(не дог.). Я не помню их фамилий, но некоторых хорошо запомнила в лицо. Помню, принесли одного. Он был высокого роста, красивый, с черной бородкой. Его поло жили на пол. Я ему сделала сердечный укол, а он уже умер. Таких случаев было много. Бывали и самоубийства. Один заклю ченный повесился в камере. Я не помню крыла здания, но это был или 3, или 4 этаж. Я его откачала, он остался жив, хотя у него уже была на шее странгуляционная борозда и не было пульса. Я ему сделала искусственное дыхание, и он остался жив. Его потом перевели на первый этаж, в угловую камеру. Он не обращался за помощью. Я его видела в глазок, он ходил по ка мере очень подавленный, но за помощью не обращался. Бывали случаи, люди себе вскрывали вены. Или разбивали стекло и раз резали себе артерию. Когда выходишь из санчасти и услышишь крики, сразу дрожь пробирает. Я боялась оставить своих детей одних. Ведь было такое время, что многие сотрудники сами по падали в тюрьму. Приходишь на работу, а человека нет. Где

человек? – Посадили. Нашего заместителя начальника Журавлева посадили. Он отсидел 9 месяцев, как потом выяснилось, ни за что. У нас работала врач Розенблюм. Ее прикрепили к нескольким камерам. Мы не знали, кто там сидит. Только она знала фамилии этих людей, и только она ходила оказывать им помощь. А потом Розенблюм исчезла. Видимо, этих заключенных куда-то отправляли и Розенблюм тоже стала не нужна. Ее посадили. Я ее потом встретила у проходной. Ей нужно было получить то ли медаль, то ли деньги. Она заплакала и сказала: "Я просидела 15 лет ни за что".

К: А она сейчас жива?

АГ: Вряд ли.

К: Она старше Вас?

АГ: Да. Намного старше.

К: А с кем бы мы еще могли поговорить?

АГ: Из старых сотрудников уже никого не осталось. Я не могу Вам назвать никого, кто мог бы Вам помочь.

К: А Вы никого не знали из девушек, работавших в канцелярии?

АГ: Нет. Мы с ними не общались. Им даже не было разрешено ходить в корпус. Они работали с документами, знали фамилии заключенных, но самих заключенных никогда не видели. Ни бухгалтерия, ни канцелярия Вам ничего сказать не смогут.

К: Насколько я понимаю, Вы могли в 1944–1947 годах часто заходить в камеры 201 и 203?

АГ: Конечно.

К: Значит, Вы могли видеть тех людей, которые в этих камерах содержались? У нас есть фотографии, посмотрите их, пожалуйста.

(Рассматривают фотографии)

АГ: Это лицо мне знакомо. Но фамилию я не могу вспомнить.

К: Посмотрите другие фотографии.

(Рассматривают фотографии)

АГ: Это лицо мне знакомо. Но я не помню фамилии и не могу сказать, сидел ли он в этой камере.

К: А фамилия Рёдель Вам ничего не говорит? Вилли Рёдель?

АГ: Вы знаете, этих фамилий было так много, что я их уже не помню. Много лет прошло, и я уже много лет не работаю.

Л: Посмотрите схему тюрьмы. Она правильная?

(Рассматривают схему)

АГ: Да. 201 и 203 камеры находятся в начале крыла.

Л: А санчасть на каком этаже была?

АГ: На втором этаже.

Л: А 203 камера была тоже на втором этаже?

АГ: 201 камера была на втором этаже, а 203 - уже на третьем.

К: А где сейчас те девушки-фельдшеры, которые с Вами работали? Они сейчас на пенсии?

АГ: Да. Они сейчас на пенсии. Они моложе меня. Их фамилии - Протасова и Орлова. Они ушли с работы раньше меня. Из старых сотрудников я уходила из санчасти последней. После нас пришла уже молодежь.

К: А Протасова и Орлова выполняли такую же работу, как и Вы?

АГ: Да. Мы работали посменно.

К: А те тетради, книжки и документы, которые Вы вели, сохранились

АГ: Я думаю,они в архиве. Ведь их не уничтожали. На каждого больного была заведена амбулаторная карточка. Такую карточку заводили не на каждого заключенного, а только на тех, кто обращался в санчасть. Эта карточка хранилась у нас. А когда заключенный убывал от нас, карточку сдавали вместе с вещами и личным делом.

К: А личного дела и вещей у Вас не было?

АГ: У нас была только медицинская карточка. А вещи были на складе.

К: А кто заведовал складом личных вещей заключенных?

АГ: Это был кто-то из контролерского состава.

К: А вы никого не помните из офицеров, работавших в Лефортове? Может быть, кто-то из них еще жив?

АГ: Это Вам лучше обратиться в Лефортово, к тамошнему начальству.

К: А там сейчас все начальство молодое. Они никого не могут назвать. Поэтому мы обращаемся к тем людям, которые работали в то время.

АГ: Из офицеров я помню Евдокимова, Сыромятникова. Сыромятников был партийным работником, а Евдокимов - заместитель начальника. Начальником был Ивашко, но он еще в то время умер. Там еще работал Журавлев, который ни за что просидел 9 месяцев. Сыромятников и Евдокимов тогда тоже выкинули его семью на улицу.

К: А Вы Журавлева не помните?

АГ: Журавлевых было двое. Один был начальником смены в комендатуре, а другой - заместителем начальника тюрьмы.

К: А какого он был возраста?

АГ: Они были старше меня. Вообще начальства у нас было много, оно часто менялось. Я вообще мало интересовалась тем, что там происходит. Работать было тяжело, тем более, что у меня были пло-

хие отношения с Сыромятниковым и Евдокимовым. Я часто думала о том, чтобы уйти. Работать было просто опасно, сотрудников самих часто сажали. Так было и с Розенблюм. Я раз видела ее, когда ее привели на следствие. Я тогда шла по следственному корпусу и увидела Розенблюм. Волосы у нее были растрепаны, она все время кричала: "Ни за что посадили!"

К: А со следователями Вы не общались?

АГ: Я общалась с ними только тогда, когда меня вызывали.

К: Я Вам назову некоторые фамилии, может быть, Вы что-нибудь вспомните: Копелянский, Соловов, Бубнов, Вайндорф, Карташов. Они тогда работали в контрразведке "Смерш".

АГ: Я ничего не помню. Нас в санчасти фамилии следователей не интересовали. Следователи нас вызывали в кабинет, чтобы оказать помощь заключенному. Мне тогда надо было разобраться с состоянием заключенного и оказать ему помощь. Все мое внимание было тогда занято именно этим. Следователь обычно стоял где-то рядом, но я на него не обращала внимания.

К: Вам ведь приходилось оказывать помощь и военнопленным? Как Вы с ними общались? Ведь они, как правило, по-русски не говорили?

АГ: Мы как-то понимали друг друга, объяснялись с помощью жестов.

К: Переводчика при Вас не было?

АГ: Нет, переводчика нам не давали. Все было очень строго. Нас предупреждали о том, чтобы не было лишних слов, всяких расспросов. Мы могли говорить только о состоянии здоровья. Мы не могли расспрашивать их о чем-либо ином, нам нельзя было выражать какое-либо сожаление или сочувствие.

Л: А Вы не помните случаи сердечных приступов у заключенных?

АГ: Помню. Я помню, как умер от сердечного приступа один молодой военнопленный. Ему было лет 30. Меня вызвали к нему в камеру. Пока я туда бежала, он уже умер. У него был инфаркт. Я не помню его фамилии.

К: Он умер у себя в камере?

АГ: Да.

К: А Вы не помните, в какой камере?

АГ: Эта камера находилась на 3 этаже 4 крыла.

К: А Вы сейчас не могли бы описать его внешность?

АГ: Я не помню точно его черты. Он был среднего роста, не лысый.

Л: Он умер днем или ночью?

АГ: Днем.

К: Вы ведь дежурили круглые сутки?

АГ: Мы дежурили круглые сутки. Вызовов было очень много. Мы никому не отказывали в помощи.

В том смысле, что помощь нужно было оказывать своевременно. С этим было строго. Нас предупреждали об этом с самого начала Например, как только я пришла работать в тюрьму, мне сразу сказали: "На любой вызов - бегом".

К: Немедленно?

А: Немедленно. Помощь должна была оказываться своевременно. И хорошая помощь.

К: Квалифицированная.

АГ: Не только из жалости к заключенному, чтобы сохранить ему жизнь А он еще был нужен для того, чтобы сообщить еще какие-нибудь сведения при допросе. По поводу связей. Вот еще почему ему надо было сохранить жизнь. И поэтому вопрос у нас в санчасти был поставлен именно так: сохранить заключенному жизнь.

К: Анна Георгиевна, вы работали в Лефортово с 37 по 41 год. Потом уезжали в Саратов, работали там.

АГ: Да.

К: А возвратились вы в Бутырскую? Тоже фельдшером?

АГ: Да.

К: И потом, с 44-го года снова пришли в Лефортово, да?

АГ: Опять в Лефортово.

К: Я хочу перейти к событиям послевоенного времени. Мы побеседовали. В той тюрьме содержались военнопленные. Изменилось ли что-нибудь в связи с этим? Каково было отношение к ним?

АГ: Нет, ничего не изменилось. Я могу сказать лично про себя. Я относилась ко всем совершенно одинаково. Независимо от того, военнопленный это или нет.

К: Я понимаю. А следователи как относились к военнопленным? Вы говорили о том, что где-то имело место рукоприкладство, физическое воздействие. Было такое?

АГ: По-моему, военнопленных не избивали. Нет, к ним относились нормально.

К: То есть, фактов применения физической силы к военнопленным не было?

АГ: Нет, по-моему, этого уже не было. После войны вообще как-то меньше этого было. Больше всего было до войны.

К: Вы имеете в виду 37-ой год?

АГ: Да, тогда этого было больше.

К: А после войны уже этого не наблюдалось?

АГ: Да, после войны уже как-то меньше.

К: А по отношению к военнопленным вы вообще таких фактов не при-

помните?

АГ: Нет, не припомню. Их не избивали.
Л: А как были одеты военнопленные?
АГ: В чем прибыли, в том они и были. В немецкой форме.
К: Специальная арестантская форма в Лефортово не выдавалась?
АГ: Нет, никому. Кто в чем прибыл, в том и был.
К: То есть, были в гражданской одежде, и в форме?
АГ: Да. Только, если военный, то срывали погоны и знаки отличия. А одежда, форма, оставалась. Нет, военнопленных как раз никого не избивали. В то время этого было уже меньше. До войны, в 37 году, было, конечно, ужасно жестоко. А после войны уже было по-другому. Да и начальство у нас уже было какое-то другое. Как-то все было уже мягче. И вообще обслуживающий персонал относился у нас к заключенным неплохо. Это следователи могли относиться по-разному.
Л: А фамилия Смольцов вам известна?
К: Смольцов был начальником медицинской части внутренней тюрьмы на Лубянке. Мы вам говорили.
АГ: Да, но это было там. Я там не бывала.
К: А у вас кто был начальником медсанчасти?
АГ: Яншин.
К: Он был уже в возрасте?
АГ: Да, он был старше меня. А потом была Розенблюм.
К: Она была после войны? Розенблюм?
АГ: Нет, она была до войны. А Яншин - после войны. Он умер.
К: А после Яншина кто был? Допустим, с 45-го по 50-й годы? Кто был начальником медсанчасти?
АГ: А потом пришла Валентина Павловна Бурзакова. После Яншина. Потом она ушла. После меня.
К: На пенсию, да?
АГ: Нет, не на пенсию. Она как раз была моложе.
К: Моложе вас, да?
АГ: Да.
К: Валентина Павловна Бурзакова. А когда она примерно пришла? В конце 40-х годов? После войны?
АГ: Да, значительно позже, после войны.
К: Нас интересуют как раз вот эти 5 лет после победы. Именно этот период времени.
АГ: Тогда работал Яншин. В эти годы он был начальником санчасти.

Л: Вы говорили, что тогда работали Протасова, Орлова.

АГ: Да, это были фельдшера.

Л: Они работали тоже примерно в эти годы? С 45-го по 47-ой?

АГ: Да.

К: Протасову как звали?

АГ: Мария Георгиевна.

К: А Орлову?

АГ: Зоя Васильевна.

К: А вы с ними сейчас не встречаетесь? Они живы-здоровы?

АГ: Они живы. А насчет здоровья не знаю.

К: Я понимаю. Вы не поможете нам хотя бы установить, где они живут Чтобы побеседовать, как с вами.

АГ: Я вам дам телефон.

К: Обеих?

АГ: Да.

К: Чтобы вы знали, речь идет вот о чем. Мы разговариваем и с контролерским составом. Но они говорят, что, мол, мы стоим на посту и ничего не знаем, ничего не видим, кроме внешнего вида людей. А так, может быть, мы выйдем на то, что нам нужно, через оказание медицинской помощи. Тем более, вы не были причастны ни к какой охране. Наоборот, вы оказывали помощь.

АГ: Орлова вам, пожалуй, ничего не скажет. И Протасова тоже.

К: Да?

АГ: Протасова очень плохо относилась к заключенным. Она такая грубая. Вызывали нас часто. Заключенным надоедало сидать в камера Чуть что - сразу вызывают, даже если и не болен. Ну, вот, она ходила и всех отчитывала. Они жаловались следователю. Следователь с ней беседовал, она говорила, что не будет больше грубить. А через день все опять начиналось сначала. Так что, она вам, наверное, ничего не скажет. Орлова тоже всех понемножку отчитывала. В общем, самая терпеливая была я. Я никогда не грубила заключенным.

К: Ну, в данном случае, мы ведем речь не о наших с вами соотечественниках. Нас интересуют военнопленные. Вопросы, связанные с ними.

АГ: Я вам скажу, что они обращались очень редко.

К: Редко?

АГ: Да. Я не знаю, почему. Возможно они боялись того, что попали к русским и считали, что жаловаться бесполезно. Почему - я не зн

Но обращались они как раз редко.

К: Хорошо. Еще один вопрос, Анна Георгиевна. Все ли военнопленные у вас были немцами по национальности? Или среди них были венгры, чехи, шведы?

АГ: Нет, мы не писали национальность. В карточке была только фамилия, имя, год рождения. И все. Еще в карточке отражали состояние здоровья.

К: А если человек не говорил по-русски? Как вы все это узнавали?

АГ: Как-нибудь узнавали. Он показывал жестами, что у него болит - сердце, горло или еще что-нибудь. И мы решали, что с ним надо делать.

К: А эти военнопленные безбоязненно принимали от вас медицинскую помощь? Не боялись, доверяли вам?

АГ: Нет, не боялись, доверяли. К санчасти они относились спокойно. Но они как раз обращались редко. Почему редко - я не знаю. Но мы как-то даже не задавали себе такой вопрос. Не обращались, значит, не нужно. И все. Вот один плохо себя чувствовал, потом скоропостижно умер. Они обращались, но очень редко.

К: Исходя из нашей беседы, вы не могли бы порекомендовать нам какого-нибудь человека - бывшего сотрудника, ветерана, который мог бы чем-то нам помочь в поисках?

АГ: Если бы вы обратились в Лефортово, то, по-моему, вам бы скорее подсказали. Конечно. Я даже не знаю, кто еще жив, кто где. Мы и общались-то мало. Какое у нас было общение? Выходишь из санчасти и говоришь какому-нибудь прапорщику: "Пойдемте по камерам, мне нужно посмотреть санитарное состояние". Они нам никогда не отказывали. Нужно, значит, нужно. Вот так мы общались. Или идешь лекарства раздавать. Мы брали кого-нибудь из тех, кто дежурит на посту. Там был такой корпусной, который обходил все посты. Он сидел за столом, на I-м этаже. Обращаешься к нему, говоришь: "Давайте обойдем". Или : "Пойдем раздавать лекарства." Там нужно было открыть окошко, а для этого нужно было иметь ключ. Он открывал, а я в окошко подавала лекарство. Не в дверь, а в окошко. Потом, мы вызывали в санчасть - на перевязку, поставить банки. А если просто надо было выпить лекарство, то мы подходили к двери и давали его в окошко.

К: Спасибо, Анна Георгиевна. Есть вопросы?

Л: Нет.

АГ: Ну, в общем-то я вам ничего полезного не дала.

К: Ну, как вам сказать.

АГ: Я вчера вам так и сказала, что я вам ничего полезного сказать не могу.

К: Спасибо.

Конец беседы с Юрловой Анной Георгиевной.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

со Смольцовым Виктором Александровичем

29 мая и 2 июня 1992 года по телефону проведены беседы со Смольцовым Виктором Александровичем. В ходе указанных бесед Смольцов В.А. рассказал и подтвердил, что об обстоятельствах, которые могут быть связаны с делом Р.Валленберга, ему достоверно известно только следующее.

В один из дней лета 1947 года (точную дату события Смольцов В.А. назвать затрудняется, но твердо уверен, что описываемое им происходило в 1947 году, отмечая также, что в это время стояла очень жаркая погода) его отца, Смольцова А.Л., поздно вечером неожиданно вызвали на работу, прислав за ним автомашину. Подобный вызов был необычен, поскольку в этот период Смольцов А.Л. страдал сердечным заболеванием, в связи с которым готовился к увольнению из органов МГБ, и на работе для него был установлен щадящий режим.

Домой Смольцов А.Л. вернулся только утром следующего дня и на вопрос сына (Смольцова В.А.), почему его побеспокоили несмотря на болезнь, ответил, что во Внутренней тюрьме МГБ скончался некий швед. Каких-либо имен, фамилий, обстоятельств смерти шведа при этом он не назвал.

Смольцов В.А. категорически отказался от личных контактов с кем-либо из участников российско-шведской рабочей группы по изучению обстоятельств, связанных с пребыванием в СССР Р.Валленберга, мотивировав свое нежелание тем, что иными объективными сведениями, кроме вышеизложенных, не располагает, а дополнительное обсуждение вопросов, связанных с судьбой и деятельностью его отца, ему по-человечески крайне неприятно.

Представитель Министерства безопасности РФ А.Е.Зиборов

(21) (21)

Запись телефонного разговора
с генералом армии
П.И.ИВАШУТИНЫМ

12 апреля 1993 г.

Связался через третьих лиц с Петром Ивановичем Ивашутиным (1909 года рождения). На мой вопрос о Рауле Валленберге он совершенно определенно заявил, что никогда не встречался с ним и даже не слышал этой фамилии.

Обратил его внимание, что в январе 1945 г. ему была направлена копия шифровки, в которой говорилось, что в восточной части Будапешта обнаружен секретарь шведской миссии Р.Валленберг.

На это он заявил, что не помнит, чтобы читал такую телеграмму Возможно, он ее вообще не видел. Шли тяжелые бои. Они Буду брали с юга. Потеряли много людей. Немцы и салашисты дрались отчаянно. Они расстреляли даже наших парламентеров. После 2 месяцев боев его армия пошла в сторону австрийской границы. "О Валленберге понятия не имею", - заключил он.

По некоторым данным, сказал я, Р.Валленберг находился летом 1947 г. в Москве. Не приходилось ли Вам встречаться с ним или что-то слышать о нем в одной из тюрем столицы? П.И.Ивашутин подчеркнул что до 1950 г. он постоянно находился за границей, сначала в Констанце, Румыния, а затем в ГДР. Он увлеченно рассказывал о своей работе с бывшими российскими эмигрантами, в том числе певце Петре Лещенко, лидере кадетов Василии Шульгине, принимавшего когда-то отречение от престола царя Николая П, а позже написавшего несколько книг "Три столицы", "В застенках ГПУ", "Победная поступь" и др. Называл ряд других фактов, касавшихся репатриации в СССР бывших российских эмигрантов.

3/16

На мой повторный вопрос, не слышал ли он что-либо о Р.Валленберге позже, когда он занимал один из высоких постов в органах безопасности. Ведь "дело Р.Валленберга" тянется уже ни один десяток лет. При этом я назвал имена следователей Карташова, Копелянского, Соловова.

П.И.Ивашутин определенно заявил, что этими вопросами он не занимался. Это дело контрразведки. В его компетенцию входили: разведка, погранвойска, военные вопросы, атомная промышленность. Работы было всегда много, слухами и сплетнями он не интересовался. Он много ездил по Советскому Союзу, в том числе с иностранными делегациями. На этой ниве он неоднократно встречался с работниками МИДа, включая А.А.Громыко. Особенно добрые отношения у него сложились с первым заместителем министра Василием Василиевичем Кузнецовым.

Он повторил еще раз, что о Р.Валленберге ничего не знает и просил больше не беспокоить его по этому поводу.

Голос П.И.Ивашутина бодрый, я бы даже сказал, жизнерадостный. Он хорошо рассказывает об имевших место событиях и его слова вызывают доверие.

Записал:

СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ
РАБОЧЕЙ ГРУППЫ, ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА
ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МИД РФ

В.В.СОКОЛОВ

3-ВС/гв
13.04.93

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ САСОВСКИЙ:

- Я последние годы отбывал заключение в ИТК № 8, город Ново-Петровск, Ново-Петровский район, в 15 километрах от города, бывшее имение графа Шереметьева. Там заключенны были расконвоированы. Ночевать заходили в зону, а так на р боту выходили за проходную по пропускам. А я жил за зоной, в конторе, где был мой радиоузел. Там был начальник колони бухгалтерия, все службы. Радиоузел, как войдешь, направо, налево бухгалтерия и кабинет начальника. Я был радиотехник

В мою обязанность еще вменили получение почты для заключенных. Почтальон приходил сюда, в штаб, он мне отдав письма, газеты, а я их вечером относил в зону. Но это вооб было все условно - ограждение, зона. Днем заключенные были свободны, ходили , куда хотели, даже по малину, по грибы. И все - обслуживающий персонал, охрана - даже не считали, что мы заключенные, лояльнс относились, хорошо.

Ну вот, однажды собрал почту часов после восьми, а в зону к этому сроку возвращались с работы. Прибегает дежурн офицер и говорит: "Пошли, начальник срочно вызывает". Я по смотрел на часы - около девяти, уже темнело. Говорю: "А чт такое случилось?" "Не знаю, позвонил, немедленно!" Мы с ним идем, заходим в контору, смотрю, дверь моя, радиоузла, вся изрублена топором, и топор лежит. И она вся, дверь, разнесена в щепки. Говорю: "Что такое?" . Лейтенант говорит "Не знаю". И дальше проходим, секретаря уже не было, зашли в кабинет. Начальник сидит за столом... такой, как говорят с нарушенной психикой человек. На людей он вообще никогда

не смотрел, все исподлобья. Говорит мне: "Где тебя черти носят?" А офицеру говорит: "Ступай!" Тот развернулся, пошё Опять сидит, насупился, молчит. "Ты видел там, что я..." "Видел. А что?" - "Ты знаешь, какие у меня нервы!" Протягивает руки: "Ты думаешь, вот это зря дают?!" У него значок почетного чекиста, ромбик и щит.

- Это на кителе? (ЭМ.)

- Не помню, китель или пиджак. Вот здесь, на правой стороне. "Ты думаешь, это зря..." Это он мне, пьяный. Он вообще появлялся на работе час-два, потом еще вечером. Все его так побаивались и ненавидели, даже вольнонаемные, за его грубость, хамство. "Ты знаешь, я вот своими руками Крыму до двух тысяч расстрелял детей, офицеров. Мне Эля, жена, набивала патронами карманы, я с двух рук стрелял у меня вот здесь мозоли были. Дети обгадятся, от них воняе Я и кировцев стрелял, и поляков..." И чего-то замолчал.

Я стою, какой-то вопрос задал, сейчас не помню, вроде того, кого сейчас или продолжаете ли [illegible]? "Все. Годы три то му назад мне поручили жидовского прихвостня из Швеции. Уст или ему прогулку в "Коммунарку", там в лесочке и уложили. Шведа. Своих не хватает".

Опять насупился : "Пойдем, у меня дома радио не рабо тает". А у него рядом дачка, в низинке, в соснах. Идем к нему туда. Были такие репродукторы большие, помните, там у него винт оказался завернут доотказа, он и не работал. Я отвернул - заработал. Начальник уже успокоился. Бутылка у него стоит на столе недопитая. "Хочешь, налью?" - "Нет,

гражданин начальник". Достает саблю, она висит на стене, эфес позолоченный: "Это мне подарили лично". Мелкокалибе ная винтовка висит. Дома никого нет. Еще кинжал какой-то сит. "Ну, не будешь?" - "Не буду". - "Иди!"

Я ушел. Одеялом занавесил комнату, переночевал. Утр он рано пришел: "Иди-ка! .. Ты об этом, что я говорил, н болтай, а то загремишь на этап. Понял?"

Вот все. Он не назвал фамилии, ничего, только "Ком нарку"... После я звонил корреспонденту, вроде подтвержда что он был в Крыму, да?

- Был. Только офицеров уже тогда там не было, в 37

- Давайте уточним год, месяц разговора с начальник

- Это было в 50-м, наверное. Или начало 51-го. Он же ... видимо, сообщили, что он дверь изрубил, и его тут убрали, не прошло десяти дней. Это было , наверное, осен 50-го или весной 51-го, еще тепло было.

- Он точно сказал, что "три года назад"? (Э.М.)

- Сказал, "около трех лет" или "года три назад мне поручили"

- Что побудило вас вспомнить? (В)

- Я в декабре прочел заметку "Тайнственный свидете о том, что ездили куда-то в Сибирь, ищут этого шведского налиста. Я подумал: не того ли? Позвонил в редакцию, что вспоминаю такой случай, может, он что-то прояснит.

- А по национальности... Вы сказали "жидовский при стень". А вы знали, имеет ли Валленберг отношение к евре (З).

– Я вообще не слышал о нем ничего до декабря. А начальник только то сказал, что отвезли его в "Коммунарку", в лечек. Там, действительно, что-то такое есть, и местные жители подтверждают. Я раз ехал в автобусе мимо , и мужчины говорят: "Вот здесь, видишь, дорогу вправо – там Берия расстреляли." Там был устроен металлический шлагбаум и знак висел

– Сколько проработал у вас этот начальник? (В)

– Мало, меньше года.

– Вашу первую встречу помните?

– Нет.

– Вы часто с ним общались?

– Да нет, вечерами, но не сам, там человек двадцать собиралось, на разнарядке. Они видели, что мне делать нече на радиоузле, там автоматы, вот дали письма, газеты, а потом предыдущий начальник сказал, что будешь нарядчиком. Эт вечером собираются все службы и распределяют бригады заклк ченных на работы. Я сижу и записываю, кого куда.

– Вас лично он в лицо знал? (В)

– Что радиомеханик? Ну как же! Но все старались его избегать, я в том числе. Вижу, что он идет и – в радиоузел или в сторону. Я вспоминаю еще случай. Я отравился, пошел днем в санчасть, врач меня уложила . А вечером не пустила на разнарядку. Прибегает дежурный офицер: "Ты чего не идеш Он там орет – на этап отправлю, ишь пристроился в больницу Врач побежала объяснять. А на следующий вечер сидит , на меня смотрит, но ,правда, ничего не сказал.

– Вы сказали, он жил один? (К)

– Нет, у него была жена, мальчик лет двенадцати. Это когда тот случай был, он был один... Однажды я пришел в бу галтерию, там стоит молодая девушка спиной ко мне, говорит А все кассиры, счетоводы были заключенные, только один гла ный бухгалтер, Калина Иван Кириллович, – вольнонаемный. Эт девушка стоит, что-то им рассказывает, потом говорит: "Усл шите по радио "диктор Лариса Олесова" – это я, я теперь диктор всесоюзного радио". Это отложилось.

– А кого-нибудь еще из администрации помните? (К)

– Ну вот главный бухгалтер, еще лейтенант, который меня приводил к нему, но фамилии не помню. Очень хороший п рень, молодой, он, наверное, жив.

– А заместитель у начальника был?(З)

– По службам были – зоотехник... На верху был офицер ский дом.

– Фамилии того лейтенанта не помните?

– Нет. Личность хорошо помню, а фамилию... Года чере два я его встречал.

– А жена ваша в курсе дел? (Э.М.)

– Я и через год, как вышел, в 52-м все это ей рассказал Теперь она ругается: "Зачем ввязался в это дело, тебя тепе ..."

4/96

(23)

З А П И С Ь

фонограммы беседы
с Бачуриным Андреем Владимировичем
8 июня 1993 г.

Участвовали:

Люрвалль Бьери	– 2 секретарь Посольства Швеции в России
Козлов Александр Андреевич	сотрудники Министерства безопасности России
Зиборов Андрей Евгеньевич	

/Беседа между Бачуриным Андреем Владимировичем (Б.),
мужчиной -иностранцем (М.) и 2 русскими мужчинами (РМ и Р

РМ: Мы просим вас оказать нам помощь в выяснении судеб шведского дипломата Рауля Валленберга и его шофера Лангфельдера, оказавшихся здесь в конце второй мировой войны и бесследно исчезнувших. Мы рассчитываем на вашу помощь в этом деле. Чтобы вы вспомнили, я хочу показать вам вот эти три документа. Первый - запрос МИД в КГБ. Что вы можете вспомнить?

/Пауза/

Б: В 1957 году руководству нашего ведомства поступило письмо из МИДа за подписью Молотова. Он интересовался судьбой Рауля Валленберга. По команде письмо поступило для исполнения мне. Заместитель начальника главка Лялин, по-моему, Серафим Никол. вич (не знаю, где он сейчас) вызвал меня для ознакомления с этим письмом и поручил проверить по месту заключения Валленберга, имелись ли у того какие-либо заболевания. Я просмотре. журнал регистраций медслужбы тюрьмы ... (н/д)

РМ: А в какой тюрьме он содержался?

Б: Сейчас уже не помню. Или в Бутырках, или в Лефортове.

РМ1: Внутренней тюрьмы тогда уже не было?

ГЭ: Там содержалось ограниченное количество заключенных, видимо, только подследственные. Судя по регистрационному журналу, Рауль Валленберг дважды или трижды обращался за медицинской помощью, но все по поводу незначительных заболеваний. Записей о какой-либо серьезной болезни там не имелось. По этой проверке я составил справку и вручил ее Лялину, поскольку за ние получил от него. Письмо МИД тоже передал ему. Как я пони после обсуждения у руководства возникла необходимость состав ответ. Заняться этим попросили снова меня вместе с учетно - архивным отделом. Тогда мы подготовили письмо, где причиной смерти указывали заболевание легких, нечто вроде невмонии. Р водство того времени не имело привычки называть реальную при чину смерти. Обычно ее прикрывали какой-нибудь болезнью. В моей практике это был первый случай, я никогда до этого не был связан с такими сообщениями, этим занимался архивный отдел. Но такое письмо с сотрудником отдела мы подготовили. я сказал, там была ссылка на заболевание легких.

РМ: Не сердца, а легких? Вы это точно помните? Никаких других болезней?

Б: Нет. Никаких других болезней не было. Этой-то тоже не значил в журнале регистраций. Врача он посещал по эпизодическим нед моганиям. Это письмо предшествовало вот этому письму.

РМ: Письмо за подписью Молотова предшествовало письму за подпись члена коллегии МИД Замчевского?

Б: Да. В нем они интересуются шофером. После обсуждения у руководства решили ответить, что его судьба аналогична судьбе Валленберга. Вот собственно этим и ограничивается мое соприкосновение с этим делом. Ведь сами события имели место в кон сороковых годов, я тогда работал в Кенигсберге, в центральн аппарате я появился в начале 1952 года. Но мне было ясно, чт поручение о выявлении серьезных заболеваний у Валленберга бы связано с необходимостью ответить на вопрос МИДа о причинах его смерти. Мне также было ясно, что причина эта может быть только вымышленной, потому что тогдашнее руководство никогда и ни о ком не сообщало, что человек расстрелян, а всегда при валось какими-то болезнями. Поэтому я убежден, что на момент проверки Валленберга уже не было в живых. Он, видимо, был вс таки уничтожен. У меня такое мнение.

М: Это вы заключаете из содержания писем или были какие-то слух о его судьбе? Может быть, вы раньше или позже еще слышали ег фамилию?

Б: До первого запроса МИД, сделанного по просьбе посольства, я о Валленберге ничего не знал, также как и о втором - его шофер потому что в те годы я работал в Кенинсберге, теперешнем Кал нинграде, а в Москву прибыл лишь в начале 52 года.
В последующем в результате открытой информации на телевидени я снова вспомнил об этом деле. Я вспомнил, как происходили эти проверки по тюрьме.

М: А заместитель начальника Лялин вам ничего не говорил при пер даче этого поручения?

Б: Нет. Когда поручили писать ответ - это было поручено мне и отделу, который занимается сообщением таких смертельных случ - Лялин просил меня о помощи. Я принял в этом участие, больш он мне ничего не говорил. И о том, что что-то случилось с Раулем Валленбергом, он тоже не говорил. Я, конечно, не спра шивал, в связи с чем возник такой вопрос. Для меня было ясно что раз мы готовим такой ответ - значит, вопрос с Валленберг решен иным способом, т.е. способом его уничтожения.

М: А вы упоминали в ответе, что он скончался в результате такой болезни?

Б: Да.

М: В ответе была ссылка на смерть в результате болезни?

Б: Да. Я думаю, что в посольстве имеется такой ответ, полученный из МИДа.

РМ: Андрей Владимирович, а вы не помните коллег из учетно-архивного отдела, с которыми вы тогда совместно готовили ответ?

Б: По-моему, мы составляли этот ответ со Смирновым Иваном Михайловичем, если я не путаю его имя и отчество. И согласовывали с начальником отдела. Сейчас я не помню точно, кто был в то время начальником отдела. Согласовано было также с руководством нашего главка и подано на подпись руководству ведомства.

РМ: В процессе общения с Иваном Михайловичем и с руководством учетно-архивного отдела не обсуждался вопрос о судьбе Валленберга?

Б: Нет. Разговор велся сотрудником этого отдела, как в практике их работы обычно объясняются такие случаи.

РМ: Все исходили из того, что Валленберг, естественно, уже мертв и как это лучше объяснить?

Б: Да, да.

РМ: Но конкретно, был ли он расстрелян или умер вследствие естественных причин, об этом речи не было?

Б: Не было.

М: А когда он скончался? Вы ссылались в вашем ответе на какое-то определенное число?

Б: Число его реальной кончины было указано в письме.

М: В каком письме?

Б: В письме по запросу Молотова о Валленберге.

М: В письме Молотова была дата ...

Б: (пер.) В ответе Молотову была указана реальная дата его исчезновения.

РМ: Кончины, назовем это так.

Б: Да.

М: Откуда вы узнали, что это реальная дата кончины?

Б: Отдел, с которым мы работали, видимо, имел сведения. Я его дело не смотрел. У меня было узкое задание: проверить, какие были визиты к врачу в тюрьме со стороны Валленберга. Я должен был доложить руководству, имеются ли основания сослаться на какую-то болезнь. Я уже сказал, что два - три эпизодических посещения врача были связаны с легкими недомоганиями: в одном случае, я помню, ссылка была на болезнь зуба. Я никогда не смотрел дело.

М: Но личное дело было? Они говорили об этом?

Б: Раз человек находился в заключении, то такое дело должно было быть. Очевидно, кто-то вел следствие. Впоследствии, когда репатриировали немцев в Германию, из МИДа мы получили большую пачку показаний немецких офицеров о встречах с Валленбергом. Причем все встречи с ним происходили до той трагической даты, когда завершилась его судьба.

РМ: Андрей Владимирович, а судьба Лангфельдера ... (не дог.) Дату его кончины 2 марта 1948 года дали также коллеги из учетно-архивного отдела? Или она возникла в процессе просмотра каких-то документов, дел и прочее?

Б: Да, я не просматривал его дело, а были использованы данные учетно-архивного отдела.

РМ: Вы готовили ответ по Лангфельдеру тоже с Иваном Михайловичем Смирновым?

Б: Да, вероятно, с ним.

РМ: То есть там был коллега - партнер, с которым вы решали эти вопросы.

Б: Да, он был начальник отделения, который занимался этими вопросами. Я его встретил несколько лет тому назад в санатории в Кратове.

М: Во время этой работы вы ничего не слышали о так называемом рапорте Смольнова, где содержится информация о смерти Валленберга 17 июля 1947 года? Ведь Смольнов был начальником медсанчасти.

Б: Да, внутренней тюрьмы. Я с ним не встречался.

РМ: Он был там в 1947 году, а вскоре после 47 года уволился по болезни.

Б: Администрация тюрьмы не знала, кем я интересуюсь. Я попросил дать мне все журналы врачебных приемов за годы, предшествующие 47-му, и последующие. В последующих журналах, т.е. после 47 года, фамилия Валленберга не фигурировала.

РМ: Андрей Владимирович, у нас в определенном смысле фамилия Валленберга связывается с двумя местами содержания заключенных - это Лефортовская и внутренняя тюрьма на Лубянке. Вы упомянули Бутырку. Может быть, сейчас мы с вами постараемся вспомнить, в какой же тюрьме вы обнаружили все-таки эти журналы. Не исключено, что может быть и Бутырка.

Б: Нет, я собственно сейчас не уверен. Я знаю, что я приехал туда на дежурной машине и сразу попал в эту тюрьму. Потом вышел. В памяти у меня четко не зафиксировалось, в какой тюрьме я был. Мне кажется, что все-таки это была не внутренняя тюрьма.

РМ: Нет, если бы это была внутренняя тюрьма, то на машине вы туда бы не въехали. Скорее всего речь идет о Лефортове.

Б: Да, возможно.

М: Может быть, мы обратимся к рапорту Смольнова, тогда сам Владимир Андреевич вспомнит подробнее. Надо объяснить, о чем идет речь.

РМ: Речь идет о том, что единственный документ, который прямо указывает на судьбу Валленберга и который является сейчас достоянием и общественности, и нашей комиссии - это рапорт начальника медсанчасти внутренней тюрьмы полковника медицинской службы Смольнова, который был составлен 17 июля 1947 года и в котором сообщается, что в этот день шведский подданый Валленберг скончался предположительно вследствие инфаркта миокарда.

Рапорт написан непосредственно на имя тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. В нем задавался вопрос, как поступить в отношении вскрытия и установления причины смерти. Там рукою Смольнова написано: "Доложил министру. Прик

зано тело придать кремации без вскрытия". Это примерное содержание этого рапорта. Много было споров, насколько он подлинный. Сам Смольцов к 1957 году скончался. Если мне не изменяет память, он скончался в 1953 году, а в 1947 году был уволен по болезни. Проведенные экспертизы в принципе подтвердили подлинность рапорта, что он действительно исполнен в то время и исполнен рукой Смольцова. Вот насколько подлинно содержание этого рапорта?

РМ: Ты немного забыл, что он ссылается на якобы личное поручение министра о врачебном наблюдении за Валленбергом, что "получив ваше личное поручение о медицинском наблюдении Валленберга, сообщаю ...."

РМ1: Да, он докладывает.

РМ: Он обосновывает, почему обращается непосредственно к министру.

РМ1: Нет, сейчас речь у нас идет о том, что в процессе подготовки ответов на запросы МИДа сталкивались ли вы с этим рапортом что-нибудь говорилось о нем?

Б: Этот рапорт мне не знаком. Я думаю, что этот рапорт возник позднее, после того, как МИД стал интересоваться судьбой Валленберга.

М: Может быть, этот рапорт был найден позднее, если он существовал в подлиннике. Вы же говорите, возник.

РМ1: Понимаете, в 1956 или 1957 году этот рапорт возникнуть не мог, потому что самого Смольцова уже не было в живых. /Говорят вместе./

М: Это может быть хорошей подделкой.

Б: Когда он был уволен?

РМ1: Он был уволен как раз где-то в 1947 году, но несколько позднее июля 1947 года. На тот момент, 17 июля 1947 года, он был действительно начальником медсанчасти внутренней тюрьмы но уже тогда страдал болезнью сердца.

/Пауза./

Суть вопроса к тому и сводится. Вы уже ответили на него, что в процессе подготовки ответов в 1957 году с рапортом Смольцова вам сталкиваться не приходилось.

Б: Единственные материалы, с которыми я сталкивался - это письмо из МИДа, журнал посещения санчасти заключенным Валленбергом. Никаких других документов я не знаю, кроме тех показаний, которые прислали потом - копии немцев.

РМП: Были какие-либо поручения руководства по проверке показаний лагшов?

Б: Нет.

РМП: Ничего? Они просто пришли и ладно. Со стороны руководства никакой реакции на них не было.

Б: Я думаю, руководство знало.

РМП: Об истинной судьбе?

Б: Об истинной судьбе, так сказать. Для них это не было никаким секретом. Это поручение давалось только в связи с тем, что выбрать наиболее приемлемую форму прикрытия акта, который случился.

РМП: То есть перед вами никогда не ставилась задача по установлению или поиску каких-то материалов, указующих на судьбу Валленберга.

Б: Нет. Было вот такое узкое задание.

РМП: Возможных заболеваниях и поиска причин.

М: Какое у вас было ощущение при работе в учетно-архивном отделе? У них не возникло никаких трудностей, когда надо был найти материалы по делу Валленберга? Они действительно был или их искали очень долго.

Б: Я не знаю, были ли у них трудности. Смирнову, как и мне, видимо, было поручено встретиться и подготовить текст письма. Он мне лично о трудностях не говорил. Я такого вопроса не задавал. Мне было достаточно того поручения, которое я выполнял, чтобы подготовить такой ответ. Раз руководство с этим согласилось, меня это тысячу раз убедило, что его

РМП: Андрей Владимирович, кто-нибудь еще из работников привлека к поручениям, связанным с Валленбергом?

Б: Не знаю. Чтобы дать ответы на письмо, в моем отделении никто не привлекался. Я был персонально вызван Лялиным, который мне и поручил.

РМ: Лично вам и больше никому?

Б: Да. Я никого не знакомил с этим письмом и никому не рассказывал согласно существующим у нас традициям.

РМП: Понятно. Просто мы беседовали с рядом других сотрудников. Они, в частности, припоминали, что в свое время, именно в пятидесятые годы, изучением обстоятельств, связанных с Валленбергом, во Втором Главке занимались Калинин, Недосекин и Степанов. Не припоминаете таких коллег?

Б: Геннадий Калинин?

РМ: Нет. Калинин ... /не дог./. Сейчас вспомню. Николай Михайлович или Юрий Михайлович. Сейчас я точно не вспомню, но фамилия точная. Это были сотрудники Второго главка, которые вроде бы занимались изучением обстоятельств.

Б: Я знал одного Калинина, Геннадия, который работал вместе со мной в одном отделе одно время. По времени это связано, но интересоваться судьбой Валленберга не было никакой необходимости.

Не могу сказать.

До этого и после этого Недосекин был у меня в отделении. Но никакого поручения ему не давалось. Очевидно, это было в тот период, когда он находился в другой службе. А Геннад Калинин работал в первом ... (н/д). И в первом его знают..

РМ: Ну, тот Калинин и Недосекин...

Б: (пер.) Других Калининых я не знаю. Тот Недосекин, что работал у меня, скончался еще приблизительно в конце 50-х - начале 60-х годов. То есть его кончина приходится на тот период, когда его уже перевели в другой отдел. Правда, Недосекиных, насколько я помню, было двое. Возможно, они были братья. Но второго брата я не знаю, мне не приходилось с ним сталкиваться.

РМ: Андрей Владимирович, до какого года вы проработали на этом участке?

Б: В 1962 году я перешел в группу референтов Председателя. Сначала она называлась группа референтов, потом инспекция, а потом было создано спецбюро. И в этом спецбюро я заверши свою работу.

РМ: Скажите, а вот после 1957 года до вашего ухода из этого подразделения в 1962 году подобные запросы от МИДа и прочи ведомств поступали к вам?

Б: Нет, нет.

РМ: А мог ли заниматься этим исполнением какой-либо другой человек из вашего подразделения?

Б: Видите ли, когда я переходил в рефгруппу, я уже не работал на этом участке. Я тогда возглавлял аналитическую службу Главка. Она начиналась с отделения в 15 человек, а потом с переросла в аналитическую службу. Так вот, из этой службы был взят в эту группу Председателя. Тогда был Бескровный Т хон Николаевич. Впоследствии он возглавлял институт. Именн он меня и оформлял.

РМ: А вы не помните, кого вы сменили, когда приехали сюда из Калининграда и были назначены на этот участок работы, связанный с решением вопросов по скандинавским странам?

Б: До меня это отделение возглавлял Дубарь Константин Никитович. Насколько мне известно, он умер в прошлом году.

РМ: Ясно. А еще кого-нибудь вы не помните из нынездравствующих

кто бы мог нам как-то внести ясность в ситуацию, ответить на вопросы, связанные с Валленбергом?

Б: Я не помню, кто был начальником учетно-архивного отдела в тот период. В последнее время, я знаю, там был генерал Прокопенко Андрей Васильевич.

РМ: Да.

Б: А до него был кто-то другой. Но кто - я не помню.

М: Видимо, кто-то, кто занял этот пост после Герцовского (?).

РМ: Да.

Б: Вот собственно и все мои познания.

М: Я не очень хорошо себе представляю, как выглядят все эти журналы, где была обнаружена фамилия Валленберга. Как это все было оформлено?

Б: Журнал довольно потрепанный от времени. Записи в нем производились в порядке приема больных. Сначала номер по порядку за каждый день - фамилия, имя и на что жалуется. И все.

М: А там фигурируют фамилии врачей, к кому обратился заключенный?

РМ: Там есть подписи дежурных врачей?

Б: Думаю, что врачей, если они живы, установить несложно.

РМ: Напротив, очень сложно. Мы не можем найти эти журналы.

РМ: Это документы временного хранения. Их периодически уничтожают, зачищают. А сколько ведь лет-то прошло!

РМ: Но на тот момент при подготовке вы ведь их (журналы) просматривали? Будем думать, что это был конец 1956 г. - начало 1957 года. И, естественно, с 1947 года - или 1946, 1945, то есть период, который вас интересовал, - ведь тоже прошло I0 лет. Таким образом, в то время, когда вы их просматривали, журналы еще существовали?

Б: Да.

РМ: Когда вы приехали в тюрьму, вы интересовались только медицинскими журналами или вы спрашивали и о других документах в отношении Валленберга?

Б: Нет, ни о каких других документах не спрашивал. Мне было поручено конкретное задание: проверить журналы приема больных за весь период до 1957 года.

РМ: А конкретнее?

Б: Я проверял до той даты, когда был совершен акт, и последующие годы. Но в последующие годы, после той даты, которая указана в ответе, его фамилия в журналах уже не фигурировала.

М: А фамилия не была искажена, она была правильно записана?

Б: Да. Рауль Валленберг.

РМ: (обращаясь к М.) Я понял, о чем ты спрашивал. Дело в том, что в процессе наших поисков мы подняли имеющиеся архивные материалы внутренней тюрьмы и Лефортовского следственного изолятора, и там в журналах учета прибытия-убытия заключенных и в журналах учета вызова на допрос фамилия Валленберга была вымарана. Ну, естественно, с помощью наших криминалист подпись мы восстановили, и в этой связи встает вопрос, не была ли эта фамилия вымарана и в медицинских журналах.

Б: Нет, там не было никаких поправок. Фамилия написана четко. Валленберг Рауль.

РМ: Ясно.

/Пауза./

РМ1: Из ответа за подписью тогдашнего заместителя председателя Лунева следует, что Комитету госбезопасности уже тогда было известно о его судьбе.

Взять хотя бы такую фразу: "Комитет госбезопасности считает что на запрос МИДа... целесообразно дать ответ с учетом сведений, сообщенных шведам в отношении Валленберга". То есть целесообразно не "сообщить правду", а "дать ответ". Андрей Владимирович, у меня к вам есть еще один вопрос. Этот документ - ответ на запрос - исполнялся в главке в вашем отделе. На документе указано, что вы являлись исполнителем. Вы говорите, что работали над этим документом вместе со Смирновым. Где вы работали, у него в отделе или у вас в отделе?

Б: У него.

РМ: Тогда почему этот документ печатался в вашем отделе, почему на нем стоит фамилия машинистки вашего отдела?

/Пауза. Изучают документы./

Почему этот документ числился за вами?

Б: Я точно помню, что когда давали ответ по Валленбергу, мы

были у Смирнова. Здесь этого документа нет. Что же касается документа, о котором вы говорите, то я сейчас затрудняюсь ответить. Возможно, что после совещания с руководство было решено сослаться на ответ, который был дан в отношени Рауля Валленберга. В отношении же этого шофера я никаких действий не производил. Я ничего не проверял, в журналы не смотрел.

РМI: То есть, вы просто немного подправили документ и подписали этот ответ.

Б: Да.

РМ: Из этого ответа следует, что на Лубянке была хорошо извест на судьба Валленберга и Лангфельдера.

Б: Я думаю, что их судьба была хорошо известна начальнику учетно-архивного отдела, начальнику главка и заместителю начальника главка Желярину. Правда, он мне не говорил, как участь их ждет. Он сказал, что мне надо сделать, я все про верил, составил соответствующую справку. Эта справка должн была быть приобщена к материалам вместе с письмом Молотова

РМI: Андрей Владимирович, вспомните пожалуйста, кто-нибудь из р ководства правил подготовленный вами проект ответа? Может быть, были внесены коррективы, изменены формулировки?

Б: До принятия окончательного варианта все согласовывалось с руководством. После этого документ уже никто не правил. Та ответ был согласован с начальником учетно-архивного отдела

РМI: (перебивает) Это понятно. Вы со Смирновым подготовили прое ответа. Вспомните, если это возможно, ваши дальнейшие шаги Вы пошли к начальнику учетно-архивного отдела. Он просмотр документ, возможно, внес в текст какие-то правки. Что было потом? Руководство отдела, как я понимаю, было отстранено от этого дела. То есть вы напрямую докладывали Лялину.

Б: Да.

РМI: Вы докладывали Лялину, минуя руководство отдела?

/Рассматривают документы./

Б: Не исключено, однако, что вот это письмо (показывает), шло через начальника отдела. Кто у нас тогда был начальником о дела?

РМ: Здесь написано "Верно" и завизировано Жуковым. Вы его не помните?

Б: Жукова?

РМ: Да. Раз вы исполнитель, вы и должны были эту копию заверить.

Б: Заверять можно было по-разному.

РМ: Здесь стоит подпись "Д.Жуков".

Б: (вспоминает) Жуков. Жуков. Я знал Николая Федоровича Жукова В последующем он был начальником следственного управления. Другого Жукова я не знал. Сменилось несколько начальников о дела. Вначале, когда я только пришел, отдел возглавлял Тахчианов.

РМI: Мы уже говорили о нем.

Б: В последующем, по-моему, отдел возглавлял Федор Алексеевич Щербак. Потом начальником отдела был Поваров. Когда я перешв аналитическое отделение, начальником отдела был Горбатенк Алексей Михайлович. Но это уже другой разговор.

РМ: У меня больше нет вопросов к Андрею Владимировичу. Давайте поблагодарим его.

РМI: Конечно.

Б: К сожалению, я не внес полную ясность в это дело, но поскольку я был к этому причастен, я постарался объективно рассказать обо всем, что знал.

РМI: Спасибо большое, Андрей Владимирович. Извините, что потревожили вам.

РМ: Мы не исключаем, что в будущем у нас могут возникнуть определенные потребности в ваших консультациях. Как вы на это смотрите, можем ли мы рассчитывать на вас?

Б: Да, пожалуйста.

Ш: У меня есть еще один вопрос. Вы говорите, что во время работы на этом участке вы сталкивались с этим делом только два раза: когда проверяли больничный журнал и когда готовили ответ по Лангфельдеру. Может быть, были еще какие-нибудь запросы, с которыми вам поручили разобраться? И если были, то до или после подготовки этого ответа?

Б: Нет, до этого я никакой работы не проводил. Было письмо

Молотова и подготовка ответа на это письмо. И все исследование, насколько я понял, заключалось в поиске причины для того, чтобы не давать прямого ответа на совершенный акт. В то время прямые ответы на подобные просьбы обычно не давали Я это знаю от Смирнова, так как их отдел занимался такими ответами на запросы различных организаций, частных лиц. Я в это дело попал случайно, потому что это был участок моей работы.

РМI: Да, это был официальный запрос Министерства иностранных дел, шведской стороны. Поэтому вас и привлекли. Еще раз спасибо, Андрей Владимирович.

РМ: Спасибо.

/Все уходят/.

4/96

(24)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Селивановским Николаем Николаевичем
14 октября 1991 года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

В: Николай Николаевич, просьба ответить на наш вопрос.

С: Какой же вопрос?

В: Первый вопрос такой: что вам известно об этом деле, о судьбе Рауля Валленберга? Все-таки вы в те годы занимали серьезный пост и, наверное, вам что-то доводилось слышать.

С: Я попал в министерство с периферии после войны в 1946 году. В конце лета или в начале осени, сейчас точно не помню. И ничего об этой фамилии я тогда не знал и не слышал о ней. Фамилия эта мне стала впервые известна из печати уже гораздо позднее, после войны, когда туда стали попадать разные заметки на эту тему. Таким образом получается, что я впервые узнал эту фамилию где-то уже в 80-е годы. Вам может показаться это странным, поскольку я занимал такую должность. Уже в 1946 году я попал в это министерство. Странно это, конечно. Но я вам откровенно говорю, что я ничего не знал, даже не слышал такой фамилии. Когда я работал в министерстве, то не имел никакого отношения к следственной работе. У меня был целый ряд отделов. Это специальные отделы, которые я курировал. Если вас это так интересует и интересует еще что-то, вы можете это проверить не только у других людей, но и даже в романе Солженицына. Вы читали, наверное, его "Вокруг ...", не помню, как точно.

ВI: "В круге первом"?

С: Да. Он там расписал все мои дела. Спасибо ему, что он еще на меня не навернул такого ... Он же мог на меня наворотить и все. Что он там навернул на Абакумова, так это просто личные счеты. Наклепал там много.

Дальше. У всей этой тогдашней кагэбэвской системы, или как она там называлась - МВД, был такой порядок, что люди, работающий рядом, не знали, кто и чем занимается. Сотрудник должен был так работать, чтобы сосед не знал, чем он занимается. Даже интересоваться нельзя было, понимаете? Иначе могли возникнуть какие-то подозрения и так далее. "Почему? Какое твое дело? Куда ты лезешь?" - и т.д. и т.п. Потом, вы знаете, в 1951-52 годах я тоже был в тюрьме. Меня же тоже посадили. Никто не знал, что и о чем меня спрашивать. Видимо, это потому, что тогда посадили врача. Как обычно, его обвиняли в терроризме, к которому он не имел никакого отношения. Он меня тоже консультировал как консультант по нервным болезням Видимо, когда это дошло до Сталина, он сказал: "Сажай!" Мне потом говорили об этом, так что я знаю. Он сказал: "Посадите и этого на всякий случай". Там много людей посадили. Всех людей, которыми я руководил, всех сразу посадили. Потом через некоторое время, когда Сталин умер, всех освободили. Потому что к ним никаких претензий не было. Что я могу вам в этом деле посоветовать? После того, как мне позвонил Андрей Евгеньевич и попросил подумать над этим вопросом, я и подумал, кто мог бы вам что-нибудь показать. Видимо, очень много времени прошло, поэтому трудно ... (не догов.) Но если жив этот человек, он вам откроет все карты. Броверман его фамилия. Он был секретарем у Абакумова и все, что делал Абакумов, он делал с помощью этого Бровермана. Броверман тоже был посажен. Он был осужден на 15 лет, что произошло потом, жив ли он или нет, я не знаю.

B: Помните ли вы имя Бровермана?

C: Нет, его имени я не помню.

В: Ну, тогда хватит и фамилии.

С: Кто еще что-либо мог бы сказать?! Райтман (Райхман). Он был тогда генералом. Тоже сидел в тюрьме, потом его ,по-моему, освободили. Он был заместителем начальника Главного управления, это была основная контрразведывательная организация. Он занимался основной работой по иностранным делам. Так что может быть, он что-нибудь знает. Далее. Питовранов тоже сидел. Тоже работал в этом же управлении. Он тоже занимался контрразведывательной работой, руководил управлением. Вот все, что я могу вам сказать. Если у вас есть вопросы, то я готов на них ответить.

В: Николай Николаевич, к сожалению, в этом деле мы не можем найти достаточно авторитетных и исчерпывающих документов. Из тех документальных отрывков, что нам удалось найти, мы узнали, что делом Валленберга непосредственно занимались отдел Карташова в ГУКР СМЕРШ и следственная часть по особо важным делам. Вы, наверное, знали Карташова?

С: Да.

В: Могло быть так, что Карташов работал по этому делу под прямым руководством Абакумова, минуя всех остальных руководителей?

С: Только так, только под руководством Абакумова. Больше никому он, по-моему, не подчинялся.

В: То есть вообще весь этот отдел ...

С: (Переб.) Весь отдел починялся напрямую только Абакумову. Хорошо было бы найти Броверманa. Это клад, этот человек мог бы очень хорошо помочь вам.

В: Как я понимаю, Броверман был личным секретарем и, соответственно, был фактически в курсе всех дел, которые министр держал под контролем.

С: Все, что делал Абакумов, он делал через Броверманa: последний писал записки, поддерживал связь со следователями, по-

могал в делах, которые вела следственная часть. Одним словом, он был очень близким ему человеком, он полностью выполнял все указания и распоряжения Абакумова. Это была правая рука Абакумова.

В: Как я понял, вам, Николай Николаевич, даже не доводилось слышать не только о Валленберге, но и о какой-то щекотливой ситуации, связанной со шведской ситуацией, со шведом.

С: Не только со шведом, но и со всем иностранным ... (не дог.) Никакого отношения к делам посольств я не имел никогда. С этими делами связаны были Питовранов, Райтман и ... (не догов.)

В: Вы еще беседовали с Шубниковым.

С: Шубников?

В: Он тоже, вроде, был. Одно время даже руководил в главном управлении.

С: Это без меня уже, наверное. Шубников, Шубников.

В: Петр Григорьевич.

С: Был такой, кажется, да. Шубников.

В: И его тоже в тюрьму посадили.

С: Что-то я Шубникова не знаю. У нас там всех посадили. Такая жизнь. Что касается иностранцев, то Броверман все знал. Он своего рода "клад". Если он жив, конечно. Сколько ему лет сейчас? Тогда ему лет 35 было.

В: Это в 50-е годы?

С: Да, тогда, в 46-47-ом годах. Значит теперь ему 75 лет.

В: Мы разыщем, если жив.

С: Мне вот 90 лет, понимаете. Такой народ у нас сидит. Поздно занялись этим делом.

Л: А как вы, учитывая свой опыт, думаете: какой могла быть при-

чина ареста Валленберга? Хотя вы ничего об этом не слышали, все-таки, как вы думаете: что могло быть причиной его ареста?

С: Я даже не могу ничего сказать. Я же не слыхал. Это в каком году было?

Л: В 1945 году его арестовали.

С: Вот, в 1945. А я в 1945 году был на первом Белорусском фронте. Под Варшавой.

Л: Он три дня был в заключении в Москве, в Лефортово. Затем сидел в тюрьме согласно документам хотя бы до лета 1947 года. Что-то там произошло летом 1947 года, очевидно.

В: Да, пожалуй, такой вопрос нам тоже хотелось бы задать вам.

С: Пожалуйста.

В: В 1957 году Громыко предъявил шведской стороне в качестве доказательства того, что Валленберг был в тюрьме и уже умер рапорт начальника медчасти внутренней тюрьмы на имя Абакумова с просьбой посоветовать, кому поручить вскрытие тела. Скажите, реально ли это, чтобы начальник медчасти обращался прямо к министру за указанием? Или в те времена это было возможно?

С: Да, возможно. Значит, начальник медчасти тюрьмы обращался?

В: Да, внутренней тюрьмы.

С: Она непосредственно подчинялась министру, внутренняя тюрьма. Так что начальник медчасти внутренней тюрьмы мог обратиться непосредственно к министру. Поскольку дело такое серьезное, исключительное, по сравнению с прежними делами. Начальник медчасти мог обратиться непосредственно к министру.

В: Непонятно, почему это дело вдруг стало таким серьезным, ведь в то время СМЕРШ работал с очень многими из тех, кого

арестовывали после победы. Те люди, наверное, представляли больший интерес. А самым важным заключенным стал Валленберг. Непонятно.

С: Мне трудно что-либо сказать. Я даже не слышал, что такой есть. Даже не знал, кто в тюрьме вообще сидит. Я в конце лета из Варшавы был вызван и назначен на работу заместителем министра сюда. Я работал на периферии. Был назначен сюда, приехал в июле 1946 года. Никакими слухами или сведениями о том, что в тюрьме сидит человек с такой фамилией, я не располагал. Вообще я не имел никакого отношения к следствию.

В: У Абакумова было несколько замов?

С: У него замами были Огольцов, Блинов, Свинелупов и я. Всего четыре зама.

В: Кто-нибудь из этих ваших коллег еще жив?

С: Нет. Все умерли. Не всем же жить девяносто лет. Это я неизвестно как дотянул несмотря на все мытарства. И в карцер меня сажали ... (не догов.) Черт его знает, все было. Если бы я что-нибудь знал, я бы с большой радостью все бы вам развернул. Но вот - ничего! Уже когда я не работал, я из газет узнал эту фамилию и то, что с ним творится: человека посадили, арестовали ни в чем не повинного, он погиб как-то и никто не знает, как он погиб. Все это я узнал из газет.

Л: Интересно, что вы имеете огромный опыт работы того времени. Сейчас в печати излагаются разные версии того, почему был арестован Валленбер.

С: Это вопрос, на который нужно отвечать. Я от вас имею такой же вопрос и имел его от печати тоже.

Но я ничего не могу на него ответить. Я не слышал в то время, что такой человек был, сидел в тюрьме. Пожалуйста, я могу ответить еще на любые ваши вопросы.

В: Скажите, если человек в тюрьме умирал или во внутренней тюрьме приводили в исполнение смертный приговор, где в таких случаях людей хоронили? Какой был порядок?

С: Куда их возили? Где их расстреливали? Было под Москвой какое-то место, но какое - я не знаю. Говорят, какое-то под Москвой было место.

ВI: Еще такой вопрос. Прошло с тех пор много лет. Наши товарищи работают сейчас в архивах, но и они не могут найти ни тюремного дела, ни каких-то других документов. Могло ли быть так, что эти документы были изъяты по чьему-то приказу и уничтожены.

С: Могло. Вот об этом все можно рассказать. Вот если Бровер-ман жив, он все вам об этом может рассказать.

В: Как я понимаю, в то время, чтобы уничтожить какое-то конкретное дело, было достаточно указания министра, и скажи, через Бровермана это все уничтожилось даже без отметок в учетах.

С: Это было возможно.

ВI: Вы знаете о подобных примерах или это ваше предположение.

С: Это мое предположение. Таких примеров я привести не могу ни одного.

ВI: Как вы считаете, Абакумов доверял вам и другим своим замам?

С: Мало доверял.

В: Это у Абакумова характер такой или время такое было, когда все так жили? Или и то, и другое?

С: И то, и другое..

Да! Вот еще: Питовранов очень часто ходил с Абакумовым на доклад к Сталину.

Вы понимаете, Сталин страдал шпиономанией. Вот бывало на торжественных приемах в Кремле (там же отборные люди присутствовали) он обходит зал, и за ним следует его охранник. Даже там, в той обстановке он боялся, чтобы его кто-нибудь не ликвидировал.

Л: Могло быть так, что Сталин не знал про арест Валленберга, что кто-то захотел спрятать Валленберга от Сталина, Абакумов например? Мог Абакумов такое сделать?

С: Мог сделать.

В: Как я понимаю, из практики можно сделать вывод, что Абакумов мог решиться на то, чтобы попытаться обмануть Сталина? Я имею в виду, по своему характеру?

С: Мог.

В: Для этого нужно обладать большой смелостью.

С: Конечно, надо было брать на себя большую ответственность.

Л: Значит, это далеко не исключено?

С: Трудно сказать, это предположение, из области фантазии.

В: К сожалению, нам больше приходится предположениями заниматься, чем исследовать конкретные факты. Но это уже наши проблемы.

Л: Но есть версия о том, что в то время готовился антиеврейский процесс и что Валленберг мог бы быть участником этого процесса? Вам доводилось об этом слышать в то

время или это тоже из области фантастики?

С: Нет, в первый раз слышу от вас.

В: Просто очень много версий гуляет, и дело за 40лет обросло достоверными и не очень достоверными подробностями, предположениями. Но до сих пор нет ясности в том, о чем мы неоднократно спрашивали - мотивов: откуда, из-за чего возникло это дело, кому понадобился Валленберг, почему?

С: А где же его арестовали?

В: В Будапеште.

С: Кто там был тогда из этих, военных?

В: К сожалению, им тогда занимался отдел контрразведки СМЕРШ 2-го Украинского фронта, начальником отдела был Королев -он умер, заместитель его, Мухортов - тоже умер.

С: Надо искать следующих начальников. Этим делом там занимались вторые отделы.

В: Нашли полковника Сороку, который вроде бы знал об этом деле. И тот в 1978 году умер в Кишиневе. Все поздно.

С: Надо людей оттуда искать.

ВI: А если не людей, а документы, то где их искать?

С: Через этих людей.

ВI: Существовали же какие-то учеты. Не мог же человек пройти и не оставить нигде следов.

С: Учет велся в тюремном отделе, раз человек попал в тюрьму. Потом учет велся в Карпир /?/. Это был такой спецотдел - Карпир /?/.

В; И начальником его по-моему в то время был Герцовский?

С: Да,да. Герцовский. Он вел учет всех... /не дог./

В: Наиболее важных материалов.

С: Да. Ну где же еще что-то могло быть? Я думаю в картотеке на арестованнах. Кажется, картотеки там велись. Надо в картотеке посмотреть. Это, я думаю,все.

Л: Вы хорошо знали Карташова? Вам доводилось с ним работать?

С: Работать нет, но что есть работник с такой фамилией, я слыша

В: Сергей Николаевич?

С: Да, кажется.

Л: Он непосредственно сам вел дела?

С: Да. Он по-моему потом работал в Будапеште.

В: Да, потом он действительно уехал в Будапешт, а в 1945-47г.г. он возглавлял отдел СМЕРШ вплоть до его ликвидании. Мы это восстановили по документам. После ликвидации СМЕРШ он еще некоторое время поработал, после чего уехал в Будапешт. Нас интересует именно Карташов потому, что в журнале движения заключенных по внутренней тюрьме мы установили, что он вызывал Валленберга на допрос.

С: Он его допрашивал?

В: По крайней мере, там есть запись, что по вызову Карташова следует доставить Валленберга. к /?/ тюремному делу.

Но тюремного дела нет и Карташова тоже нет.

С: Кто же тогда вам может помочь? Никто не поможет, если дела нет. Странно почему дела нет. Вы же знаете, что следственное дело это вот такая папка, там ставятся всякие штампы.

В: Номера присваиваются.

С: Все регистрируется.

В: И вот ничего нет.

С: Значит тогда кто-то это сделал сознательно.

В: У меня в этом нет сомнения. Тогда очень тщательно заметали следы.

С: Абакумов обязательно должен был заниматься. Абакумов и Броверман. Если Броверман жив, ему никак не отвертеться. Он должен был обязательно это дело знать. Все, что проходило по следствию вместе с Абакумовым знал и Броверман. Он был в курсе дела.

ВІ: Абакумов сам иногда допрашивал?

С: Допрашивал.

ВІ: Кто тогда у него был переводчиком немецкого языка? Вы помните

С: Он только работал под руководством этого .../не дог./

В: Что за человек Абакумов? Какова ваше впечатление? Сейчас много пишут, а спросить только у вас и можно.

С: Я думаю, что ему приписали слишком много плохого, но он все-таки был человек жестокий. С сотрудниками иногда обращался очень жестоко и нахально, грубо. Что еще можно сказать?

Он был человек трезвый, не пьяница.

Л: Какие у него были отношения с Берия в то время в 1946 г? Хорошие?

С: Плохие.

Л: Но Абакумову все-таки надо было сотрудничать с Берия?

С: Да, конечно. Я не помню. МВД тогда, кажется, не подчинялось Берии. Кому же тогда оно подчинялось? Прямо Сталину, наверно

В: Он же был тогда министром Госбезопасности.

С: Тогда это было МГБ, и, по-моему, оно подчинялось не Берии, а прямо Сталину.

/Беседа с Селивановским Н.Н. окончена./

4/96

(25)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Шубняковым Федором Григорьевичем
2 октября 1991 года

Присутствовали: Аржанников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

Ш: По делу Валленберга я знаю только то, что стало известно в последнее время, и то, что появлялось в печати раньше периодически. Теперь о характере моей работы. Нужна предыстория, начиная с 1945 года?

В: Да, речь идет о самом начале 1945 года.

Ш: В этот период по характеру своей работы я к заграничным делам нашей военной контрразведки никакого отношения не имел, поэтому этот период мне совершенно не известен.

После этого я работал начальником английского отдела Второго

Главного управления. Это были 1948-1949 годы. Но и в этот период никакого прямого соприкосновения или каких-либо документальных данных, где он находится, я не имел. Я повторяю, это по характеру моей работы. Затем я был заместителем начальника Второго Главного управления, опекал американский и английский отделы, наружное наблюдение. Все это было в нашей системе в то время. Но и в этот период я также ничего не знал. Я пытаюсь припомнить характер моей работы, и где это могло бы быть. Далее короткий период я был начальником Второго Главного управления. Это было с весны по октябрь 1951 года. Затем я попал в тюрьму по делу врачей. Там я находился с октября 1951 года по март 1953 года. Я сидел в тюрьме на Лукьяновке.

В: Была тюрьма на Лукьяновке и еще в Лефортово.

Ш: Да, в Лефортово. Я был освобожден после смерти Сталина. Арестован я был по самым высшим статьям: измена Родине и т.д. Я думаю, вам по материалам известен некий Рюмин, который вел дело врачей. Он докладывал Сталину о деле преступной организации, преступных действиях врачей. Я просидел примерно полтора года, затем был освобожден, полностью реабелитирован. Опять работал во Втором Главном управлении в качестве заместителя начальника с 1953 по ноябрь 1954 года. Затем я был направлен на загранработу по линии Первого Главного управления.

Австрия. Был резидентом.

У меня не было такого соприкосновения по характеру выполнения функций, которое давало бы мне возможность иметь сведения о Валленберге. Он не встречался мне по материалам Второго Главного управления. Насколько я понимаю, это по линии Третьего управления, по линии военной контрразведки.

В: С самого начала им занимался "Смерш".

Ш: Насколько я понимаю, если им занималось следствие, это была следственная часть по особо важным делам, где делались наиболее горячие дела. Это могло быть там. Руководящего звена этой категории, по-моему, никого не осталось в живых.

В: Совершенно точно. Все те, кто по документам имел конкретное отношение к делу Валленберга, к сожалению, ушли из жизни достаточно давно.

Ш: Сведения могли бы дать люди, которые были осуждены на 15-20 ле Эти люди вышли. Среди них - заместитель начальника следственн части. Фамилию я не помню. 2-3 человека остались живы. Они могут быть ближе к этим вещам. Ведь это, по всей видимости, была очень глубоко законспирированная информация.

В: А когда вы работали, вы хотя бы слышали фамилию Валленберг?

Ш: Мне сейчас трудно сказать, в какой момент я ее услышал. Сейчас ли, когда поднялась шумиха вокруг Валленберга, или это могло быть... (не дог.) О Валленберге как о Валленберге, находящемся у нас, я не знал. Я имею в виду 1945-47 годы, когда о нем начались разговоры. Мне сложно здесь говорить. Это ведь было в Венгрии. В Венгрии в этот период представителем был генерал-лейтенант, фамилию которого я сейчас забыл. Его, наверное, сейчас тоже нет в живых.

В: Может быть, Райхман?

Ш: Нет. Райхман там не был. Райхмана тоже уже нет.

В: Вот вы знаете всю эту систему и снаружи, и изнутри, вы имели возможность рассмотреть ее со всех сторон, вы знаете, что такое МГБ. Скажите, какой был порядок? Насколько известно, Громыко в 1957 году передал документ, который подтверждает факт смерти Валленберга. Если вы помните, это был рапорт начальника медчасти на имя Абакумова.

Ш: Это то, что я читал.

В: В этой связи у меня есть 2 вопроса. Первый: насколько это, по-вашему мнению, соответствует действительности?
Действительно ли начальник санчасти может обращаться к министру, или это какой-то из ряда вон выходящий случай? Это совсем неправдоподобно, или так может быть? Какова ваша оценка как опытного человека?

Ш: Я вам могу вот что сказать: это могло быть задание руководства. Это один из возможных вариантов.

В: То есть конкретный приказ Абакумова написать рапорт на его имя?

Ш: Да, так могло быть. История-то ведь эта длительная, и в ней, видимо, уже запутались. Время шло, и нужно было как-то выходить из этого положения. Первый ответ, по-моему, Вышинский давал?

Диканов В: Диканов (?). Сначала сказали, что он действительно находится у нас, а потом стали это отрицать.

Ш: Так что история была запутанная с этими ответами, и нужно было искать какой-то выход. Они, видимо, не знали, что с ним делать дальше и искали пути выхода из этой ситуации, чтобы не ухудшать отношения со шведами. Какой год указан в рапорте -57?

В: Срок седьмой. Рапорт - это единственный документ, где указано, что Валленберг скончался 17 июля 1947 года.

В: Но это выплыло через 10 лет. Если верить документам, он скончался в 1947 году, а заявили об этом открыто только в 1957 году. И еще один вопрос. Это, наверно, как-то касается и вашего лефортовского периода. Если человек попадал в санчасть во внутренней тюрьме на Лубянке или в Лефортово... (не дог.) Совершенно естественно, что люди болели и кто-то из них умирал. Где хоронили этих людей? Как это все было?

Ш: Я могу сказать только следующее. Когда мы попали в тюрьму,

меня посадили в одиночку. И я уверен, что, конечно, Валленберг и где он жил. Симанчук жив. Адрес его правильный. Это из той категории, которую я знаю: Симанчук Леонид (?) Валерьянович, генерал-майор, Гришаев – я его лично знаю, но с ним вместе не работал. Он человек известный, о нем даже ... дважды писала. А эта категория мне неизвестна.

В: Если позволите, у меня есть вопрос. У нас есть перечень ряда иностранцев, которые, как нами установлено, в той или иной степени пересекались с Валленбергом, будучи во внутренней тюрьме. Если вы не возражаете, я зачитаю их фамилии. Если эти фамилии вам о чем-то скажут, то мы будем очень вам благодарны. Рихтер, немец, Родде, Редель.

Ш: Нет, Второй главк не вел дела по иностранцам как следственные дела. Здесь могут быть немецкие генералы.

В: Не только немецкие. Тут будут и другие. Просто, может быть, вам что-то известно об этих людях и их судьбе.

Ш: К нам тогда попала большая группа высших чинов, генералитета, разведчики, контрразведчики, военные. Часть их была выпущена, а часть была расстреляна. Сначала эти дела рассматривались наверху, потом Верховный суд выносил приговор. Эта категория иностранцев могла быть. Я сомневаюсь, что это были иностранцы, арестованные здесь.

В: На всякий случай давайте посмотрим эти фамилии. Пелконен, Кичман, Адельман, Штрайк, Штагель, Лойде.

Ш: Это все немецкие фамилии.

В: Вот оригинальная фамилия Гроссхайм – Томсен, он же Крысько Хилле, Харт, Бергеман, Супреан, Валленштайн, Хофштеттер, Шлитте, Хубер, Крафт, Деморс, Хинкельдей, Катона, он же Шандор.

Ш: Это венгерская фамилия.

В: Алиджани Пьетро Стефани и Лангфельдер.

Ш: Не знаю ни одной фамилии. Это можно объяснить тем, что когда я работал, мы не вели дела непосредственно по иностранцам. Они шли или по "Смершу" или по "Особо важным делам". Поэтому эти фамилии мне ничего не говорят.

В: Федор Григорьевич, может быть, один из последних вопросов. Ваша личная точка зрения, чем мог быть вызван такой интерес к Валленбергу? Это нестандартная ситуация. Он же дипломат невоюющей страны. Почему им заинтересовался "Смерш"?

Ш: Мне кажется здесь вот что. Но это только рассуждения. Вот его взяли. Выясняется, что он - фигура однозначная. Такой знатный род и так далее. Его держали. Последовала команда. Абакумов имел громадную силу. Возможно, о нем было доложено Сталину. Может быть, стоит посмотреть документы "Смерша" 1945 года, доклады этого периода, которые шли Сталину.

В комитете едва ли это было, потому что он был хозяином положения, и непосредственно замыкался на нем. Или это могут быть материалы "Смерша" в архивах, или в ЦК, лично попадали к Сталину. По опыту я знаю, что если лично Сталину, то больше никуда это не шло. И даже иногда бывали такие случаи, что пакет вскрывался только после него. Так что мне кажется, что это один из моментов, который следовало бы осуществить. А далее идет следующее. Если доложили, и не было никакого указания, то он будет сидеть хоть пять, хоть десять лет. Я просто приведу в качестве примера такой факт из практики. У меня был шеф, начальник отдела. Это просто пример того, что это может быть. У него был большой друг, генерал- лейтенант. А в это время "Смерш" вел на него дело и докладывал Сталину. Затем последовала команда

арестовать его./Его отозвали в Москву; на вокзале его встречал его друг. И Абакумов доложил, что они его долго не могли найти, но он еще и доложил Сталину о том, почему его вовремя не арестовали. И следует команда арестовать нашего сотрудника, чекиста. Он отсидел 8 лет без предъявления обвинения, без санкции прокурора. Он сидел в Лефортово. Потом он был секретарем Союза писателей. То есть привожу пример того, что была команда - арестовать, а команды отпустить не было. Такое могло произойти, потому что это все же одиозная фигура. И нужно было принимать какие-то решения, а тут, как говорится, было не до него. Решали, докладывать или не докладывать. Зная характер Сталина, они, если раз доложили и нет никакой команды, во второй раз не пойдут. Это не исключено. Это одна из возможных причин. Вторая причина - запутанность всей этой истории. Видимо, Сталин должен был об этом знать, потому что ответы шли по линии МИДа, их подписывал замминистра иностранных дел. Такие вещи, видимо, тоже согласовываются. Главный вопрос - когда он умер, сколько его могли продержать и какой смертью он умер. Мне трудно сказать что-либо по этому поводу.

Но мне кажется, что причина, почему его взяли и держали, заключается в следующем. Мне кажется, что у него была мания - доложить Хозяину, как мы его раньше называли. А потом уже не знали, что дальше делать, потом уже, запутавшись во всем этом, он мог только продолжать. С точки зрения его смерти, то тут тяжело что-либо сказать.

* * *

4/96
(26)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Александровым Юрием Павловичем
19 ноября 1991 года

Участвовали : Аржанников Николай Михайлович, заместитель Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

Люрвалль Бьерн, 2-ой секретарь посольства Швеции в СССР

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Козлов Александр Андреевич, представитель Агентства федеральной безопасности РСФСР

19 ноября 1991 года

/Беседа между Александровым Ю.П.,(А) Зиборовым А.Е, Люрвалем Б, Аржанниковым Н.М, Козловым А.А./

Вопрос: Извините, Юрий Павлович, ваша фамилия?

А: Александров.

Моя информация по интересующему вас всех вопросу будет очень краткой, поскольку я стал ее обладателем чисто случайно - ни в коем случае не по линии своей службы /старой, прежней работы/, а просто потому, что оказался волею случая в одном кабинете. Это было ровно 30 лет назад - ну, не ровно, а приблизительно 30 лет назад. Я оказался в одном кабинете с двумя товарищами из советской контрразведки /2-го Главного Управления - сейчас об этом уже говорят, - что это за Управление/. Работал с ними вместе года полтора. В 60-м-61-м годах. У меня была другая линия. Эти товарищи, ныне покойные, оба занимались шведской проблематикой.

Если нужно и если мне разрешит представитель Комитета, я могу назвать их фамилии.

Вопрос: Мы оба здесь - представители Комитета. Я думаю, что никакого криминала тут нет. Их можно назвать.

А: Один из них - тот, который будет нас интересовать более всего, это ныне покойный Владимир Ефимович Недосекин. Он занимался в то время непосредственно шведскими вопросами. Однажды мы сидели вместе в одном кабинете в доме номер два. Я обратил внимание на то, что он несколько злой пришел с бумажкой от секретаря. Недовольный такой. Я говорю: "Что такое, Владимир Ефимович? Что случилось?" - "Да понимаешь, опять шведы прислали запрос по этому Раулю Валленбергу". Я говорю: " А что это за

Рауль Валленберг? Я что-то не слышал о таком". Он говорит: "Да был такой. Попал к нам в плен. Шведский миллионер. Член самой влиятельной семьи в Швеции. Вот МИД нас запрашивает в ответ на просьбу шведской стороны - что бы мы могли ответить шведам?" И Недосекин, насколько я помню /простите меня - тридцать лет все-таки прошло/, ответил примерно так: что новыми, какими-то другими дополнительными данными - в дополнение к тому, что мы сообщали ранее шведской стороне - не располагаем Вот примерно такой ответ можно было бы дать шведской стороне, Если шведы поднимут архивы в своем министерстве иностранных дел - ответ на запрос в наш МИД, - они могут увидеть, что это примерно будет совпадать. Я, естественно, не стал больше проявлять интереса, но как-то в разговоре получилось, что, мол, что же на самом деле было с Раулем Валленбергом? И он мне шепотом добровольно, без всякой инициативы с моей стороны сказал: "А на самом деле Рауль Валленберг расстрелян". Это вообще была не моя линия! Но шепотом /мы с ним были в очень хороших отношениях/ он мне сказал вот эту одну фразу: "На самом деле Рауль Валленберг расстрелян". Ну, естественно, я в недоумении сразу задал контрвопрос: "Как же могли расстрелять дипломата нейтральной страны?" Он сказал только одну фразу: "Как агента германской разведки. ... информации нет никакой". Ну, и еще он дал понять, что все документы, конечно, уничтожены, поскольку дело было давно. Больше у нас разговора на эту тему не было, поскольку по его поведению, по шепоту, я понял, что вопрос крайне щекотливый, и мне, конечно, не было резона влезать в это.

Вопрос: Тем более детально влезать.

А: Профессиональная этика не позволяет детально влезать в вопросы, которые непосредственно тебя не касаются. Вот вся информация. Но если вы ее как следует обдумаете, то мне кажется, она очень серьезно ставит точки над "і", по интересующей нас проблеме, поскольку ему не было никакого смысла мне врать А работник он старый. Он в органах госбезопасности работал с 38-го года. И мог многое, конечно, знать. Возникает сразу вопрос: почему я только сейчас догадался предложить свои услуги лицам, интересующимся судьбой Рауля Валленберга? -Настолько моя информация была скудной /хотя, на мой взгляд, и важной/, что я был уверен, что есть люди, которые знают гораздо больше. И они, конечно, более подробно все изложат. Но вижу по прессе, по радио, по другим моментам, что что-то ходят вокруг да около. Ну, я и решил предложить свои услуги. Буду, как говорится, рад! Хотя это и не та тема, когда надо радоваться, не тот момент, когда радуются, но буду рад, если окажу шведской стороне такую посильную помощь и сокращу их усилия /в выяснении обстоятельств этого дела/. Вот что я могу сообщить. Пожалуйста, задавайте любые вопросы.

Вопрос: Ну, что ж, я думаю, вероятно, было бы правильным, если сначала вопросы задаст шведская сторона.

А: Пожалуйста.

Вопрос: Наверное, надо будет уточнить, были ли запросы в 60-61 году от Швеции? Поступали ли они?

А: Регулярно были запросы! Я сейчас не могу сказать, но...

Вопрос: Я понимаю, я не хочу, чтобы вы сейчас ответили! Я просто

предполагаю, что было бы неплохо уточнить, были ли запросы в 60-61 году.

febr.-61

А: Да. Временной интервал - когда я с ним вместе работал. Октябрь 60 г. - осень 62-го года. Вот в этом интервале он мог мне рассказать эту информацию.

Вопрос: Осень 60-го и...?

А: И осень 62-го. То есть два года. Вот временной интервал, когда он мне мог это рассказать.

Вопрос: А Вы не помните более точно - когда именно - в начале?

А: /переб/ Детально, знаете, такое впечатление осталось, что был солнечный день и было вроде лето ... Вот только это. Мы были с ним в кабинете вдвоем. Хотя вообще-то мы сидели там втроем: два товарища, занимавшиеся шведской проблематикой и я. Я сидел с ними, потому что очень тесно было. Вы помните, как было в то время! Хотя Вы, может, и не помните, но, может, вот Вы /обращается к другому собеседнику - прим.перев/ помните! В то время это здание было единственным. И оно было разделено на две части - в одной половине сидело МВД /Министерство внутренних дел/, а в другой - КГБ. Очень тесно сидели. И меня, как вновь пришедшего товарища, сунули просто к ним. Поэтому я проблемы шведские не знал. Ну, я слышал, что посол был Якобсон, если не ошибаюсь. Он даже дуайен был вроде бы в то время. От них это я все слышал.

Вопрос: Какую должность занимал Недосекин?

А: Он был старшим оперуполномоченным. Это исполнитель! Это то, что раньше называли / и, может, сейчас называют/ рабочей лошадью.

Вопрос: А убеждены ли Вы, что он действительно получал какое-то официальное поручение- вот такой возбужденный, возмущенный...?

А: Нет! Я понял, что возмущение его относилось к тому, что запросы со шведской стороны через МИД идут, а он вынужден отвечать одно и то же! В который раз!

Вопрос: Вот это я и хотел уточнить! То есть, Вы предполагаете, что как раз Недосекин не просто слышал об этом, а принимал какое-то участие в подготовке ответов на эти запросы?

А: Видите ли, я когда пришел в его кабинет, работал на этой линии, - на моей линии, - как он мне говорил! Он приехал только что - года два назад - из Германии! Находясь в Германии, он, конечно, никакого участия в подготовке материалов по этой линии не принимал. Он приехал в 58-м году из Германии. Или даже в 59-ом. /Я точно сейчас не помню./ И был определен на работу на этот участок, старшим оперуполномоченным. Это значит - исполнитель. После него уже идет руководящий работник. Поэтому в какой степени Недосекин Владимир Ефимович принимал участие - ранее! - в подготовке этих материалов, я не знаю. Может быть, он видел, что накапливаются материалы ... Дело-то ведь, знаете, - там масса запросов.

Замечание: Это мы можем уточнить.

Реплика: Личное дело Недосекина надо будет смотреть.

Реплика: Послужной список его мы уточним.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, Вы тоже были оперуполномоченным в то время?

А: Да, конечно.

Вопрос: То есть, у Вас должностные отношения были равные? Равнозначные?

А: Понимаете, я только пришел во 2-ой Главк из другого подразделения, считался молодым и неопытным, и он меня как бы опекал,

учил. И, знаете ли, у него всегда ко мне отношение было теплым - как к своему, можно сказать, ученику. Хотя официально ему никто не поручал меня учить, тем более, что мы работали на разных линиях!

Вопрос: А Вы сидели в одном кабинете?

А: Да. Какое-то время. Именно в этот период мы сидели с ним в одном кабинете.

Вопрос: У вас были разные руководители?

А: Нет. Руководитель был один. Подразделение было одно, но линии были разные. Руководитель был у нас один и тот же.

Вопрос: Мог ли он получать какие-либо официальные служебные задания, минуя этого руководителя?

А: Да нет! Это все выглядело так: он пришел к секретарю отдела, то есть к женщине, которая сидела на входящей-исходящей... Получил этот запрос МИД с резолюцией, подготовил на него ответ и доложил по линии - сначала непосредственно начальнику отделения, потом - начальнику отдела, ну, а начальник отдела уже дальше пошел к руководству Главка. Вот так это все обычно делалось. Запрос ничего в то время сногсшибательного из себя не представлял. Это была рутинная работа, которая ему просто, видимо, надоела. Потому что раз запрос в МИД идет, значит, подпись должна была быть руководства Комитета, значит, должна быть специальная бумага, надо печатать и т.п, - в общем, не по душе все это было. Тем более, он чувствовал, что эта работа - мартышкин труд, как он считал. Ничего нового он ответить не мог. Я так и понял, - что шведы неоднократно запрашивают, а Комитет вынужден отвечать одно и то же.

Вопрос: Он ничего не говорил, при каких обстоятельствах?

А: Ничего абсолютно! Только сказал, что расстрелян. И когда я удивился - за что дипломата нейтральной страны могли расстрелять, он сказал: "Как агента германской разведки".

Вопрос: И когда это произошло, он тоже не сказал?

А: Нет! Абсолютно! Когда это произошло, он ничего не говорил.

Вопрос: Юрий Павлович, следующий момент: а что Вам известно о судьбе второго товарища, занимавшегося шведской проблематикой?

А: Умер тоже. Тут очень много покойников. Они оба умерли. Их непосредственные начальники все умерли.

Вопрос: А руководство Управления? Отдела? Главка?

А: Отдела - умер. Я не знаю - начальник отделения, был такой Крымов Николай Васильевич. Может быть, он что-то знает. Вы пометьте, пожалуйста. Он не умер, насколько я знаю. Полгода назад я его видел.

Реплика: Николай Васильевич, насколько я знаю, жив.

А: Это, пожалуй, единственный, кто еще может что-то.

Вопрос: В его кураторстве находились вопросы шведской проблематики?

А: Да.

Вопрос: То есть, он был тогда начальником отделения?

А: Да. Он был старшим. Может быть, не в этот момент, но позднее он стал начальником именно Владимира Ефимовича. Может не в тот момент, когда у нас состоялась эта беседа, а позднее, но он стал начальником.

Вопрос: А в этот момент он тоже занимался Швецией?

А: Нет. Швецией, как я уже сказал, занимались два товарища - они оба покойные.

Л: Ах, да.

Вопрос: Такой еще вопрос. Мы его уже задавали, но он не прозвучал достаточно конкретно. Вы узнали об этом случайно?

А: Я просто сидел - занимался своими делами. Он вошел от секретаря - и все!

Вопрос: Я понимаю.

А вопрос я хочу таким образом сформулировать: кто кроме Крымова мог знать об этом по службе? Из тех, естественно, кто работал в этот период в этом отделе?

А: Видите ли, я уже сказал, что только непосредственно его визави коллега. Он умер. Следовательно, отпадает. Берем далее непосредственное руководство: кроме Крымова все умерли. Ну, и руководство Главка было тогда живо, но кто тогда... Руководство Главка ведь не один человек! И кто занимался этими вопросами, я просто не знаю. И - руководство Комитета. Кто занимался тогда? Тогда был председателем Семичастный. Он до сих пор жив- здоров, мне кажется. Даже что-то там пытается вспоминать. Насколько он в курсе дела?Писал ли он эту бумагу? Интересовался ли, вникал ли он в суть? Ведь вы же знаете, крупные руководители такие бумаги подписывают не глядя! Не вникая!

Вопрос: Каковы ваши впечатления? Просто впечатления? Недосекин был достаточно информирован или просто где-то слышал звон, а потом передал его дальше?

А: Нет!

Я обрисую Вам ситуацию, может, станет немного понятнее. Несмотря на то, что режим секретности всегда в таких организациях, как наша, был достаточно жесток и жесток, тем не менее

обмен информацией все время шел. В одном кабинете сидели тесно, да и кабинеты тогда были - в некоторых по семь человек сидели, работающие на разных участках. Ну, как тут можно что-то скрыть? Поэтому я считаю, что или Владимир Ефимович и ранее имел какое-то отношение к шведским вопросам, или он просто мог знать, как старый работник Главного Управления. Он с 38-го года в этом Управлении работал. На фронте он не был, насколько я помню из его разговоров. Он не говорил, что он был на фронте. Значит, он непосредственно крутился в этой кухне с 38-го года. Конечно, он мог знать. И от старых работников мог знать, и от других. Я не знаю, где он был после войны! На каком участке работал. Я этого не знаю. После того, как он из Германии приехал ... Я биографией его не интересовался. Я знаю только, что он с 38-го года в органах. Хотя я могу и ошибаться. /Мне так запомнилось./ Или с 39-го. Но факт тот, что он хвастался, что пришел до войны.

Вопрос: Если и имеет смысл с кем-то поговорить, так это Крымов? И больше никто?

А: Я лично больше не знаю никого.

Реплика: Крымов. Семичастный.

А: /Смеясь/ Я больше лично никого не знаю.

Заместители тогда были у Семичастного - Захаров, мне кажется, умер, Ващутин, кажется, если не умер, то вот-вот умрет. А больше я лично никого не помню.

И вообще этот вопрос тогда уже для нас не имел никакой актуальности. Занимался им один человек, сидящий на шведской линии - писал эти стандартные ответы.

Вопрос: Сохранились ли дела? Не помните?

А: Видите ли, в чем дело. Я не знаю, сохранились или нет, потому что не я вел это дело.

Реплика: Я понимаю.

А: Но я вел аналогичный участок. У меня было аналогичное дело. Называется оно литерное.

Реплика: Да. Именно об этом я Вас хотел спросить.

А: Литерное дело - по нашим приказам - подвергается регулярной чистке, то есть на усмотрение исполнителя.

Реплика: Это я знаю.

А: Того же старшего оперуполномоченного или оперуполномоченного. Товарищ перелистывает это дело, если он видит, что документ не нужен, не представляет никакой ценности, то он его выдирает составляет об этом акт. Набирается, конечно, целая куча документов, составляется акт об уничтожении ненужных документов, не представляющих ни исторической, ни оперативной ценности, а литерное дело заново переписывается. То есть в литерном деле, если вы его поднимете, может не оказаться никаких следов. Эта переписка с МИДом как никому не нужная и неинтересная могла быть уничтожена. Акты об уничтожении этих документов, в которых была отметка: запрос МИД СССР - ответ на запрос МИД СССР тоже могли быть уже уничтожены. Вы не забывайте, что уже прошло тридцать лет.

Вопрос: Могу еще дополнить Юрия Павловича. Иногда уничтожались документы целыми томами, таких случаев немного. Оттуда изымались, скажем, один-два документа, которые имели бы какое-то значение, а дело уничтожалось томом. В акте записывалось: дело номер такое-то, том - номер такой-то на трехстах листах, все.

А: Чтобы это можно было приблизительно представить, я расскажу о своем опыте. Приблизительно в это же время, когда я пришел на один участок, на какой именно - это к делу не относится - у меня было дело из большого количества томов, начиная с 37-г года. Я однажды сел, не поленился, не пожалел месяца-полтора, просмотрел все эти дела и уничтожил документы как ненужные. И у меня огромная стопа документов сократилась вот до такого дела.

Реплика: Все равно мы здесь из вашего рассказа делаем вывод, что нам литерное дело по этому вопросу нужно изучить.

А: Но оно может не помочь.

Вопрос: Может, но мы должны изучить. Это у нас еще одна деталь появилась из беседы.

А: Более всего я ориентируюсь на психологическую обстановку, во время которой произошел этот разговор. Никто его за язык не тянул. Разговор получился спонтанный. Почему он мне шепотом сказал, что Валленберг был расстрелян - это от того, что мы с ним до такой степени сблизились, что он мне доверял. Он видел, что я хороший товарищ, не болтун. Об этом может свидетельствовать то, что я тридцать лет молчал. Это степень его доверия ко мне.

Вопрос: Юрий Павлович, опишите нам, пожалуйста, черты характера Николая Васильевича Крымова. Как с ним лучше провести беседу?

А: Я не знаю, как сейчас, он ведь уже человек в возрасте. Я с ним не сталкивался лет двадцать, наверное. Но он всегда был очень хороший трезвомыслящий товарищ. Когда мне пришлось с ним работать, мне было легко с ним работать, он был понимающий дело, знающий, большого образования у него не было, но он был специалист-практик.

Реплика: У него достаточно историческая чекистская биография.

А: Да, да. Он, кажется, начал работать в военное время.

Реплика: Владимир Ефимович сказал тогда, что он был расстрелян как агент немецкой разведки. И потом он говорил, что все документы были уничтожены, потому что прошло тридцать лет.

А: Я детально уже не помню. Но, естественно, у меня возник вопрос, почему нельзя шведам ответить.

Он мне сказал: "Нечего отвечать, документов нет". 1961 или 1962 год, прошло много времени, холодная война кончилась, Хрущев уже встречался в Вене с Кеннеди, со шведами тоже были неплохие отношения.

Я помню первая советская тургруппа поехала именно в Швецию, если я не ошибаюсь. Т.е. можно было бы уже ответить. Но что ответить? То, что помнит Владимир Ефимович. Это не ответ, простите. Разве можно включить то, что я сейчас рассказал, в официальный ответ министра Панкина шведской стороне? Пришел к вам какой-то пенсионер, что-то наговорил, и министр Панкин подписывает. Поэтому то, что он сказал, официального звучания не имело.

Реплика: Как я понимаю, Владимир Ефимович и объяснил, что нечего сказать шведской стороне, поскольку документов нет.

А: Да, вот я так понял. Фразу точно я не помню. Потому что я хорошо помню первые две фразы: "Рауль расстрелян". Когда я выразил изумление, он сказал: "Как агент германской разведки." Это в какой-то степени объясняло, что дальше я понял так, что ничего ответить не можем, поскольку не на что опереться. А интересоваться, откуда он все это знает, было бестактно.

Вопрос: А после 1961 года вы слышали об этом деле?

А: Нет, только из прессы. На пенсию я ушел только в этом году, а род моих занятий был далек от шведских проблем, поэтому я больше ничего не слышал.

Вопрос: Юрий Павлович, какое бы направление вы ни вели, вы профессионал, и поэтому мне хотелось бы задать вам такой вопрос. А если бы вам поручили ... /обрыв / Валленберга, как бы вы поступили?

То, что это задание государственной важности, не надо говорить как бы вы решили это задание?

Вопрос: Знаете ли вы случаи - я не спрашиваю какие, - когда уничтожались документы?"

А: Аналогичного порядка?

Реплика: Да.

А: По работе я не сталкивался с тем, что документы уничтожались по приказу, поскольку я пришел в те времена, когда такие приказы не могли быть отданы. А по старым делам, свидетелем которых я никак не мог быть, я могу знать только то, что было в прессе, в поднятых архивных материалах.

Но я думаю, что не исключено, что были дела, когда материалы уничтожались.

Реплика: Бывают же еще и какие-то профессиональные легенды. У оперов вообще принято рассказывать. Сейчас -то, конечно, не те времена, а вот раньше.

А: Сразу мне так трудно представить, что могло быть еще уничтожено. Лично мне не приходилось сталкиваться с такими проблемами.

Во-первых, по роду своей работы в течение 30 с лишним лет я нигде не мог видеть, что по такому-то делу все документы уничтожены. Это было бы абсурдно. Если документы уничтожались, то уничтожались. Т. е. я мог это слышать устно от кого-то, что было такое-то дело, это дело рук НКВД, но все документы уничтожены. Но я такого случая не знаю. И более того, я вам не говорю, что я четко слышал от Владимира Ефимовича, что да, документы все уничтожены. Я же вам сказал, что у меня создалось такое впечатление, что отвечать нечего, документов нет. Это я предполагаю, что документы могли быть уничтожены.

Вопрос: Еще хотелось бы задать такой вопрос. Точно ли вы помните, что какая-то газета писала, что он содержался во владимирской

А: Я понимаю. Мне кажется, что лучше всего заняться поиском людей, которые могли бы подтвердить мою информацию, поскольку новой информации, на мой взгляд, вы не получите – о том, что он жив, где-то его видели и т.д.

Все это часто бывает, возьмите, например, Мандельштама: то его видели там, то здесь. Много найдется желающих поговорить. Вам надо найти людей, которые могут подтвердить информацию, а они могут быть и среди бывших работников Главного Управления, среди бывшего руководства, если оно живо еще, среди сотрудников того тюремного учреждения, в котором он находился. Я, кстати, не знаю, где он находился. Мне это совершенно неизвестно. В газетах писали, что он сидел во владимирской тюрьме. А где он расстрелян, я могу только предполагать. Потому что расстреливали в Москве и во владимирской тюрьме, это мне известно.

Может быть, живы надзиратели, охрана, врачи.

Вопрос: А по документам?

А: Если была дана команда "уничтожить", то в данном случае такая команда могла поступить от очень высокого руководства. И она, конечно, исполнялась бы на совесть. "Я думаю, если вы что-то найдете, то чисто случайно, по недосмотру могли что-то оставить. Поскольку если поступала команда все уничтожить, то уничтожалось буквально все, что только могли найти. Людей не уничтожали, это я могу точно сказать. Некоторые залихватские журналисты написали, что будто бы у нас уничтожали свидетелей,-а документы могли быть уничтожены. Я понимаю, почему документы уничтожали, ведь в принципе документы редко уничтожались. Тут, видимо, особый случай был.

Это я сейчас уже понимаю, зная весомость Рауля Валленберга, отношения со Швецией, и т.д.

тюрьме?

А: Если не ошибаюсь, когда все это началось, ... (не дог.) Чуть ли не в "Известиях".

Реплика: Вы сказали это достаточно уверенно.

А: Чуть ли не в "Известиях". Я получаю не так уж много газет, и я читал это в одной из тех газет, которые я получаю.

Реплика: Что он содержался во владимирской тюрьме.

А: Да.

Мне кажется, что я читал в "Известиях".

Реплика: То есть вы не помните, в какой газете, но то, что читали...

А: /переб./ Абсолютно точно в той газете, которую я вынул из газетного ящика. Это было года два назад.

Реплика: В вашей памяти четко отложилось.

А: Когда была вновь создана комиссия?

Реплика: В прошлом году.

А: Вот когда этот вопрос вновь возник, я читал о каких-то свидетельских показаниях тех, кто находился во владимирской тюрьме. В газете было сказано настолько уверенно, что моя память это сохранила. Я склонен считать, что так оно и есть, т.к. владимирская тюрьма считалась одной из самых серьезных для иностранцев. Прогремевшие на весь Союз первые послевоенные западногерманские шпионы Науман и Р. ... / не ясно/ сидели во владимирской тюрьме, точили там шахматы. Иностранцы сидели в Лефортове.

Все немцы в то время сидели в Лефортове. Поэтому он мог сидеть и там. Какую-то часть времени, потом его могли перевести во Владимир. Или наоборот.

Тут трудно сказать, надо поднимать документы и опрашивать сви-

детелей. Но в газете, мне кажется, упоминалась именно владимирская тюрьма.

Реплика: У меня, похоже, нет вопросов. А у вас?

Вопрос: Я думаю, что вы уже затронули этот вопрос, но что послужило толчком тому, что вы обратились сейчас ... /не дог/

А: Я уже объяснил. Когда снова началось выяснение судьбы Рауля Валленберга, я сидел дома или на работе. Я еще ради смеха сказал своим домашним: "Чего там бегают, обратились бы ко мне, я бы сразу сказал". В шутку сказал. Я был уверен, что, кроме меня, должны быть более осведомленные свидетели, то я не считал возможным вылезать со своими услугами. А теперь в последние дни, когда я понял, что вы бродите вокруг да около, нет никакой ясности, то я решил помочь. Вот позвонил по старой памяти, знакомства у меня есть, на пенсию ушел недавно. Позвонил и сказал, что могу оказать посильную помощь, если нужно.

Реплика: Могу пояснить, что звонок был не мне.

А: Я звонил руководству.

Реплика: Звонок был не мне, одному из руководителей. Этот руководитель знал, что работает такая комиссия, а в этой комиссии работаю я. И этот руководитель уже предложил мне связаться с Юрием Павловичем.

Реплика: Понял.

Реплика: Это чтобы вся цепочка прослеживалась совершенно точно.

Вопрос: А вы знали, что создана такая рабочая группа?

А: Читал в прессе.

Реплика: Ясно.

А: Читал в прессе, что создана комиссия Валленберга, в нее входят родственники Рауля. Только по прессе.

Вопрос: Если нет вопросов... /обрыв записи/.

4/96

(27)

З А П И С Ь

фонограммы беседы
с Копелянским Даниилом Григорьевичем
2 июня 1993 г.

Участвовали:

Люрвалль Бьери – 2 секретарь Посольства Швеции в России

Козлов Александр Андреевич

Зиборов Андрей Евгеньевич

сотрудники Министерства безопасности России

Если я не ошибаюсь, то он попал в плен после освобождения Минска или Бобруйска. Интерес для нашего командования он представлял потому, что Штагель был направлен на русский фронт по прямому указанию Гитлера, кажется, из Италии. В штабе Гитлера, в высшем верховном командовании Германии Шт гель считался узким специалистом по высвобождению немецких войск из "котлов", т.е. из окружения. Он считался невероят ным специалистом в этой области. Но у него ничего не полу- чилось, и из "котла" он попал прямо в военнопленные. Я лич подробно с ним разговаривал, может быть, другие тоже разго варивали, - я не знаю. А я разговаривал с ним относительно позиции немецкого генерального штаба. Было это в самый раз гар войны, до конца войны было еще далеко. Когда я его доп шивал, я не помню. В каком году это было - не помню.

М: Говорят, что это могло быть в августе, сентябре или октябр 1947 /?/ года.

К: Этого я не помню.

Помню только, что нас интересовали вопросы, связанные с ег военной деятельностью. По этому поводу я с ним и разговари Абсолютно не помню, чтобы хоть раз при этом было упомянуто имя Валленберга. Я вообще не помню эту фамилию. Речь-то ве идет о том, что Штагель сидел с Валленбергом, и потом, мол его вызывали для того, чтобы выяснить, что он узнал от Валленберга. По этому поводу я не имел с ним разговоров, н личность эту я помню. Помню этого генерала. Какова его дал нейшая судьба - я не знаю. Может, Штагель жив? Если он жив так с ним можно подробно об этом поговорить.

Пауза.

Я уже давно не работаю в органах. Формально я был уволе с работы в 1951 году, но фактически в 1950-м. Тогда я был выведен за штат и просто некоторое время получал деньги. В общем, о судьбе этих генералов я не могу ничего сказать не знаю. Понятия не имею, что с ними было дальше. Никого и тех лиц (имею в виду немцев), которые здесь упоминаются, я не помню и не знаю. Вот этих, остальных.

Показывает, видимо, в документах - прим. перев.

Единственный, кого я припоминаю, это как раз генерал Штаге Этого я помню. В связи с чем я его помню, я вам рассказал.

Но больше ничего ,связанного с ним, не припоминаю.

М: В этой статье упоминаются также Хубер и Кичман.

К: Не помню таких.

Я вам сказал, что из всех упомянутых лиц я помню только Штагеля. Остальных не помню совершенно. При чтении этой статьи на меня произвело впечатление то обстоятельство, - если, конечно, это правда, потому что наши журналисты пишут немало вранья, - что что-то интересное, наверное, может сообщить по этому поводу Борис Алексеевич ....ов. (Шувалов? Соломов) Почему? Потому что, как я прочитал в этой статье, Борис Алексеевич распоряжался их отправкой в тюрьмы "особого режима" или содержанием их в строгой изоляции и так далее. Но, по всей видимости, было это уже после моего увольнения из органов. Я же в это время был уже занят подготовкой и проведением судебного процесса в Берлине - процесса над командованием концлагеря Ораниенбург-Заксенхаузен. Это был не слишком громкий, но все-таки международный процесс. Я выступал на этом процессе в роли главного переводчика.

М: Это было в конце сороковых годов?

К: Да. Это было до образования ГДР. По-моему, это было ранней осенью 1947 или 1948 года. Точно не помню. Повторяю, ГДР еще не было, а были только зоны. Я помню, мы ездили гулять в Потсдам. В моей биографии это был существенный момент, который я запомнил на всю жизнь. Могу ошибаться только в годе 1947-й или 1948-й.

РМ: Конечно. Уж сколько лет-то прошло!

М: Если вернуться к этой статье, я просто могу сказать Вам, что среди указанных лиц есть свидетельства и Хубера, и Кичмана. Может быть, Вы потом посмотрите ... (не дог.).

К: Я вам откровенно говорю: этих лиц я не помню. Я не в состоянии был запомнить всех, их были десятки.

РМ: Даниил Григорьевич! Об этом и идет речь. Конечно, за это время действительно можно забыть имена, фамилии, внешний облик, но, может быть, вот эти самые рассказы что-то подскажут Вам.

К: Я вам так скажу: я могу забыть очень многое. Но есть вещи, которые я забыть не могу. Например, я могу вам совершенно твердо и определенно сказать, что если бы я имел дело с каким-то шведским дипломатом по фамилии Валленберг - или с другой какой-нибудь фамилией - главное, что не с военным, а с дипломатом, да еще шведом, я бы запомнил его наверняка. Наверняка! Я же имел дело с людьми военными или людьми, им шими отношение к армии. Был среди них только один дипломат посол Германии в Болгарии - Беккерле. Он и его жена. Им бы даже предоставлена уникальная возможность: они находились камере вместе. Их дальнейшую судьбу я тоже не знаю. Вот их я помню, а больше никаких дипломатов не помню, хоть выверт вайте меня наизнанку.

РМ: Ну, что вы! О чем вы говорите!

К: Ход размышлений мне понятен: Валленберг содержался с разными людьми, и этих людей могли спрашивать, о чем Валленберг говорил и т.д. Но в любом случае для меня должна была бы всплыть фамилия Валленберг. Но я этого совершенно не помню. У меня была надежда: может быть, фамилия Валленберг проскользнула в моих разговорах с Францем Гфрорнером Я говорил вам о нем. Это был единственный человек, которы как-то с "этими делами" был связан. Почему? Потому что Гфрорнер был как-то связан с расследованиями немецкой разведки по делу "Джойнт" в Венгрии. А как я теперь знаю из прессы, и Валленберг был связан с этой организацией, занимавшейся переправкой за большие деньги богатых евреев в сторону Турции что ли, в общем, куда-то туда. Их оттуда вывозили. И я думал: "А,может быть, то имя проскользнуло где-то та Но как мне сказали: "Нет". Если бы там была такая фамилия то оказалась бы прямая связь, но - нет. Это еще раз убежд ет меня в том, что к этому делу я отношения, наверное, не имел. Если бы я имел к этому делу отношение, неужели бы не спросил Гфрорнера: "А известен ли вам господин Валленберг?" Наверняка бы я спросил.

М: Данил Григорьевич, я хотел бы задать вам два вопроса по этой статье. Вы немного предвосхитили мою мысль, но неуже ли бы вы не спросили, кто такой Валленберг? В числе найде ных в архивах документальных материалов по Валленбергу ес упоминания о показаниях людей, что следователь в процессе допроса получает информацию и записывает в протоколе фами лию Валленберг, но оставляет ее, не спрашивая, кто такой Валленберг, т.е. не развивает мысль. А это как-то неестес венно. Мелькает фамилия Валленберг и остается необъяснимс Следователь, профессионал, не может не задать такой вопрс "А кто такой Валленберг?", если ему о нем ничего не извес но.

К: Простите, пожалуйста. Я с вами не совсем согласен. Конеч случайности могут быть всякие. Но если речь идет о шведск дипломате, который вроде бы был замешан в таком же деле, как этот гестаповец Гфрорнер, то как же я об этом бы не спросил? Если бы я об этом знал?!

РМ: Резонно.

К: Я не понимаю смысла.

РМ: Резонно, Даниил Григорьевич.

М: Позвольте второй вопрос по этой статье. Здесь написано, что буквально за два-три дня, а это основано на документа ных материалах, были запрошены практически все сокамерни Валленберга и Ванхельбера. Как вы, с точки зрения бывшег работника, можете нам прокомментировать этот момент. Он действительно вызывает интерес.

Ланхфельдер

К: Я не могу понять почему! Почему это могло быть?!

М: Причем некоторые из них были привезены из мест отбытия заключения, с ними беседовали, их допрашивали и так далее Более того, в считанные дни они были допрошены и отправле ны. Участие принимали Борис Алексеевич и другие. По офиц альной версии единственный след, имеющий отношение к суд бе Валленберга, - это рапорт начальника медицинской служ где он удостоверяет факт смерти Валленберга 17 июля. Пот подряд в считанные дни идут допросы всех сокамерников Ва ленберга. Вы не можете проконсультировать нас по этому в росу?

К: Нет.

РМ: С чем бы это могло быть связано?

К: Я не знаю. С моей стороны могут быть только разные догад ки. Может быть, кто-то из руководства считал, что ему бы плохо и перед смертью он, может быть, им что-то передал? "Вот, я умру, а вас выпустят и вы передадите что-нибудь родину". Может быть, так? У меня такое предположение.

М: В любом случае эти допросы нельзя считать непреднамеренн ми.

К: Конечно.

М: Из фактов следует, что это спланированная акция, были со браны все сокамерники Валленберга и, видимо, им был дан какой-то инструктаж. Иначе как это можно объяснить?

К: Я тоже так думаю.

М: Следовательно, это уже был целенаправленный процесс, а н дело случая. Следователи должны были получить четкие ин- струкции.

К: Наверное, так. Я думаю, что это, наверное, не случайно.

М: Статья вроде бы документальная, она отличается определе ной достоверностью, основана на числах, датах, адресах, ф милиях. Она вызывает уважение.

К: И я так считаю.

М: Но новых моментов она не открывает.

РМ: Нового - ничего, но у вас лично, Даниил Григорьевич, она вызвала какие-то новые чувства?

К: Да. И я вам сказал. Я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли.

М: Наверное, мы поймем правильно.

К: Для меня важна честность во всех отношениях, в том числе и к моим товарищам. И я должен вам честно сказать, что, видимо, Борис Алексеевич может сообщить вам что-то дополнительно. У меня такое впечатление. Я с ним говорил по эт вопросам, и он мне ни разу и ни слова не говорил о том, о чем здесь говорится.

РМ: У меня вопрос был с этим связан. Сложно сегодня, с позиции сегодняшнего дня представить образ и технику той работы. Видимо, достаточно ограниченное количество сотрудников ра тало по достаточно ограниченному контингенту людей. То, ч с одним и тем же объектом работали несколько сотрудников отделов, было ли это нормой? Или же это было исключением из правил?

К: По одному человеку?

РМ: Или по группе лиц.

К: Группа - это другое дело. Если речь идет о группе лиц, связанных общей задачей, то по этому вопросу могут быть з няты несколько следователей. Это естественно. Но когда речь идет об одном человеке, то должен быть направляющий человек, который может давать отдельные поручения, задани Я не понимаю ваш вопрос.

РМ: Вопрос в том, часто ли практиковалась передача дел от одно работника к другому, насколько интенсивной была кадровая ротация или передвижение людей. Допустим, вы сегодня веде группу дел. Вдруг вас срочно отправляют в командировку. В же не можете бросить эти дела, а должны их кому-то переда

К: Такие случаи бывают.

РМ: Как часто это было? Если это было системой, то можно, надергав отдельных фактов и опустив многие другие, нарисовать выгодную для себя картину.

К: Я могу сказать только о моей собственной практике. Когда я был занят делом "Ораниенбург-Заксенхаузен", то другими делами я не занимался. Ведь это было очень серьезное и важное дело. Это был наш выход на международную практику. А другие дела, видимо, были кому-то другому переданы; не мной, конечно, а моим начальством. Возможно, даже Карташовым. Когда я занимался обработкой поступающих сюда материалов, чтобы потом их отправить на Нюрнбергский процесс, я тоже не занимался другими делами. Я, как и многие другие, находился в Москве. А Борис Алексеевич был в Нюренберге.

РМ: А те дела, которые были в вашем производстве, тут же распределялись другим сотрудникам?

К: Да.

РМ: Значит, эта мобильная работа постоянно имела место?

К: Только в экстраординарных случаях.

РМ: Судя по вашей статье и имеющимся у нас материалам, вы помните Штагеля, но не помните ни Хубера, ни Кичмана. А по делу Штагеля проходили Хубер и Кичман?

К: Я не помню.

РМ: Мы посмотрели материалы и поняли, что по этому делу они не были связаны со Штагелем.

К: Я уже вам все сказал, что я помнил о Штагеле и почему он интересовал наше командование. А других фамилий я не помню.

РМ: Дело в том, что в архивных документах значится, что в те же самые дни, когда вы работали со Штагелем, вы работали и с Хубером, и с Кичманом. Возможно, вы работали с ними непродолжительное время, поэтому и не запомнили фамилий. Если судить по документам, они не были связаны ни делами, ни родственными отношениями. И с Валленбергом они тоже не были связаны. Но они все трое были сокамерниками Лангфельдера, шофера Валленберга. Это единственное, что их связывало.

М: Речь идет о том, что по возвращении в Германию в 1956 году они рассказывали о допросах, которые были в конце июля -начале августа 1947 года, где их спрашивали о связях с Валленбергом и Лангфельдером. Поэтому естественно, что сейчас возник этот вопрос.

К: Вы поймите, что у меня нет оснований хоть что-то от вас скрывать. Поэтому все, что я знаю, я вам сказал.

РМ: Когда начинаешь разбираться в достаточно сложном и запутанном деле, которое происходило почти пятьдесят лет назад, то возникает целая масса обстоятельств и вопросов, на которые мы - новое поколение - не можем дать ответы. Поэтому мы и приходим к вам с этими вопросами. Я прошу не воспринимать наши беседы как признак какого-то к вам недоверия и попытку "вышибить" из вас правду. Отнюдь нет. Просто очень много неясностей.

К: Из всего, что вы мне показывали, одна вещь вызывает у меня недоверие. Это знаменитая записка Смольцова. Я в это не верил с самого начала нашей беседы и сейчас не верю. Я считаю, что это абсолютно не правдоподобно. Ведь существовали какие-то порядки, была строгая дисциплина, определенная иерархия. Какой-то журналист занимался анализом почерка Смольцова и т.д. Об этом была статья. Я ее прочитал в сегодняшней газете. Меня интересует сам факт. Как это может быть, что какой-то тюремный врач, пусть даже в звании полковника, минуя своих непосредственных начальников, докладывал о свершившемся чрезвычайном обстоятельстве напрямую Абакумову?

РМ: А мог он выполнять прямое указание Абакумова, допустим, по наблюдению за здоровьем Валленберга?

К: В любом случае у этого врача есть непосредственный начальник, а именно начальник внутренней тюрьмы. Тогда это был полковник Миронов. Смольцова я никогда не знал и не слышал о нем. А Миронов был в доверительных отношениях с Абакумовым и вряд ли потерпел бы такое безобразие, если бы ему не сообщили о смерти такого известного человека. Было бы нормальным, если под этим письмом стояло бы две подписи: Миронова и врача.

РМ: Можно предположить два момента. Во-первых, этот рапорт Смольцова мог быть найден без сопроводительного письма Миронова Абакумову. Можно предположить и другую версию, что Валленберг был действительно ликвидирован по чьему-то устному указанию. Но в то время по советским законам смертная казнь была отменена, и, чтобы прикрыть злодеяние (или как вы там раньше выражались?), был написан тем же Смольцовым рапорт. Но речь-то идет о чем? Допустим, наши эксперты провели экспертизу бумаги и сошлись на том, что это бумага действительно тех времен, была использована в тех технологических процессах и особенностях, рапорт написан почерком Смольцова и он удостоверен. Более того, была создана авторитетная комиссия с шведской стороны, которая не опровергла выводы российских экспертов.

К: Слава богу! Что я могу по этому поводу сказать? Я никаких комиссий не организовывал. Я высказываю свое личное мне-

ние. А жизнь всегда бывает богаче всяких прочих вещей.

РМ: Вот в этой связи есть вопрос: бывало ли, что Абакумов давал конкретным исполнителям личные указания по конкретным делам и поручал докладывать об исполнении лично ему?

К: Я не знаю, может быть, и было.

РМ: Может быть, не в вашей практике, а вы это знали из общения с коллегами?

К: В моей практике такого не было. Я только могу предположить, что такие указания он мог давать особо известным следователям из отдела по особо важным делам. Это могло быть. Он мог сказать: "Вот вы мне лично и доложите". Но мне, маленькому человеку, такие случаи не известны. У меня было начальство, я ему докладывал, а дальше оно решало, как действовать. В моей практике не было случая, чтобы я через голову что-то делал.

РМ: На сегодня у нас просьб для консультаций по этой статье больше нет. Вы, наверное, поняли, что работа нашей рабочей группы близится к завершению. И мы, суммируя все материалы, в том числе используя этот подсобный материал, мы не могли не задать вам эти несколько вопросов.

К: Естественно, это я понимаю.

РМ: Поэтому мы здесь не преследовали...

К: (переб.) Какое преследование! Тем более, видите, я вспомнил Штагеля. Но он, оказывается, сокамерник Лангфельдера, а не Валленберга. Я помню, чем я интересовался. Может быть, я интересовался и другим, только не помню. А вот это я помню, точно помню.

РМ: Среди моря материала, как вы знаете, всегда можно подобрать цепочку нужных тебе фактов, если опускаешь те, которые твоей версии противоречат. Тут бывает всякое, поэтому мы и хотели как бы более четко представить фактическую картину той работы, которая существовала в те годы. Как вы понимаете, без помощи вашей, Бориса Алексеевича просто нельзя, потому что документы - это документы, это бумаги, реальной жизни из них не извлечешь. Только люди могут рассказать, как это происходило на самом деле. Вот чем вызван наш визит.

К: Я просто не представляю, чем я еще могу... (не дог.)

М: Спасибо большое за консультацию. Единственная просьба остается к вам: так же вежливо принимать господина Хонтарди (?). Van Dardel

К: Ради бога, пожалуйста. Это почтенный, вежливый человек, я ничего не могу сказать. Откровенно говоря, при первой встрече с ним я был очень обижен: мы собираемся ложиться спать, вдруг стучит человек. Я уже в пижаме. Что это такое? Я приглашал его разве?

РМ: Это несколько неделикатно.

К: Он потом все это объяснил в письме ко мне. Он говорит; "Я приехал ненадолго и думал, если я позвоню, вы мне откажете во встрече, я решил прямо так придти." Такая у него была мысль. Но я должен вам сказать, что вид у него был безобразный. Возможно, он был напуган мною? Представляете, старый человек, у него слюни висят. Я думаю, черт его знает, кто это такой! Может, ненормальный?! Когда пришел господин Мекинен с ним на следующий день, разговор был другой. Моя жена с ними поговорила. Она человек выдержанный, более спокойный, несмотря на то, что она совершенно слепая. Я-то хоть одним глазом вижу. В общем, она с ними поговорила, я с ними спокойно поговорил. Это был нормальный разговор. Я все говорил по этому вопросу.

М: Значит, мы договорились. Я думаю, что это будет визит вежливости, и он будет один.

К: Хоть один, хоть вдвоем - пожалуйста. Если это может его успокоить или открыть глаза... (не дог.) Вот он пишет в своем письме, что память - вещь коварная (действительно коварная), забыл что-то, вдруг в голове щелк и что-то выплыло. Но сколько лет уже прошло, и сколько лет я с вами общаюсь. В голове все уже перевернуто, я все стараюсь вспоминать, но ничего нового придумать не могу. Даже "придумать" - не то слово. Вспомнить ничего другого не могу.

М: Если вы позволите, вы могли бы принять его во вторник 8-го?

К: Только во второй половине дня, потому что по вторникам

у меня бывают мои ученики.

М: Может быть, вам лучше в понедельник или в среду? Только в среду во второй половине дня он уже улетает.

К: Тогда во вторник, часа в четыре, как вы пришли.

М: Тогда мы перезвоним вам, чтобы вы точно знали.

К: Я ничуть не буду возражать, если и вы будете. Пожалуйста. Как угодно.

/Обрыв записи./

28

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Соколовым Константином Анатольевичем
9 октября 1991 года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

С: Если были бы какие-нибудь фотографии, материалы, фамилии, может быть, я подсказал бы что-нибудь по фамилиям. Но как такового дела и фамилии Валленберга, или даже Смольцова, которую вы называете, я не знаю. Правда, прошло много времени,я мог бы вроде и забыть, но я уверен, что таких фамилий я не знал.Так вы будете записывать? Вы уже записали, что я говорил?

В: Да, конечно.

С: Какие еще у вас вопросы? Меня все время удивляло: это дело должно было как-то стать мне известным, а оно мне совершенно неизвестно.Может быть, потому что я не имел никакого отношения к Венгрии..

В: А в какие годы вы работали в Четвертом управлении?

С: Примерно с 1946 года и дальше.

В: Самое интересное время.

С: Для вас это интересное время?

В: Оно интересно для нашего дела. Это тот самый период,когда предположительно Рауль Валленберг был там. Из тех отрывков, которые мы получили в результате проведения наших исследований, следует, что Рауль Валленберг был перевезен в Москву из Будапешта в начале 1945 года. И по крайней мере, до июля 1947 года он содержался в Лефортово и во внутренней тюрьме.

С: В начале 1945 года я был в Восточной Пруссии. Видимо, поэтому я и оказался не в курсе дела.

В: Как я понимаю, впоследствии никаких поручений в связи с этим делом вам не давали и от сослуживцев вам не доводилось об этом слышать?

С: Нет.Если бы что-то было, я бы с удовольствием помог вам и рассказал, насколько, конечно, позволила бы память. Еще раз говорю, что меня все время удивляло, - вроде близко что-то было, но мне почему-то не было известно. Может быть, в связи с тем, что я был в Восточной Пруссии, его арест и его появление в Москве остались для меня неизвестными. Письмо выглядит очень солидно, но я ничем не могу помочь.

В: Понятно.А доводилось ли вам сталкиваться в то время по работе с Сергеем Николаевичем Карташовым?

С: Да, доводилось. По-моему, Карташов работал в военной контрразведке в розыскном отделе. Номер отдела я сейчас не помню, но он ведал розыском.

В: Из того, что мы установили, следует,что Сергей Николаевич занимался этим делом.

С: Он еще жив?

В: Увы, нет. Может быть, вам доводилось что-нибудь от него слышать?

С: Видите ли, я воспитан, так сказать, на старых традициях, которые запрещали совать нос в чужие дела.

В: Эти традиции и сейчас живы. Как по-вашему, кто из сотрудников четвертого отдела или следовательской части в силу своего должностного положения или иных обстоятельств, как, например, знание языка, мог бы иметь отношение к делу Валленберга?

С: Какими языками он владел?

В: Немецкий, английский, французский языки он отлично знал.

С: Двое таких классных переводчиков было, они потом в Нюрнберге работали. Это Соловов и Копелянский. Это переводчики с немецкого языка. Может быть, их фамилии даже могли быть вам знакомы.

В: Да, мы уже побеседовали.

С: Уже побеседовали?

/Смеется/

С: И они вам что-нибудь рассказали или нет?

В: Отчасти да. Но они тоже в деталях, к сожалению, мало что знают.

С: Кто английским владел, я сейчас не помню. После окончания войны самым обиходным языком был немецкий. Английский как-то меньше, а французский тем более.

В: Скажите, пожалуйста, может быть, и отвлекаясь тем самым от темы, когда были вот эти публикации, то стали возникать разные вопросы, предлагались какие-то версии, были различные суждения и т.д. Но чаще всего это были суждения человека который читает детективы, а не того человека, который действительно знал истинное положение дел.

С: Да, это ясно.

В: Так вот у меня такой вопрос. Если вы помните эти публикации, то в 1957 году Громыко передал шведской стороне доказательства гибели Валленберга. Это была копия одного листа рапорта начальника медчасти Смольцова на имя Абакумова.

Это была информация о том, что предположительно от инфаркта миокарда умер заключенный Валленберг, и он спрашивает его, кому поручить вскрытие. Как вам кажется, такой документ .../не дог./ Задавался вопрос, а может ли начальник медчасти писать на имя министра по такому вопросу.

С: Это смотря в каком году.

В: Это в 1947 году было.

С: Абакумов тогда уже был министром?

В: Да. Насколько вообще это соответствует принятым в то время традициям, практике тех лет? Мы этого не знаем.

С: Вы знаете, надо иметь в виду, что ... Как вам сказать, я не знаю, какое тут слово подобрать, но в характере Абакумова.../не дог./ Абакумов практическими делами занимался постоянно. Не как министр сидел в кабинете и отдавал только общие команды. Он занимался и практическими делами, так что и с медиками он, насколько я сейчас себе представляю, был в очень деловых отношениях. Так что вполне возможно. И потом все-таки и фигура, видимо, Абакумовым как-то оценивалась надлежащим образом. Это не просто какого-то там антисоветчика поймали где-то. Такими делами он, конечно, не интересовался. А этого привезли и к тому-же иностранец все-таки.

В: Тогда такой вопрос. Скажите, а если это действительно соответствует тому, что было на самом деле, и он умер, то где вы должны были захоронить тело, какая практика тех лет существовала? Ну, вот погиб заключенный и что?

С: Об этом мне совершенно ничего неизвестно: где хоронили, кого хоронили. Мне просто некогда было этим заниматься. Просто некогда.

В: Хорошо.Тогда по делопроизводству. Сейчас оказывается так, что даже те люди, которые имеют возможность заниматься, работать в архивах и, – насколько мы можем предположить, – добросовестно это делают, не могут найти ни тюремного дела, ни каких-либо других документов.

С: Как странно, я не знаю почему так. Мне казалось, что тюремное дело должно быть. Следственное дело есть или его нет?

В: Нет, никакого дела нет.

Поэтому я хотел бы задать такой вопрос: как вы считаете, какие остались следы пребывания Валленберга,если он был в то время в Четвертом управлении? Он вызывался, содержался на Лубянке, содержался в Лефортово.

Какие документальные следы могут остаться от его пребывания? Если бы вам вдруг поручили...

С: /переб/ Искать?

В: Да, искать. Не так как сейчас – расскажите, а – найдите. "Доверяем, просим, знаем!" Вы бы, наверное, выработали какой-то план розыска? Как бы поступили вы?

С: Хоть какой-то первоначальный документ у вас есть или нет? Обычно ведь Москва – и военная контрразведка и другие управления – они брали /если на периферии появлялось какое-то дело/, отбирали только наиболее серьезные,наиболее важные,

наиболее интересные дела – все не брали. А периферийные органы заводили дела на всех, кто оказывался в сфере их деятельности. Значит, я бы сначала выяснил: каким органом он был арестован в Венгрии? И куда этот орган сдавал свои архивы после войны? Это – как начальная стадия.

В: Тогда давайте я вам скажу, чтобы вам было легче строить версию, что в деле имеется /но я говорю условно, потому что достоверности в подлинности этих документов нет, надо все-таки делать небольшую поправку – а вдруг это не совсем так/, в деле есть лист,на котором написан рапорт начальника политотдела дивизии на имя начальника политуправления армии, примерно такого содержания: "В Будапеште нашими подразделениями /я уже не помню, как там точно написано/ задержан Валленберг, а также такой-то, такой-то, такой-то. Он просит передать телеграмму". Я не помню – кому, вероятно, своим. И он спрашивает его, что делать. На обратной стороне этого обыкновенного очень скромного листа есть надпись примерно такого содержания, что никакие телеграммы передавать не надо и отпускать его тоже не надо, дескать потом разберемся или что-то в этом роде. И все. Вот это начало. Конец – это та бумага, которую предоставил Громыко в 1957 году шведским властям.

В промежутке между этим, как стало известно, во-первых, есть книги, где регистрировалась информация о том, кого и как вызывали на допрос, где есть фамилия Валленберг.

С: Книга регистраций где?

В: Книга в тюрьме. Внутреннего движения в тюрьме. Есть несколько упоминаний по делам заключенных, где проходит такая странная формулировка: "В связи с тем, что он имел контакт (по конкретным фамилиям) с особо важным заключенным, ему.... И дальше идет - определить режим достаточно строгой изоляции. То есть везде проходит вот эта формулировка - особо важный заключенный. И вероятней всего, это и был Валленберг, хотя он был далеко не главной фигурой среди тех, которых содержали там в то время. Вы помните, тогда это были первые лица и фашистской Германии и те, которые представляли большой интерес. А особо важным заключенным вдруг стал Валленберг. Я, наверное, наговорил слишком много, чтобы услышать ответ.

С: Нет. Я просто осмысливаю. "Имел контакт с особо важным..." (не дог.)

Я мало интересовался тюремными порядками. Сейчас, конечно, умерли все люди, которые могли бы что-то сказать.

В: Достаточно сказать, что из ответственных работников, если вообще не из всех работников следствия, которые участвовали в следствии по особо важным делам, не осталось никого в живых.

С: И тюремных начальников тоже не осталось?

В: Начальников точно не осталось. Сейчас мы пытаемся найти хотя бы дежурных начальников смен.

ВI: Нам было бы полезно поговорить с Абакумовым.

С: Да, он бы вам помог. Кстати, я считал, что зря поторопились его расстрелять. Он был источником очень серьезной информации. Его стоило беречь. Вреда бы не было. Дали бы ему 20 лет или еще какой-нибудь срок.

ВI: А вдруг он бы оказался прав через I5 лет?!

/Смеются/

В: Константин Анатольевич, скажите, как вы думаете, может ли Селивановский Николай Николаевич быть осведомлен?

С: Думаю, да. Он первый зам. Жив?

В: Боюсь сглазить.

ВI: Ему сейчас 90лет.

С: Я однажды обратился с вопросом к одному работнику-чекисту, фронтовику. Я что-то хотел у него выяснить. Ему было около 80 лет. Он сказал: "Я ничего не помню". Так я ничего и не выяснил. Все-таки 80 лет - это возраст.

В: Конечно. Мы встречались со многими людьми, работающими как раз в то время. Наверняка если их имена вам перечислить, очень многих вы знаете. И что удивительно: несмотря на возраст, эти люди помнят, насколько можно помнить, и оценивают все довольно серьезно. Что самое удивительное, у них нет никакого страха. Когда мы собирались с этими людьми побеседовать, мы опасались, что люди испугаются, будут себя плохо чувствовать. Никакого испуга у этих людей нет, они откровенны, искренни, заинтересованы в том, чтобы у нас что-то получилось.

С: Ну а почему бы и нет?! Это уже история. Я просто не знаю, чью фамилию вам еще назвать, чтобы вам помочь. В этой массе есть, наверное, один человек, который мог вам открыть

глаза на все происходящее.

В: Да.

С: А нигде не мелькают фамилии следователей?

ВI: Из тех записей по журналу движения заключенных...

С: (перев.) А кто, кстати, вызывал?

В: Карташов.

С: Ах, Карташов.

В: Там числится Карташов. Еще, по-моему, числился Амелин, но он тоже уже умер.

С: Амелин?

ВI: Давайте сделаем так. У Андрея Евгеньевича имеется список. Чтобы вам легче было вспомнить, он прочтет те фамилии, на которые мы ориентировались. Может быть, вы кого-то еще вспомните, и этот список расширится на одного-двух человек.

С: Я почти уверен, что кто-то есть, кто может что-то знать.

В: Я начну с тех, с кем мы уже побеседовали. Адамов Николай Федорович. Бубнов Олег Сергеевич. Бурашников Николай Иванович.

С: (перев.) Он умер.

В: Да. Ендовицкий Сергей Дмитриевич.

С: Нет, не помню.

В: Копелянский. Мы уже вспоминали Соловова. Стеснова Анна Леонтьевна. Гришаев Павел Иванович.

С: Вы с ним разговаривали?

В: Пока нет, у него прединфарктное состояние.

ВI: Он находится сейчас в больнице.

В: Поэтому мы пока не решаемся его беспокоить.

С: В больнице? Я ему звонил, или он мне, я уже не помню. Но это было недели две назад.

В: Мы нашли его фамилию неделю назад. Его только что отвезли в больницу, и врачи подозревали, что у него прединфарктное состояние.

ВI: Беспокоить человека в таком состоянии нельзя.

В: Как вы считаете, он может знать что-то?

С: Он был в бригаде, которая уезжала в Нюренберг, так что может быть, как раз в это время его и не было.

В: Сиоманчук Леонид Емельянович. Шубников Федор Григорьевич.

С: Я знаю, что Шубников в больнице.

В: Мы с ним как раз в госпитале и беседовали.

ВI: Он, к счастью, прекрасно выглядит. После операции прошло всего 2 недели, а он бегает, как молодой.

С: После этого была еще операция, и он бегает там?

ВI: Да, рысцой по коридору.

В: Мы, честно говоря, этого не ожидали. Он очень нас порадовал своей бодростью - и физической и духовной.

ВI: Мы с опаской обратились к врачу, спросили, можно ли его после операции побеспокоить, а врач нам говорит, что он свободно ходит и сам к нам зайдет побеседовать.

С: К нему в госпиталь приходил проведать некий Леонид Семенович Бурдин. Они работали вместе с одном управлении. И он так мне обрисовал положение Шубникова, что я думал, что вот скоро позвонят и скажут, что его уже нет, а он, оказывается жив и бодр.

В: Да, я тогда с вашего разрешения продолжу.
Ку.щ Лидия Михайловна.

С: Не знаю.

В: Вотрин Сергей Иванович.

С: Не помню.

В: Евсенин Федор Яковлевич.

С: Евсенина помню, но смутно. Он вам ничем не помог?

В: Мы с ним будем разговаривать только завтра.

С: Евсенин более-менее должен быть... (не дог.) Понимаете, это ведь только сейчас допускается плюрализм и т.д, а тогда в ЧК считалось идеалом не лезть в чужие дела.

В: Понятно.

С: И рядом, в соседнем кабинете мог человек допрашивать, допустим, того же Валленберга, а я мог и не знать об этом.

В: Могу заверить, что этот порядок сохраняется.

С: Наверное, это нужно.

В: Профессиональное требование. А вот Кириллова Анна Михайловна, которая работала в свое время машинисткой-стенографисткой отдела?

С: Кириллова? Вообще машинистка может что-то знать. Стоит с ней поговорить, потому что некоторые материалы печатались, но дальше никуда не пошли. Через машбюро могли проходить такие документы, которые вам могли бы помочь.

В: А Рублева Ивана Федоровича не помните?

С: Помню Рублева, как же.

В: Он ведь сменил в свое время Карташова?

С: Да.

В: По крайней мере, так нам сказал Борис Алексеевич Соловов, что он в свое время менял Карташова в роли начальника отдела. Вам трудно прямо сейчас вспомнить?

С: Нет. Просто это не помогает мне ничего вспомнить. Я не помню, чем занимался там Рублев. У меня есть, в принципе, одна претензия к нему, но это не имеет отношения к вашему вопросу.

В: Понятно, это свои дела.

А Спроге Владимира Александровича помните?

С: Спроге, кстати, немецким по-моему владел.

В: Он ведь тогда и был оперуполномоченным и переводчиком в одном из...

С: (переб.) Да, он привлекался как переводчик.... /Пауза/

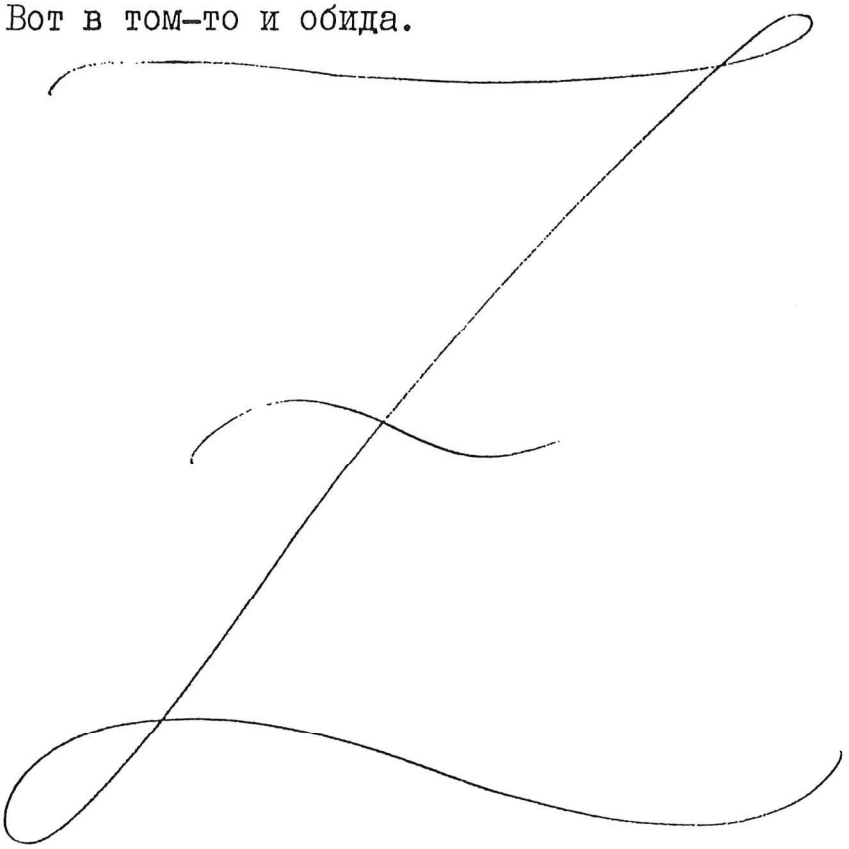
Не густо у вас?

В: Пока не густо.

С: Вы не обижайтесь, но меня удивляет, что у вас мало информации.

Судя по газетам, вы должны быть информированы прямо вот так! А у вас почти никакой информации нет.

ВI: Вот в том-то и обида.



С: Я привык к тому, что в газетах проскальзывает какая-то часть материала. То, что вы говорили. То, что журналисты, начитавшись детективов, пишут, - это одно, а что на самом деле - это другое.

В: Если бы среди нас был журналист, вы бы завтра такое прочитали! (Смех).

С: Я смотрю, вы на каком языке пишете?

Л: Я - на шведском языке.

В: В шведскую группу его...

С: (перев.) - Я понял, понял. Про себя-то я тоже думал. Завтра я увижу какую-то информацию...

Л: (перев.) Нет, это совершенно, это сугубо для...

В: (перев.) Это действительно сугубо для рабочей группы. И решение на этот счет совершенно однозначное. Это решение президента и соответственно это поручение и министру внутренних дел и министру иностранных дел и председателю КГБ - внести полную ясность в это дело. Вот мы сейчас над этим и работаем в том числе. Константин Анатольевич, может быть вам что-нибудь скажут фамилии иностранцев? У нас тут есть перечень иностранцев, которые так или иначе пересекались. Вот то, что мы установили, они так или иначе пересекались с Валленбергом. Может быть, в отношении...

С: (перебив.) - Пересекались в каком смысле? В Будапеште или... (не дог.)?

В: Нет, не в Будапеште, уже здесь. В Лефортово ли, во внутренней.

С: Ах, в тюрьме?!

В: Да. Может быть, здесь мы что-то, так сказать, попробуем найти?

С: Ну, я с удовольствием.

В: В основном это немцы, конечно, хотя есть представители и других национальностей. Значит, Рихтер, Родде, Рёдель, Пелконен, Кичман, Адельман, Штагель, Лойда. Вот оригинальная фамилия - Гроссхайм-Томпсон, он же Крысько.

С: Нет, не знакомы.

В: Хилле, Харт, Бергеман, Супреан, Валенштайн, Хофштеттер.

С: Это они пересекались. Имеется в виду, что сидели вместе или что?

В: Да, да.

С: Нет, И потом даже если бы я... (не дог.).

В: Шлихтер, он же Шоер.

С: Нет.

В: Хубер, Крафт, Деморс, Хинкельдай.

С: Нет.

В: А вот Катона Александр, он же Шрёмберг?

С: Нет.

В: Алиджани Пьеро Стефано?

С: Из итальянцев?

В: Да, итальянцы пошли. То есть эти все фамилии вам ничего не говорят?

С: Если бы я их помнил, я мог бы... (не дог.). Если бы они мне что-то подсказывали, я мог бы сказать, кто с ними работал. Кто следователь. Но я этого не могу сделать, потому что... (не дог.).

В: Нет, естественно, столько лет прошло. Память человеческая не всеобъемлющая.

С: Если бы какой-нибудь контр-адмирал, который при Гитлере работал... (не дог.). Этот..(пытается вспомнить) Ну, в общем сразу же вспомню. Интересные люди-то есть, но они здесь не

упоминаются.

В: Ну, у нас видите, свое направление.

Л: А как вы думаете, по какой причине был задержан Валленберг? Это была ошибка? Если вы свободно размышляете, то как вы думаете?

С: Это I945 год?

В: Да, самое начало I945 года.

С: Войска уже прошли?

В: Да, только что закончились бои за Будапешт. (Пауза). Кстати, как можно понять, задерживал его СМЕРШ П-го Украинского. (Пауза).

С: И у вас никого нет из П-го Украинского на примете?

В: Умерли и начальник,и зам.начальника армии.

С: Начальник следственного отдела там должен быть. (Пауза). Нет со П-го не знаю, не помню.

В: То есть нужно сказать, что могло послужить именно мотивом задержания. Поскольку арестовывали, задерживали немцев, венгров - тут все ясно. А здесь получается странная ситуация. Он - швед, дипломат невоюющей державы.

С: Но посольство-то не работало.

В: Нет, миссия Швеции была.

С: Была миссия?

В: Была шведская миссия в Будапеште. Вот он был I-м секретарем этой миссии.

С: Очень странно, конечно.

В: Вот это тот вопрос, на который мы пока не можем найти ответа.

С: Трудно догадаться. Не могу ничего сказать.

В: Ну, понятно. Может быть, еще есть.

ВI: Единственная просьба, т.к. память – штука непредсказуемая, и, может быть, совершенно неожиданно вы что-то вспомните, я оставил свой телефон. Если вас не затруднит, позвоните.

С: Обязательно. Я могу высказать такое соображение. Где-то я вспомню или встречу – бывают случайные встречи – человека, которого я знал по работе в тот период. И я могу его, конечно, спросить или просто сказать вам его фамилию.

В: Мы будем очень признательны.

С: Сейчас, я вот зрительно представляю кое-кого, но фамилии не помню. Время все-таки сказывается. Я считал, что у меня память идеальная, но а потом разобрался, что далеко до идеала.

ВI: Давайте тогда так и решим.

С: Я как раз и хотел попросить вас оставить мне телефон, чтобы в случае чего, я мог бы позвонить.

ВI: В качестве пароля, когда вы будете звонить, вы только скажите, что вы по делу Валленберга, потому что идут тысячи звонков.

В: Давайте я вам оставлю свой телефон.

Л: Был такой интересный момент. Через I0 дней после предполагаемой смерти Валленберга 27-го июля I947 года были вызваны на допросы все однокамерники Валленберга. Именно те люди, которые сидели с ним. И был такой Кузьмишин, который всех допрашивал, и узнавал, что они знали про Валленберга, что они помнят о Валленберге.

С: Это в I947-м году?

Л: Да.

В: После этого была составлена специальная схема расстановки тех лиц, которые находились до этого с Валленбергом в одной

камере. Эту схему мы знаем из рассказов.

ВI: Это лица, которые соприкасались с ним.

В: Составлена была схема их перемещения таким образом, чтобы они находились либо в камере друг с другом, либо в одиночке, но чтобы третьих лиц, не соприкасавшихся с Валленбергом, с ними не было. И вел этот контроль Кулешов. А Кузьмишин тогда вызывал на допрос всех этих лиц.

С: Но Кулешов тоже, кажется, умер.

В: Кулешов умер.

С: А Кузьмишина я что-то не помню.

В: Он был, по-моему, тогда начальником отдела. Но вот это, как практика, это нормально или свидетельствует о какой-то уникальности, необычности?

С: Это, по-моему, уникальный случай. Обычно, я, как следователь, никогда не интересовался, как там действует тюремная администрация, кого куда она помещает, в каком режиме содержат. Может, мне просто не приходилось так соприкасаться. Может, запугивали просто для того, чтобы подсунуть ему агента.

В: Сложный вопрос. Мы сами пытаемся на него найти ответ.

х х х

Ч/96

(29)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Питоврановым Евгением Петровичем
22 ноября 1991 года

Участвовали : Аржанников Николай Михайлович, заместитель Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

Люрвалль Бьерн, 2-ой секретарь посольства Швеции в СССР

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Козлов Александр Андреевич, представитель Агентства федеральной безопасности РСФСР

22 ноября 1991 г.

/В разговоре участвуют Питовранов Е.П./П/, Зиборов А.Е., Аржанников Н.М., Козлов А.А., Люрваль Б./

Вопрос: Наверное, вам известна, хотя бы из сообщений печати, проблема, связанная с Раулем Валленбергом и вся эта история. Наверное, нет смысла ее еще раз излагать?

П: Все, что публиковалось, я читал. Пожалуй, все, что публиковалось.

Вопрос: В таком случае, вы знаете все, что знаем мы, как минимум. /Смеются/

П: Может быть, я преувеличиваю. Газет много, изданий много.

Вопрос: Наверное, первый вопрос с нашей стороны будет такой. Конкретно в те годы, начиная с 1945 по 1947 годы, что-нибудь связанное с именем Валленберга, просто с каким-то шведом, который находился в распоряжении МГБ или другие какие-то сведения, которые могли косвенно свидетельствовать о том, что они имеют отношение к делу Валленберга, не могли бы нам что-то сказать?

П: Я приехал в Центральный аппарат во второй половине 1945 года, месяца через три после дня Победы и стал работать заместителем начальника Второго Главного Управления после того, как был Наркомом в Узбекистане, т.е. я приехал из Ташкента. К 1947 году я был назначен уже начальником 2 Главного Управления. В делах 2 Главного Управления МГБ, которое занималось

контрразведывательной работой, ничего, что говорило бы о деле Валленберга, не было, т.е. в моем поле зрения не было. Я могу сказать,что и не могло быть, потому что от своего заместителя Георгия Валентиновича Утехина, который,к сожалению, пару лет тому назад скончался, бывшего работника контрразведки "Смерш " /военной контрразведки/, фамилию Валленберга я и другие руководящие работники 2 Главка слышали. Он говорил, что было очень важное и сложное дело Валленберга, но Утехин был чрезвычайно твердый по выполнению служебного долга человек, и больше того, что он упомянул , что было такое громкое дело Валленберга, никто ничего от него не слышал, а все материалы и документы, которые должны были быть связаны с этим делом, я убежден, надо искать в архивах Военной контрразведки "Смерш". Там оно началось и, наверняка, там и продолжалось, потому что в орбиту 2 Главного Управления все или что-то такое, что было бы связано с Валленбергом, не входило. Когда начались публикации о Валленберге, я вспомнил,потом перезвонился с товарищем: "Ты помнишь, нам Юра Утехин рассказывал о Валленберге, что это было важное дело?" Услышал в ответ: "Да,помню. Вот оказывается какое дело". Публикации последних лет дали представление о том,что это за дело, а упоминание о нем я впервые услышал от своего заместителя, кстати, очень хорошего контрразведчика и повторяю, чрезвычайно строгого исполнителя служебного долга,служебных правил.

Больше ничего он нам не поведал о нем. Думаю, что он знал больше, потому что он был одним из руководителей Фронтовой контрразведки. По-моему, он в Будапеште и на венгерском фронте не был, но как представитель руководящего состава мог там быть. Искать, я убежден в этом, надо кропотливо в архивах "Смерш", надо посмотреть записки, которые от руководства "Смерш" /тогда "Смерш" руководил Абакумов/ направлялись Сталину. Я не сомневаюсь, судя по тому, что я сейчас знаю по делу Валленберга, что отчеты о том, что это за дело, как ведется следствие, когда оно поступило в следственную часть, должны были направляться Сталину, причем не просто в ЦК, а прямо Сталину, имея в виду значимость этого дела. Видимо, эта значимость тогда уже должна была определиться, тогда было ясно, что это крупная фигура большого масштаба, которая заслуживает внимания руководителя нашей страны в то время. Моя рекомендация – это архивы "Смерш" и доклады руководства "Смерш" в адрес Сталина.

Вопрос: Евгений Петрович, если позволите, небольшое уточнение. К какому примерно времени относится информация по поводу того, что дело Валленберга – очень важное дело?

П: Думаю, что это середина 1947 года, т.е. спустя пару лет после начала моей работы во 2 Главном Управлении.

Вопрос: Т.е. ориентировочно это 1947 год?

П: Примерно так, но это не очень точно, за точность я не ручаюсь.

Вопрос: И он говорил: "Не есть дело, а было дело"?

П: Да,было, т.е. к ведению дела он не имел никакого отношения, потому что он был назначен моим заместителем, когда я стал начальником.

Вопрос: А когда он был назначен?

П: Чтобы вам не соврать, это было примерно в конце 1946 года.

Вопрос: То есть в связи с расформированием "Смерш " его переназначили на эту должность?

П: Да, он был очень хорошим работником. У меня было 2 заместителя: лед и пламень. Один был Райхман - талантливый комбинатор, а Юрий Утехин был строгим, осторожным и хладноватым.

Вопрос: А Райхман жив?

П: Нет, к сожалению.Райхман тоже не имел никакого отношения к "Смерш ". И к тому же, если бы Райхман что-то знал, я знал бы об этом тоже. Такой он человек - все выкладывал.

Вопрос: А кто-нибудь из контрразвещки "Смерш", пришедших к вам в Главк, кроме Утехина, не припоминается?

П: Знаете, пополнение 2го Главка из"Смерш "было очень незначительным. Это были, в основном, работники, которые вели так называемые радиоигры. Это - Тарасов, другие. Они были из среднего оперативного состава, сосредоточены на розыске преступников и радиоиграх.

Вопрос: Кто сейчас в живых из руководящего ядра "Смерша"?

П: Николай Николаевич Селивановский. Он в очень почтенных годах, но хорошо держится. Потом, Петр Иванович Ивашутин. Он был

начальником ГРУ в свое время. Правда, Иващутин был в основном во фронтовом звене, Селивановский был больше в центральном аппарате, поэтому он из них двоих может больше знать об этом деле.

Вопрос: Придется открыть маленький профессиональный секрет. Дело в том, что мы с вами беседуем именно по рекомендации Николая Николаевича.

П: Я о нем самого хорошего мнения.

Вопрос: И он о вас. Так вот, он порекомендовал вас, но подчеркнул, что вы к этому делу непосредственного отношения не имели. Это дело ведь вел сначала "Смерш", а потом Карташов из отдела Третьего главка. Но он посоветовал поговорить с вами, так как по его словам Абакумов имел привычку советоваться с вами по тем вопросам, которые имели какое-то международное звучание, внешний выход.

П: Я могу это подтвердить. Хотя я был тогда молодой сотрудник, за мной уже были дела, которые прозвучали с пользой для государства. Видимо, из-за этого, может из-за чего-то еще он и советовался со мной по некоторым вопросам. Кстати, я считаю Абакумова сильным работником. Он был отличным исполнителем. Это был Малюта Скуратов при Иване Грозном-Сталине. Сталин сказал - это для него закон. Сильный организатор.

Другое дело, что он исполнял и такие приказы, которые вели к нарушению законов, к жестокости против людей.

Так что были у нас с ним разговоры, но о Валленберге я от него никогда не слышал. Валленберга упомянул однажды мне и Райхману Утехин. Причем так, просто упомянул, мол, есть важное дело Валленберга. Больше ничего.

Вопрос: А не припомните, в каких обстоятельствах возник этот разговор? В связи с чем?

П: Не могу сказать. Я когда читал какую-то публикацию о Валленберге, вспомнил, что уже слышал эту фамилию от Утехина.

Вопрос: Не помните, какую должность занимал Утехин до того, как пришел к вам?

П: Он был начальником одного из фронтовых управлений СМЕРШ. Какого фронта - не помню.

Вопрос: А в аппарате СМЕРШ он по окончании войны работал кем?

П: Не помню. Но был на руководящей работе.

Вопрос: Есть непонятный момент. Валленберг, как вы говорите, был в важном деле, а судя по документам его не так часто вызывали на допрос. Такое впечатление, что он был никому не нужен. Или с ним уже до этого провели всю работу. Как вы думаете?

П: Я могу только одно предположение сделать. Могла быть команда сверху. Может быть, была записка от руководства СМЕРШ Сталину, а от него указание МГБ - без его указания ничего не предпринимать. Может быть, у Сталина были какие-то свои замыслы, которыми он не хотел делиться с подчиненными. Он ведь был дальновидный политик. Это предположение, основанное скорее не на логике, а на практике. Такие случаи бывали.

Вопрос: А что вы можете сказать об антиеврейских процессах?

П: В какие годы?

Реплика: В 1946-1947 годах.

П: Нет, тогда не было ничего похожего. Вот "дело врачей", это тогда было. Тогда были претензии, что за евреями надо смотреть, что это убийцы, и так далее. Ваш покорный слуга пострадал из-за этого.

Вопрос: Об организации "Джойнт" вы что-нибудь слышали?

П: Были упреки в 50-х годах, что МГБ просмотрело эту вредную организацию. Причем эти упреки шли от Суслова.

Вопрос: Приходилось ли вам слышать о запросах шведской стороны по делу Валленберга?

П: Нет. Если они и были, то они шли мимо тех участников, которыми занимался я.

Вопрос: Каков был тогда порядок взаимодействия между МГБ и МИД ?

П: На уровне руководства.

Вопрос: То есть, запрос шведской стороны МИД шел потом только министру госбезопасности, и уже тот определял дальнейшие действия?

П: Совершенно точно. Порядок был только такой.

Вопрос: В документах МИД нашелся один документ ...

П: Комитет информации(?) был создан как самостоятельная организация, не подчиненная Министерству госбезопасности. Комитет информации ведал внешнеполитической разведкой, поэтому ответ Федотова был ответом руководителя этого комитета. МИДовцы, видимо, запросили непосредственно Комитет информации, и Федотов дал ответ. Руководителем Комитета информации, его председателем был ведь не Федотов, а Молотов, а Федотов работал у Молотова в комитете.

Вопрос: Евгений Петрович, а с Сергеем Николаевичем Карташовым вам по совместной работе не доводилось сталкиваться?

П: Доводилось, когда он был направлен советником в органы безопасности Венгрии.

Вопрос: Для нас эта фигура очень интересная, поскольку Сергей Николаевич как раз возглавлял отдел, который занимался делом Валленберга.

П: Он жив?

Вопрос: Увы. Мы бы с ним поговорили. Я думаю, что он как раз нам бы все мог рассказать, но он уже давно скончался.

П: Я не могу сказать о нем ничего хорошего. Когда я с ним сталкивался, то у меня всегда возникало такое чувство: вот он это сказал, а еще раз проверит, так ли это. Он немного преувеличивал результаты, успехи своей работы, любил похвалиться. У меня не было симпатии к нему как к человеку.

Вопрос: В этой связи, вам не доводилось от него слышать, что-либо похожее на обстоятельства гибели Валленберга? На эту тему он молчал?

Евгений Петрович, была очень важная и трудная встреча, и мы сейчас пытаемся осмыслить ее результаты.

Как свидетельствуют записи в книге вызываемых на допрос из тюрьмы в Лефортово, Валленберг выдавался на допрос оперуполномоченному Колелянскому. Это было сделано неоднократно. Эти книги чудом сохранились. У нас нет никаких оснований полагать, что они фальсифицированы тогда или в более позднее время, тем более, что фамилия Валленберг была написана много лет назад, а впоследствии вымарана. Теперь мы эти записи восстановили. И вот вчера ...

... Валленберга на допрос не вызывал никогда ...

П: Запись - Копелянский?

Реплика: Да.

П: Ошибки в книге, видимо, не должно было быть. Я не представляю себе этого. Если записано, то какой смысл писать в этой книге не то, что есть. Это - маленький работник, тюремный работник, оперативный работник, он вызывает на доп-

рос, пишет в книге. Все. Больше он дел не знает.

Вопрос: Но наша беседа вчера была практически без результатов....
... тот самый Копелянский говорит, что нет такой ...
Почему такая наша беседа, непонятно, совершенно ...
... Просто оперуполномоченный. Валленберг интересовал, видимо, фигуры более значимые.

П: Он не был следователем?

Вопрос: Нет, он был оперуполномоченным, но его часто привлекали в качестве переводчика, поскольку он хорошо знал немецкий.

П: Как оперуполномоченный он не мог вызывать Валленберга.

Вопрос: Нет, он мог вызывать.

П: Как помощник следователя, как переводчик следователя, на допрос к следователю он мог вызывать.

Вопрос: Он числился подследственным, он был военнопленным. Он был под статусом военнопленного, поэтому с ним работали оперработники.

П: Абракадабра какая-то.

Вопрос: И он не подлежал прокурорскому надзору.

П: Тогда моя версия такова: была команда сверху: "Можете спросить о том-то, о том-то, но ничего без моего указания не делать". Это я только предполагаю. Я думал, что Копелянский на допрос вызывал его, тогда записано так. А так - оперуполномоченный вызывает крупную фигуру ... (не дог.)

Вопрос: Вы говорили, что обязательно сам Сталин знал об этом. Можно ли представить себе ситуацию, что Абакумов спрячет Валленберга от Сталина, так сказать, и что информация до Сталина не дошла.

П: Это исключено. Абакумов смотрел на Сталина как на Господа Бога. Скрыть что-либо от Сталина было невозможно. Тут голова полетит.

Вопрос: И этот процесс не затянется.

(Смеется)

П: Без лести был прецан.

З: Какие были взаимоотношения Абакумова с Молотовым? Я могу даже пояснить вопрос, чтобы было понятно, почему я его задаю: известная нам официальная дата смерти Валленберга - это 17 июля 1947 года. Существует письмо Абакумова Молотову в отношении шведского подданного Валленберга, датированное тем же числом. Вернее, письмо-то существовало, может быть, оно и сейчас где-то существует, но пока самого письма мы невидели, но в журнале регистрации документов имеется запись о регистрации этого документа. Причем, прослеживается след этого письма: оно зарегистрировано, естественно, в журнале исходящих документов секретариата МГБ и в журнале входящих документов секретариата Министерства иностранных дел. Молотов ведь тогда был и министром иностранных дел. В общем, оно пошло именно по линии МИД.

П: Об отношениях Абакумова с Молотовым я не могу сказать, что они были, скажем, плохими или хорошими. Абакумов знал одного Сталина. Все остальные были для него подчиненными Сталина.

Вопрос: Но могли ли Абакумов и Молотов решить судьбу Валленберга?

П: Нет, конечно. Это исключено.

Вопрос: А мог ли Молотов быть передатчиком указаний Сталина в данном случае?

П: Мог. Отношение Сталина к Молотову в тот период времени было безукоризненным, поэтому ему он мог доверить, поручить, сказать.

Вопрос: То есть, указание Сталина могло проследовать через Молотова до Абакумова?

П: Это допустимо.

Вопрос: Мы, к сожалению, не знаем содержание этого письма, но сам факт совпадения дат дает нам основание предполагать, что в нем находится ключ к решению загадки.

П: Да, может быть. Это - дата смерти?

Вопрос: Написано много. Я просто поэтому могу напомнить обстоятельства: единственным реально существующим официальным документом, который хоть как-то указывает на судьбу Валленберга, является рапорт Смольцова, начальника медсанчасти внутренней тюрьмы, полковника. Это - рапорт, датированный I7 июля I947 года на имя министра госбезопасности СССР генерал-полковника Абакумова В.С., в котором Смольцов докладывает, что "известный министру" заключенный Валленберг внезапно скончался.

П: Он, видимо, под номером был?

Вопрос: Нет. Он содержался под своими установочными данными, а тем более, зачем министру докладывать номер?
Я буквально цитирую документ: " ... скончался предположительно вследствии инфаркта миокарда". В связи с тем, что заключенный известен лично министру, и что Смальцов имеет указание лично от министра контролировать состояние этого заключенного, он спрашивает кому поручить вскрытие и как поступить с трупом.

П: И в этот же день - записка Абакумова Молотову?

Вопрос: Этим же днем датирована записка Абакумова Молотову. Никаких резолюций Абакумова на документе нет. Есть приписка карандашом самого Смольцова, что министру это доложено и им даны указания кремировать тело без вскрытия.

П: Вы знаете, что можно тут предположить: если об этом деле было доложено Сталину - а я думаю, что это должно было быть доложено Сталину - и, если у Сталина были какие-то виды, то смерть Валленберга - это такой момент, который вызывал серьезное беспокойство Абакумова, потому что эта смерть произошла в его ведомстве, мол, что же ты недоглядел, как ты допустил, что он умер. И поэтому у Абакумова не было большого желания докладывать об этом лично Сталину. Он выполнил свой долг. Ему доложили из тюрьмы, он докладывает министру иностранных дел, посылает ему записку, понимая, конечно, что Молотов доложит об этом Сталину, но все-таки это самортизирует, это не будет какая-то молниеносная эмоциональная отдача от Сталина, а Молотов как-то сам ... (не дог) Я не знаю, может быть, этому сопутствовал разговор по вертушке: "Вячеслав Михайлович, вот так-то и так-то". Это - из области предположений. Но совпадение дат - это момент очень немаловажный. Это не может быть сфальсифицировано.

Вопрос: На ваш взгляд, представляя себе ту обстановку, вникнув сейчас в суть вопроса ...

... как уловил из вашего ответа на предыдущий вопрос, что ...

... вникнуть , что смерть Валленберга ...

... неожиданно, в том числе и для Абакумова.

П: Конечно.

Вопрос: Давайте поразмышляем: мог ли быть Валленберг уничтожен умышленно. Мы хотим порассуждать.

Вопрос: Теоретически мог ли Абакумов принять какие-либо меры, чтобы убрать Валленберга.

П: Нет. Только по указанию Сталина. Но в этом случае вся нить рвется. Зачем нужно было его держать? Тогда нужно было вести себя по-другому, надо было его допрашивать, из него надо было вымотать все, что он знает полезного, так сказать, для советского государства. А если он сидит, изредка вызывается, то уничтожать его - это ... (не дог.)

Вопрос: А если, допустим, было указание от Сталина, оно могло быть устным?

П: Уничтожить?

Вопрос: Да. Конечно, он бы записок не стал писать. По вертушке, или в личной беседе?

П: Могло быть. Но это, вот так вот прикидывая - алогично. Это противоречит тому, что было до этого.

Вопрос: Нет, можно разные версии построить, исходя из обстоятельств дела. К сожалению, мы сами хотели бы задать вам этот вопрос, но он, наверно, прозвучит наивно. Вот мы с вами не можем разобраться, в чем причины такого противоречивого поведения советской стороны. Анализируем всю ситуацию: вот Валленберг задерживается советскими войсками во время боев за Будапешт. Если бы он был нужен для каких-то целей и задерживался бы умышленно, то скрыть факт его задержания не составляло никакого труда. Человек может быть разорван бомбой, погибнуть при других обстояте-

льствах, быть захороненным в числе неопознанных трупов во избежание эпидемий, все что угодно. Тысячи людей бесследно исчезли во время боев за Будапешт. Но тем не менее советская сторона все-таки в лице заместителя наркома иностранных дел Деканозова официально увецомляет шведскую сторону, что Валленберг находится под защитой советских войск, что он у нас. А потом уходит от этого ответа, заявляя, что это была ошибка.

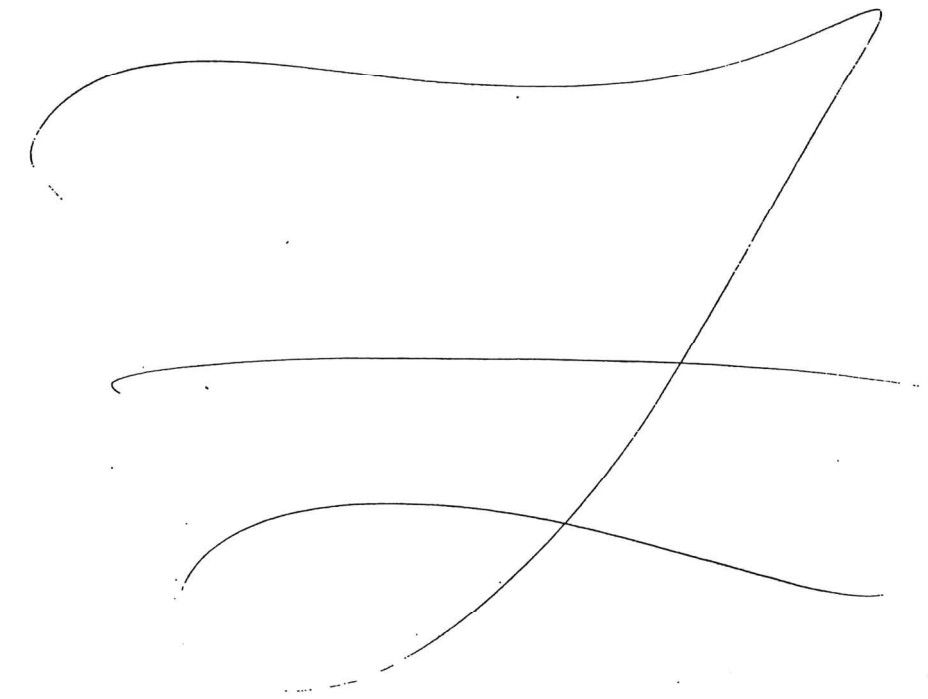
П: Значит, указание сверху было: не лезь в такие дела, мы разберемся без тебя, решим, как быть дальше.

Вопрос: Вот рождается противоречие.

П: Простите, ваше имя-отчество?

Реплика: Андрей Евгеньевич.

П: Андрей Евгеньевич, ваш вопрос - мог ли Сталин дать устное указание об умерщвлении Валленберга? Мог. Но, если бы такое указание было, то записка Абакумова пошла бы не Молотову Коль скоро указание цал Сталин, то Сталину и сообщалось бы, что такой-то по заключению врачей скончался тогда-то.



Тогда не надо было делать Молотова промежуточной ступенькой.

Вопрос:А мог ли Сталин тоже указание дать через Молотова?

П: Исключено.

Вопрос:Подобное указание Сталина через Молотова практически вы исключаете?

П: Исключаю. Достаточно было позвонить Абакумову и сказать: "Арестованный такой-то. Надо с ним кончать". Тогда об исполнении он обязательно тут же доложил бы Сталину, как дисциплинированный нарком.

Вопрос:Вариант,вы полагаете, практически нереальный?

П: По-моему, нереальный. Надо все-таки в архивах поискать записки, которые шли из Смерш.

Вопрос:Они проверяются, Евгений Петрович. Там, к сожалению, ничего нет. В этом деле действительно очень много странного. Например, было тюремное дело на Валенберга. Его нет.

Вопрос:Если умер своей смертью, почему тогда ни строчки .../не ясно/ в КГБ. Даже до сих пор его фамилия во всех иностранных .../не дог./

Реплика:/переб./Фактически во всех!

П: Конечно,тут загадок много.

Вопрос:Тут действительно много загадок, поэтому мы и хотели побеседовать с вами, как с опытным человеком, который ввел нас в атмосферу того времени и попытался.../не дог./

П: /переб./ Я просто рассказал, что тогда было и как могло быть. Если бы у меня хоть какая-то ниточка была в руках, я бы ее с удовольствием дал вам, чтобы вы распутали этот клубок. Все в этом заинтересованы.

Вопрос: У Абакумова была правая рука Броверман. Правда?

П: Это- не правая рука. Это был писарь. Хороший писарь. Правой рукой его не назовешь. Допрашивали арестованных, составляли протоколы, а потом Броверман делал из этих протоколов художественные произведения. Я немножко утрирую, конечно. Неглупый человек, средних способностей с хорошим пером. Журналист он, видимо, неплохой. Своего мнения у него никогда не было. Возражать тому, кто старше, его, он никогда не осмеливался.

Вопрос:Как вы думаете, он мог бы знать о Валенберге? Он все-таки работал достаточно близко к Абакумову. Мог ли он быть осведомлен об этом деле?

П: Может быть, только в пылу какой-то откровенности, какого-то расположения. Допустим, случилось какое-то хорошее дело, фильм хороший после этого посмотрели, сидели там. Абакумов мог бы бросить какую-то фразу, связанную с этим Валенбергом. Вообще отношение к Броверману было как к слуге, не к товарищу.

Вопрос:Я прошу прощения. Броверман готовил какие-то документы Абакумову по его указанию?

П: Думаю,что да.

Вопрос:Серьезные документы?

П; Думаю,что да. Кстати, Абакумов при очень маленьком образовании сам был достаточно грамотный человек. И основные документы он писал сам. Обработку он мог поручать Броверману. Шлифовку, обработку документов.

Вопрос: В этом плане Броверман действительно являлся доверенным лицом Абакумова?

П: Да-да.

Вопрос: Евгений Петрович,давайте порассуждаем по части ...

...

затем председатели. Шла или могла ли уйти тайна Валенберга вместе с Абакумовым? Или по цепочке к Серову, от Серова к Семичастному, к Андропову, но правда о деле Валенберга по верхней лестнице, по самому верхнему эшелону дошла до наших дней? Предвосхищая ваш ответ, я говорю,что ведь шведская сторона на протяжении последних лет систематически направляла к нам запросы. И даже в пору оттепели.

П: А что им отвечали?

Реплика:Нет материалов .

Вопрос:В 1947 году окончательно заявили:"Нет, мы ничего не знаем". И твердо держались на этой версии в течении 10 лет до 1957 года. В 1957 году последовал меморандум, памятная записка Андрея Андреевича Громыко, который был заместителем министра иностранных дел, в которой действительно подтверждался тот факт, что Валенберг был незаконно арестован вследствии тех нарушений законности, которые допускал Абакумов, содержался в Москве во внутренней тюрьме и 17 июля 1947 года умер от инфаркта. В подтверждении этих сведений шведской стороне была передана копия рапорта Смольцова, подтверждавшая смерть Валенберга.

Реплика:Нет.Сначала была только информация.

Вопрос: Да.Потом всплыл рапорт Смольцова.Он многократно фигурировал. Я просто поясняю, какая была реальная динамика в жизни.

П: Понятно.Продолжения не должно было быть.Кто чем должен был заниматься из новых? Скажем, Серов. Какое ему дело до того, что было?

Вопрос:Он -то вроде и должен был заниматься, поскольку в 1956-1957 годах перед изменениями советской позиции наверное какая-то проработка этого вопроса все-таки проводилась. По логике она должна была проводиться.

П: Может быть. Я тот период знаю плохо, потому что был в Германии 4 года. Я был оторван.Серов- плохой советчик. Если хотели с кем-то советоваться, то,видимо,...

Вопрос:В 1946-47 годах на каком посту был Серов? Внутренних дел?

Реплики:Внутренних дел.

Вопрос:Не можете ли вы припомнить в те же годы, в 50-ые, у Серова были, так сказать, "правые" руки, которым он поручал наиболее щекотливые дела, непосредственно сам? По должности обычно это начальник секретариата, который ведет все эти основные вопросы.

П: Никого заметного у него тогда не было.

Вопрос:Такого ярко выраженного помощника, который бы его сопровождал во всех делах, у него не было?

П: Он был плохой министр. Смелый ,отчаянный. Хороший солдат. А политик и нарком плохой. Он мог собрать всесоюзное совещание руководителей в клубе им.Ф.Э.Дзержинского часов в 10. Приезжает с тенниса в 9.30.Вызывает меня,Грибанова и еще несколько человек и спрашивает:"Так как совещание-то проводить будем?"

Реплика:Хороший вопрос.

П: "Материалы,Иван Александрович,подготовлены. Они переданы в секретариат" и прочее. "Ага, давай, пошли!"

Реплика:Так все решил. Действительно лихой человек.

Вопрос:Грибанову тоже не могло быть что-то известно?

П: Нет.Может быть, вообще-то. Но тоже понаслышке. Грибанов-очень умный человек. Может быть, он и слышал что-то. Но я не могу этого утверждать. Я так предполагаю.

Реплика:Понятно.

Реплика:Мне кажется, что мы узнали главное:он сидел в тюрьме как отработанный.../не дог./

П: Он сидел для какого-то случая.

Реплика:Так мне показалось. И то, что говорит Евгений Петрович, стоит над этим задуматься. Месяц назад, когда мы начинали, я бы не мог так сказать, а вот сейчас эта версия представляется достаточно убедительной, объясняющей многое.

Реплика:Да, или сидел, как уже отработанный, или для какого-то случая.

П: Для какого-то замысла. Какого замысла? Что думали?

Реплика:Во всяком случае активная работа или разработка была прекращена. В любом случае его должны были вызывать.

П: Конечно.

Реплика:Его же надо было разогревать, даже если не допрашивали впрямую.

П: Или так: поселить его где-нибудь на даче и готовить к какой-то серьезной акции. Такие варианты могли быть. А просто сидел он, значит:"Подождите, я скажу."

Реплика:"Я скажу" - это кто?

П: Сталин.

Вопрос: Считаете, что так высоко?

П: Сталин.Раз ему доложили, то-все. Значит, будут прогонять через него.

Реплика:К сожалению,пока не найдены документы,которые были бы четко адресованы Сталину.

Реплика:В любом случае о дипломате, а все знали, что он дипломат, должны были ему доложить. Тут вопросов нет.

П: Потом это-крупная фигура и в финансовом ...

Вопрос: В финансовом? Что это могло бы быть?

П: В Финансовом? С какой целью?

Могли быть какие-то экономические замыслы.

Пригодится для того, чтобы решить какие-то проблемы

страны.

Может быть его финансовые возможности, его связи.

У нас тут много было всякого.

4/96

(30)

З А П И С Ь

фонограммы беседы
с Питоврановым Евгением Петровичем
16 мая 1993 г.

Участвовали:

Магнуссон Ханс – сотрудник МИД Швеции

Люрвалль Бьерн – 2 секретарь Посольства Швеции в России

Козлов Александр Андреевич

Зиборов Андрей Евгеньевич

сотрудники Министерства безопасности России

16.04.93

Беседа между Евгением Петровичем Питоврановым (П), Зиборовым (З), шведом (Ш) и русским мужчиной (М).

П: Не думаю, чтобы Сталин и его ближайшее окружение рассчитывали на то, что новое еврейское государство будет очень дружественным союзником нашей страны. Здесь, по-моему, была более тонкая идея. Это - раздробление арабского блока опасного дл нашей страны да и не только для нашей. Мы знаем, что было в Ираке и как среагировали американцы, когда Ирак стал мощной ядерной державой. Представим себе, что арабам ничто не мешал бы сплотиться. Поэтому Сталин как большой политик - в этом е никто отказать не может - видимо, исходил из того, что создание противовеса арабскому блоку будет выгодно, полезно для т страны, которой он руководит.

З: Мы уже начали нашу беседу. Пожалуйста, вопросы.

Ш: Спасибо, что вы нашли возможность встретиться с нами еще раз Я читал первое интервью с вами. Это было интервью для шведского ра дио. Вы предлагаете интересную теорию об Израиле, но в данно случае нам сложно увидеть связь с этим Валленберга, потому ч я полагаю, у Валленберга не было особых связей в Израиле. Ко нечно, его роль в Будапеште была очень важной, он спасал евреев. Были обсуждения этого вопроса на высшем уровне. Вы, на верное, слышали это.

П: Во-первых, ваши сомнения в том, что Валленберг мог и не сыграть какой-то нужной роли, на которую кто-то рассчитывал, вп не обоснованы. Я допускаю, что расчет на Валленберга в этой крупной политической игре имеет определенное значение, учиты вая образование нового государства Израиль в 1948 году, а та же взаимоотношения между арабским блоком и новым государстве Израиль. Можно полагать, что о Валленберге знали мало. Может быть, он именно потому и сидел в тюрьме, чтобы от него узнат больше и выработать ту линию поведения, которая была бы наиб лее полезна для советского государства. Из чего могли исходи Сталин и те, с кем по данному вопросу он советовался (хотя с часто и не любил советоваться)? Он или они исходили из того, что Валленберг-крупная фигура в финансовом мире, у него вели

колепные связи не только в Швеции, но и в США, что это влия-
тельный человек, что неслучайно шведы послали его в Будапешт
с благородной миссией спасти евреев, т.е. это человек и умны
и деятельный, и перспективный. Поэтому могла быть мысль уз-
нать от Валленберга как можно больше о его возможностях, а п
том прикинуть, как можно использовать эти возможности. Вы зн
те, я, может быть, перескочу немножко, но я хотел бы у вас с
сить. Известен ли вам такой документ, с которым мне дал возм
ность ознакомиться ваш соотечественник г-н Исотало, доктор
наук, представляющий фирму "Карсебек-Исотало"? Для меня это
было неожиданной и большой новостью. Вы не в курсе дела? Сов
тую внимательно прочитать. Готов отдать вам ксерокопию.

З: Мне знакомы эти материалы.

П: Вы читали?

З: В принципе, в том, что здесь сообщается, нет ничего нового.

Ш: Ничего?

З: Я имею в виду, что для шведской стороны будет что-то новое,
а так я знаком с публикациями подобного рода.

П: В наших публикациях этого не было. В нашей стране этого не
печатали.

Ш: Мы читали допросы, некоторые документы СМЕРША. В них информа-
ция о Валленберге особенно отличается от сведений на других
сотрудников шведского пооольства. Есть короткая информация
о каждом. Мы знаем, что его допрашивали редко, только пять р
Есть один интересный момент: весной 1947 года и еще один раз
раньше Валленберг сказал своему сокамернику, что следова-
тель сообщил ему, что его дело является политическим, поэто-
му он никогда не будет осужден. Мы узнали об этом только в
50-ые годы.

М: Копелянский?

З: Нет, это вряд ли Копелянский. Копелянский на тот момент мог
вообще отсутствовать. Он вызывал Валленберга на допросы дваж
ды летом 1946 года.

П: То, что сказал следователь, это не глупо.

Ш: Какое значение имеет это сообщение?

П: Я думаю, что это вписывается в ту гипотезу, которую я излага
и излагаю еще раз. Дело не в том, чтобы за что-то отомстить
Валленбергу. Его деятельность по спасению евреев никем не
осуждалась. Тогда линия была на то, чтобы спасти тех, кого
можно было спасти. Его держали в особых условиях и под личны

контролем, потому что он представлял интерес для задуманной политической линии. Отсюда у следователя и могла появиться э фраза о том, что это дело политическое ,о чем Валленберг мог сказать своему сокамернику.

Ш: Как вы думаете, не мог ли Берия сыграть здесь какую-то роль?

П: Вы знаете, Берия при Сталине не был фигурой, которая самосто тельно могла решать какие-то вопросы. Берия развернулся как только умер Сталин. Он показал, что он политик, разведчик, контрразведчик, что его заслуги в создании атомной бомбы очень велики, чего, кстати, отрицать нельзя.

Вот здесь-то Берия и взмыл вверх. В какой-то период при Стал не этот человек был очень уважаем, почитаем даже самим Стали ным. Сталин считался с ним как с бывшим руководителем Грузин ского ЦК и не имел замечаний к Берия, когда тот был секрета- рем ЦК Грузии. Кроме того, выпущенная Берия книга также поло жительно повлияла на отношение к нему Сталина. Но я вам ска следующее: (об этом, возможно, даже и не знали мои товарищи по работе) контрразведке, а я ведал ею, было известно о, мя ко говоря, нечистоплотности, а, если говорить более точно и более резко, то о полнейшей развращенности Берия. Как и о ег неуемном стремлении получать красивых женщин. Кто они, эти женщины, будут еще разбираться в будущем. Материалы на этот счет мы получили от сотрудников, негласно работавших на орга ны безопасности. И был такой период, когда эти материалы до ладывались Абакумову. А потом мы узнавали о том, что дальше эти материалы никуда не шли. Для нас это было своеобразным к казательством того, что Абакумов боится Берия, хотя, повтор Берия сам лично, как фигура, никогда не действовал самостоя тельно. При Сталине этого никогда не было. Потом по прошест вии определенного периода времени начались звонки от Абакум ва. Нас спрашивали, нет ли каких-либо материалов от агентур о Берия и о Саркисове. Последний - это его помощник, которы ездил вместе с ним и на улицах выбирал красивых женщин. Нач льник отдела, а позднее и заместитель начальника управления Шубняков(?) получал от меня следующие установки: брать все, о чем раньше он до дрожи в руках боялся докладывать. Я про- сил его собирать весь возможный материал, так как нас запра шивали на этот счет. Как нам сообщили работники Секретариат которые были близки нам, весь этот материал сразу же напра

лялся непосредственно Сталину. Из этого можно сделать вывод о том,что в последующем отношение Сталина к Берия стало совсе шенно иным, чем в первоначальный период, о котором я коротко рассказал.

М: И Абакумов понял это и начал использовать.

П: Точно. Абакумов был очень умным человеком, он быстро все улав ливал, служил он только одному хозяину, признавал только одно го руководителя - Сталина. И кто бы там ни был другой, он все выслушивал, но предварительно проверял, как к этому всему от-несется Сталин.

М: Когда примерно это было? Когда произошел такой поворот событий?

П: Сейчас я вам скажу. Девятнадцатый съезд партии состоялся в 1951 году. Значит все эти события происходили, начиная приблизительно с 1949 года.

М: Насколько я помню, в 1946-1947 годах Берия практически занимался проблемами атомного оружия, верно?.

П: Да.

М: И других забот у него по сути не было?.

П: Атомное оружие было его главным вопросом. Я помню такой случай, когда Берия вызвал к себе меня и еще приблизительно четверых чекистов. Ему было доложено, что американцы зафиксировали направление в места богатые ураном большого количества заключенных с Севера. Мы были вызваны. Моим заместителем тогда был Юрий Утехин. Он бывший военный контрразведчик. Вот Утехин один раз упоминал фамилию ... (не дог.)

М: Да, да. Я помню, вы говорили.

П: К Берия,кроме меня,был вызван Утехин и еще два работника ниже рангом. Берия тогда сказал: "Если в течение месяца вы не дол жите, кто именно продал секретную операцию по сосредоточению рабочей силы для добычи урановой руды и для создания атомного оружия, кто, какой агент, как подосланный или кто из продавш советских граждан дал возможность американцам узнать об этом то будет плохо." Мы ломали голову и день, и ночь. Искали, как кто, что, где, чего?! От кого могли просочиться подобные сведения и каким образом?! В какой-то момент один из сотрудников предложил проверить, не выходили ли указания из Москвы по линии ГУЛАГа и по линии МВД в эфир. И не могли ли эти сообщени быть перехвачены? Мы проверили и выяснили, что выход в эфир действительно имел место. За исключением одной линии - на Но

сибирск. Там сообщения передавались по засекреченным каналам и перехватить их было просто невозможно. Мы доложили то, что нам удалось узнать. Что же касается Новосибирска, то в этом случае выхода в эфир не было, а значит - это предательство. Необходимо было найти виновного. Утехин поехал в Новосибирск в командировку. Там выяснилось, что полученные по засекреченным линиям связи данные на одном определенном этапе из Новосибирска дальше шли через эфир. Мы вздохнули с облегчением. Ведь мы не могли найти шпионов, которые продали секретные данные. А в случае, если бы нам не удалось представить достаточно убедительные объяснения, с нас бы просто полетели головы. Создание атомного оружия - нещуточное дело. Надо отметить, что отправляемые телеграммы были до безобразия глупыми. За такую шифровку просто следовало бы наказывать. Например: "Срочно направляйте два состава с несозревшими помидорами. В качестве сопровождения пришлите только особ мужского пола."

(Смех)

Любому человеку совершенно ясно, что в таком сообщении говорится о направлении людей, которые будут работать по созданию сырья для разработки атомного оружия.

М: Как какие-то помидоры?

П: Кстати, недавно мы похоронили одного великолепного разведчика. О нем писали в нашей прессе. Это мой добрый товарищ - Анатолий Антонович Яцков(?). Его личный вклад в создание атомной бомбы велик. Это - отвлечение, не имеющее никакого отношения к Валленбергу. Яцков работал в США, хорошо проявил себя там. Вместе с другими товарищами дал такие материалы, благодаря которым Советский Союз смог быстро создать атомную бомбу. Безусловно, ученые сыграли решающую роль, но помощь разведчиков, чекистов, была очень важна.

Ш: Вы только что упомянули фамилию Утехина.

П: Да.

К: Вы сказали, что он дал вам короткое сообщение.

П: Нет, не сообщение. Просто мы сидели как-то у меня в приемной и он, обращаясь к одному из нас, сказал: "Юра, почему меня опять за Валленберга треплют?" - "Какого Валленберга?" "Это не ваше дело".

Ш: Кто, по вашему мнению, может знать что-нибудь еще? Раньше вы разговаривали с бывшим первым заместителем Селивановским.

сказал, что ему практически ничего не известно. Но в это тру
но поверить. Он все-таки был первый заместитель.

П: Во-первых, Селивановский честнейший человек. Он никогда и ни
кому не скажет неправду. Это был правильный, чистый, хороший
руководитель, с которым можно было идти в любую разведку. Эт
надежный человек.

Ш: Он работал совсем по другой линии.

П: Да, он был в военной контрразведке, а к этому делу он не име
отношения. Сейчас есть одна фигура, которая, может быть, что
знает. Но, видимо, наши товарищи уже ... (не дог.) Я имею в
ду Анатолия Судаплатова. Он был начальником развединательног
управления, которое особенно хорошо проявило себя в период в
ны по заброске наших разведчиков в тыл к немцам по ведению"и
Кстати, "игры" вели и мы неплохо. Англичане признали, что го
сударственная безопасность Советского Союза по "радиоиграм"
ставила рекорд. Я могу вспомнить таких людей, как Тарасов(?)
он еще жив. Он из моих помощников. Сам я тоже принимал участ
в ряде "игр". Так вот, Судаплатов был крупной фигурой в пери
войны - он и Эсингон(?), его заместитель. Он потом здорово з
болел. У него было нервное заболевание. Говорят, что он уже
вылечился. Боюсь тоже не попасть в точку, но во всяком случа
встретиться с Судаплатовым я бы порекомендовал.-

М: Спасибо. Эта встреча уже запланирована. Но здесь не все так
просто, так как он действительно чувствует себя не самым ду
шим образом.

П: У него были нервные срывы.

Ш: Может быть, вы нам посоветуете, как с ним обращаться. Вы его
лично знали?

П: Анатолия? А как же.

М: Мы были бы благодарны вам за ваш совет.

П: Я готов с ним встретиться и задать ему интересующие вас вопр
сы. Правда, больше я дружил с Эсингоном(?) Он был еще умнее
даплатова, Эсингон был его заместителем в четвертом управле-
нии. Но его уже нет в живых. Если вы сформулируете интересую-
щие вас вопросы, я смогу задать их Судаплатову. Мы были с ни
товарищами, но не друзьями. Но я знаю его друзей. Одного из
я попрошу съездить вместе со мной домой к Анатолию и по душа
с ним обо всем поговорить.

Если состояние здоровья его позволит, думаю, он все нам рас
скажет.

Ш: Дело в том, что официальная версия о смерти Валленберга от инфаркта 17 июля 1947 года не выдерживает критики. Ему было всего 35 лет. Три месяца спустя – об этом мы узнали вчера – умер его последний сокамерник. Ему было 60 лет. И умер он по пути в лагерь от паралича сердца. Спустя еще 5 месяцев умер водитель Валленберга. Ему было 34 года. Мы не знаем причину его смерти.

П: На том основании, что Валленбергу было всего 35 лет, вы считете, что его убрали? Почему это произошло? Как, по-вашему, почему Сталин сначала распорядился кормить и присматривать за Валленбергом, то есть стремился сохранить его для органов безопасности, а потом вдруг резко изменил свое решение? Он что рассорился с Валленбергом и решил его уничтожить? Или он решил, что от него ничего не добьешься, что он совершенно бесполезен и что его надо убрать? Какую подоплеку здесь можно принимать? Я лично не нахожу логического объяснения.

М: Возвращаясь к возможности разговора с Судаплатовым, хочу сказать, что мы хотели бы выяснить 2 основных вопроса, на которые мы ищем ответ. Нас интересуют мотивы задержания Валленберга в Будапеште, доставки его в Москву и последующей работы с ним здесь. Есть отдельные указания на то, что он обвинялся в шпионаже в пользу Германии. Есть целый ряд версий о возможной заинтересованности в его использовании в политических целях. Но все это, к сожалению, не более, чем предположения, потому что точных свидетельств мы пока не имеем.

П: Есть и другие версии.

М: Двое из наших бывших коллег, ныне находящихся на пенсии, которые непосредственно к этому делу отношения не имели, рассказывали, что слышали от своих коллег, готовивших в 50-ые годы изменение позиции советской стороны в деле Валленберга, о том, что Валленберг 17 июля 1947 года был расстрелян. Есть безусловные свидетельства по этой версии. Обнаружена памятная записка на имя Молотова от Вышинского, который был тогда заместителем министра иностранных дел. В записке он предлагает в мае 1947 года дать указание Абакумову выдать полную информацию по сути дела Валленберга и предложение ликвидировать[x] его дело. Там очень хитро сформулировано, так что можно понять "ликвидировать дело" или "ликвидировать человека". Можно понять, что ликвидировать и то и другое – и дело, и человека, но формулировка эта взята из

кументов. Это появляется в мае, потом идет еще один майский допрос, а уже 17 июля 1947 года Абакумов лично пишет записку Молотову в отношении шведского подданного Валленберга. Тут п нятно, почему возникает Молотов. Отметим эту дату. Записки э нет. Я не хочу сейчас врать, но, по-моему, согласно записи в журнале регистрации документов, она в единственном экземпл ре, поэтому у нас ее нет. В МИДе она тоже не обнаружена. В п зидентских архивах пока ищут, но найдут или не найдут, сказа сложно. Свидетельство этих двух товарищей, который слышали,т же имеет под свобой реальную основу и в известной степени по тверждается другими документальными материалами. Хотя, как я говорил, мы располагаем знаниями о наличии этих материалов, содержание нам документально неизвестно. Конечно, если мы на дем записку Абакумова, то вопрос, наверное, снимется. Но я н уверен, что мы её найдем.

П: Во-первых, я исключаю факт того, что Абакумов писал записки Молотову. Абакумов знал одного начальника для себя - Стали- на. Он мог по телефону говорить, мог написать какой-нибудь малозначительный документ к любому другому руководителю из состава ЦК, но слушал и докладывал он одному человеку. Вышин ский другое дело. В данном случае можно предположить, что по скольку шведская сторона была очень активной (и понять ее мо но, это нетрудно), то отдуваться приходилось Вышинскому. Он хотел, не поссориться со шведами и как можно быстрее закрыт это дело, покончить с ним, потому что все шишки будут падат на него. А он был человек очень осторожный. Вот некоторые ко ментарии, которые можно сделать. А так, сам черт тут голову сломит.

Ш: Евгений Петрович, а вот вы говорите о Павле Анатольевиче Су платове. Вы говорите, что можете с ним встретиться.

П: Да.

Ш: Как вы считаете, он сам может пойти на откровенность с вами

П: Со мной? Не уверен. Но я возьму с собой его друга. Я пойду вместе с его другом. Я вам сейчас не буду еще говорить, с ко я пойду, потому что я должен получить согласие.

Ш: Безусловно. У меня один маленький вопрос. Вы сказали, что С лин дал указание о хорошем питании для Валленберга. Это был широкоизвестно?

П: Только следователи знают.

Ш: Следоатели знают или кто рассказал?

П: Это видно из материалов, которые в толстой папке, которая была собрана по этой переписке. Там это было.

Ш: А где это было?

П: Официальная переписка по делу Валленберга была принесена мне тем же г-ном Исотало , а потом в середине сентября в Москву приехал г-н Фредерик Фердель, раввин нью-йоркской синагоге. Он сказал: "Я очень вас прошу дать мне те официальные материалы, которые уже перестали быть секретными." Я ему сказал: "Я должен спросить того, кто мне дал эту папку." Я спросил г Стоуна(?), он говорит: "У меня возражений нет." Я весь этот том отдал, так что у меня его не осталось.

М: Это действительно так. Я, правда, не читал, чтобы какие-то особые ему условия создавали, но держали на нормальном рационе, положенном военнопленным. И по показаниям, по крайней ме по свидетельствам его бывших сокамерников, которые были впос ледствии репатриированы в Германию, он был физически в хорош форме и содержался в нормальных человеческих условиях. А вот насчет икры, я все-таки сомневаюсь.

(Смеются)

Ш: Я могу сказать, что вы узнали сейчас немножко раньше, что Булганин подписал арест, приказ об аресте Валленберга 17 янв ря 1945 года. Наверное, по просьбе Абакумова, мне кажется.

М: Может быть, просто спросить у Евгения Петровича?

П: Я не знаю точно. Шла копия Абакумову. Я сомневаюсь, что Булг нин подписал.

М: Нет, действительно, такое было. И это не только в случае с Т ленбергом, а указания действующим войскам в ходе боев в отно нии каких-то иностранных миссий и делегаций действительно по писывал Булганин, как глава Наркомата обороны. Это отмечено. Как вы помните, в отношении швейцарских граждан и в Словакии там тоже идет за подписью Булганина. Другое дело, что потом исполнение всех этих указаний возлагалось на СМЕРШ, и потом эти лица попадали в полное распоряжение Абакумова. Как я пон маю из рассказов очевидцев, может быть Евгений Петрович где- меня скорректирует, это сделано было, потому что прямых полн мочий давать указания командующим Абакумов не имел, и делало это соответственно через руководство. Наркомата обороны, за подписью Булганина. Его роль здесь как-то тоже переоценива (не дог.)

П: (Переб) Тем более отношения с Наркоматом обороны были достаточно тесные.

Ш: У нас есть еще один вопрос об уничтожении документов. Нам кажется, что действительно много документов было уничтожено. По крайней мере мы не нашли бы, почему уничтожать документы уже во время Сталина и Абакумова, например. Есть другая версия, что документы были уничтожены в 55 или 56 году уже. Что можно сказать об этом?

П: Я об этом никакого представления не имею, ни об уничтожении документов, ни тем более о причинах каких-то таких действий. Я знаю, что переписка велась все время, судя по тому, что я там полистал, она уже представляла интерес для капиталистических стран, для прессы.

Ш: Но там действительно было упоминание о том, что дали ему хорошее питание. Как тут в интервью говорится: "Вплоть до черной икры".

П: Ну, это просто утрировка. Но такие указания действительно .. (не дог.)

Ш: В переписке есть.

М: Евгений Петрович, давайте возвратимся к тем ребятам, которые работали с ним. Следователи. Или могли работать с ним. В настоящее время у нас остался один человек – это Копелянский Даниил Григорьевич.

П: Ему сколько лет?

МI: Он с I2 года.

М: Нет, он с I3 года.
Ему сейчас 74 или 75 лет.

З: Здоров?

М: Да, здоров, в ясной памяти. Мы с ним встречались. Есть еще один товарищ из того же карташевского отдела. Это – Соловов Борис Алексеевич. Мы уже много раз встречались с этими двумя работниками, если честно сказать, своих возможностей не исчерпали. На заседании рабочей группы невольно возникла идея: а что, если ветеранам собраться вместе и поразмыслить. Может быть, действительно ребята до конца не помнят. Может быть, сама обстановка поможет им. Вы сами Копелянского не помните

П: Нет. Просто я его не знал. Может и сталкивался, но не помню

М: Хорошо, если вам удастся встретиться и побеседовать с Судоплатовым, а потом собравшись вместе просто поразмышля

над теми временами, если, конечно, остальные выразят согласи
Может быть, ваша совместная беседа наведет вас на какие-то м
ли.

П: Что касается общей встречи: для Копелянского я сейчас чекист давно прошедшем времени. Он не будет со мной считаться. Надо чтобы он получил установку от того, кого он будет слушать. И если к нему потом обратятся от имени этого человека, он долж помочь. Я, в свою очередь, готов к встрече.

Ш: Копелянский вас, все-таки, знает. Он помнит вас, потому что его ...

П: (Переб) Он, видимо, ... (не дог.)

Ш: (Продолжает) ... руководитель.

П: Я его не помню. Я откровенно вам скажу. В этом деле я рассчи тываю на помощь Федосеева Сергея Михайловича. Я отношусь к н му с уважением. Это - хороший чекист. Сейчас он на пенсии. О работал в Москве, в Ленинграде, в центре и в контрразведке, разведке. Издал ряд книг, в которых анализировалась деятель- ность немецкой, английской разведки. Это - умный, толковый ч ловек. Мы с Сергеем в дружеских отношениях, поэтому я могу о ратиться к нему напрямую, к примеру, "Пойдем, голубчик, орга- низуем такую беседу, которая должна как-то прояснить вопрос, который долгие годы беспокоит обе стороны."

Э: Давайте попробуем.

М: Ваши предложения о встрече с Павлом Анатольевичем Судоплатов оживят работу нашей группы, потому что они могут предоставит дополнительную информацию.

П: Я постараюсь в ближайшие два-три дня найти общий язык сначал с Федосеевым, а потом выйти на Павла Судоплатова и на Копеля ского. Только прошу подготовить вопросы.

М: Наша группа подготовит вам вопросы.

П: Только вопросы должны касаться самых мелких деталей, которые могут сыграть какую-то определенную роль. Не глобальные вопр сы, на них никто не ответит, а какие-то детали, крупицы.

М: Когда будет возможно выйти на вас? Когда вы будете готовы, ч бы мы вас зря не беспокоили.

П: Дайте мне дня три следующей недели.

Ш: Будет Пасха.

М: Тогда следующая неделя полностью. Устроит?

П: Да, следующая неделя. Тогда встретимся через неделю.

Ч/96

(31)

Ф О Н О Г Р А М М А

записи беседы с КОПЕЛЯНСКИМ Даниилом Григорьевичем
14 декабря 1992 года

У Ч А С Т В О В А Л И :

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн	– второй секретарь Посольства Швеции в Российской Федерации
КОЗЛОВ Александр Андреевич	– сотрудник Министерства безопаснос Российской Федерации
ЗИБОРОВ Андрей Евгеньевич	– сотрудник Мнистерства безопасност Российской Федерации

I 4 декабря

Беседа с Копелянским Даниилом Григорьевичем (К) у него на квартире. Присутствуют Козлов (Ко), Лурвалъ (Л), Зиборов (З

Ко: Я совершенно категорически заявляю, что я полностью подтверждаю правдивость всего того, что я вам ранее говорил, уважаемая комиссия. То, что я говорил здесь, и в присутствии Аржанникова в Верховном Совете. Единственная моя ошибка, я бы сказал даже не ошибка, а невольная оговорка, которую я исправил, позвонив на следующий день вам, господин Козлов, в том, что я перепутал названия тюрем. Я перепутал две тюрьмы: Сухановскую, где я никогда в жизни не был , и Лефортовскую, в которой я бывал. Но это совершенно не меняет сути дела, потому что в Лефортове мне приходилось иметь дело с людьми совершенно второстепенными. Потому что те люди, которые действительно интересовали руководство содержались на Лубянке. На Лубянке я был постоянно. Это первое что я хотел сказать. Я повторяю, что этот момент ничуть не меняет сути главного, а именно: к делу Вальленберга я никакого отношения не имел. Второе, что я хотел отметить. С тех пор прошло почти пятьдесят лет. Мне приходилось участвовать в качестве переводчика и офицера по расследованию очень многих десятков крупных немецких военных - от рядовых до фельдмаршала Шернера Из этих десятков лиц я в лучшем случае запомнил, скажем, четыре-пять. Я просто не помню все эти лица, это совершенно естественно. Более того, в те годы, которые вас определенно интересуют, 1946-1947, я был особенно занят по двум крупнейшим делам. Во-первых, по подготовке Нюрбергского процесса. Я сам не был Нюрнберге, но я обрабатывал огромное количество документов, связанных с Нюрнбергским процессом. А в 1947 году, осенью, я был главным переводчиком на международном процессе. Процесс б сравнительно небольшой - расследование преступников лагеря Заксенхаузен-Ораниенбург. Казалось, что связанные с этим лица я должен помнить, но я и того не помню. Я только помню, что у одного было прозвище "Железный Август", которое ему дали заключенные. Но я совершенно не помню, как звали всех остальных. Подчеркиваю, что я допрашивал немецких военных преступников. Именно немецких. Никаких дипломатов, за исключение

Бекерле , который был послом Германии в Болгарии, я не знал. Они мне никогда не встречались. Если бы был хоть один дипломат, я бы запомнил. Это второе, что я хотел сказать. Третье. Я столкнулся с тем, что на одном из листков есть моя фамилия, что будто бы я допрашивал господина Валленберга. Я очень долго думал, как это может быть. Давайте логически рассуждать. Вы хорошо помните, это было установлено нашей комиссией, что господин Валленберг, о трагедии которого я глубоко сожалею, существовал под номером, это был номерной арестованный? Так?

Со: Нет, номерным он не был, он содержался под своей фамилией, но как военнопленный.

Г: Мне было известно, что есть какой-то доставленный из Венгрии человек, что он был под каким-то номером.

Со: Это вам было тогда известно?

Г: Да, тогда мне это было известно. Это то, что я знал и что вам доложил. Это я помню. И теперь вдруг возникает такая коллизия, будто я, человек в общем-то третьестепенный, - сначала переводчик, потом оперативный работник, - свободно вызываю, называю по имени и фамилии некоего человека и с ним беседую. По-моему, это невероятно. Но есть версия. Я хочу обратить внимание всех, и особенно вас, господин Люрваль, на один момент. Перебирая сейчас всю свою жизнь в то время, я припоминаю, что иногда мой начальник, господин Карташев, или другое высокопоставленное лицо (но большей частью господин Карташев, которому я непосредственно подчинялся), говорил: "Даниил, я тебе вызову одного человека, ты его покорми получше, закажи ему чай, бутерброды, сигареты, спроси, как он себя чувствует. И все. Больше тебя ничего не должно интересовать. А потом мы его заберем". Такие случаи у меня бывали.

Со: То есть это не какой-то единичный эпизод, это практиковалось.

Г: Это - не практика, это - единичные эпизоды. В таких условиях что-то подобное могло быть и с Валленбергом. Могло быть, но я этого не помню. Что я могу сделать со своей памятью? Я повторяю, что я допускаю это как версию и не более того. Эту версию я даже не в состоянии ничем реальным подкрепить. Я не могу сказать, что это было такого-то числа и т.д. Это я просто привожу

как версию.

Ко: Единичные эпизоды длились долго или нет? Я имею в виду продолжительность встреч.

К: Обычно час. В этих пределах.

Ко: Потом их допрашивал кто-то другой?

К: Да.

Ко: Но тогда он все-таки работал с переводчиком.

К: Это мог быть необязательно я, а какой-то другой переводчик.

Л: Вы сначала могли поговорить с этим военнопленным, а потом передавали его, и он работал с другим переводчиком.

К: Да. Такие случаи редко, но бывали. Теперь дальше. Мы с вами уже год не виделись?

Ко: Меньше.

К: В общем мы не виделись довольно долго. И за это время, в промежутке между нашими встречами, следует отметить еще один момент. Это тот момент, когда наша комиссия, комиссия от безопасности была в Швеции. Я знаю, что вы, господин Козлов, тоже были.

Ко: Абсолютно верно.

К: Итак, наша комиссия была в Швеции и передала шведским властям целый ряд документов, связанных со всем ходом расследования. Далее же произошло то, на что я хотел бы особенно обратить ваше внимание, господин Лювалль. Это касается не лично вас, а я имею в виду ваших представителей в Швеции.

Л: Каких?

К: Персонально я никого их не знаю, просто я обращаюсь к вам вот по какому вопросу. Именно после этого визита началось, как я полагаю, это мое предположение, широкое распространение секретных материалов нашей комиссии разным лицам. Как я полагаю, за плату. За взятки или за какие-нибудь другие услуги. Точно я этого не знаю, это мое предположение. Я вам объясню, почему. Именно после этого началась организованная травля меня и моей семьи. Она началась с того, что в мою квартиру, которая является обычной коммунальной квартирой, со всеми вытекающими отсюда последствиями, начали врываться. В квартире у нас живет еще одна семья, у нас стоит обычный коммунальный телефон, который,

известно, не записан ни за Копелянским, ни за Ивановым, Петровым и т.д. Он принадлежит коллективу жильцов. Все это в вашей продажной прессе было представлено как то, что якобы я нахожусь под секретной охраной КГБ. что будто бы я проживаю по секретному телефону, и что все это делается якобы для того, чтобы я скрыл страшные тайны. Началось все с того, что ко мне в квартиру начали ломиться, буквально ломиться, я выкидывал их отсюда. Сначала ломился один американец. Фамилию его я сейчас не могу вспомнить, но она у меня записана. Я звонил по этому поводу господину Козлову и пожаловался ему. Я вышвырнул американца отсюда, хотя у меня не так уж много сил. Совсем недавно, буквально несколько дней назад, в мой почтовый ящик подсунули статейку, она у меня есть, да и у вас она, наверное, тоже есть. Это ксерокс. Эта статья опубликована в "Обсервер", подписанная неким Беттэлом, где сказано обо мне следующее. Что я, мол, секретный офицер КГБ, который находится под специальной защитой. "Нахожу в секретных комнатах секретного офицера с телефоном". Что я, мол, храню страшные тайны, что мне вручали десятки тысяч долларов для того, чтобы из меня выманить эти тайны, но что, слава богу, я их не сообщил, иначе бы я выдумал еще кучу всякого вранья. В этой же газетке говорилось о том, что в России нет прав человека и нечего, мол, на это ссылаться. Я считаю эту статью грубейшим оскорблением и меня лично, как боевого офицера, награжденного многими боевыми орденами, и оскорблением моей страны. Против этого я категорически возражаю. Я повторяю: кто-то торгует этими материалами и делает на трагедии Валленберга бизнес.

П: Можно я кое-что прокомментирую?

К: Одну минутку, я еще не закончил. Я прошу вас это учесть, потому что считаю, что это исходит из ваших кругов. Из кругов вашей прессы или ваших представителей. Оттуда пошло все это. Это мое мнение. Я совершенно не могу думать плохо о моих друзьях.

П: Господин Копелянский, если вы направляете это обвинение в сторону шведской части делегации, я хочу вам сообщить о том, что со стороны шведской делегации ни разу не называлась ваша фамилия. А вот представителями вашей страны она объявлялась, например,

на пресс-конференции в Стокгольме. А в "Независимой газете" публиковались интервью. Я прошу учесть, что обвинять нужно не нас, а советскую сторону.

К: Хорошо, я это учту.

Л: Это во-первых. Во-вторых, материалы, которые были переданы шведской стороне, рассекречены. Они распространялись не только нами, но и советской стороной. Там упоминаются разные фамилии, поскольку там есть информация о многих допросах по поводу Вал-ленберга. Там, естественно, есть и ваша фамилия. Но чтобы мы специально с шведской стороны объявили, что вот, мол, есть такой человек, которого мы сейчас подозреваем будто он располагает большей информацией, этого не было. Я хочу внести ясность в эти моменты.

К: Хорошо, спасибо большое, господин Люрвалль.

Л: В-третьих, по поводу публикаций в различных газетах. Вам, наверное, известно, что в западных странах, я думаю, что в какой-то степени и в этой стране сейчас тоже, невозможно управлять печатью со стороны правительства. Печать действует самостоятельно. Что касается американцев или англичан из разных там "Обсервер" или ТЭ, естественно, они сами глубоко заинтересованы в этом деле и, наверное, раскопали вашу фамилию путем изучения материалов, которые были опубликованы в советской печати. И потом уже нашли вас. Естественно, мы со своей шведской стороны не можем управлять американскими или английскими журналистами. В-четвертых, я даже не располагаю вашим номером телефона, потому что все связи с вами осуществлялись через МБ. У меня нет вашего номера телефона.

К: Мой телефон никаким секретом не является.

Л: Да, я понимаю, просто я хочу объясниться. И было бы уместно, раз прозвучало такое обвинение в адрес шведской стороны, чтобы высказались по этому вопросу господин Зиборов и Козлов.

З: Речь идет о том, что действительно произошла некая утечка информации. Мне представляется, что утечка информации произошла объективно и в этом нет вины кого-либо из состава рабочей группы. Поскольку работаем мы гласно. Официально и, естественно, обязаны некую часть имеющейся в распоряжении группы информаци

предоставлять на суд общественности, Естественно, мы это и делали. Персонально в отношении Даниила Григорьевича никто никаких заявлений не делал. Но в тех материалах, которые по общему согласию были преданы гласности, были документы, в которых упоминалась фамилия Даниила Григорьевича и, причем, из документов следует, что он лично работал с Валленбергом. Было это на самом деле или нет мы сейчас не обсуждаем, Даниил Григорьевич дал нам на этот счет подробные разъяснения. Но уже это, в принципе, квалифицированному заинтересованному журналисту, любому специалисту, естественно дает какую-то зацепку и возможность разыскать Даниила Григорьевича. Видимо, с таким фактом мы и столкнулись. Другое дело, что, в принципе, мы взяли на себя обязательство сохранять в тайне характер наших бесед до тех пор, пока не будет согласия, скажем, Даниила Григорьевича на публикацию содержания наших бесед. Мы взяли на себя это обязательство и, я думаю, господин Люрвалль это сейчас подтвердит, мы будем его твердо сохранять.

Естественно.

Без желания Даниила Григорьевича никакие материалы, касающиеся наших бесед никому (ни американцам, ни японцам, ни китайцам) передаваться не будут.

Я очень ценю то, что вы сказали. Но господин Люрвалль, я еще раз прошу вас понять мою эмоциональность. Я сильно издерган, мои нервы изодраны этой непрекращающейся травлей. И я нисколько не заинтересован в том, чтобы эта травля распространялась на мою семью.

Это совершенно понятно.

Это понятно вам и другим членам комиссии. Но это непонятно продажным журналистам, среди которых есть и русские журналисты, которые являются прислужниками английских, американских или других хозяев. Они за эти проклятые доллары или фунты готовы продать родную мать, а не только Родину.

Видимо, нам нужно будет подумать о мерах по устранению тех последствий, которые наступили для Даниила Григорьевича. Мы продумаем, как оградить его. Мы постараемся что-то предпринять для этого.

К: Теперь, если вам недостаточно моих объяснений, я готов ответить на другие ваши вопросы.

Ко: Даниил Григорьевич, мы понимаем, что где-то в работе, вольно или невольно, а скорее всего непроизвольно случились некоторые проколы, которые досадно мешают жить вам, вашей семье. Мы приносим вам извинения и заявляем, что это было сделано абсолютно неумышленно. И, во всяком случае, вот мы трое здесь с вами ведем беседу, мы к этому совершенно непричастны.

К: Благодарю вас.

Ко: Поэтому мы приносим вам лишь свои сожаления и принимаем на себя определенные обязательства подумать над тем, как устранить эти последствия. Мы должны вам сообщить, что работа нашей комиссии продвигается, хотя к нашему сожалению она продвигается довольно медленно. Но все-таки работа продвигается и мы думаем, что уже наметился свет в конце тоннеля, уже близится момент, когда мы должны будем завершить эту работу. Мы с вами пришли сюда побеседовать, чтобы выслушать вас, но и, вместе с тем, чтобы рассказать вам о тех проблемах, которые еще стоят перед нами.

К: Слушаю вас.

Ко: Мы действуем по многим направлениям, стараемся беседовать с людьми оставшимися в живых, в том числе и с персоналом Лефортовской тюрьмы, тюрьмы на Лубянке. Но, к сожалению, чего-либо ценного, свидетельствующего о конечной судьбе Рауля Валленберга нам добыть не удалось. Тут у меня возник вопрос, чисто любопытный, профессиональный.

К: Понятно.

Ко: Он возник из прошлой беседы. Вы упомянули о том, что вы не могли участвовать в этом злодеянии.

К: Да, конечно.

Ко: Вы это сказали. Ну естественно, я еще тогда подумал, если мы вели с вами беседу остро, что вы так эмоционально сделали заявление о том, что не могли участвовать в этом злодеянии. Естественно, вы извините еще раз за то, что может быть...

К: (переб.) Ну господи, о чем речь.

Ко: Но вместе с тем, вы так сказали, что не могли участвовать в этом злодеянии и мы полностью согласны с этим, это совершенно верно, в отношении такого человека, как вы, интеллектуального образованного, чистого, незапятнанного, который всю жизнь работал и посвятил себя народу и родине. Но меня заинтересовало само слово. Само слово: "Я не мог участвовать в этом злодеянии". Вам что-либо было известно? Почему у вас вырвалось такое слово и вы сами назвали это "злодеяние".

К: Я вам скажу почему: я еще раз хочу сказать, что впервые я услышал фамилию Валенберг (я уже об этом здесь говорил) из прессы, несколько лет тому назад, когда начали писать " об этом". Начали писать, что погиб человек, который спас жизни сотням тысяч. Конечно, это страшное злодеяние. Но я должен сразу вам сказать, что да, это великое злодеяние. Но я лично считаю гораздо большим злодеянием то, что погибли миллионы моих сограждан, товарищей в немецких лагерях. И вот почему-то зарубежная пресса об этом не пишет. Это их мало интересует. У меня какое-то двойственное чувство. Я вам искренне говорю, как товарищ с товарищами. Вы меня извините, господин Люрваль, что я вас называю товарищем. Но я просто говорю вам, что у меня возникает такое двойственное чувство. Да, было осуществлено страшное преступление по отношению к господину Валенбергу. Человек, который сделал все (мы об этом подробно читали), чтобы спасти жизнь, не знаю десяткам или сотням тысяч, но огромному числу людей, вывезти их из Венгрии ... (не дог.). Кстати, в последнем номере газеты "Обсервер" я прочитал следующую вещь, которая мне лично показалась даже оскорбительной по отношению к Валенбергу. В этой газете было написано, что Валенберг одновременно оказывал большие услуги нацистам. Там это было сказано. Вы читали эту газету?

Л: Я просто слышал про эту статью, но полностью ее не читал.

К: Я могу вам ее принести.

Л: Я думаю, что она у нас есть.

К: В статье было написано, что господин Валенберг оказывал большие услуги нацистам, но с целью, спасти еврейское население, конечно, чтобы спасти богатых евреев. Для того чтобы спасти богатых евреев и дать им возможность выехать из Венг-

рии, он шел на прямые подачки нацистам. Об этом было написано в газете "Обсервер".

Я считаю, что это оскорбительно для памяти Валленберга. Я еще хотел вам напомнить, господа, что во время наших бесед я обращал ваше внимание еще на одно дело, к которому я имел отношение. Я называл вам фамилию Гефрор-нер, но не мог вспомнить имя. Теперь я его вспомнил: Франц.

Ко: Абсолютно верно.

К: Это был единственный человек, которого я неоднократно допрашивал. Он был представителем абверштелле Вены, работал в Венгрии и знал о том, что через организацию "Джойнт" (это известная еврейская организация) организовывался вывоз евреев на Ближний Восток. Но абверштелле Вены интересовался этим в связи с тем, что таким образом туда доставлялись агенты разведок. Это было якобы так. Я уже не помню всех этих деталей, но это было примерно так. Я просил найти это дело. А вдруг там что-нибудь сказано о Валленберге? Я не помню.

Ко: Даниил Григорьевич, мы изучили это дело.

К: Вы нашли его?

Ко: Да, нашли, изучили. Кстати, после вас дело было передано другому следователю, который его завершил. Дело было передано в суд и г-н Франц Гефрор-нер был благополучно приговорен к высшей мере наказания за работу против Советского Союза. Потом его реабилитировали. Этим Гефрор-нером мы с вами закончим целенаправленные вопросы. Теперь позвольте обратиться к вам как к консультанту по тому времени с исторической точки зрения.

К: Пожалуйста.

Ко: Давайте представим себе такую рабочую ситуацию: в руках контрраз-ведки СМЕРШ в период боевых действий случайно или нет - это другой момент - оказался представитель богатой шведской фамилии. Еврей по национальности, занимающийся вопросами оказания помощи евреям и спасения евреев и вывозом их из фашистских застенков. Как вы считаете, какие были устремления к этому человеку со стороны органов безопасности, контрразведки СМЕРШ, может быть, политического руководства страны? Каковы могли быть возможные наши устремления?

К: Я понимаю вас. То, что я вам говорил и что у меня почему-то засело в голове. - это то, будто бы этот человек - я не знал тогда его фамилии - был доставлен из Венгрии по прямому приказанию маршала Ворошилова. Почему? Я об этом тоже говорил. Если мне не изменяет память, то маршал Ворошилов в то время со стороны как бы Политбюро или со стороны главного командования направлял все политические и военные вопросы в отношение продвижения наших войск в Венгрию. Вот то, что я себе примерно представляю. То есть, сам факт, что по его прямому приказу, как я понял и как это у меня осталось в памяти (так это или не так, ей богу, не знаю), вдруг доставляется из Венгрии какой-то человек - это случай экстраординарный, просто невиданный. Я такого случая не помню. Не помню, чтобы какого-то военнопленного доставляли по приказу такого большого человека, члена Политбюро и вообще чуть ли не второго человека в стране. И тем более военнопленного, который содержался под каким-то номером в большом секрете. Какова должна быть задача моих начальников и подчиненных им лиц. Нам надо было, очевидно, выяснить, какую же деятельность проводило это конкретное лицо против Советского Союза и его Вооруженных Сил. Вот, как мне казалось, должна была быть поставлена задача. И очевидно, надо было найти такие доказательства, чтобы показать, что это было не случайно, что это было закономерно. Я так себе представляю. Если поставить себя на место тогдашнего руководства. А что означает такая задача для СМЕРШ., т.е. для организации, которая занималась борьбой, в первую очередь, с разведками противодействующих стран и, во-вторых, с военными преступниками. Вот этими двумя задачами они занимались тогда, а не какими-то там диссидентами. Тогда этот вопрос не существовал. А стояли перед нашей организацией эти две задачи. Значит, надо было установить, имел ли этот человек какие-то разведывательные задания или какие-то задания, которые должны были бы способствовать выполнению наших военных акций в Венгрии. Если вы помните, а вы, г-н Льюрваль, наверное, очень хорошо помните, что ваша страна, насколько я понимаю, была далеко не нейтральна в этих вопросах. Это мое такое общее впечатление. Может быть, я ошибаюсь, я не специалист, не историк. Так что такого рода подозрения могли быть. Вот так я себе это представляю.

Ко: Ясно. Даниил Григорьевич, в продолжение этого вопроса: как мог исчезнуть и почему мог исчезнуть человек, с вашей точки зрения, находясь где-то у нас, на Лубянке, в Лефортово?

З: Но это уже абсолютная версия. Прежде всего, в печати была такая версия, что он жив и находится в каких-то лагерях. На мой взгляд, это абсурд. Почему? Если наши органы и наше правительство были заинтересованы в секретности этого дела, то направлять его в это массовое болото лагерей было бы, по-моему, бессмысленно. В таком случае, как мы знаем, не может быть гарантирована секретность таких дел. Это обязательно стало бы известно. Не сегодня, так завтра. Поэтому все рассказы о том, что его видели где-то в лагерях, по-моему, бессмысленность. Теперь второй вопрос. Я уже вам говорил, когда вы меня представляли, что этот документ о его смерти, подписанный доктором Смольцовым и адресованный непосредственно Абакумову, показался мне неправдоподобным. Почему? Я уже говорил: по очень простой причине. Даже в нашей организации существовала определенная иерархия. Предположим, господин Смольцов узнает, что один из его подследственных умер. Кому он должен доложить в первую очередь? В первую очередь он должен доложить своему непосредственному начальнику. То есть директору этой тюрьмы. Насколько я помню, это был Миронов. Если я не ошибаюсь.

Ко: Да.

К: Был такой Миронов. И уже Миронов должен об этом доложить выше. Он мог доложить даже Абакумову, а почему бы нет?

Ко: По порядку с начала начальнику отдела "А".

К: Этого я не знаю. Ну, в общем, кому-то из крупных начальников. Это должно было быть. А тот вариант, который нам показали, то есть Смольцов - непосредственно Абакумову, - я в это не верю. Это мое мнение, которое вытекает из того, что при всех недостатках в организации, в которой я служил, все-таки существовала определенная дисциплина...

Л: (переб). Обычно рапорт докладывался по команде. Это ясно. Но вместе с тем его могли написать и на имя министра. Иное дело, что те, которые принимали рапорт по команде, не поставили на нем никаких резолюций ...

К: (переб.) Никаких резолюций, виз - ничего. Такого, по-моему, не может быть. Далее я обращаю ваше внимание еще на один

факт. Теперь я уже не помню – у меня все перемешалось в голове – то ли я знаю об этом от вас, то ли мне об этом рассказывал господин Соловов , я не помню, – но, в общем, кто-то мне рассказывал о том, что был такой момент, когда Соловову приказали все дела принести куда-то: то ли Герцовскому , то ли еще кому-то.

Ко: Тогда Борис Алексеевич, рассказывая об этом, говорил, что его вызвал Карташов. И использовал его в качестве курьера, вручив ему пакет, с тем, чтобы он этот пакет доставил лично Герцовскому.

К: Да, да. Это было в каком же году?

Ко: Он точно не помнит. Но по его воспоминаниям, где-то в конце 40-х годов.

Л: Может быть, и в сорок седьмом.

Ко: Может быть, и сорок седьмой, а, может быть, и нет.

К: Он считал, что там были дела ...

Ко: (переб.) Он предполагает ...

К: Да, он сделал такое предположение, что там были дела живого или уже покойного Валленберга.

Ко: Понятно.

К: И все это делалось для того, чтобы эти дела уничтожить.

Л: Чтобы их уничтожить, да?

К: Уничтожить – нет! Об этом речи не шло. Наверное, если их хотели уничтожить, то не стали бы доставлять Герцовскому

Ко: . Скорее всего, видимо, их передали для того, чтобы как-то особо хранить.

К: Не знаю. Этого момента я не понял.

Л: И что вы в связи со всем этим хотите заметить?

К: Я просто хочу заметить следующее: здесь важно какое-то сопоставление дат, а именно: когда это было. Тут должна быть какая-то математика: было это, скажем, в 46-ом году, или в 47-ом, или в 45-ом? Когда это было? Если это было, скажем, в то время, когда предполагались либо смерть, либо убийство Валленберга, и в свя зи с этим все его дела уничтожались, – а я думаю, что дела были туда предоставлены именно поэтому. Таково мое мнение. Это моя версия, я при этом не присутствовал.

Л: Да, правильно. А что вы знаете о деятельности генерала Судоплатова?

К: Ничего не знаю.

Л: Я спрашиваю об этом потому, что были ссылки в газетах осенью этого года о том, что ... (не дог.)

К: Фамилию я помню, а кто был этот человек - я не помню. Какую он занимал должность? Кто он был?

Ко: Примерно на уровне руководителя управления.

К: Но не в "СМЕРШ "?

Ко: Нет, нет. В "СМЕРШ " он не работал.

К: Я в "СМЕРШ " никого не знаю. Я не в курсе деятельности господина Судоплатова, хотя фамилия мне знакома.

Л: Значит, с точки зрения исторического консультанта, мы приходим с вами к мнению,что Валленберг при всех перечисленных моментах, при той исторической ситуации мог быть уничтожен, а следы его сокрыты.

К: У меня такое впечатление. Но я совершенно не исключаю и такой возможности, что он просто умер. Это тоже может быть. Я не отношусь к тем лицам, которые считают, что в этом самом КГБ сидели только кровососы, которые пили кровь, рубили, рвали на куски людей и так далее. Это все ерунда; это рассказы, понимаете ли,журналистов. Вполне возможно, что он просто умер ...

Л: (переб.) А следы его пребывания были потом ... (не дог.)

К: Тщательно уничтожены. Таково мое впечатление от всего этого дела. Откровенно говоря, я просто не знаю, что еще смогу добавить к этой истории.

Ко: Мы уже со всех сторон все обсудили.

К: Я вас очень прошу понять. Если бы я просто был жуликом, то мог сказать вам: "Знаете, я сейчас возьму и принесу вам документы о том, что за все это время я трижды перенес тяжелейшее сотрясение мозга с частичной потерей памяти. Знаете что, господа, вот - бог, а вот - порог. Идите, поскольку я больной, голова болит и т.д." Я на это не иду. Все, чем я могу, чем я в состоянии вам помочь - я делал и делаю. И я от этого не отказываюсь.

Л; Мы вам очень благодарны за вашу помощь. Несомненно благодарны.

К: Разрешите я приготовлю кофе. Вы не возражаете?

Л: Будем считать нашу беседу на этом завершенной.

3/96

(32)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Копелянским Даниилом Григорьевичем
21 ноября 1991 года

Участвовали : Аржанников Николай Михайлович, заместитель Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

Люрвалль Бьерн, 2-ой секретарь посольства Швеции в СССР

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Козлов Александр Андреевич, представитель Агентства федеральной безопасности РСФСР

21 ноября 1991 года

/В разговоре принимают участие Копелянский Даниил Григорьевич (Коп.), Зиборов А.Е., Аржанников Н.М, Козлов А.А., Люрваль Б./

Коп: Если разрешите, я хотел бы, товарищи, сказать следующее. С тех лет, когда было это беззаконие, прошло чуть не полвека. Конечно, у меня не идеальная память, и я, конечно, не могу вспомнить всех немецких военных, разведчиков, контрразведчиков, с которыми мне приходилось иметь дело, но все-таки одно я помню точно. Что дипломатов в моих подследственных никогда не было. За исключением одного немца бывшего послом в Болгарии. Не было у меня никаких шведов мне знакомых. Это я хотел добавить вообще. А дальше я отвечу на все ваши вопросы.

Реплика: Спасибо. Даниил Григорьевич, мы, конечно, понимаем, что годы стирают многое.

Коп: Да. Но не все.

Вопрос: Не все. Кое-что остается. Естественно, где-то что-то можно немного подзабыть. Вернемся к некоторым вопросам, затронутым и вами, и нами на прошлой беседе. В процессе первой беседы вы как-то вскользь упоминали фамилию и имя абверовца Гфроржера?

Коп: Гфрорнера. Да, помню такого. Хорошо помню.

Вопрос: Не смогли бы вы рассказать о нем, что помните? Постарайтесь пожалуйста.

Коп: Могу. Гфрорнер был в Венгрии представителем "Абверштелле будапешт". Так назывался этот орган абвера. По национальности он австриец. Не помню его имя, но фамилию его Гфрорнер - я точно запомнил. Он там находился довольно долго, и через

него шли связи абвера на восток. Я имею в виду на Турцию, на Сирию, в эти направления. В частности, что может иметь отношение к тому, чем вы интересуетесь, он упоминал о том, что в те времена в Венгрии, находившейся под немецкой оккупацией, а впоследствии там хозяйничали и собственные фашисты, имелись связи с организацией, которая именовалась "Джойнт". Это известная организация, через которую шли в частности различные виды помощи евреям, которые находились под угрозой направления в концлагеря. Насколько я помню, Гроорнер говорил, что были какие-то попытки использовать этот канал "Джойнт " для интересов Абвера. Детали я не могу вспомнить. Это примерное такое направление. Использовались какие-то возможности, чтобы выцарапать из этого "Джойнт " капиталы, которые имели богатые евреи. А вообще, вся эта организация больше работала на помощь не бедным евреям, а евреям, пользующимся теми или иными достояниями. Это Абвер как-то использовал. Вот примерно то, что я помню. В самых общих чертах. Деталей я уже не помню. Но я точно помню, что имя Валленберга он не называл, никаких шведов не называл. Это я точно помню. Дело это есть, я надеюсь.

Вопрос: Даниил Григорьевич, следующий вопрос в развитии по этому Гроорнеру. Вы с ним один работали или в группе? Вы сами, непосредственно вели его дело?

Коп: Этого я не могу точно вспомнить. Какие-то периоды я один его вел, а какие-то и не один. Так наверняка было. Не могу вспомнить.

Вопрос: Не помните ли вы, где он был арестован?

Коп: Тоже не знаю.

Вопрос: Как часто вам с ним приходилось работать?

Коп: Довольно долго. Я не помню, какой год это был. Наверное, после того, как наши войска вошли в Венгрию. Это конец 44-го начало 45-го.года. Дело в том, что до августа 44-го года я был на очень крупной операции другого порядка. В 45-ом году я был несколько месяцев на 3-м Белорусском. Это было в феврале, марте. 3 месяца я был на 3-м Белорусском. Там были крупные дела, но не имеющие отношения к этому вопросу.

Вопрос: То есть работали вы с ним относительно интенсивно?

Коп: Да.

Вопрос: Не помните ли вы, доводилось ли вам проводить очные ставки с кем-либо. Гфрорнера с другими абверовцами или гестаповцами?

Коп: Нет, не было. Это я помню.

Вопрос: А где вы допрашивали Гфрорнера?

Коп: В одном месте. На Лубянке.

Вопрос: Он содержался ... (не дог.)

Коп: Во внутренней тюрьме. По-моему, да. Не помню точно, но по-моему, там.

Вопрос: Какой был у вас порядок работы? Вы работали днем или ночью?

Коп: По-всякому бывало, конечно. Очень много было работы, конечно, в ночное время. Это было связано в основном с общими принципами работы нашего аппарата. И министр, и замминистра они работали, черт знает, до какого времени, потому что Сталин работал чуть не до утра. Все это вертелось вот так. Часто я приходил домой под утро. Всякое бывало. Много бывало и ночных разговоров.

Вопрос: Как вам нравилось работать: одному или в паре с кем-то? Вы сами протоколировали допросы или у вас был стенографист?

Коп: Стенографисток у нас никаких не было. Может быть, это было у каких-нибудь больших начальников. А у таких Швейков вроде меня никаких стенографистов не было.

Вопрос: Работали без переводчиков?

Коп: Без. Я сам знаю язык.

Вопрос: Протоколы допросов вы оформляли на немецком или на русском?

Коп: На русском, а потом зачитывал на немецком языке... Я думаю, что он был как военнопленный. А ведь это разные вещи: военнопленный и арестованный. Я не знаю, чем кончилось дело с ним. Понятия не имею. Вернули ли его в лагерь или что. Какое-то время его допрашивали, потом кончили допрашивать. Не знаю. В отношении таких лиц как Гроронер и другие работники абвера, которые попали к нам как военнопленные, не существовало прокурорского надзора. Прокурорский надзор существовал в отношении тех лиц, которые были по всем законам арестованы, на арест которых была санкция прокурора. Через мои руки прошло много сотрудников абвера, которых допрашивал я и один, и в паре с другими. Это бывало часто. Я-то был совсем молодой и недостаточно опытный человек. Во многих случаях я был просто на подхвате.

Вопрос: Какую должность вы занимали в то время?

Коп: У меня были разные должности. Начинал я ... (не дог.)

Реплика: Нет, в этот период.

Коп: Ах, в этот. Я был старший оперуполномоченный. Следователем тоже был.

Вопрос: Ясно. Вы тогда были старшим оперуполномоченным Третьего Главного Управления?

Коп: Совершенно верно.

Вопрос: Вы обычно работали во внутренней тюрьме на Лубянке или приходилось работать и в Лефортово?

Коп: В Лефортово я ни разу не работал. Вот в Бутырках приходилось.

Вопрос: Как обычно вы вызывали Гарнера на допрос?

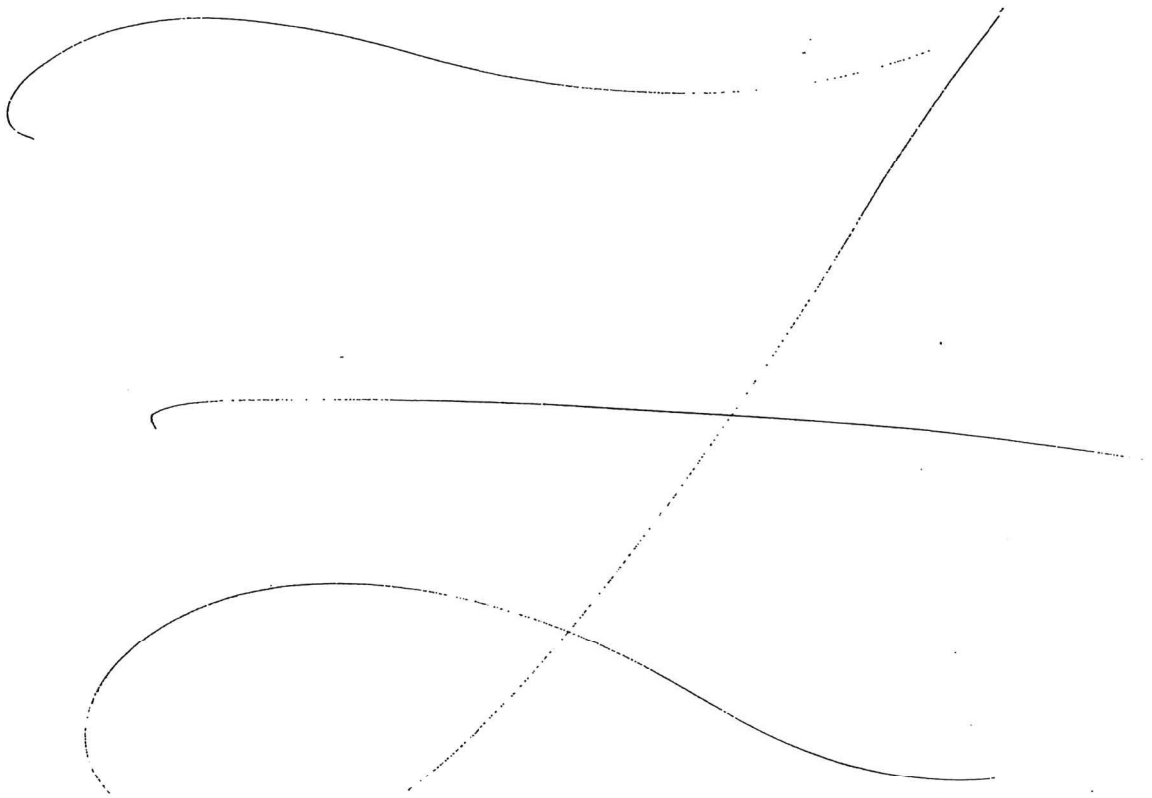
Сама процедура вызова.

Коп: Процедура была такая: звоню по телефону и говорю, чтобы такого-то доставили в такую-то комнату. Говорю, кто вызывает.

Вопрос: А потом?

Коп: Приходит конвоир и говорит, что такого-то привезли.

Я расписываюсь.



Вопрос: А вот конвойных, надзирателей?

Коп: Также и вызывают.

Вопрос: А надзирателей вы лично знали?

Коп: Нет, ну откуда же я их знал.

Вопрос: А они вас? Вы занимались интенсивной такой допрашиваемой работой, следственными действиями , допросами, они могли вас знать? Что есть такой вот оперуполномоченный - Копелянский Даниил Григорьевич.

Коп: А кто их знает, могли они знать или нет, понятия не имею. Вот, кто меня точно мог знать, так это начальник тюрьмы, что ли - Миронов, он мог меня знать. А вот конвойные, они меня не знали, я их не знал, я для них был таким же безличным человеком, как и они для меня.

Вопрос: Ну, а они-то знали, к кому вели заключенных?

Коп: Ну, они знали в какую ведут комнату, кто вызывает.

Вопрос: И фамилию?

Коп: Да, знали.

Вопрос: Вы вызывали к себе в кабинет, или у вас во внутренней тюрьме здесь были допросы?

Коп: Нет, в кабинет.

Вопрос: Именно в кабинет, где вы тогда сидели здесь?

Коп: Здесь?

Реплика: Ну вот здесь, на Лубянке.

Коп: Я уж не помню даже, что-то в этом роде.

Вопрос: А вот допустим, мог ли кто-нибудь, кто не работал по делу, вызвать его на допрос?

Коп: Мог, конечно, это мог быть какой-нибудь начальник, которому я подчинялся, я ведь был подчиненное лицо.

Вопрос: А коллеги ваши?

Коп: То есть кто-то другой?

Вопрос: Который не был допущен к следственному производству по этому делу.

Коп: Маловероятно.

Вопрос: Здесь надо сказать, что человек передавался, или, вернее, допускался к работе с арестованным только в результате санкций каких-то?

Коп: Конечно.

Вопрос: Или арестованный передавался только тому человеку, у которого находилось в производстве дело? Другие люди, которые могли с ним разговаривать - это люди, которые были выше рангом, его руководители?

Коп: Конечно, как же мог бы совершенно посторонний человек с ним беседовать, это было бы довольно странно. Я вот о чем говорю, это было настолько все естественно, что я не помню просто такого случая, чтобы я мог вызвать кого-нибудь на допрос, а мне бы сказали, что я не имею на это права. Я не помню таких случаев, может быть, этого просто и не было.

Вопрос: Видимо так, ну с учетом того, что мы с вами разговариваем профессиональным языком и понимаем все, у нас все-таки, Даниил Григорьевич, возникают такие вопросы. Невзирая на все репрессии, невзирая на все творимые беззакония, включая там другие вопросы, допросы ночью и так далее. И вы, и я, и мы - профессионалы знаем, насколько серьезно относились в наших следственных изоляторах, во внутренних тюрьмах к учету заключенных.

Коп: Безусловно.

Вопрос: Т.е. к передаче заключенных с рук на руки?

Коп: Да.

Вопрос: Производству об этом записей и оставлению следов и т.д. Если вы знали внутренний режим в тюрьме и в наших следственных изоляторах, вы должны были быть близко к этому, вы понимали, что выводной надзиратель в камере, стоящий на оперативном посту, не выдаст заключенного, не получив соответствующего указания в виде требования о выдаче на допрос или для производства, конвойному.

Коп: Конечно, как же иначе.

Вопрос: Согласны, И сделает об этом соответствующую пометку в тюремном коридорном журнале о выдаче под расписку заключенного.

Коп: Да.

Вопрос: Следовательно, он также сделает запись о выдаче его вновь.

Коп: Но к нам не приходили с какими-то книгами.

Вопрос: Вопроса нет. Эти книги оставались на месте?

К: К ним приходили с листочками.

Реплика: Абсолютно верно, именно с листочками, где вы расписывались о приеме заключенного.

Коп: Совершенно верно.

Вопрос: Значит затем, вы расписывались о выдаче заключенного с указанием времени, причем время в пути с допроса до камеры, тоже контролировалось и было небольшим и коротким по размеру.

Коп: Наверное, я не помню, но предполагаю, что так оно и было.

Вопрос: Это такой механизм. Понимаете, возвращаемся снова к нашим вчерашним делам и теперь уже к моменту дела Рауля Валленберга. Для нас является странной запись в тюремном журнале о вызове вами несколько раз Валленберга и его водителя.

Коп: Водителя?

Вопрос: Да. Понимаете, у нас нет никаких оснований сейчас не верить вам и вместе с тем у нас нет никаких оснований не доверять записям, потому что для дилетанта, для любителя эти записи можно отвергнуть, так как они не знают, как это делается. Но с другой стороны, мы с вами профессионалы, Даниил Григорьевич.

Коп: В какой-то мере, я в какой-то мере могу считать себя профессионалом.

Вопрос: Да, и мы понимаем, я тоже в какой-то мере могу считать себя профессионалом. Поэтому, наверное, логически, мы с вами, как профессионалы, не можем допустить, что эти записи в тюремном журнале выводным надзирателем, не знающим ни вашей фамилии, ни вас лично, не имеющим никакого к вам отношения, были сделаны именно так под фамилией - Копелянский и указана ваша должность - оперуполномоченный Третьего Главного Управления. Понимаете, продолжая суть нашей беседы, вы сами несколько минут назад сказали, что вы были молодым человеком, и более того, мы уверены, что в то страшное время вы не могли в силу молодости, в силу недостатка опыта участвовать и самостоятельно вести расследование по такому важному человеку, которым являлся Рауль Валленберг.

Коп: Которого я не знал и ни разу не видел.

Реплика: Вместе с тем давайте попытаемся пояснить.

Коп: Как это пояснить? Мне об этом сказал Андрей Евгеньевич, а он мне сказал, что были найдены какие-то вычеркнутые записи, перечеркнутые, тщательно перечеркнутые, где за какой-то период времени все, что касалось Валленберга в

в этой самой книге, о которой вы говорите, не в этих квиточках, которые неизвестно где, а в этой самой книге был какой-то период, где все эти самые фамилии и Валленберг, уже якобы даже не номерной, а просто фамилия его была якобы указана, что все это было тщательно кем-то вычеркнуто, но потом, как мне сказал Андрей Евгеньевич, и у меня нет оснований ему не верить. Потом, значит, каким-то методом, я в этом деле ничего не понимаю, фотолаборантам удалось разглядеть сквозь это самое вычеркивание разные фамилии тех людей, которые вызывали или беседовали с Валленбергом и вторым, я не помню, как его фамилия?

Реплика: Лангфельдер.

Коп: Да, и что там якобы есть и моя фамилия. На что я Андрею Евгеньевичу сказал, и повторяю это еще раз, я многое могу забыть, но я никогда не забыл бы фамилию Валленберг по той простой причине, что среди моих подследственных, а их было очень много, и, конечно, я очень многих и не помню, но это были все немцы - это во-первых, а во-вторых, среди них не было никаких дипломатов, а это были все военнопленные, никого из них не было другого порядка. Единственный мой дипломат, которого мне не трудно было запомнить, был Беккерле , бывший посол Германии в Болгарии, обергруппенфюрер СС, это я помню, как говорится, во сне вспомню, а там это все были немцы - офицеры, генералы, даже один маршал был, этот - Шернер. Бывало, что я один допрашивал, а чаще, конечно, я допрашивал со старшими. Я ему говорю, не было у меня никакого Валленберга, я это категорически отрицаю. Я категорически отрицаю, что я когда-либо видел или допрашивал Валленберга.

Вопрос: Уважаемый Даниил Григорьевич, мы не утверждаем, что у вас в производстве были дела на дипломатов, Валленберг числился официально, — , он был захвачен в прифронтовой полосе и числился у нас здесь как военнопленный, а никакой не дипломат. О том, что он был на самом деле дипломатом или участником дипломатической миссии было установлено позже, уже после его задержания и после его содержания здесь.

Коп: Ничего подобного, достаточно прочитать последнее сообщение, которое было в "Известиях", я сам его читал с интересом, в котором пишет один из людей, как он говорит - "последний человек, который видел Валленберга", там так написано. Там написано, что, как его фамилия - Валох?

Реплика: Валох Яков Моисеевич.

Вопрос: Вы читали?

Коп: Да.

Вопрос: Мы говорим вам официальную легенду, под которой он содержался здесь, во внутренней тюрьме на Лубянке, как военнопленный, и приходил фильтрацию, как ваш же Г-фрор-нер. Для чего я все это сказал? Мне представляется, что вы категорически отказываетесь - и мы все это понимаем, - отказываетесь говорить о Валленберге не как о военнопленном, а о Валленберге как о дипломате, как о шведском подданном, как о представителе невоюющей стороны. Мы ни в коем случае не склонны ни сейчас, ни позже обвинять...

Коп: (перев.) Простите, как Ваше имя и отчество?

Реплика: Александр Андреевич. Мы не склонны Вас обвинять в каких-то грехах и злодеяниях в отношении Валленберга.

Коп: (перев.) У меня их и не было.

Вопрос: Вопроса нет! И боже упаси! Презумпция невиновности – и тем более в отношении Вас – она превыше всего. Мы обращаемся к Вам с единственной просьбой – прояснить некоторые моменты. Может быть, даже не от Вашего имени, а от третьего лица. Почему? Понимаете, Даниил Григорьевич, Вы же профессионально подготовленный человек, проживший жизнь и выполнивший свой долг и выполняющий его до конца. Сейчас стоит вопрос о гражданском долге. И поэтому боже упаси нам где-то что-то причинить Вам или даже задумывать то кощунственное (бросает)... Нет! Мы стараемся пролить свет на те исторические моменты, которые сейчас очень важны для выяснения судьбы Валленберга. Понимаете? И если у нас есть вот эти записи в тюремном журнале, что Валленберг выдавался Вам, и есть подпись самого Валленберга, и это было в тюрьме Лефортово... Нет, речь-то идет о чем? Мы можем найти много следов, что Вы работали в Лефортово или, допустим, в Бутырке или еще где-то. Потому что Вы просто можете не помнить.

Коп: Ну, конечно, могу.

Вопрос: Но вот такие записи – Вы же согласитесь со мной – просто так не могли быть сделаны.

Коп: Я все это допускаю. И тем не менее я должен Вам еще раз сказать, что я могу многое забыть, но я бы не забыл Валленберга. Не забыл бы!

Реплика: Ясно.

Коп: Это я могу Вам еще раз сказать.

Вопрос: Хорошо. И теперь следующий момент – по Г[illegible]фрор[illegible]неру.

Коп: Да.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, на него было дело фильтрации?

организации активно работает по оказанию помощи лицам еврейской национальности, выкупа их у немцев, предоставления им свободы. Резонен вопрос? Мне ли, любому ли - согласитесь, что да. Задавались ли Г-фрор-неру вопросы о Валленберге?

Коп: Не задавались.

Вопрос: Не задавались?

Коп: Нет. И это легко восстановить. Дело-то существует?

Вопрос: Да.

Коп: Так поднимите его, посмотрите. Я во всяком случае, сколько я ни ворочал у себя в памяти, я старался вспомнить все в конце концов. Дело ведь не в том, что Вы меня в чем-то обвиняете. Абсолютно нет! Я это прекрасно понимаю. Я абсолютно чистый и честный человек. Но сколько я ни пытался вспомнить, я не помню такого случая. Не помню такой фамилии. Совершенно не помню. Что интересно? Фамилия Г-фрор нер у меня запомнилась, а Валленберга я вообще не помнил. Только когда начали печатать в прессе - и то у меня совсем другие мысли появились. Я подумал: "Кто бы мог заниматься этим делом?" Думаю, может быть, Боря Соловов, мой блистательный друг и приятель. Но он, оказывается в это время и в Москве не был.

Вопрос: Он был в Нюренберге?

Коп: Да, он был в Нюренберге.

Вопрос: Вы понимаете, возвращаясь к этим записям в журналах, мы сталкиваемся с парадоксальной закономерностью. Был бы один случай вызова Валленберга или записи его на фамилию Копелянского, но их несколько. Но совпадения идут и дальше в том же направлении. Вы же приглашаете его шофера Лангфельдера. Он выписывается на Вашу же фамилию. И более того.

Коп: Что это такое?

Вопрос: Фильтрация военнопленных. Или следственное дело? Или тюремное дело?

Коп: Следственное дело.

Вопрос: В чем-либо конкретном он обвинялся?

Коп: Не было никакого обвинения. Мы его допрашивали как сотрудника Абвера, как и многих других сотрудников Абвера допрашивали. Ни с целью предъявления ему обвинения или передачи дела в суд, а с целью выяснения возможностей наших противников. Какой агентурой они пользовались? Это очень важно было. Какие у них были связи агентурные. Ведь войска наши двигались, нам надо было знать, с кем мы имеем дело, какие там оставлены люди, какие нет. Но не с тем, чтобы предъявлять ему обвинение или передавать дело в суд.

Вопрос: Ясно. Теперь скажите, пожалуйста, как его звали?

Коп: Гофрор-нер.

Вопрос: Понимаете, здесь есть еще один вытекающий из нашей беседы вопрос. Давайте предположим следующее: вы, или я, или еще кто-то, работая с Гофрор-нером, выясняет о так называемой организации, которая занималась своей деятельностью по отношению к лицам еврейской национальности. Выходы шли на Восток.

Коп: Да. На Турцию.

Вопрос: То есть выходы на страны - будем так говорить - нашего противника. Турция - то есть это где-то наши стратегические интересы. И вдруг здесь же в это же время вместе с немцем Гофрор-нером появляется военнопленный или дипломат, тоже арестованный-Валленберг, который от имени этой

Вы вызываете, они выводятся из своих камер в одно и то-же время. И возвращаются в одно и то же время в камеры. То есть имеем все основания предполагать, что кто-то под фамилией Копелянский производил очную ставку между Валленбергом и Лангфельдером. Об этом говорят сухие скупые восстановленные нами записи в тюремных журналах, и у нас есть все основания строить такие предположения. И здесь, как видите, очень много случайностей.

Коп: Повторяю еще раз. Я вообще не помню случаев, чтобы я проводил очные ставки. Вообще. Во всей моей практике этого не было. Никаких очных ставок я не проводил. Вообще, если кто-либо и проводил очные ставки, то это могли проводить только люди, значительно выше меня и по рангу, и по своей значимости. Никогда не проводил очных ставок. Фамилию Лангфельдер - это я мог бы и забыть. Может быть, это какой-то немец. Может быть, это мне и встречалось, но я не помню этого. А уж Валленберга точно не помню.

Вопрос: А вот, скажите пожалуйста, из Вашего руководства кто-нибудь владел немецким языком? Карташев, Абакумов?

Коп: Нет. Я не знаю. Абакумов, по-моему, нет. Карташев, может быть, немного владел, но я не знаю.

Вопрос: Вас в качестве переводчика использовало руководство в каких-либо таких мероприятиях?

Коп: Очень часто.

Вопрос: Я-то все подбираюсь к тому, что не могли ли Ваши руководители, вызывая Валленберга, Лангфельдера на допросы, использовать Вашу фамилию?

Коп: А кто их знает? Я не знаю.

Вопрос: То есть непосредственно Вы могли, конечно, запамятовать,

потому что вполне возможно, что если Вы участвовали в качестве переводчика, если лично не работали с Валленбергом, и Лангфельдером, но участвовали в одном-двух допросах, то Вы могли и забыть это.

Коп: Может быть и такое, кто-то других лиц вызывал, и говорили: "А это запишите на Копелянского". Он подождет, посидит".

Вопрос: Правда?

Коп: "Он подождет, посидит, потом я подойду". Это могло быть. В этом нет ничего особенного.

Вопрос: То есть здесь мы можем полностью Вам довериться, что Вы не вели сами допрос, но в качестве переводчика могли где-то и участвовать.

Коп: Может быть, хотя я этого совершенно не помню.

Вопрос: Не сомневаюсь. Все-таки 50 лет прошло.

Коп: Все, что я помню о Валленберге, я искренне сказал. Я знал, что существует какой-то швед под номером. Это я знал. Более я того, я сказал, что существовал слух, что причина его такой засекреченности в том, что он был доставлен по прямому указанию Ворошилова. Такие разговоры были. Так неужели я не запомнил бы такого видного человека?

Реплика: Ну, видите ли, тут...

Коп: (перив.) Да нет, это не видите ли. Это я наверняка запомнил бы. Я помнил и более, так сказать, серьезных людей. Почему я до сих пор помню все руководство абвера? Помню фельдмаршала Шернера, который потом благополучно вернулся в Германию. И многих других помню.

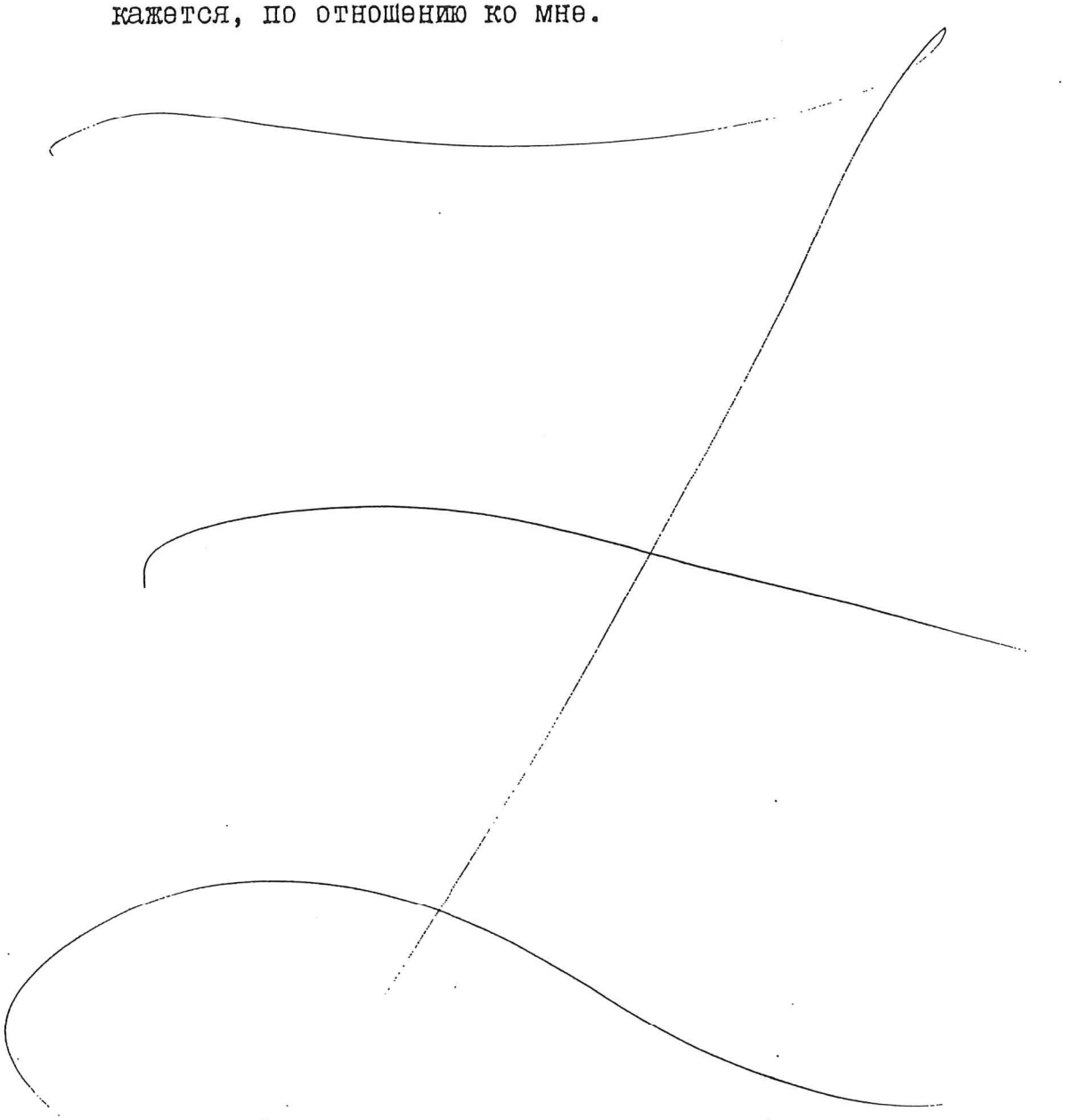
Вопрос: Мы не сомневаемся. Но есть в уголовных делах, когда мы

работаем с кем-либо, одно слово – нестыковка. Причем такая нестыковка, которая не вяжется с объективными обстоятельствами, ставшими нам известными, и даже противоречит фактическим обстоятельствам. Понимаете?

Коп: Повторяю вам, я сказал вам честно и откровенно все, что я мог сказать.

Вопрос: Я понимаю.

Коп: Все это уже носит характер не очень правильный, как мне кажется, по отношению ко мне.



Вопрос: Нет, нет, нет. Единственно что - может быть вы, проходя по следственным коридорам, камерам,

если мы вам покажем фотографии, может быть вы постараетесь вспомнить, видели ли вы этого человека.

Коп: Наверняка я не смогу. Если даже вы покажете мне ... (фамилия не ясна), я не помню его. Да я почти никого не помню сейчас внешне, фамилии помню, а как выглядит - нет. Давайте, я посмотрю, я не отказываюсь.

Реплика: Надо показать. Мало ли, вдруг действительно хоть какая-то ассоциация возникнет.

Коп: В каком он был виде, когда содержался?

Реплика: В таком же.

Коп: То есть он был в гражданской одежде.

(Показывают фотографии.)

Наверняка не видел. У меня все были военные.

Вопрос: И они содержались в форме?

Коп: Да. Многие при своих орденских планках. Ни одного такого штатского у меня не было. Никогда.

Вопрос: Исчезнувшие следы. Почему мы так настойчиво стремимся найти хоть что-то ....

Коп: (переб.) Я вполне вас понимаю, но думаю, что это вам никогда не удастся. Никогда не удастся вам этого сделать - очиститься насчет этого.

Вопрос: Мы все-таки будем стараться хоть чем-то помочь и будем продолжать.

Вопрос: Позвольте я вмешаюсь в разговор. Извините, Даниил Григорьевич, я не могу сказать, что я с удовольствием или с большим интересом наблюдал встречу ... (перерыв в записи).

Коп: Какой я профессионал? Я был студентом 4-го курса архитектурного института. В 1941 году я был мобилизован через комсомол на работу в органы. Привели меня к Абакумову, я был одет в бриджах каких-то. Он сказал: "Переоденьте его, оденьте в военную форму." Вот так и началось. Уже где-то в 49-ом году я был отчислен из органов потому, что тогда убирали оттуда всех евреев. Но Абакумов не хотел меня выкидывать потому, что мало было еще людей, знающих язык. И я еще вне штата проработал там целый год. А в 1951 году я снова пошел в архитектурный институт, закончил его, и я профессионал совсем в другой области. Я профессионал - архитектор, в этой области я проработал с 53-го года по 90-й. Я там был один из многих, привлеченных к этому делу. Тогда людей, знающих немецкий язык, было мало. А у меня была хорошая немецкая подготовка, я кончил немецкую школу в Москве, единственную тогда. Не было ни одного военнопленного, который относился бы ко мне плохо. Таких людей, как я, было мало. Я умел говорить с любыми немцами по-человечески, хорошо знал немецкую литературу, немецкую историю. Ко мне все военнопленные, с которыми мне приходилось общаться, относились прекрасно. Многое, конечно, я не помню. Я не помню многие фамилии, многие имена, потому что через мои руки прошли десятки людей, а может, и сотни: от солдат до маршалов. Но я не слышал, что существует какой-то номерной человек, таинственный

человек. Неужели я не запомнил бы хоть это. Запомнил бы. И сколько я не пытался ворошить в своей памяти, чтобы хоть как-то помочь. Я так понимаю свою работу. Я же не несу никакой ответственности ни за захват Валленберга, ни за его дальнейшую судьбу ...

Реплика: Конечно.

Коп: Ни за окончание дела.

Реплика: Конечно.

Коп: У меня здесь (в голове-?) этого не существует. Откуда тогда это? Как это могло быть?

Реплика: Ради бога, не волнуйтесь.

Реплика: Когда я говорил о "разговоре профессионалов", я не хотел вкладывать в это какой-то смысл.

Коп: У меня нет оснований стесняться службы в органах, ни малейших.

Реплика: Абсолютно верно.

Коп: Для себя я считаю, что я выполнял тогда почетный долг. И никаких оснований стесняться своей службы в органах у меня нет и не будет.

Реплика: А у нас нет никаких оснований винить вас в чем-то. Поймите нас правильно.

Реплика: А если я где-то остро и запальчиво вел беседу, вы меня извините.

Коп: Прекрасно вас понимаю. У вас есть для этого основания.

Вопрос: Скажите, когда вы говорили, что работали в паре с кем-то, то кто это был?

Коп: С различными старшими следователями из следственной части по особо важным делам. Чаще всего это были они. Не из нашего отдела, в котором я работал, а из того отдела, которым руководил Сергей Николаевич Карташов. Я откровенно

говоря, не помню, с кем бы я ... Все были в основном молодые неопытные люди, а из следственной части по особо важным делам были очень опытные работники, перед которыми я выглядел незначительно. Я был просто как переводчик. Если конкретно, то я помню замечательного следователя Костю...

Вопрос: Соколова?

Коп: Да, Соколова. С ним связано одно воспоминание в моей жизни, которое я никогда не забуду. Это был единственный случай в моей жизни, когда я увидел Берию. Это было в связи с военнопленным румыном, вернее, немцем, который проживал в Румынии и который руководил отрядом немцев, которых хотели поднять в нашем тылу. Он был заброшен в тыл, но попал в плен. Это был, конечно, особо важный человек. Его дело было поручено Соколову, а я был переводчиком. По этому делу нас вызывал Берия. Мы волновались отчаянно по этому поводу, поэтому я и не забуду этот эпизод. А как же я забуду этого человека, который тем более явился не в военной форме, а в штатском. Я не помню таких случаев.

Вопрос: Даниил Григорьевич, а с Сергеем Николаевичем вы не работали?

Коп: Что?

Вопрос: Сергей Николаевич не использовал вас в качестве переводчика?

Коп: Я не помню. Трудно вспомнить. Кроме меня там было много народу. Откровенно говоря, я не помню.

Вопрос: Когда мы беседовали с вашими коллегами, большинство из них отмечало, что вы, пожалуй, на тот период были лучшим знатоком немецкого языка.

Коп: Нас было двое, которые безусловно были лучшими знатоками немецкого языка: это я и мой близкий друг, глубоко мной уважаемый Борис Алексеевич Соловов, честнейший человек. Нас вместе и приняли на работу. Я уволен был рано, а он до последнего времени . Нас двое и было самых сильных. Это факт, что нам часто не давали спать. У нашего умного руководства, у того же Абакумова, была прекрасная забава ночью смотреть трофейные кинофильмы. Спать хочется, а тебя вызывают переводить эти кинофильмы. А я, надо сказать, со слуха не очень хорошо понимаю, я и сейчас плоховато слышу. И я так врал отчаянно, выдумывал эти сценарии, в конце ничего не сходилось.

(Смех)

Это все касается моих встреч с Абакумовым. И я не помню, чтобы он вызывал меня переводить какие-то допросы. Тем более у нас не было сотрудников, знающих шведский язык. Но это совсем не значит, что не могли найти знатоков шведского языка в этом огромном заведении. Целый ряд управлений, я не говорю о третьем, имели весь набор языков, каких угодно: шведский, итальянский и другие. Не думаю, что к такому важному человеку не смогли подобрать переводчика шведского языка. Это не было проблемой.

Реплика: Там просто не стояла языковая проблема, так как Валленберг владел и немецким, и английским.

Реплика: Все, что вы говорите .... подтверждает совершенно неожиданную фантастическую версию .... с документами, и находили малые штрихи ... и мы будем знать всю ... мы не имеем возможности с ним разговаривать.

Коп: Потому что он умер.

Вопрос: Потом ... неожиданно нам дают свидетельства о том, что вызывали его вы. И естественно возникает версия ... что с вами наконец-то это все откроется. Поэтому я имею основания предположить, что есть еще кто-то, кто числится в вашем отделе. Я так говорю, хотя неправильно было бы так говорить .... Какой-то третий отдел, третьи люди, абстрактная какая-то третья группа. Не может такого быть?

Коп: Вряд ли. Я такого случая, действительно фантастического, не знаю.

Вопрос: Но ведь кому-то понадобилось писать фамилию?

Коп: Понадобилось, возможно.

Вопрос: Значит, он имел на то какие-то соображения.

Коп: Я не исключаю такой возможности, хотя тоже считаю ее достаточно фантастической. Предположим, Карташов или другой товарищ другого ранга. Предположим, ему надо вызвать некоего Икса: Валленберга, Петрова, Иванова и т.п. Но ему самому при этом не хочется быть. Предположим. Ну вызывают его на имя Копелянского и просят меня: ты посиди здесь, а я приду попозже и буду с ним говорить. Такое бывало и могло вполне быть. Но то, что эта фантастика, эти третьи, пятые и десятые люди - нет, я не знаю.

Вопрос: Если кто-то внес вашу фамилию, то он должен иметь какую-то заинтересованность так поступить. Потому что когда мы обратились к нынешним работникам Комитета, тем, кто работает в архивах, мы задали такой вопрос: а возможна ли более поздняя фальсификация? Они говорят достаточно уверенно: нет. Поэтому я нисколько не сомневаюсь в ваших словах.

А то, что здесь записано, относится к тем временам, к 46-му году. Значит, тогда кому-то это было выгодно, а не сейчас.

Коп: Это все относится к 46-му году?

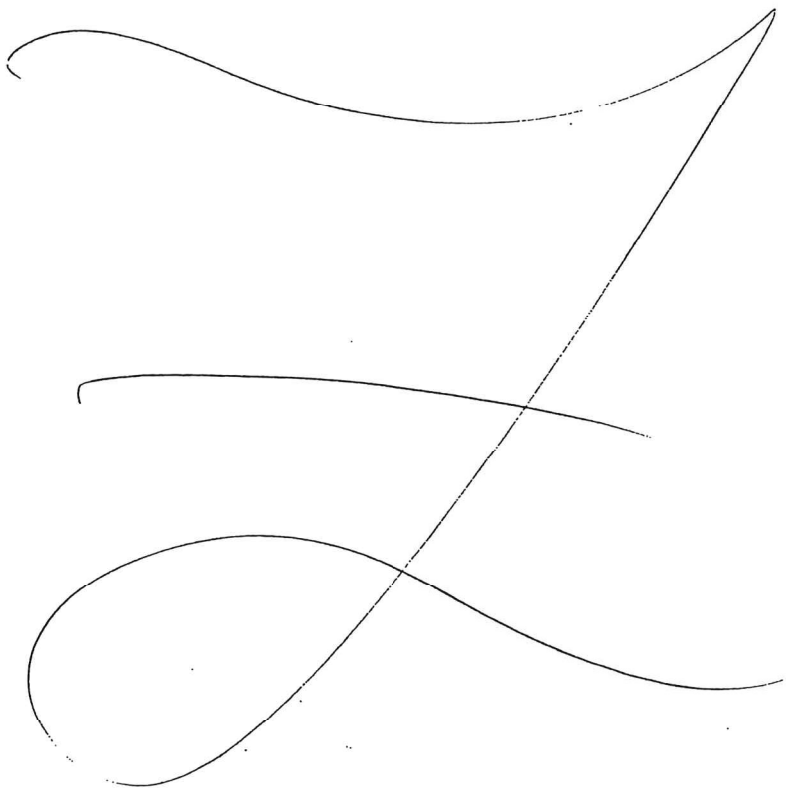
Вопрос: Да, это подлинные журналы, понимаете, в чем дело. Значит, я могу искать человека, который что-то делал, только в 46-м году?

Коп: Я понимаю. В 46-м году я был в Москве. Это точно.

Реплика: Июль 46-го.

Вопрос: Посмотрите сами документы. У нас нет никаких тайн. Может, вам в голову придет какая-то мысль?

Реплика: Здесь вы увидите восстановленную запись в журнале. Вот она - восстановленная запись.



Коп: Обратите внимание, вы, как профессионал, что это за странные допросы. "Вызвал в I2.20, а закончил в I3.00". 40 минут разговора. И второй случай.

Реплика: (пер.) Даниил Григорьевич, вот вам картина.

Реплика: Пускай он посмотрит, что его интересует.

Коп: Это что такое?

Реплика: Это I0.30.

Запись относится к одному и тому же дню: I7 июня I946 г. Верхняя часть закрашена. В общем, речь идет о полутора часах.

2,5 часа на ..., а та запись, которую вы смотрели, была в то же время и возвращена. Лангфельдер. Это идет речь об очной ставке.

Коп: Никаких очных ставок не было. Это странно, какая-то ерунда.

Реплика: Эту тему мы уже обсуждали.

Коп: Я не помню такого случая, чтобы было по полчаса, по часу

Реплика: Нет, но здесь 2,5 часа.

И одновременно в это же время в I2.20 вызывается в тот же кабинет Лангфельдер, который там находится приблизительно около получаса. Т.е. речь могла идти только об очной ставке.

Коп: И это я наверняка не мог проводить. Поймите это, как профессионал. Как молодой человек мог проводить ...

Вопрос: Мы поэтому и говорили: вам такое доверить не могли. Мы прямо предполагаем, что на ваше имя вызвали, и вы могли участвовать в этом действии в качестве переводчика, не больше. Понимаете?

Коп: Это могло быть, но к сожалению это я не помню.

Реплика: Вопроса нет. И мы ни в коем случае не думаем, что вам доверили вести следствие по делу Валленберга. Мы предпола-

гаем и, наверное, правы в этом на 100 процентов, предполагая, что вам могли поручить выписать требование, пригласить и присутствовать в качестве переводчика.

Коп: Да, такие случаи могли быть, хотя я, к сожалению, этого не помню.

Вопрос: Мы ни в коем случае не говорим на вас, что это вы вели его дело. Нет, это исключено! Здесь работали большие профессионалы типа Карташова, Соколова и других, но ни в коем случае не вы. Здесь речь шла совершенно о других моментах.

/пауза/

Только вот в этой связи.

Вопрос: А вы помните случай, когда поднялся вопрос о "Джойнт" - об этой еврейской организации?

Коп: О "Джойнт"?

Вопрос: Да. Может быть, вам доводилось встречаться с другими военнопленными, которые имели какое-то отношение к этому?

Коп: (пер.) Нет, но я вам должен сказать, почему я запомнил это.

Реплика: Да.

Коп: Я запомнил это не только потому, что мне об этом говорил Гроорнер. . И этот разговор с ним возник неслучайно. Определенное направление этого расследования я получил. Я не помню, кто мне это сказал, может быть, Карташов, а может быть, и нет, но я припоминаю, как мне сказали: "А ты поинтересуйся, как там насчет "Джойнт"?

Вопрос: Вот так?! Было такое задание?

Коп: Такое задание, наверняка, было, вот почему меня и заинтересовал этот "Джойнт". Этот разговор возник не просто так.

Вопрос: А вы не помните сейчас, Даниил Григорьевич, вы оформляли

письменно протоколом, вопросы по "Джойнт" или же устно интересовались у Гроорнера?

Коп: Я не помню, но думаю, что письменно.

Вопрос: А кроме Гроорнера , вы ни у кого не спросили об этом или же вам просто не доводилось встречаться с другим военнопленным, которому вы смогли бы задать этот вопрос?

Коп: Я этого не помню, не могу вспомнить об этом. Наверное, нет, потому что все остальные абверовские деятели, к которым я имел отношение, по-моему, не имели к этому отношения. Мы допрашивали крупных абверовских деятелей. Например, у меня был начальник Абвер -I - генерал Пикенброк, Абвер- 2 - Штольце, Абвер -3 - генерал Бентивиньи. Нас очень интересовали тогда вопросы структуры Абвера , на какие они разделяются отделы, где у них находятся их разведшколы, потому что у них были разведшколы, так называемые "Вале-I", "Вале-2", "Вале-3", и все они были вынесены на наши фронты, и это нас интересовало в первую очередь. А почему заинтересовал Гроорнер ? Да потому что здесь связь шла далеко за пределы - на восток, на Турцию. А то, что было задание выяснить насчет "Джойнт" - было такое задание, я уж не помню, но возникло оно неслучайно.

Вопрос: Мы тоже так предполагаем. И через эту организацию шла связь на Турцию? Это имеется в виду?

Коп: Да, насколько я помню. Через эту организацию, наверное, вывозили туда и спасали людей или уж не знаю, как это было. Не могу вам точно сказать.

Вопрос: В общем, интерес был значительный.

Коп: Да, интерес был.

Вопрос: А больше в отношении самой разработки этой организации

тогда в органах речи не было? Я имею в виду помимо вот вашей работы ... (не дог.)?

Коп: С нашей стороны не было, но то, что наверняка такая разработка была - я не сомневаюсь. Наверняка. Во-первых, уже тогда совершенно ясно наметилась антисемитская направленность руководства.

Вопрос: При Абакумове?

Коп: Да, уже при Абакумове это совершенно ясно наметилось, хотя еще не нашло такого яркого воплощения. Как я теперь недавно узнал, Абакумов, якобы, протестовал против процесса над врачами. Я недавно прочитал об этом в прессе. Но при Абакумове все евреи уже были удалены из органов госбезопасности.

Вопрос: Очень интересный вопрос. Мы сейчас планируем провести слушания по антисемитизму, в частности, как это рождалось.

Коп: Так вот, уже при Абакумове произошло удаление всех евреев из органов госбезопасности, и видно было давление на то, чтобы и меня тоже выгнали. Кстати говоря, я об этом просил, потому что я хотел закончить свое высшее образование. Он ко мне неплохо относился. Я ему был нужен. Очевидно, было мало людей, которые знают язык, являются культурными людьми. Таких было мало, и он меня держал вне штата целый год, но уже тогда была явная направленность, и это чувствовалось.

Вопрос: Это неожиданное открытие, потому что в поздние времена, когда по Комитету катилась волна антисемитизма, иначе вспоминалось об абакумовских евреях, т.е. предполагалось, что при Абакумове они были, а потом значит нет, а вы говорите ... (не дог.)

Коп: Я говорю, что этот процесс тогда начинался, хотя при нем еще сохранялись значительные кадры еврейской национальности, но уже началась чистка. Очевидно, было какое-то давление сверху. Может быть, он этого и не хотел.

Вопрос: Простите, я задам вопрос, не относящийся к нашему делу, но я боюсь, что у меня не будет возможности его задать.

Коп: Пожалуйста.

Вопрос: Скажите, этот процесс начался при Абакумове, а инициатива ... нет?

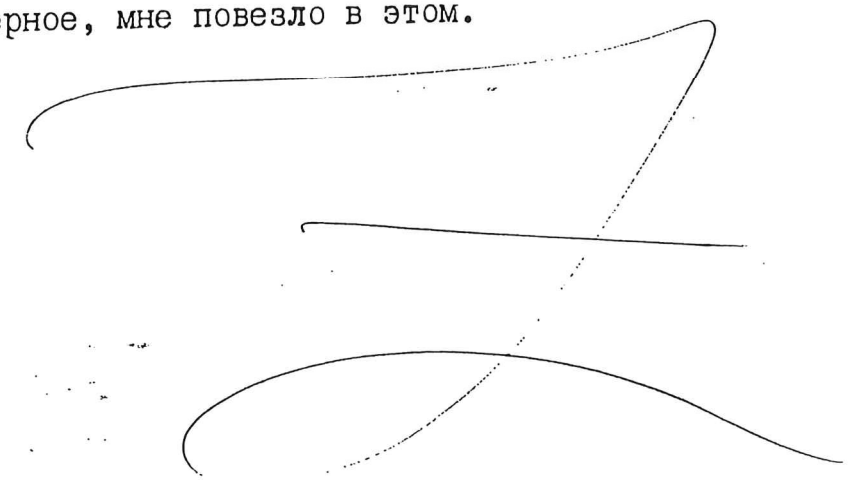
Коп: Не знаю. Теперь по прессе и т.д. этого я сказать не могу.

Вопрос: Что такое пресса?

Коп: Да, я понимаю, но я должен сказать, что вообще мне в жизни повезло. Несмотря на все перипетии судьбы, и несмотря на несомненно существовавший у нас государственный антисемитизм, мне лично с этим встречаться не довелось. Я всегда работал с какими-то честными, замечательными людьми, и никто ко мне, как к человеку еврейской национальности, никогда не предъявлял каких-то угроз или репрессий. Ничего этого по отношению ко мне не было. Наверное, мне очень повезло.

Реплика: Наверное, потому что я слышал совершенно другие высказывания.

Коп: Наверное, мне повезло в этом.



К: Значит, начать снова, да?

В: Ну, если можно.

К: Ну, конечно, я понимаю. Значит, я работал в органах с 41-го по 51-й год, в основном работал в третьем главном управлении, "Смерш", и в последние годы в следственной части по особо важным делам, где занимался немецкими делами, благодаря своему знанию немецкого языка.

Через меня тогда прошло много немецких разведчиков, довольно крупных лиц. У нас, как положено в соответствующих организациях, я не знал, что делает мой товарищ за соседним столом, а тем более в другой комнате. Но все-таки я слышал, что был арестован некий швед, который содержался во внутренней тюрьме, под номером, более того, прошел еще слух, что он был арестован в Венгрии по указанию или даже разрешению, Клемента Ефремовича Ворошилова. И вот почему. Правда, может быть, все в моей памяти спуталось, но я так примерно помню, будто бы Ворошилов тогда со стороны Ставки ведал военными и прочими политическими действиями в Венгрии в ходе ее освобождения. И будто бы по его указанию, или с его разрешения этот швед и был арестован, затем перевезен в Москву. Вот все, что я знал по этому поводу. Теперь, размышляя о том, почему товарищ Бакатин обратился ко мне, я полагаю, что для этого были следующие основания. Поскольку этот швед русского языка не знал, то, очевидно, следователю, который вел его дело, - а кто его вел, я не знаю, - нужен был помощник, знающий язык и пользующийся соответствующим доверием, как чекист. Нас тогда было два человека. Один из них - я, а второй - глубоко мною уважаемый Борис Алексеевич Соловов. Ныне давно

уже на пенсии, полковник. Вы его, наверное, знаете.

В: Мы к вам приехали только что от него.

К: От него приехали, да. И, вот, я даже не представляю себе, кто еще может быть привлечен к этому. Либо он, либо я. Но то, что я не был, это я вам точно говорю. Так что вы прямо от него приехали, да?

В: Ну не прямо...

К: (переб.) Ну, в общем-то разговаривали как раз с ним. Так что я думаю, если он что-либо знает, то это наиболее полно по сравнению со мной. Если он что-то знает по этому вопросу. Я в общем-то больше ничего не знаю более того, что я вам сказал. Тогда я вообще эту фамилию не слышал, а потом уже, когда эта фамилия стала появляться в печати, то я, сопоставив свои мысли, пришел к выводу, что речь идет именно об этом человеке. А потом я уволился из органов, закончил свое архитектурное образование и уже никакого отношения к этому делу не имел. Вот, собственно говоря, все, что я могу сказать Если у вас есть какие-нибудь вопросы, то, пожалуйста, задавайте их, я постараюсь ответить. Чем могу буду полезен.

В: Вот вы говорили, что он был под номером, а какой номер? Не доводилось ли вам слышать об этом?

К: Нет. Вы знаете, сейчас об этом столько писали в печати, что мне трудно разобраться, то ли это осталось в моей памяти, то ли я читал все это. Вроде какой-то 47-й номер. Наверное, я читал об этом в печати. Вряд ли я об этом помню.

В: Нет, но если вы точно не помните, то не будем придумывать.

К: Я действительно не имел никакого отношения к этому делу. Но факт остается фактом: такой человек был и содержался под номером у нас во внутренней тюрьме. Это точно. И более я ничего

о нем не слышал.

К сожалению, дело обстоит именно так.

В: Извините, Даниил Григорьевич, а фамилия Лангфельдер Вам что-нибудь говорит?

К: Лангфельдер? Нет, не знаю такого.

В: Понятно.

К: Тогда у меня есть к Вам вопрос, поскольку мы здесь одни.

В: Конечно.

К: С кем он содержался вместе в номере? Если это не секрет.

/Смех/ Я просто спрашиваю. Ведь кто-то должен был с ним сидеть из людей, знающих немецкий язык.

В: Мы знаем несколько фамилий, в частности, больше других нас интересует Редельс.

К: Как?

В: Редельс.

К: Нет, не знаю.

В: Вилли Редельс.

К: Не знаю такого.

В: Там есть большой список фамилий тех, что нам удалось установить, кто пересекался или мог пересекаться с ним во время его пребывания в Лефортово или во внутренней тюрьме.

ВI: Можно достать другой список. Как Вы считаете, здесь они указаны?

В: Это конкретно. Там опять все тот же Редельс.

Н: Можно просто перечислить вот эти фамилии.

В: Конечно.

Н: Но они не все сидели с ним.

В: Рихтер Родде.

К: Нет, не помню.

В: Элтонен?

К: Нет, не знаю такого.

В: Кичман?

К: Нет.

В: Адельман?

К: Нет.

В: Лойда?

К: Нет.

В: Штрайт?

К: Нет.

В: Штаффель?

Гросхайм, он же Томпсон?

К: Нет.

В: Он же Крайско/?/?

К: Нет.

В: Хилле?

К: Нет.

В : Хиллбрехт? Нет?

Н: Нет, это совсем из другой оперы.

В: Хайц?

К: Нет.

В: Бергеман?

К: Нет.

В: Суприян?

К: Нет.

В: Валлентайн?

К: Нет.

В: Хофштеттер?

К: Нет.

Н: Шлихтер? Или Шойер?

К: Нет.

В: Хубер?

К: Нет.

В: Крафт?

К: Нет. По-видимому, ни одного из тех, кого я .../не дог./

Ь: Уж закончим тогда.Демор?

К: Нет. Ни одной знакомой мне фамилии, к сожалению. Ни одного. Я почему так подумал, к такому человеку,наверное, должны были посадить какого-то опытного человека. Я так полагал. Никого, кого я знаю, нет, ни одной фигуры. Не помню ни одного.

В: А, скажем, уже позже, из каких-то бесед, встреч с бывшими коллегами когда-нибудь что-нибудь об этой истории всплывало?

К: Нет, не всплывало.

Вы знаете, я Вам скажу .../не дог./Это было совсем забыто Когда сейчас начали об этом так активно писать, я подумал что, может быть, об этом знает Борис Соловов. Может быть. Но из такого чувства .../не дог./ Мы с ним товарищи, я его глубоко уважаю. Я никогда не позволю себе об этом у него спросить. Никогда. Во-первых, я об этом и не знал, знает он или нет, просто подумал, что единственный, кто об этом может знать из людей, знавших прилично язык, и вообще,достойных людей - это мог быть только Борис. Но я никогда не спрашивал его об этом. И даже сейчас, когда товарищ Никонов мне позвонил, я подумал:"Позвонить Борису? Нет, не буду". Потому что,во-первых, точно я это не

знаю, действительно ли он знал что-либо по этому вопросу, но я всегда так думал, что единственно, кто мог об этом что-то знать из моих приятелей, знакомых, так это только Борис. Я даже не знаю, кто из следователей вел это дело, понятия не имею. Кто из видных следователей у нас еще оста ся жив? Я даже не знаю. Костя Соколов? Не знаю.

В: Соколов?

К: Может быть, Соколов. Не знаю. Он был один из лучших следователей у нас. И кстати говоря, человек, избежавший, наско лько я знаю, и ареста, и репрессий. Но он был очень тяжело больной человек. Жив ли он, я не знаю. А так, по-моему, никого уже и в живых-то нет.

В: Он тогда работал в какой должности? Кем он был, Соколов?

К: Я не могу сказать точно, какая должность у него была. Старший ли следователь, или еще какая-нибудь более крупная должность, или заместитель начальника отдела по особо важным делам. Но он, безусловно, был самым ведущим следователем у нас. Из таких крупных величин.

В: Понятно. И именно в следчасти по особо важным делам?

К: Именно в следчасти по особо важным делам. И во всяком случае, насколько я знаю, он не был арестован. Во всяком случае не привлекался, не был репрессирован ни в связи с Абакумовым, ни с какими-то другими делами. Это так я помню. Но я его ни разу не видел с тех пор. Знаю, что он какое--то время работал где-то юрисконсультом. Но даже не знаю, жив ли он. Но я так думаю, если бы я был на месте руководства тогда, кому бы я поручил такое дело? Только Соколову. Потому что это был умнейший и тонкий человек, очень достойный во всех отношениях.

В: Даниил Григорьевич!

Может быть, вы посмотрите.Вот это список тех людей ныне здравствующих, как говорится.

К: Я понял, да. Я тут многих...

В: /переб./ Кто, по нашему мнению, мог бы что-то знать.

К: Я вам скажу. Ендавицкий/?/ наверняка ничего не знает. Ну, Соловов я вам сказал, Сиснова/?/ уверен ничего не знает. Хотя она хорошо знает немецкий язык,но она никак ничего не может по этому поводу.../не дог./

Она очень была мелкий человек такой, на третьих, на четвертых делах. Хотя очень хороший и славный человек. Паша Гришаев - он мог бы. Конечно,с ним стоит поговорить. Он-человек серьезный. Симанчук/?/ Леня? Думаю, что нет. Не знаю,почему-то кажется, что наверняка нет. Шубникова я не знаю. Во всяком случае не помню такого.Бурашников - ему наверное, сто лет уже. 91 год написано.

В: Девяносто один.

К: По-моему, он никогда такими делами не занимался. Олег Бубнов мне недавно звонил,после длительного перерыва объявился. Не знаю, мог он знать или не мог. В принципе мог но я бы лично его бы к этому делу не привлекал. Был тогда мальчик такой в общем-то не очень серьезный. Больше насчет девочек. Адамов - я не помню. Что-то знакомая фамилия, но я не помню его, совершенно. Кроме Бори Соловова посоветовал бы,конечно, поговорить с Гришаевым. Он был все-таки на виду, рос, так сказать,сильно. Но тут важно что? Кто из перечисленных здесь лиц, знал немецкий язык? Это очень важно.Бубнов знал.Неважно,но знал. Серединка

на половинку. Бурашников не знал.

Видавицкий - не помню, по-моему не знал. Со мной вопрос ясен, я знал и знаю немецкий язык хорошо, как русский.

Соловов знает также как я.

Прекрасно знает.

Сиснова знает хорошо язык, но я не помню, чтобы ее хоть раз привлекали к очень серьезным делам.

Не знаю.

Это из тех, кто знает язык.

Симанчук не знал язык.

Гришаев, насколько я помню, язык не знал.

Они работали с переводчиком.

Щербнякова я не помню. Вот что я могу сказать по этому списку. Откровенно говоря, меня удивляет, что ... (не дог.) Я считал, что из этих людей больше всего мог знать Борис Алексеевич. Но раз он не знает, значит не знает.

В: Борис Алексеевич нам рассказал все, что мог. Но он непосредственного отношения к делу не имел.

ВI: А кто был из следователей?

В: Вы не помните Владимира Смирницкого?

К: Помню. Его могли привлечь - безусловно. Вполне могли.

В: Он знал язык.

К: Знал. Был надежный парень. Но мне говорили, что он умер. Или нет?

В: Это предстоит уточнить.

К: Смирницкий мог быть привлечен к этому делу. Он человек подходящий. А кто же еще?

В: Нам Борис Алексеевич подсказал, что Кулешов - помощник начальника следственной части. Он, вроде бы, имел непосредственное отношение.

К: Я такого не помню. Помню Лигачева (?), расстрелянного. А фамилию Кулешова даже не помню. Может, это было после того, как я там перестал работать?

В: А фамилия Вайндорф вам знакома?

К: Знал такого.

В: А как его звали?

К: Не помню. Он языка не знал. Старый работник, по профессии - инженер. После увольнения из органов он работал инженером. В каком-то тресте. Он старше меня по возрасту, а мне уже 73 года. Ему лет 76 - 77. Но, по-моему, он языка не знал и

немецкие дела не вел.

В: Но он жил в Москве или приезжал?

К: Жил в Москве. Но с тех пор я его ни разу не видел. А про Смирницкого мне кто-то говорил, вроде Аня Стиснова. Она мне звонила, мы думали, кто и что.

В: Смирницкий вам недавно звонил?

К: Аня Стиснова мне звонила. Мы с ней говорили, кто жив, кто здоров. И еще Маша Потапова - она подруга Ани Стисновой, язык знала. Одинокая женщина. Она жива. Может быть, она что-то может знать? Это из той компании, с которой мы общались, имели дело.

В: А Лидия Кущ?

К: Ее я тоже знал. Она немного знала язык. Поговорить с ней стоит. Но она была на "десятых" ролях.

В: А Масленников?

К: Василий Егорович. Он языка не знал. Работать мог только с переводчиком. Поговорите с ним, может, он что-то подскажет. Я все время думаю о том, кого могли привлечь со знанием языка Ведь без языка с Валленбергом невозможно было разговаривать. Он же русский язык, как я полагаю, не знал.

В: А не было в те годы человека, который бы знал шведский язык? Среди ваших людей?

К: Ни одного, насколько я знаю. Может быть, из другого управления привлекали, это тоже возможно. Было же у нас сильное первое главное управление. Там наверняка были люди, знавшие языки, могли привлечь оттуда.

В: У меня к вам общий вопрос. Вероятно, вы многое читали об этих событиях, что-то вспоминали, пытались их оценить, многое

читали. Как вы считаете, с чего бы это Валленберг вдруг стал особо важным заключенным, ведь на фоне тех людей, которые проходили через ваш отдел, он ведь, наверное, не особый был?

К: Я считаю, что он стал особо важным и особо номерным по двум причинам. Во-первых, это был редкостный случай, что человека посадили по указанию Ворошилова, а то, что это было по указанию Ворошилова, я помню. Это же редкостный случай. А во-вторых, как сейчас абсолютно для меня ясно, это ведь представитель самой важной семьи в Швеции. Важнее нету. Это почти династия. Вот причина. Если человека привезли по указанию Ворошилова и, следовательно, докладывать о нем должны только на самый верх, то поэтому он и был, наверное, в числе важнейших.

В: Вот простите, Даниил Григорьевич, можно ли уточнить следующее Конечно, вам трудно сейчас на это ответить, но на чем основывается Ваше убеждение, что это было по указанию Ворошилова? Это были общие разговоры или что-то еще?

К: Общие разговоры. Я не видел никаких бумаг. Это были общие разговоры, которые носились в воздухе. Хотя повторяю, что я немало лет там работал, и все-таки я знал только двух таких иностранцев, которые были под номерами. Я знал, что был швед, а еще был некий Гитлер. Какой-то дальний родственник, возможно племянник. Тот тоже был под номером. Но это настолько всех смешило, что все знали, что Гитлера вызывают. А больше я не знаю иностранцев, которые были связаны с какими-то номерами. Хотя у нас были видные арестанты, крупные разведчики, руководители всех трех отделов абвера.

В: Видимо, и гестаповцы были.

Такие вещи могли быть.

Откровенно говоря, больше не знаю, чем могу быть полезным вам. И что мне ответить на это милое письмо, не знаю.

Вы его возьмете с собой?

В: Нет, это же вам письмо.

К: Но какой порядок? Я должен ответить или могу просто оставить?

В: Это письмо только для того, чтобы вы поверили, что мы .... (обрыв)

(34)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Солововым Борисом Алексеевичем
I октября I99I года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СС(

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

С: Насколько мне известно, Рауль Валленберг был захвачен в августе 1945 года.

В: Если уточнять по документам, то это было в начале 1945 года, во время боев за Будапешт.

С: Ясно. В это время меня в Москве не было. В декабре 1944 года я выехал в район Вильнюса, а оттуда в Восточную Пруссию с оперативной группой. В нашу задачу входил розыск ставки Гитлера, Геринга, Гиммлера и захват документов. Мы должны были обеспечить сохранность материалов, которые будут найдены. Там я находился до марта 1945 года, затем я вернулся в Москву и пробыл в городе приблизительно месяц , а во второй половине апреля 1945 года я выехал на Первый Украинский Фронт. Все эти факты должны быть зафиксированы в моем деле. В августе 1945 года я вернулся. И тогда же активно включился в подготовку Нюрнбергского процесса. В то время был арестован заместитель Геббельса по радиовещанию нацистский радиокомментатор Фриче, и я с ним работал.

Примерно в сентябре 1945 года я уехал в Нюрнберг. В этот период я никак не мог иметь отношения к Валленбергу и ничего о нем не слышал и не знал. Это небольшая историческая справка. По возвращении я попал в четвертый отдел Главного Управления контрразведки СМЕРШ, начальником отдела тогда был Карташов, его заместителем – Бурашников. Того и другого нет в живых. Я был на похоронах Карташова.

В этот период, на мой взгляд, могли иметь отношение к этому делу два человека: Смирницкий Владимир /отчества я не помню/ и Копелянский Даниил Григорьевич. Смирницкий хорошо владел немецким языком, работал в то время или переводчиком, или оперуполномоченным. Как мне рассказывали, он скончался в прошлом году. Что же

касается Копелянского, он жив. Этот человек переводил все наибо лее важные допросы.

Если Абакумов допрашивал кого-либо, он приглашал обычно Копелянского. Он мог участвовать в допросах и должен располагать определенной информацией.

Я проработал в четвертом отделе до ... /не дог/.

У меня не очень хорошая память, могут быть накладки, это надо уточнить по кадровым делам.

Работал там примерно до конца 1947 года. Поскольку отдел Карташова был оперативный, а не следственный, как у нас говорили, - было принято решение ... /не дог/. Кем и что - я не могу сказать потому что я был оперуполномоченным, и меня о таких вещах не спрашивали. Это было передано в следчасть по особым делам со всеми арестованными. Арестованные были иностранцы: я помню, что были немцы, англичане, чехи, венгры, то есть все, кто участвовал в войне на стороне Германии. Я не знаю, каким образом туда попали англичане. Вот эти люди - каратели, разведчики, контрразведчики. Попала вся военная разведка и контрразведка - Абвер. Было все руководство: начальник "Абвер I", "Абвер II", "Абвер III". Все к нам попали, все здесь сидели. В основном это были генералы. Был только один полковник Штольц - начальник "Абвер II", а остальные - генералитет. И гестаповцы были. Здесь у нас сидел заместитель начальника гестапо и ряд других. Все эти дела поступили в следчасть особого отдела. Там продолжали с ними работать. Руководил всей группой помощник начальника следственной части по особым делам полковник Кулешов Николай. Отчество не помню. Лет 15 назад я его случайно встретил в Б.Комсомольском переулке. Он там жил. Там есть наш бывший дом. Он там жил. Я не знаю, что

с ним стало, жив ли он или нет. Не могу сказать. Он вел полный учет. Тогда я и узнал об этом Валленберге. Примерно в этот период, то есть только в 1947 году. Он вел список и составил ди грамму, где было отмечено, кто из арестованных сидел с Валленбер гом.

В: Кто составил? Кулешов?

С: Да, Кулешов. Очень наглядная схема. Я ее сам у него видел. Там было все записано, чтобы потом не было перекрещивания. Тогда я ничего не знал, почему и что. Я сейчас не помню, когда это было, но начался какой-то шум вокруг этого дела. Шел разговор, что будто бы он родственник семьи известных шведских банкиров. Теперь-то я знаю, что это так. Говорили, что им там интересуются, что туда дан ответ, что его нет у нас в плену и не было. Об этом писали в газете. В общем, был какой-то шум. Потом все прекратилось. Мне хорошо известно, что все материалы на него- не дело, а материалы, личные документы - были сданы в особый архив КГБ. Тогда его возглавлял Герцовский. Это был большой пакет.

В: А вы его видели?

С: Кулешов поручил сдать этот пакет лично Герцовскому.

В: Поручил вам?

С: Да.

В: Понятно.

С: Я пошел с этим пакетом к нему.

На нем было написано почти дословно следующее: "Пакет с материалами арестованного номер семь". Вскрыть только с разрешения руководства КГБ".

В: МГБ.

С: Да, тогда было МГБ.

Да, Записка была примерно такая, что никто не имеет права вскрывать, пока не будет дано разрешение. Этот пакет был сдан.

В: Вы его передали?

С: Я, Герцовскому лично.

В: Герцовскому лично?

С: Да, был такой начальник Особого архива. После этого все эти архивы перешли в архивный отдел КГБ. Надо спросить Фокина. Хотя Фокина уже не было. У него там где-то должен быть. Надо найти этот пакет, и там все.

В: Его нет.

С: Нет? Куда же он мог деться?

В: Обрывки какие-то только и все.

С: Был такой пакет. Я знаю, что там были его документы, а что еще-не знаю.

В: Скажите, этот пакет был по размерам, как тот, в котором мы письм передали? Хотя бы примерно скажите.

С: Вот примерно такой.

В: То есть обычный запечатанный почтовый пакет?

С: Да.

В: А какого он был цвета, не помните? А надпись была от руки или напечатана на машинке?

С: По-моему, от руки. Не помню точно.

В: Я понимаю, что это все условно, ведь прошло много лет.

С: Я никогда и не думал, что это может пригодиться, поэтому и ничего этого не запоминал.

В: А скажите, когда вы передаете этот пакет, они как-то учитывают его, вносят в какую-то книгу запись, что получили пакет, или вы просто передали, развернулись и ушли?

С: Да, просто отдал и ушел. Мне было велено передать ему и все. С Ним, очевидно, был какой-то разговор. Я так полагаю, всегда так бывает. Значит, кто-то позвонил ему, то ли Кулешов, то ли начальник следственной части Леонов, не знаю, кто.

В: Значит, вы взяли у Кулешова и передали Герцовскому?

С: Да.

В: Спасибо.

С: Что было дальше, куда он потом делся, не имею ни малейшего представления.

В: Еще раз скажите, когда это было, в какое время?

С: Не могу сказать, потому что там мы были с 1947 года по 1949 год или по 1950. Я имею в виду сдедственную часть по особо важным делам. Я не помню точно, когда это было - то ли в 1947 г, то ли в 1948 г. Боюсь, я могу вас просто дезинформировать. Может быть, это и было в 1947 г. Я не помню, когда мы точно туда перешли. Нужно поднять дела.

В: Это можно сделать.

С: Надо выяснить, когда все эти арестованные иностранцы были переданы из 4 отдела в следчасть по особо важным делам. Сразу будет все ясно. Если передали в конце сентября, то значит, можно сделать вывод: зачем вводить его в учет, если этого человека уже не было?

В: Понятно.

С: А тут какой-то ажиотаж начался, беготня. Я не знаю, когда это было точно и что там могло случиться. Вполне возможно, что его тогда и убрали. Вполне возможно, я не исключаю этого, потому что времена были такие, что все было возможно.

В: Это вероятно.

С: Вполне возможно. Вот все, что я знал. А дальше, что касается тех людей, которые сидели вместе с Валленбергом /они все были указаны поименно/, то в их делах делалась приписка, что такой-то сидел с особо важным арестованным. Их всех судили и делали такую приписку, Всем было ясно, о чем идет речь. Руководству, естественно.

В: Он был один "особо важным" или еще были с такой формулировкой?

С: Нет, только в отношении него. Я ведь говорю, что там вокруг него был какой-то шум все время.

В: И после этого появилась эта формулировка "особо важный арестованный"?

С: Да.

В: То есть, это не в практике работы тех лет?

С: Нет.

В: Тоже исключительный случай?

С: Да. Вот все, что я о нем знаю. В глаза я его не видел никогда и не допрашивал. Допрашивать его мог Копелянский. Вы все же обратитесь к этому человеку.

В: Это естественно.

С: Я могу вам и адрес, и телефон его дать.

В: Спасибо. А телефон у вас есть?

С: Есть.

В: А вы поддерживаете с ним какие-то связи?

С: Да.

В : Это просто замечательно. Очень хорошо, что мы с вами познакомились, и у нас состоялась такая беседа, когда мы понимаем друг друга. А то вдруг приедем к Копелянскому, он нас спросит: "Кто такие? Зачем? Что вам надо?"

С: Да нет, я вам помогу к нему обратиться, может быть, он что-то знает? Запишите: Копелянский - 299-77-31. Он тоже на пенсии.

В: Как он себя чувствует? Бодрый старик?

С: Да ничего. Я с ним разговаривал в последний раз полгода назад, перед Новым годом, по-моему.

В: Он языки еще не забыл?

С: Нет, он блестяще владеет языком. Он немецкую школу кончал здесь в Москве,

вместе с Вольфом Мишей - его так звали, Трехпрудный переулок.

В: Адрес есть, спасибо, Борис Алексеевич.

С: Он может что-то подсказать.

Кто же еще из живых остался? Из переводчиков? Например, осталась Теснова Анна Леонтьевна. Кстати, она живет здесь, у нас, дом № 6.

В: Нет, дом №4. Адрес у нас есть.

С: Только у нее последний подъезд, по-моему, номер 7. Также жива еще Кущ Лидия, ее отчества я не знаю.

В: Она тоже была переводчиком?

С: Да. Также еще есть Потапова Мария. Они все работали в тот период переводчиками. Кто остался в живых из следователей которые вели допросы немцев? Кстати, Кущ была переводчицей у Масленникова Василия Егоровича. Он работал с ней.

В: А кто он по должности?

С: Он был начальником тюремного отдела МВД, потом работал в особом архиве, где был начальником группы. Он занимался пересмотром дел в связи с разоблачением культа личности с приходом Хрущева. Когда к власти пришел Хрущев, он дал такую команду. Была создана большая группа, занимающаяся этим, он возглавлял эту группу.

До этого Масленников все время работал по иностранцам. Я слышал, что этот человек тоже жив.

/Смотрят бумаги./

Этих-то, вроде, уже нет, Смирницкого , вроде нет. Кузьмишин был начальником отделения у нас, он умер. Все иностранцы были как раз у него. Его заместителем был Вайндорф. Я слышал, но не уверен.

В: Как его звали?

В списке он есть? Да. Судьба его не установлена.

С: Я знаю, что его где-то в 1950-х годах - то ли в 1951-ом, то ли в 1952-ом - уволили. Кто же еще остался? Кто-то куда-то исчез из поля зрения.

В: Борис Алексеевич, еще один вопрос:скажите, в разговорах с коллегами уже после вы не возвращались к теме о Рауле Валленберге? Например, может быть, как-то обсуждались причины, почему вокруг него возник такой непонятный шум?

С: Нет,нет. Я ни с кем больше не встречаюсь. С Копелянским я говорю только по телефону, здесь он у меня вообще не был. С ним я вообще этой темы не касался. Ни с кем, абсолютно. Единственно мне был звонок от Завотина, заместителя начальника нынешнего следственного отдела.

В: Когда он звонил?

С: Это было в апреле.

В: Чего он хотел?

С: Он интересовался Валленбергом.

В: Тоже интересовался?

С: Да.

В: Но он, наверное, не давал никаких указаний?

С: Нет.Я его знаю хорошо, мы во 2-ом Главке вместе работали, в следственном отделе. Тогда он был еще рядовым. Я хорошо его знаю. Он спросил, известно ли что-нибудь, что с Валленбергом. Я сказал, что не знаю. Вот тогда мы и поговорил по телефону, просто, коротко.

В: А о шофере Валленберга -Вильмоше Лонфельдере он не говорил вам?

С: Нет, ничего не говорил. А что касается моей визы – я ничего не могу сказать. В газете было написано,что я,якобы завизировал. Может быть, черт его знает. Я не знаю.

В: Но в газетах много чего пишут.

С: Да, и много всяких глупостей пишут.

В: Да, это бывает.

/Пауза./

А вам что-нибудь известно о заключенных, которые пересекались с Валленбергом, тех, на которых Кулешов составил диаграмму? Вам что-нибудь известно об их дальнейшей судьбе? Может быть, вам приходилось сталкиваться с их делами в последующем, в процессе работы?

С: Я знаю,что в 1953 году освободили большую группу немцев. Они тогда уехали в ФРГ. И, кажется, среди уехавших был Рихтер Густав.Но в этом я не уверен. Мне об этом никто не сообщал. Рихтер Густав был уполномоченным "СС" по окончательному решению еврейского вопроса при правительстве Румынии. Дело на него есть. Я его допрашивал, поэтому я его помню. А других фамилий я не помню. Список там большой. С ним много сидело. А потом наверное, спохватились... /не дог./ Я связываю это с тем, что очевидно, шведской стороне был дан отрицательный ответ, и для того, чтобы взять все под жесткий контроль, чтобы все это дальше не расползалось, сразу была дана команда:составить список и сделать так, чтобы эти арестованные не пересекались, не перекрещивались с другими. Эти арестованные содержались либо в одиночке, либо в камере с другими заключенными которые что-то знали о Валленберге,-сидели с ним в какое-т время. С этой целью и был составлен список,составлена диаграмма.

В: Это было сделано начальником отдела? То есть это его уровень решения вопроса?

С: Я знаю, что все это было у Кулешова, который был помощником начальника отдела следственной части. У Леонова, начальника следственной части по особо важным делам, имелось дело.

В: Мы его уже смотрели.

С: Может быть, что-то есть у Карташова. Может быть, когда передавали обратно, ему передали какую-нибудь памятку из следственной части. Это вполне возможно, так как он был начальником отдела.

В: А Перцовского (?) уже нет?

С: Нет, вродс его нет, насколько я помню. Ну, кого еще можно назвать? Не знаю, могли ли передать Рублеву, когда нашу группу с иностранцами передали в ВГУ. Начальником отдела был тогда Рублев Иван Федорович. Он жив. Во всяком случае, три года назад я как-то случайно встретился с ним около нашего клуба. Может быть, у него есть что-то. У него должно быть дело. И потом, неужели на Валленберга нет никакого, даже маленького, дела?

В: Нет, ничего нет.

С: И тюремного?

В: Ни тюремного, ни следственного. А, кстати, тюремное дело по объему могло войти в тот пакет, который вы относили?

С: Нет, не могло.

В: В пакете могли быть только какие-то личные...

С: (переб.) Там были какие-то документы, и что еще - не знаю.

Конечно, там был и тот список.

В: Просто этим вопросом занималась комиссия...

С: (переб.) В тюрьме могли к тюремному делу приобщить все позже.

В: Посмотрите, пожалуйста, сюда. Это Рихтер Густав?

С: Да.

В: А это вы?

С: Конечно. 1952 год. Я до 1953 года работал в следственном отделе.

В: Я нашел этот документ потому, что вы сказали, что там вы - с особо важным заключенным. Это, как раз, та самая пометочка, о которой вы говорили?

С: (читает) "Внимание, особо важный заключенный..." Да, та самая пометка. Вот это - я, это - Маклаков (?). Не знаю, жив ли он сейчас. Он был заместителем начальника следственного отдела ВГУ. Маклаков Владимир Александрович. Он жил на Малой Колхозной площади, но я его уже давно не видел и не слышал. Может быть, он тоже еще жив. Пометки такие есть, значит, все же какая-то памятка или указания были, то ли от Абакумова, то ли от кого-то из руководства, или из следственной части от Посулажина (?) со ссылкой. Что-то должно быть. Нужно посмотреть дела начальников отделов Карташова и Рублева. Обязательно.

В: И еще один вопрос. Об этом сейчас много спорят. Когда Громыко передал рапорт Смальцова о том, что умер Валленберг, многие задавали вопрос: "Почему какой-то Смальцов писал рапорт на имя Абакумова?" Такое могло быть, или это вызывает какие-то сомнения?

С: Лично у меня это вызывает сомнение.

В: Почему?

С: Обычно об этом сообщали тому подразделению, за которым числился арестованный. Если что-то случалось, например, арестованный объявлял голодовку, вел себя не так, как положено, обливал щами вахтера (у нас и это случалось), то обязательно сообщалось тому подразделению, за которым он закреплен.

В: А они уже должны сообщать по команде?

С: Да, наверное, Абакумову. Это мне тоже немного непонятно. Возможно, у него была такая команда.

В: Одно дело, наверное, когда он дал неправильное заключение, а здесь-то все-таки речь идет о смерти. В вашей практике было такое? Как оформлялось заключение в случае кончины заключенного?

С: Обычно сообщали в то подразделение, за которым закреплен заключенный. А там уж докладывают или не докладывают Абакумову... (не дог.) Ему необязательно о каждой смерти сообщали. Но в деле могла быть пометка или какая-то ссылка на Абакумова о том, что его нужно держать в курсе или докладывать ему. Но, честно говоря, я сомневаюсь.

В: В течение всего периода пребывания (по крайней мере то, что вам известно) Валленберг числился за четвертым отделом "СМЕРШа"?

С: Нет.

В: А потом стал числиться за следственной частью по особо важным делам?

С: Сначала он числился за вторым отделом ГУК "СМЕРШ". Этот

отдел с 1943г. возглавлял Карташов. Затем в 1945г. была проведена реорганизация. На базе второго отдела и отделения, занимавшегося профилактическими лагерями для советских военнопленных, возвратившихся из плена, был организован четвертый отдел. Затем его взяла следственная часть, потом следственный отдел Второго Главного Управления. Так что, нужно посмотреть дела начальника и второго и четвертого отделов. Хотя их возглавлял один и тот же человек, но дела-то разные.

В: Понятно. Разные структурные подразделения.
А вам не приходилось ничего слышать относительно мотивов ареста Валленберга? В те времена у "СМЕРШа" и без того хватало работы, а тут вдруг сотрудник миссии. Непонятно, чем он мог привлечь внимание?

С: Тогда вообще брали всех подряд. А раз он был там при немцах... не дог.)

В: Но он же не воевал. Он был дипломатом нейтральной страны. Это же могло повлечь какие-то осложнения? Зачем это было сделано?

С: Не знаю. Тогда брали всех немцев-дипломатов с женами и с детьми. Всех сажали в тюрьму.

В: С немцами все понятно. Это была воюющая сторона, но у него был статус дипломата нейтральной страны. По какой причине?

С: У нас ведь раньше как было? Попался, а пока разобрались, кто он и что... (не дог.) Поэтому, наверное, и давали информацию о том, что он вроде бы у нас, потому что там в газетах писали. Это ведь, наверное, только из газет.

А потом, поскольку шведская сторона проявляла настойчивость, стали как-то выходить из положения, искать оправдание, чтобы дать какое-то объяснение. Более или менее убедительное объяснение.

В: Скажите, а вот с этим конвертом, который вы передали. То есть, вы были ... /не дог/.

С: Да, да.

В: То есть, вы держали его в руках. Отнесли его от одного к другому. Почему его дали именно вам? Чем это вызвано? Или вы просто находились где-то рядом? Или это чистая случайность?

С: А кого послать-то?!

В: Понятно. То есть это не было определено чем-то, скажем, субординацией.

С: Нет, нет. Абсолютно. У вас не должно быть никаких "задних" мыслей на этот счет. Если бы что-то такое было ... /не дог/. Что мне скрывать?! Я вам говорю, как на духу. Так, как было. Если бы я что-то знал ... /не дог/.

В: Этот пакет был передан из рук в руки. И никакого документального оформления, по крайней мере на ваших глазах, не происходило

С: Нет.

В: То есть, вы получили приказ начальника доставить Герцовскому этот пакет и вручить в руки.

С: Да, и все.

В: Без реестров, без всякой ерунды. Вы явились и отдали пакет.

С: Да, и все.

В: И как поступил Герцовский, это уже ... /не дог/.

С: Он обычно так поступал ... /не дог/. Есть свой тоже порядок. Он обычно вызывал: "Зарегистрируйте, храните. Никому не выдавать' И все. Обычно было так.

В: Понятно.

В: Но раз пакет передали, значит, он должен где-то по регистрации пройти.

С: По идее, должен был.

В: То есть потом его можно было забрать, но вот когда вы его передали, то, наверняка, они его регистрировали.

С: У нас слишком много документов, очень важных документов, пропало. И мы не знаем, куда их дели. Вот какая вещь. ... которые докладывали в ЦК, лично Сталину ... /не дог/. И потом, позже, не могли ничего найти. Позже. Я приходил по другим делам. Мне приходилось.

В: Понятно. Вот мы сейчас по делу Валленберга сталкиваемся именно с таким случаем.

С: Докладывалось, не докладывалось ... /не дог/. Не можем ничего найти. Должны быть дневники Геббельса. Это ведь не такая уж, кажется, важная вещь. Пропали, и все. Пропали у нас. А потом искали и вроде бы сейчас нашли в МИДе. Это мне уж недавно рассказывали. Писатель Безымянский/?/.

В: Уже достаточно того, что до сих пор подлинников ... найти не могут. Это факт. Подлинников-то нет, все-таки как не крути.

С: Странно. Если его допрашивали ... /не дог/. А его уже допрашивали. Раз его привезли сюда, допросили, заполнили анкету в тюрьме, потом его вызывали, конечно, допрашивали.

В: Больше того, есть кое-какие пометки, что его вызывали на допрос с тюремным делом. То есть то, что было, как минимум, тюремное дело, это уже гарантировано. Не только из-за существующего порядка. Об этом деле есть упоминание. Найдено конкретное упоминание об этом.

С: Куда же тогда оно могло деться?! Все тогда почистили ... Не были там, в этом пакете, каких-то ссылок. Если уничтожили все, там, наверное, есть. Но вот, где пакет?!

В: Борис Алексеевич, скажите, как вы считаете, кто мог работать непосредственно с Валленбергом?

С: Я уже сказал. Я не знал. Если бы я знал, я бы вам сказал.

В: Я задаю вам этот вопрос, потому, что когда вы отвечаете, то понятно, что вы знаете этих людей. Они как-то у вас расставляются по местам: кто где сидел. Вы с ними перезваниваетесь, поддерживаете отношения. А для меня это абстрактно. Мне трудно понять. Поэтому я и спрашиваю вас. Я забываю фамилии.

С: Я вам сказал. Мог Смирницкий, Копелянский.

В: Но Копелянский ведь переводчик?!

С: Но ведь он был такой же, как и я. Оперуполномоченный. И я был переводчик. Сперва работал переводчиком.

В: Борис Алексеевич имеет в виду не столько должность, сколько функции.

В: То есть, он мог самостоятельно допрашивать.

С: Ну да. Мы были операми. И он был оперуполномоченным, потом старшим. И я также. Мы одновременно.

В: Вот видите. Я ведь этого тоже не знаю. Мне это нужно понять все заново.

С: Оперуполномоченный.

В: Так что вы, пожалуйста, ... /не дог/.

С: Так что он мог, скажем, допрашивать. Тем более, что он очень хорошо владеет немецким языком. Так же мог Войдов/?/ /Войтов?/ Он тоже знал немецкий. Мог Смирницкий, которого нет в живых. Вполне мог.

В: На всякий случай, Борис Алексеевич, уточните, пожалуйста. Смирницкий - как правильно звучит фамилия?

С: Смирницкий. Через "ц", через "цаплю". Смирницкий Володя. А так больше не знаю, чем тут можно помочь.

В: Борис Алексеевич, вы и так нам достаточно помогли.

С: Надо поднимать все дела и анализировать. По срокам особенно. Сопоставить, где и что было.

В: Поднимали и сопоставляли даже такие мелочи, как журналы учета и движения заключенных по внутренней тюрьме. Добрались даже до них.

В: А вот вопрос из области фантастики. Если бы сейчас вам дали полномочия разобраться, чтобы вы, как наделенный властными полномочиями, могли бы приглашать людей, получать информацию от действующих сотрудников, от бывших сотрудников. Вы бы смогли сейчас закончить это дело результативно?

С: Едва ли бы довел до конца: живых людей нет, материалов нет, все пропало. Я думал, что пакет сохранился: там хоть какие-то зацепки можно было бы найти.

В: По пакету вы уверенно говорите, что там была цифра номер семь.

С: Да.

В: А почему она вам запомнилась?

С: Очень просто. У Кулешова ведь этот список был, разрисованный, где, кто, чего и в какой камере. И написано было сверху: Арестованный номер семь". И на конверте написано то же самое: "Пакет с материалами арестованного номер семь".

В: Ясно. То есть никаких сомнений здесь нет? Семерка - это точно.

С: Нет, нет, это точно.

В: Но все-таки содержимое пакета вам естественно было неизвестно, поскольку вам передали его уже в запечатанном виде.

С: Нет, я не могу ничего сказать.

В: А так в принципе, если судить грубо говоря наощупь, по объему, это были документы или еще что-то?

С: Вроде документы там какие-то. Пакет, конечно, с документами, с материалами.

В: А еще помимо, объемных каких-то предметов там не было?

С: Нет, нет, это не то, что "Дело". "Дела" там нет.

В: Нет, я имею в виду, может быть, там какие-то личные вещи были.

С: Нет, по-моему, там этого не было. Личные вещи не сдавались в пакет.

В: А где могли быть личные вещи? Вот тут прошло много лет, потом вдруг находят мешок с его вещами. Вы, наверное, читали об этом в прессе и знаете. Как это могло получиться?

С: Личные вещи в тюрьме хранились всегда. Обыск производили и протокол обыска писали, и вещи все там хранились. Следователи их не передавали: ни по делам на наших, русских, ни по другим делам, ничего не передавали. Только вещественные доказательства, если человек имел отношение к преступлению.

В: Ну, вот он погиб, его нет. Умер или погиб - не будем сейчас выяснять как. Нет человека. Его личные вещи в таком случае куда должны быть отправлены? Я имею в виду по правилам, может быть, по какой-то традиции, по практике.

С: Нет, я не знаю. Я никогда не сталкивался с такими вещами.

В: Хорошо, а если человек, заключенный, умер в тюрьме, то где его хоронили?

С: Не знаю.

В: Какого-то кладбища не было определено для этой цели?

С: Не знаю. Кто там приводил в исполнение, где хоронили, я просто не знаю.

В: Ну, в исполнение это понятно, это всегда у нас тайна, покрытая мраком, а бывает же просто, когда человек умирает в медицинском изоляторе. Это ведь тоже естественно.

Н: Можно задать вопрос?

С: Пожалуйста.

Н: Был такой сокамерник Валленберга - Редель.

С: Кто?

Н: Редель его звали. Фамилия вам известна?

С: Сейчас не могу сказать. Может, там где-то и был, я не помню.

Н: Они, очевидно, долго сидели с Валленбергом в Лефортово.

С: С Ределем, да?

Н: Да.

С: А кто он такой? Какую он должность занимал? Я должен немного сориентироваться. Может быть, я и вспомню, а так я же не знаю. Ведь многие сотни прошли через мои руки.

Н: Да, конечно.

С: Вы представляете? Десятки сотен. Разве можно всех запомнить?!

Н: Потому что он сидел под другой фамилией. Эрцхе/?/.

С: Как?

Н: Фон Эрцхе из Бухареста. Вилли Редель. Под этой фамилией он сидел в камере в Лефортово.

С: Нет, не знаю.

В: Вот здесь Карташов как раз пишет, что в 203 камере лефортовской тюрьмы находятся Редель Вилли и Валленберг Рауль.

/Смотрят документы./

С: Понятно.

В: Это как раз то, что нашли в тюремном деле ..., такой ответ.

/Пауза./

Неизвестно, кто значится. Вот он офицерский паек.

С: Но ведь на Ределя тоже должно быть дело!

В: На Ределя дела нет, если мне память не изменяет. Есть только отметка, что он отправлен в лагерь.

С: Дело должно быть. Если в лагерь направили, значит дело должно быть. Дело не направляли в лагерь. Это я точно знаю.

В: Не только на него одного, на нескольких человек из числа тех, кого мы ищем, те, которые могли пересекаться с Валленбергом. Но нет, это не единственный случай, когда нет дела. Дела нет в архиве.

С: Странно, почему изъяли? Дело изъяли и времени столько прошло.

Н: 27 июля 1947 года было вызвано на допрос большое количество заключенных, которые сидели вместе с Валленбергом. Эти допросы вел именно Кузьмишин.

В: Да.

Н: Это нормально, что он брал смотреть материалы, что ему поручили это?

С: Он был начальником отделения, где находились все эти дела. Я тоже работал у него в подчинении.

Н: Понятно.

С: В 1961 году Кузьмишин скончался.

Н: То, что всех этих людей вызвали на допрос, сокамерников Валленберга, это редкий случай? Это не уникальный случай, когда они так поступили?

В: Это в порядке вещей или нечто необычное, что всех вызвали?

С: Обычно не вызывали. С какой стати? Значит, что-то скрывалось за этим. Вполне возможно, хотели выявить осведомленность этих людей о Валленберге. Может быть, хотели выяснить, что они о нем знают. Может быть, этим все объяснялось. Может, имелось какое-то указание.

В: То есть, мы можем четко утверждать, что этот случай необычен. Он свидетельствовал о том, что произошло нечто выходящее за рамки обычной работы?

С: Да, да. За рамки обычного следствия.

В: Архив Герцовского - это что теперь?

С: Это все тот же архив

В: Как он теперь называется?

С: Особый архив КГБ.

В: Это очень сложный вопрос. Я не специалист архивного дела. По этому поводу лучше беседовать с Виноградовым.

С: Сейчас, вернее, сравнительно давно уже, он называется "Архивный отдел КГБ".

В: А где он территоритально находится?

С: В доме номер два.

В: Где был кабинет Герцовского?

С: В доме номер два.

В: А на каком этаже?

С: По-моему, на четвертом. Там Фокин сидел в последнее время.

В: В последние годы?

С: Да. По-моему, он недавно ушел.

В: Я слышал об этом. Это на том этаже, где сейчас Фокин. Можно говорить "сейчас", ведь это - не 40 лет.

С: Да.

В: Это - там, где Фокин находился, и там вы ... /не дог/.

С: О, этого я не знаю, не помню, в каком кабинете.

В: Не знаете?

С: Я просто говорю, где он находился.

В: Понятно.

С: В специальной комнате, там все оборудовано стеллажами и т.п.

Н: А фамилия Котов Алексей вам что-то говорит?

С: Като? - Нет.

Н: А Шандор?

С: Нет.

Н: Они косвенно связаны с Валленбергом.
Фамилию Алекжани Витторе Стефано, итальянца, слышали?

С: Нет. Итальянцев у нас было много, ведь они воевали на нашем фронте.

Н: Да.

С: Была "Голубая дивизия". Их многих взяли в плен. И дипломаты сидели итальянские. Потом их всех выпустили. Они уехали на родину. И посол был итальянский, и два консула - из Ленинграда и Москвы. Это я знаю.

Н: Извините, что мы возвращаемся к этому вопросу. Вы уже дали ответ. Тем не менее, кроме того, что вы уже говорили, вы не могли бы поразмышлять над тем, что могло быть настолько специфическим в отношении Валленберга? Почему он был особо важным заключенным?

С: Я сказал, что я не знаю. Судя по тому, что я прочитал о нем уже теперь, можно предположить причину, по которой начался шум и беготня вокруг этого дела.

Н: Да.

С: Что-то там делали, сдавали неожиданно. Все это совпадает по времени с обращением к нам шведской стороны за выяснением судьбы Валленберга. Понимаете? С этим связано. Поскольку уже дали отрицательный ответ: "У нас его нет и не было", надо было все как-то прикрыть, чтобы дальше утечки не было.

Н: Понятно.

С: Очевидно, так. Это - мое мнение.

С: Что вам нужно – пожалуйста, приезжайте, я на любой вопрос отвеч в рамках своей компетентности, то, что я знаю, я вам скажу.

В: Хорошо. Бывают также случаи обращения не журналистов, а иностра ных историков, общественных деятелей, которые хотели бы побесе- довать. Как быть с этой публикой?

С: Не следует.

В: Не надо?

С: Не надо.

В: Ну, хорошо. Здесь все зависит от вас.

С: Я ничего другого не знаю. Будут ходить, а у меня здесь малыш.

В: Все, Борис Алексеевич.

В: Это я вам оставлю, чтобы вы знали, с кем вы разговаривали.

С: Спасибо.

Н: Понятно.

С: А как было на самом деле, я не могу сказать.

В: Что у нас еще? Не забыли ли мы что-нибудь? Во-первых, нужно договориться на будущее. Мы сейчас не можем задавать какие-то вопросы, потому что там еще работают наши товарищи. Если будет еще что-нибудь конкретное, мы сможем к вам обратиться?

С: Пожалуйста.

В: Вы не возражаете?

С: Пожалуйста.

В: Мы не могли сейчас все взять. Мы еще чего-то не знаем, еще что-то не проверено. Можно?

С: Пожалуйста, если что-то будет.

В: Вы не уезжаете на дачу куда-то?

С: Сейчас я не уезжаю. Ну, если на субботу или воскресенье, а так - не уезжаю. Летом меня здесь нет, я на даче.

В: Ясно.

В: Борис Алексеевич, есть еще такой вопрос, - чтобы окончательно все решить. То, что вы нам рассказали, мы будем суммировать, потом докладывать на комиссии. Не исключено, что к этому делу проявят интерес журналисты. Я думаю, проявят. Может быть, кто-то захочет взять у вас интервью, побеседовать с вами. У вас есть возражения против этого или нет?

С: С журналистами я бы не хотел встречаться.

В: Давать ли информацию о вас в средства массовой информации?

С: Не надо.

В: То есть, вашу фамилию упоминать не надо?

С: Я бы не хотел.

В: Все.

3,06
(35)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Рублевым Иваном Федоровичем
14 октября 1991 года

Присутствовали: Аржанников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваль Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

Р: В настоящее время я газеты читаю, более менее часто стала встречаться эта фамилия. Вспоминаю, ломаю голову: было что-то или не было в моей работе прямо или косвенно с ним связано или со слов? Со всей ответственностью я могу сказать, что прямо я с этой личностью не соприкасался. Но поскольку в моем ведении, когда я был начальником отдела, работала группа... Кто же там главный был? Помню Пыренкова Бориса, Соловова тоже, по-моему, Бориса, Шилову Таню и еще несколько человек. Они работали по линии "Смерш" с военными иностранцами, причем там были не только немцы, но и итальянца и другие. В этой связи, возможно, что-то и было у нас в отделе, проходило Но при всем желании ничего конкретного не могу сказать. Там этих генералов немецких, послов, советников всяких, их же десятками брали и на Лубянку возили, еле успевали анкеты

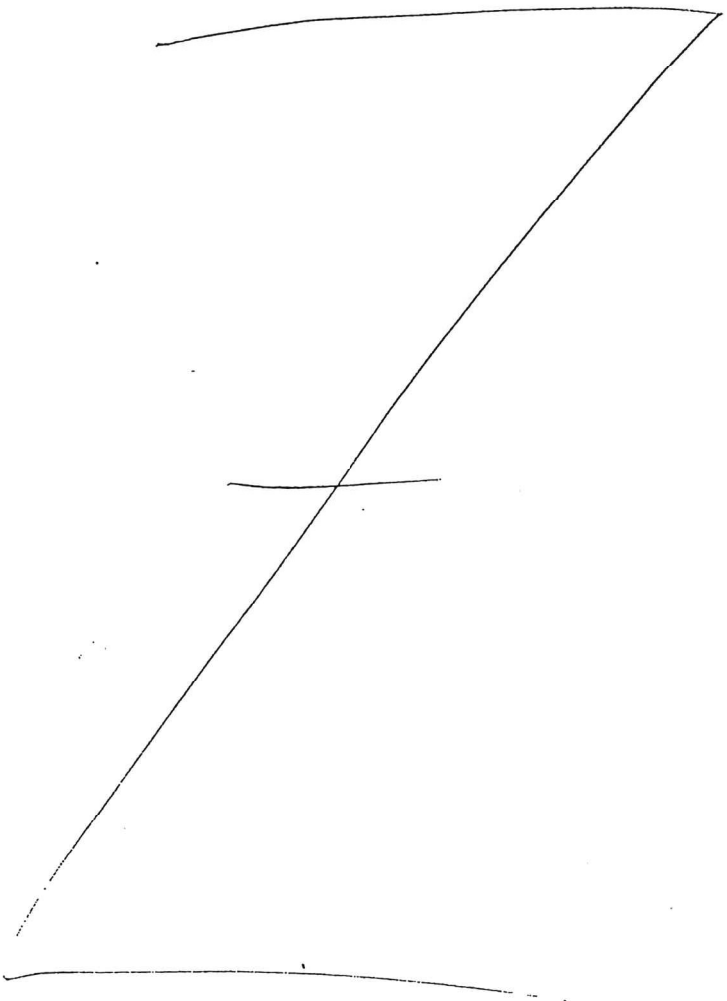
заполнять.

Мне неудобно учить вас, но можно попробовать этих товарищей разыскать, тем более, что Соловова я в прошлом году...

В: /переб./ Мы беседовали уже с Борисом Алексеевичем.

Р: Вот еще Пыренков Борис. Он как раз в группе Соловова работал. И женщина...

В: Шилова?



Она умерла уже, к сожалению.

Р: Соловов всю группу знает. Он возглавлял ее. Хотя главным он не был.

Я советовал бы вам также обязательно связаться с Бурдиным Лешей. Я уже сейчас не помню, то ли он младшим был, а я - старшим, то ли я младший был, а он - старший. Потом работал в Прибалтике. Дошел до генерала, насколько мне известно. Сейчас, наверное, уже на пенсии. Бурдин Леша. Особо важных персон они содержали во Владимирской тюрьме. Или в Орловской тюрьме. Не помню. Я и Бурдин имели поручение вести работу... (не дог.) Ну, вот как вы сейчас ведете. Мы занимались агентурой, выясняли их связи. Может быть, он сможет сказать что-нибудь.

В: А где работал Бурдин в 1945-1947 годах?

Р: В это время, может быть, он как раз уже в Прибалтику уехал.

Это немножко пораньше. Я помню, мы с ним сидели в одном кабинете на пятом этаже. И получали сводки от внутрикамерной агентуры и докладывали. Там ничего особенного не было.

В: А Карташова Сергея Николаевича вы хорошо знали?

Р: Нет. Я знаю его как сотрудника. Очень многие знали ведь друг друга. Столовая такая была там для руководящего состава. Вот там всякие анекдоты, разговоры. Он, по-моему, в Венгрии работал советником. Больше я ничего не знаю.

В: А вот нам как раз Борис Алексеевич подсказывал, что вы в свое время принимали часть дел у Карташова. Когда он в Венгрию должен был уезжать, он вам часть дел передавал.

Р: Ну, это вот имеется в виду эта группа. Там надо посмотреть. Там народу много было. Там были явно хорошие. К нам хорошо относились. Я помню, характеристики писали на них. Все эти фамилии... (не дог.)

В: Из тех материалов, которые мы нашли, следует, что в феврале 1945 года Валленберг был доставлен в Москву и по крайней мере до лета 1947 года содержался в Москве. Причем документально мы установили два места: Лефортово и внутренняя тюрьма. Судя по журналам движения заключенных, на допросы его вызывал в основном Карташов. Сергея Николаевича уже нет в живых. Может быть, передавая вам группу, или в процессе вашего общения он хоть что-нибудь рассказывал по этому поводу?

Р: Нет. В то время всех больше интересовала личность фюрера, те доказательства, которые подтверждали его гибель - его череп и кое-что из личных вещей. В этом направлении шла большая работа, потому что в то время распространились слухи, что Гитлер жив и уехал куда-то и прочая чепуха. В общем, по вещественным доказательствам сотрудники старались лишний раз документально подтвердить смерть Гитлера. У нас не вызывало сомнения, что он погиб, потому что у нас были показания его зубного врача, который делал ему зубы и показания других свидетелей о его смерти.
Что касается Карташова и его группы, то я даже не помню, какой у нас с ним был контакт. Он просто передал мне дела, сказал: "Командуй теперь ты", - и все.

В: Значит, при передаче этой группы никаких материалов и проблем, связанных с Валленбергом, не возникало?

Р: Нет, ничего не было. Вроде бы как раз о нем в разное время шли разговоры. Тогда ведь тоже шла активная переписка с МИДом. И среди чекистов шли всякие разговоры. Мы ведь доказывали, что его нет у нас. А чекисты между собой бросали реплики: "Он у нас". Это похоже на бабьи сплетни, но чекисты ведь тоже люди. Такие разговоры, что "он у нас", имели место.

В: А что-нибудь о его судьбе в ходе этих разговоров не возникало? Пусть даже слухи, сплетни, но что-нибудь конкретное говорили?

Р: Нет, среди чекистов такие факты не возникали. Но я бы вам рекомендовал... (не дог.)

Был такой отдел Судоплатова. Его имя вам знакомо?

В: Да, знакомо. Можете не вдаваться в подробности.

Р: Я не знаю подробностей, но это был страшный отдел. Может быть, там что-то могло быть. В те времена всего можно было ожидать. Для того, чтобы замести следы... (не дог.)

В: Но Судоплатова не было смысла привлекать к этому делу, ведь Валленберг был здесь.

Р: Его могли привлечь потом, чтобы спрятать концы в воду. Валленберг, наверное, не в одиночке содержался, а с кем-то вместе. Так что, как я сказал с самого начала, я вам в этом деле плохой помощник.

Был такой еще Бобровников Антон Тихонович. Он сейчас на пенсии. У меня нет конкретных данных, что он что-то знает. Но по роду работы он соприкасался с такими весомыми крупными делами.

В: А кем тогда был Антон Тихонович?

Р: Ну, мы с ним вместе работали. Он был начальником отдела. До этого он, наверное, был начальником отделения.

В: Если можно, подскажите на всякий случай его телефон.

Р: Да, пожалуйста: 246-59-83. Адрес не нужен?

В: Давайте на всякий случай.

Р: Новоконюшенный переулок, дом II, квартира 27. Может быть, он что-нибудь еще скажет. Но он давно уже в Совете Министров работал, курировал КГБ, МВД.

В: Понятно.

Р: Кого еще я мог бы назвать? Колпакова, например, но по моим данным его уже нет в живых. Андрей Свердлов, сын Свердлова - он мог бы что-то знать, но его, говорят, тоже уже нет в живых. Круковский - это из числа рядовых, но он иногда принимал участие в таких особых делах. А начальник Отдела ШПО (?) был тогда Беннинсон, если я не ошибаюсь.

Вот весь круг лиц, с которых я бы, например, пытался начать Надо же с чего-то начать, так вот можно начать с этих товарищей. Я рассчитываю, что они просто что-то могут сказать. Первые фамилии, которые я назвал, это.../не дог./

В: (подсказывает) Более вероятно, что они что-то могут сказать

Р: Да, более вероятно, но, к сожалению, я не помню, там группа по-моему пришла.../не дог./ Знаете, тогда нагрузка была страшная.

Там было много народа, контингент большой.

В: Иван Федорович, если можно, один уточняющий вопрос.

Р: Пожалуйста.

В: Разговоры, которые ходили в тот период, когда советская сторона официально отрицала наличие Валленберга в Советском Союзе, а чекисты-то знали, что он здесь - это примерно какой период времени вы имели в виду: конец 40-х го-

дов или это уже 50-е годы?

Р: Вообще-то до 1953-го года. Это точно, потому что к этому времени я уже ушел со следствия.

В: Понятно, то есть, примерно это период с 1945 по 1953 годы. Приблизительно.

Р: Да, приблизительно. Склероз, понимаете.

В: Да и не мудрено, лет-то уж сколько прошло с той поры.

Л: А как вы думаете, почему был арестован Валленберг. Какова причина его ареста?

Р: Не помню абсолютно.

В: Нет, просто ваши личные предположения, что могло послужить мотивом для его задержания? Потому что получается немножко странная ситуация: он же был всего лишь каким-то секретарем миссии нейтральной страны в Будапеште. что могло послужить причиной интереса к нему?

Р: Это во время войны?

В: Это январь 1945 года.

Р: Ну, как говорится, гребли-то всех. Поэтому это целенаправленно было. Ничего не могу сказать.

В: Понятно.

Р: Кроме Шиловой там еще одна девочка была, она более энергичная, более осведомленная.

Шилова-то была, по-моему, просто как.../не дог./

В: Может быть, Стеснова Анна Леонтьевна?

Р: Она переводчицей была?

В: Да, переводчицей.

Р: Она жива?

В: Жива, мы беседовали с ней. Очень энергичная женщина.

Р: Жалко, что вы ее.../не дог./ А то вошел бы и сказал ей: "О, привет!"

/Смех/

В: А мы можем вам ее телефон оставить. Если хотите, нет проблемы, запишем вам ее телефон.

Р: Там они тоже как-то делились: кто с немцами занимался, кто - с румынами, кто - еще с другими. Я уж забыл его фамилию, был там такой блондинистый парень симпатичный.

В: Из группы Соловова?

Р: Да.

В: Там может быть Бубнов.

Р: Да, Олег.

В: Точно, Олег Сергеевич. Беседовали мы с Олегом Сергеевичем.

Р: Хорошо. Если Карташов говорит, что он был передан.../не дог

В: Сергей Николаевич Карташов, к сожалению, ничего по этому поводу не говорил. Единственное, что мы знаем, - это то, что его Отдел занимался Валленбергом. Это точно. Это по документам мы установили. И Борис Алексеевич Соловов нам это подтвердил.

Р: Что Валленберг был передан именно группе этих генералов?

В: Он отдельно шел, но занимался им именно Карташовский отдел. Именно так было дело.

Р: Именно так было дело. Потому что, если бы он был в нашем отделе, он был бы, наверное, больше...

В: Мы, собственно, говоря, почему к вам и приехали, ведь вы потом перенимали – мы понимаем, что это было несколько позже, – вы принимали группу Соловова, а это вроде бы, так сказать, из того направления, которое должно было бы заниматься этим, может быть, что-то здесь и было.

Р: Соловов всех знал.

В: Ну, он, Борис Алексеевич, нам подсказал очень многое, но по сути дела он знал очень мало. Очень мало, т.е. он знал, что был такой – и все.

Р: Был – это да.

А вот был он передан или не был?

В: А в каком году была передача? Примерно вы помните? Он-то говорил, что это было уже позже, где-то передача была после 1947 го года.

Р: Да. Оформляли многих и прочее. Вот я помню, итальянского... писали и отправляли туда характеристику и другое. Отправляли на родину и все такое.

В: Ну, понятно.

ВI: Может, пройтись по списку?

В: Ну, это были более поздние времена. Эти – то все – раньше. У нас просто здесь есть списочек военнопленных и интернированных, которых удалось установить, они содержались вместе с Валленбергом. Я не знаю, может, мы назовем фамилии.

Р: Это бесполезно.

В: Думаете, что бесполезно?

Р: Я не помню ни одного.

В: Ну тогда ладно.

Л: А человека по фамилии Лангфельдер?

Р: Нет, фамилии мне ничего не говорят. Я допрашивал вместе с Борисом Солововым, все это было накоротке, если была для беседы какая-то причина. Вызывали, беседовали с ними, допрашивали - и все, фамилии я не знаю.

Значит, если можно, чтобы не ссылались на меня, а то будет ... (не дог.)

В: Понятно.

В: Ну, это естественно.

Р: У нас с ним дружеские отношения. А знать он может поскольку он был передовой. Он - то как раз и может знать, как их всех через кухню, столовую...

В: Ну, Иван Федорович, мы в общем тоже беседовали и с более высокими людьми, даже поговорили с Селивановским Николаем Николаевичем.

Вот у нас вопрос возник в этой связи, как вы думаете, Павел Иванович мог что-то знать по этому вопросу?

Р: Карташов?

В: Гришаев.

Р: Не думаю. Понимаете, это надо тогда искать, опять "танцевать от Карташова. У кого были эти дела-то?

В: А там параллельно занималась еще и следчасть по особоважным делам - вот в чем загвоздка.

Р: Вот это и есть следчасть, он там как раз и работал. Прежде чем нам дать, их отсеяли. Часть забрали в следственную часть по особоважным делам, уж не знаю по каким соображениям - наверное, по соображениям важности. Он, конечно, мог туда попасть. Борис должен ... (не дог.)

В: Он нам посильно помог - назвал много людей, которые занима-

лись.

Р: Нет, сюда-то, во второе главное, был он передан или нет?

В: А он не знает этого.

Р: Как не знает?

В: Так.

Единственное, что он помнит, что где-то в 1947году его вызвал Карташов, вручил ему пакет с материалами на Валленберга. Какие там были материалы он не знает, пакет был запечатан, и на нем была подпись: "Вскрывать только с разрешени руководства МГБ СССР." Этот пакет , по приказу Карташова, он лично доставил Герцовскому.

Л: Еще там было, что это материал арестованного "номер 7".

В: Да.

Борис Алексеевич четко утверждает, что это были материалы на Валленберга. Вот, что он нам рассказал. Еще дополнительно рассказал ... (не дог.)

Р: Но сам Валленберг был в группе переданных, у Соловова ?

В: Нет, Соловов этого не знал. Он сказал, что у него не было, он с ним не работал, он никогда с ним не соприкасался лично поэтому, естественно, он и не мог быть передан вместе с ... (не ясно).

Р: Он мог сам-то не работать.

В: Но он не знал ничего. Борис Алексеевич ничего не знал. Конкретно в отношение Валленберга он только слышал со слов - и все. Больше он ничего не знал.

Р: Значит он не передавал во Второй главк.

В: Видимо так и обстоит дело.

Р: Может быть, это где-то там, когда ... (не ясно), а потом, видимо, отпочковалась часть в следственную часть по особо важным делам, а часть передали нам, поскольку контрразведка

... (не дог.)

В: То есть мы четко сможет суммировать, что в числе тех дел, тех материалов, которые передавались тогда вам из отдела Карташова, Валленберга не было, не значилось и никаких сведений в отношении него при передаче не возникало.

Р: Нет.

В: То есть это мы и фиксируем тогда.

Р: Хорошо. Но Карташов, он же все - таки передавал часть туда, во Второй главк, а часть в следственную часть по особо важным делам.

В: Видимо.

Р: Он сам-то жив, Карташов?

В: Да, в том-то и дело, что нет. В том-то вся и проблема . Если бы мы имели возможность с Сергеем Николаевичем поговорить, он, конечно, пролил бы свет, наверное, на основную массу всех наших вопросов.

Р: Конечно.

В: Но, увы, мы такой возможности лишены.

Задача сложная, конечно.

Л: А из следственной части по особо важным делам вы еще кого-нибудь помните, кроме Гришаева?

ВI: Вот из тех работников следчасти, которые как-то контактировали, совместно работали . Кроме Гришаева трудно вспомнить еще кого-нибудь?

Р: Собственно я знал их и по месту жительства, и по даче, и по столовой. Но по работе .. . (не дог.) Мы являлись подразделением Второго главного управления.

В: Понятно. Это я все прекрасно представляю.

Р: По работе не сталкивались. Докладывать - я им не докладывал

Они только единственно что занимались иногда - все следственные части, все отделы - проверяли. Периодически, По-моему, пару раз проверяли. А такого контакта не было.

ВІ: Значит, Иван Федорович, наверное, остается только поблагодарить вас за то, что вы нам рассказали.

(На этом беседа с Рублевым Иваном Федоровичем закончена.)

37

Ф О Н О Г Р А М М А

записи беседы с Честнейшим Степаном Владимировичем 23 ноября 1992 года

У Ч А С Т В О В А Л И:

ЛЮРВАЛЛЬ Бьерн — второй секретарь Посольства Швеции в Российской Федерации

КОЗЛОВ Александр Андреевич — сотрудник Министерства безопасности Российской Федерации

Л: Это самые лучшие переводчики, как мне говорили.

СВ: Если говорить об этом Отделе, это двое самых лучших переводчиков. И они делали очень важные переводы. Особенно в период окончания войны. Если память мне не изменяет, были даже такие материалы, которые касались близкого окружения, а может быть даже самого Гитлера. Я должен сказать, что именно эти переводчики были разумными людьми, подготовленными, хорошо образованными, а также хорошими исполнителями. Они работали в отделении, возглавляемом Кузьмишиным. Кузьмишин - опытный, эрудированный, принципиальный человек. Ни на какие фокусы он никогда не шел.

/Смеется/

Никогда на принципиальной основе, мягко говоря, не старался подражать или угождать начальнику Отдела. Вот как раз у Кузьмишина и были эти два переводчика. Были и другие, но я их не помню. Понятно, что я к этому отделению отношения не имел.

Л: А вы были заместителем начальника другого отделения или начальником отделения?

СВ: Нет, я был начальником другого отделения. У меня были другие задачи по борьбе с врагом.

Л: А много отделений было в вашем Отделе?

СВ: Нет, немного. Причем эти два-ведущих отделения: одно - мое, и то. Если брать ближе к тем делам, то, может быть, отделение Кузьмишина было ведущим. Что касается названной вами фамилии... /не дог./

Л: Валленберг?

СВ: Да. Эта фамилия не всплывала. Разумеется, в работе была конспирация. Вы это сами понимаете. Но во всяком случае мне эта фамилия абсолютно не известна. Она никогда не всплывала ни на каких-то, понимаете, общих сборах , ни на совещаниях, как они тогда назывались, оперативных, ни в докладах. Что касается не только этой фамилии, но и вообще шведских отношений с нами, то мы всегда относились .../обрыв записи/

К: О каких годах мы сейчас говорим? 45-46-47?

/

К: Сегодня 23 ноября 1992 г. Мы находимся на квартире у Честнейшего Степана Владимировича /СВ/, который любезно дал нам свое согласие. Беседует со Степаном Владимировичем второй секретарь посольства Швеции господин Люрваль Бьерн /Л./ и сотрудник МБ Козлов Александр /К./.

/По условиям приема – дефекты – полной расшифровке материал не поддается./

Степан Владимирович, наша беседа с вашего согласия записывается. Хотелось бы, чтобы в свободном рассказе вы нам поведали о тех временах, о той исторической ситуации, сложившейся у нас в стране после Великой Отечественной войны: СССР – победитель и т.д.

СВ: Надо начинать говорить с себя.

К: Видимо, так.

СВ: С первых дней ВОВ и до конца войны мне приходилось работать во фронтовых условиях на Юго-Западном, Сталинградском фронтах. Там по указанию руководства я выполнял работу в Главном управлении /обрыв записи/ в должности замначальника отделения. Другие же отделения Отдела выполняли работу /обрыв записи/, в том числе занимались письменными переводами, главным образом, с немецкого на русский язык и обратно. Не исключено, что такие работники, имея /обрыв записи/ определенное должностное положение, являлись в том числе и переводчиками. Эта категория работников могла иметь отношение не только к письменным переводам, но и к устным. И не исключено подчеркиваю – что может быть они и допрашивали немцев, являвшихся нашими противниками, и, возможно, занимались другими какими-то иностранцами.

К: Степан Владимирович, а кто возглавлял Отдел, в котором вы работали, в первые годы после войны?

СВ: В период войны Отдел возглавлял товарищ Тимофеев Петр Петрович, до начала 1944 года. А затем несколько позже этот отдел возглавлял товарищ Карташев /обрыв записи/ Николаевич. Из тех людей, которые у него /обрыв записи/ работали и могли знать языки, особенно выделялся Копелянский А также Соловов или Соловьев.

СВ: Главным образом, может быть, даже о 44 годе.

Л: На них обсуждались разные дела, в принципе. Какие?

СВ: Знаете ли, мы как-то привыкли рассматривать шведов как наших официальных друзей. Понимаете?
Не помню, чтобы когда-то.../не дог./ Вот французы всплывали. А именно, полк "Нормандия-Неман". ... внимание этому полку, пань уважения Шарлю де Голлю. Прием был там исключительно торжественный не только в честь французского руководства, но и французского народа. Добрые воспоминания были о дружбе, военной дружбе, сотрудничестве.

К: Возвращаясь к беседе по нашему вопросу, вы назвали Копелянского, Соловова и других сотрудников, работающих в отделении, переводчиками.

СВ: Да.

К: Вместе с тем хотелось бы знать, являлись ли они одновременно будучи переводчиками следователями, оперативниками? Имели ли они в производстве следственные дела? Могли ли вест эти дела? Пользовались ли правом вызова арестованных?

СВ: Ну что я могу сказать? Я уже сказал,что некоторые переводчики и в первую очередь, возможно, эти два могли быть использованы в качестве переводчиков при беседах или допросах. А кого они допрашивали - таких данных нет.
С точки зрения роста этих переводчиков дело обстояло так: учитывая, что они были люди перспективные, не исключено, что они выросли в оперуполномоченных. Не исключено, что, может быть. Подчеркиваю: не исключено, поскольку точно не знаю, они по заданию руководства оказывали помощь следователям в ходе допросов лиц иностранного происхождения. Такое могло быть.

К: Степан Владимирович! До какого времени вы служили вместе с Карташевым?
Отдел Карташева как отдел контрразведки СМЕРШ через некоторо время был переименован в Следственную часть по особо важным делам. В это время вы уже там работали?

СВ: Отдел Карташева? Нет-нет. В каком году это было?

К: Это было в конце 40-х годов. После войны. Почему я задал вам

вопрос относительно Копелянского, относительно Соловова? Потому что у нас документально подтверждается, что они в то время уже числились оперуполномоченными, вели следственные дела, затем были следователями. То есть они работали вполне самостоятельно как опытные оперативные работники. И у нас есть также документальное подтверждение того, что некоторые из них работали как раз вместе с интересующим нас лицом.

СВ: Если говорить лично обо мне, то я никогда в жизни не имел ... /усмехается/

Л: Вам лично в те годы давали.../обрыв записи/. Я понимаю, что они были в другом отделении, но тем не менее. Вы их лично... /не дог./?

СВ: Понимаете, только внешне. Внешне. Как я уже сказал, они были в подчинении Кузьмишина, и это отделение подчинялось Карташеву. Но это не был Отдел по особо важным делам. Исключено. Там это .../не дог./

К: Четвертый отдел СМЕРШ.

СВ: Да, четвертый отдел СМЕРШ.

К: Абсолютно верно. Но я-то имел в виду - после ликвидации СМЕРШ.

СВ: Особо важные немецкие материалы, о чем я уже говорил,... следствие /?/ никогда не ...

/Периодические обрывы записи не дают возможности последовательного изложения материала/

К: Помимо того, что вы уже сказали, как вы можете, к примеру, охарактеризовать Копелянского?
Как к нему лучше подойти, с каких позиций?

СВ: Видите ли, он, на мой взгляд, был менее близок к Кузьмишину, с точки зрения искренности что ли. Он был поближе к Карташеву.

Л: Значит ли это, что Карташев лично выбрал именно Копелянского? Обойдя при этом Кузьмишина?

СВ: Копелянский, я бы сказал,был поближе к Карташеву. То есть у них были более теплые отношения.Во всяком случае, это иногда было заметно. И естественно...

Он был, что называется, более сговорчивый. ....

Л: Что вы имеете в виду, когда говорите...

СВ: Я хочу сказать, что он был прямолинейный человек, строгий, не выходил за рамки закона.

К: Степан Владимирович! Вам говорит что-нибудь фамилия Ивашутин?

СВ: Ивашутин? Говорит. Ивашутин был первый заместитель Председателя КГБ. Ивашутин был в Германии с группой советских войск. Это солидный руководитель. Он отличался от своих предшественников, работавших в Германии.

Он выделялся, я бы сказал, своей скромностью. Его отличали знание дела, высокая требовательность к себе и к вверенному ему коллективу. У него была хорошая семья, крепкая.

К: А во фронтовых условиях Вам не приходилось с ним сталкиваться?

СВ: Мне доводилось выезжать к нему в группу. Но это было уже после войны.

К: Нет, я имею в виду то время, когда он являлся начальником контрразведки Армии, освобождавшей Будапешт.

СВ: Может это другой Иващутин?

К: Нет, именно этот.

СВ: То была группа советских войск.

К: Да, да, совершенно верно.

СВ: И он был начальником СМЕРШ в этой группе войск.

К: Но до того, во время войны, т.е. во фронтовых условиях вы с ним сталкивались?

СВ: Нет. Я встречался с ним уже после войны.

/Пауза/

К: ... ?

СВ: Очень хорошо.

К: А фамилия Судоплатов вам знакома? Вам не приходилось сталкиваться с этим человеком?

СВ: Сталкиваться не приходилось, но я слышал, что он был заносчивым человеком...

/Несколько фраз расшифровке не поддаются./

К: А вот внутренняя тюрьма на Лубянке: вы в то время размещались там же, на Лубянке? Там находилось ваше здание, ваш отдел?

СВ: Да, это самое большое, старое здание.

К: Вам самому доводилось когда-либо встречаться или допрашивать, разговаривать с кем-либо из арестованных? Или с содержавшимися там под стражей?

СВ: Никогда! Ни-ког-да! Я к следствию не имел никакого отношения за всю свою деятельность в органах!

Единственное - это когда я уже работал там, - по указанию руководства я выезжал, если не ошибаюсь, в 28-ую Армию, в Особый отдел, ... мне было приказано немедленно доложить и потребовать ... начальника Особого отдела ...

Я спрашиваю одного, другого, третьего, десятого. Смотрю - пахнет объективностью.

Мне пришлось обстоятельно поработать с этими людьми. ...

Они были запуганы, сначала крепко держались за свои показания, а потом рассказали, что они попали в окружение, рассказали, как выходили из окружения, как переходили линию фронта. А тут их - в Особый отдел!

Фамилия начальника того Особого отдела, если память мне не изменяет, - ... /произносит не---разборчиво), или что-то в этом духе. Генерал, а не понимает!

/Смеется/

...

Я тут же из его кабинета позвонил ... . Было строго приказано: немедленно освободить! Вот единственный раз, когда я встречался с задержанными.

К: Степан Владимирович!

Почему мы задаем Вам эти вопросы? Потому что у нас по документам, которые сохранились с тех лет...

/Много дефектов записи, часть текста отсутствует./

Мы с г-ном Лурвалем задаем эти вопросы, потому что по сохранившимся во внутренней тюрьме на Лубянке отдельным документам установили, что сотрудники 4-го отдела контрразведки СМЕРШ активно занимались работой с лицами, содержавшимися во внутренней тюрьме на Лубянке. Статус этих лиц был разный: арестованные, заключенные под стражу, военнопленные. И в книге вызовов на допросы содержатся многие фамилии, есть расписки. То есть насколько мы понимаем, в то время 4-ый отдел занимался активной деятельностью. Естественно, он занимался выполнением своих служебных обязанностей.

СВ: Из всего, что вы сказали, возникает одна возможность: военнопленный.

К: Абсолютно верно, именно военнопленный. Мы к этому и ведем.

СВ: Это вы правильно подметили.

Был еще один сотрудник, поддерживавший дружеские отношения с Карташовым. По-моему, он работал в тюрьме. Внешне это был здоровый блондин. Он имел отношение к работе Карташова. Или он работал в тюрьме в какой-то должности, или имел прямое отношение к тюрьме.

/Дефекты записи./

... в штатной должности после, когда он работал с Карташовым.

Л: Кто там был?

К: Финогенов был заместитель начальника в тюрьме, есть расписки.

Л: Миронов.

К: Миронов был начальником тюрьмы.

СВ: Высокий здоровый блондинистый парень.

К: Он был молодой в то время?
Двадцать лет?

СВ: Моложе. Они были большие друзья с Карташовым... может быть, какую-то должность по работе.

Л: Он сначала работал с Карташовым в 4-ом отделе, а затем перешел?

СВ: Боюсь точно сказать, но он был близок с Карташовым, они обсу дали служебные вопросы. По-моему, его даже взяли на работу, дали какую-то должность... в стадии перехода СМЕРШ ... бы Первое управление, начальником которого был Утехин, генерал. Утехин не пошел на поводу у Карташова.

Л: Он не разрешил Карташову принять на работу своего друга?

СВ: Да.

Л: Может быть, вы пока расскажете немного о Карташове? Что вы о нем помните? Какой он был? Как вы можете его охарактеризовать?

СВ: Как он котировался в руководстве. Был четвертый отдел, затем перешел...
Савченко Сергей Романович.
О Карташове было нелестное мнение. Чтобы он котировался как крепкий начальник отдела у руководства, я имею ввиду Савченк Сергея Романовича, это нет.

К: А кто руководил четвертым отделом, когда он заболевал или уезжал в командировки?

СВ: Тогда уже был советнический (?) отдел, СМЕРШа не было ...
... ский был начальником отдела. Я был заместителем начальни ка отдела.

К: Вы не помните, как его звали? ... Он был вашего возраста? Ва неизвестно о его судьбе?

СВ: Нет. Он был хорошим человеком.

К: Выходил ли Карташов напрямую на Абакумова?

СВ: В отдельных случаях такое бывало. В отдельных случаях, я под черкиваю.

Л: А если Абакумов хотел что-то передать Карташову, через кого он это делал?

К: Что-то по линии руководства.

СВ: ... Потом был заместитель у Абакумова Меньшик (?).

Л: Вам известно о судьбе Меньшика и Бабича?

СВ: Не знаю.
К: Они были старше вас в то время?
СВ: Конечно старше. Бабич больше занимался военной линией, Меньшик имел отношение к ...
К: Степан Владимирович, кто сейчас жив - здоров из ваших бывших сослуживцев? С кем вы поддерживаете отношения? С кем мы могли бы побеседовать, конечно, не ссылаясь на вас? Кто мог бы помочь? Кто сейчас владеет, может быть, хранит информацию?
СВ: Копелянский и второй, они живы, работают?
К: Уже не работают, но живы.
Может быть, вы помните кого-то еще?
СВ: С ними вы разговаривали?
Л: Мы разговаривали с ними, но , что касается Копелянского, то он не все рассказывает, что он знает.
СВ: Хитренький мужичишка.
Л: Не знаю, как с ним вообще говорить.
СВ: ... Но вот он имел отношение к этим документам даже больше, чем Фролин (?) Он мог бы ... С точки зрения близости к Карташову он так не всплывает в то время. ... монов жив или нет?
К: ...
СВ: Надо было поговорить
Л: Мы говорили.
СВ: Он говорит?
К: Тоже в памяти все...
СВ: /переб./ Напрасно... По тюрьме есть фамилия не то Евсенин ... / не дог./
К: /переб./ Есть такая фамилия, он работал.
СВ: Евсенин или Есенин.
К: Евсенин. Вы помните Адамова Николая Федоровича?
СВ: ...
К: Понимаете, мы обращаемся к вам , мы потревожили вас, потому что есть ряд вопросов, связанных с Раулем Валленбергом. Но, к сожалению, некоторые не сохранили в памяти события тех лет, поэтому приходится работать не с рассказами очевидцев, а ... /дефект записи/
СВ: ... имел доступ к важным материалам ... в общем положении о шведских руководителях.
К: ... С одной стороны, ваше свидетельство о таком настроении шведской стороны. А с другой стороны, во внутренней тюрьме

на Лубянке содержался в качестве военнопленного первый секретарь посольства Швеции в Венгрии Валленберг. Содержался, допрашивался, понимаете. К сожалению, следы, куда он делся после внутренней тюрьмы, нами пока не найдены.
Вот сейчас все крутится.

СВ: Он в Венгрии был в каком году?

Л: Он был там в 44 - 45 г.г.
Был арестован...

К: /переб./ В феврале 45-го года был арестован и доставлен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Содержался в Лефортово и на Лубянке.

СВ: А у власти в Венгрии тогда был ...

К: /переб./ Ну, в то время Венгрия уже была освобождена.
Вот это для нас необъяснимо. С одной стороны добрососедские, доброжелательные отношения со Швецией, с другой шведский дипломат содержится у нас под стражей. Причем длительное время. И потом исчезает бесследно. Вот мы и хотим прояснить эту ситуацию, Степан Владимирович.

СВ: Понимаете, ... помочь. Мне кажется, человек... вне политики никогда не работал. ... пошла на помощь Советскому Союзу.

К: ... У нас очень много бумаг, томов, свидетельств очевидцев. Но мы как раз сейчас остановились здесь. В тюрьме в Венгрии у нас уже отработан этап.
Куда он делся из нашей, советской тюрьмы? Вот вопрос.

СВ: Был такой... Копелянский.

Л: Не помните какую-нибудь деталь, на которую можно опираться в разговоре с Копелянским. По-тому что, все-таки, он нам не все рассказывает, как нам кажется.

СВ: ... очень был близок к Карташеву. ... Он что не работает, уволен?

К: Ему 72 года.

СВ: Так почему он не ... ?

К: Степан Владимирович, у нас к вам просьба. Если что-нибудь вспомните, не сочтите за труд поставить нас в известность.

СВ: Я переживал, откровенно говоря, хотел ... в госпитале. Я говорю, давай телефон, я позвоню. И если бы вы не пришли вчера, я бы позвонил. Я был готов вам помочь.

К: Конец беседы с Честнейшим Степаном Владимировичем.

3/ак (36)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Сиомончуком Леонидом Емельяновичем
4 октября 1991 года

Присутствовали: Аржанников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

3 октября, вечером. Сиомончук Леонид Емельянович, 1913 г. рождения, в Органах с 1940-го, оперуполномоченный 2-го Отдел ГУКРа СМЕРШ, в настоящее время проживает в Москве, Фрунзенская набережная, дом 12, квартира 10..

С: Эта семья играла большую роль еще при установлении наших дипломатических и торговых отношений с Швецией. Поэтому невольно каждого, кто имел отношение к внешнеполитической линии, это не могло не интересовать. В это время я уже работа в другом направлении, он тоже работал в Первом Главном и отношения к контрразведывательным делам или опросам военнопленных никакого не имел. Находился он уже в это время в отставке и просил меня помочь ему как отставнику, пенсионеру устроиться на работу.

В: Это вы имеете в виду Карташова?

С: Да. Я говорю: "Вы помните, было такое сообщение насчет Валь берга, который находился у нас, какова его судьба?". Он мне резко так заметил: "Тебе это очень нужно?" Учитывая ту обста новку, мне уже было понятно, что если тебя это не касается, ты не должен об этом знать. Это не было сказано, но для нас рядовых сотрудников, это уже было понятно, еще когда мы нача работать в органах. Это первое. Второе. Обстановка эта для вас и особенно для господина представителя шведского посольства может представлять интерес. Потому что до войны у нас брали сотрудника не добровольно, а по мобилизации. Отказать было можно, но тогда это могло грозить неприятностями. Раз они решили брать и предлагают, лучше сказать: "Вы решайте. Я об этой работе ничего не знаю". Как было со мной. Я заявил, что я хочу быть инженером, дайте мне возможность закончить

институт. Они: "Заканчивайте, а пока напишите свою анкету." И вот уже когда вас принимают в органы, вас здесь предупреж ют. Во-первых, не интересоваться вопросами, которые вас не касаются; это считалось преступлением. Человек попадал под подозрение, почему он интересуется вещами, которые его не касаются. И во-вторых: если что-то узнал, без разрешения руководства нигде никому не рассказывать. И вот этот ответ бывшего моего начальника Отдела меня, как говорят, поставил на место.

B: Это когда было, в какие годы?

C: Где-то в начале 70-х годов. Он уже как раз ушел в отставку и просил насчет устройства его на работу, просил куда-нибудь его порекомендовать. Отдел этот был создан сразу после Сталинградских событий, пленения целой армии Паулюса. Появилось много военнопленных.

Было решение ГКО и лично Сталина использовать возможности госбезопасности для сбора информации о моральном состоянии армии, о положении военной промышленности, о снабжении армии военными материалами, питанием и так далее. Кроме того - о работе карательных органов на оккупированной территории Советского Союза. Этот отдел был создан, но кадров у них не было. Это тогда было создано в военной контрразведке. Кадры набирали отовсюду, где можно было взять. Сам я в то время работал по партизанской линии, мы оказывали помощь партизанскому движению кадрами. Это были работники органов безопасности, которые могли бы организовать в тылу немецких войск разведывательные операции: получать сообщения о перевозке грузов, о подготовке наступательных операций. Кстати, это очень много дало нашему командованию, потому что, когда была

скажем, подготовка их наступления на Курской Дуге, все это было видно. В основном эту информацию о масштабах подготовки операции давали наши оперативные группы из тыла противника. Что можно сказать? Это была буквально конвейерная работа. Опросы. Поступают военнопленные, сюда, на Дзержинку, во внутреннюю тюрьму.

Здесь были разные военнопленные: и немцы, и югославы, и люди других национальностей: венгры, чехи, словаки, румыны. Нужно было послать оперработника, чтобы он собрал их анкетные данные, первичные.

Это я для чего говорю? Валленберг мог поступить в тюрьму так же образом, и случайный работник, который был свободен, пошел и собрал эти первые данные. Кто такой Валленберг, откуда, кто да взят; и где его опрашивали и так далее. Могло быть так. Но, кому с ним работать - это уже решал начальник отдела. После первого опроса, он уже мог поступить к конкретному челове которого назначили. И мы не могли интересоваться у другого работника, с каким пленным он работает. Это практически было нельзя, нельзя с моральной точки зрения. С известными личностями нам было позволено хотя бы повидаться всему отделу. Например, с такими крупными личностями; как Паулюс, начальник его штаба, уполномоченный Гитлера в Англии, который работал с английскими лордами (я сейчас забыл его фамилию), фельдмарша Фернер-старший. Эти крупные фигуры мы знали, а остальных - нет, да и не интересовались. Думаю, что Валленберга из этого отдела могли и передать куда-нибудь, поскольку, если выяснилось, что это политическая фигура, тем более из известной семьи - его вряд ли могли держать на этом опросе. Мы следствием не занимались, мы занимались только опросами. Куда шли эти люди дальше? Я могу сказать только то, что знаю я. Одни представляли интерес для седьмого управления Генштаба. Седьмое управление Генштаба занималось пропагандой на передовой линии обращениями военнопленных к бывшим своим сослуживцам в немецкой армии, чтобы переходили на сторону Советской Армии, чтоб прекращали войну и т.д. Их отправляли в Красногорский лагерь это под Москвой, и там уже с ними работали представители 7-г Управления. Вторая категория - это явные преступники. Если

он был крупным руководителем, он переходил в ведение следственной части по особо важным делам. У нас не было в отделе следователей. Люди с гуманитарным образованием, юридического образования, кстати, ни у кого не было. Там были и инженеры, и архитекторы и другие, лишь бы человек знал язык. Половину отдела составляли, в основном, советские граждане еврейского происхождения. После пленения войск под Сталинградом, их взяли сюда, в основном, из Управления фронтов, с целью пополнен отдела. И, наконец, те, которые вообще не представляли никак го интереса. Их отправляли в лагеря военнопленных. Наконец, последняя группа, представляющая уже интерес специально для органов госбезопасности; это работники полевой жандармерии, отдела контрразведки в армии, карательные органы, разведывательные школы. На территории Советского Союза их было боле сотни. Их направляли, как правило, в Управление следственной части. Правда, первичными данными, как правило, тем, что можно было у них получить сразу, об их деятельности на оккупированной территории, мы интересовались, потому что это надо бы сразу реализовать через штаб партизанского движения. Вот, собственно, говоря, такова техника работы. Поэтому, мне кажется надо искать, надо привлечь, может быть, даже тех, кто остался из этого отдела. Какие-то материалы надо искать в архивах. Допускаю, что если выяснилось, что Валленберг был расстрелян уничтожен, ответственные за это работники, могли попытаться скрыть следы. Запутать розыск, так же, как это было с польскими офицерами. Но все-таки какие-то сведения о том, где эти документы, по какой описи они должны были проходить, если они самом деле были, должны остаться. Каждый такой документ имел гриф "секретно" и просто так его уничтожить оперработник не имел права. Он обязательно должен был где-то отметить факт е

уничтожения. Я могу только говорить о путях поиска. По этим документам можно будет найти сотрудника, который вел это де Из оставшихся я мало кого знаю. Знаю, была Стеснова, перево чица.

В: Мы беседовали с Анной Леонтьевной.

С: Знаю, был Копелянский. Это был переводчик, на Нюренбергско процессе участвовал. Он знал и немецкий, и английский язык. Остался Соловов – тоже на пенсии. Но знают они, по-моему, не больше, чем я. Поэтому единственный путь – это, как мне ка жется, – надо просить Председателя Комитета, чтобы была соз на группа квалифицированных работников, потому что по тем до кументам, которые были в военной контрразведке, – там пред стоит целый ряд другой работы – там можно.. (не дог.) Чего, кстати, говоря, не делалось. Даже с точки зрения гуманной, с точки зрения будущего! Это была мясорубка. Поэтому надо это вскрывать. Вскрывать, дабы эти вещи не повторились.

В: Что, например?

С: Что, например? – Ведь Абакумов мог уничтожить человека без суда и следствия. Каким образом? – Он занимал такой пост, который давал ему право отправить, чтобы потерять следы, по слать, как преступников, в распоряжение Управления фронта! А тогда, во время военных действий могли поступить (и пост пали, кстати говоря) противозаконно!

В: Но это ваши догадки?

С: Это то, что я слыхал. Слыхал, когда выезжал в командировки на Западный фронт, когда выезжал в командировки на Харьков ское направление.

В: Дело в том, что разговоров-то много, а чем ценны беседы с вами - это то, что могут сказать немного, но совершенно конкретно: "Я видел своими глазами".

С: Приведу вам пример. Ну, может быть, это не для публикации в печати, понимаете?

В: Хорошо.

С: Приезжаем на Харьковское направление вместе с тогдашним заместителем министра Сильвановским, который был в свое время начальником Управления фронта на Сталинградском направлении хорошо себя показал. Смелый человек, организатор хороший. Харьков еще обстреливался немецкими войсками. Они находились на окраине. Королев был начальником Управления контрразведки фронта. Вызывают меня туда, к Королеву. Там сидит Сильвановский, начальник нашей группы. Он возглавлял группу командированных. Обращается ко мне и говорит: "Чем занимаетесь сейчас Я говорю: "Разговор был вместе с товарищем Барышниковым, с мощником коменданта Харькова, об оперативной обстановке в Харьковe". - "Хорошо, а сейчас?" - "Сейчас ничем".-"Пройдитесь по кабинетам, где следственники работают, посмотрите, чем они занимаются, кого допрашивают, и доложите мне". Ну, я пришел в первый же кабинет, смотрю - допрашивают русского, на русском языке. И читаю: "задержан на передовой линии там-то и там-то по подозрению в шпионаже в пользу немцев" Задержан! Я следователя спрашиваю: "Разрешите задать вопрос подследственному?" - "Пожалуйста". Я говорю: "Расскажите, при каких обстоятельствах вас задержали". Он говорит: "Я сам пришел. Я закончил немецкую разведывательную школу. Нас 12 человек перебросили вот такого-то числа, это было за три-четыре дня

до этого, но кто из них на что решился, я не знаю. А я реши
с самого начала: прийти, найти уполномоченного особых отдел
то есть СМЕРШ, и сдаться, рассказать, что меня немцы посла-
ли на шпионаж". "Сколько вас перешло?" "Думаю, что двенад-
цать". Выясняю у следователя, другого, третьего - такая же
вещь: все сидят, допрашивают вот этих, и все они оказываются
перешедшими. Сколько их? Пять человек. Семь человек гуляют
по городу. Они не пришли. Значит, напрашивается простой выв
надо посадить на "Виллисы", на машины, вот этих пять человек,
которые добровольно сдались, добровольно пришли, которые в л
по знают своих товарищей, учившихся с ними в школе, в городе
население почти не ходит по улицам, потому что обстрелы идут
и надо курсировать на машинах с этими по городу - вдруг мож
но будет найти, опознать, тем более что они не шли по конкре
ным адресам, то есть они не могли где-то прятаться. Им еще
надо найти время где-то обосноваться. Они должны собирать
как-то материал, нужный для немецкой разведки.

Я пришел и доложил свои соображения. Так и было сделано. Не-
медленно они были освобождены, и через два дня все другие
семь человек были найдены, пойманы по городу. Вот вам приме
того, как могли решать на основании беззакония, по существу,
волевым порядком, играть судьбой человека люди, которые за-
интересованы в том, чтобы их поощрили, наградили и пр.

В: Это верно, но не совсем иллюстрирует такой термин, как "мя-
сорубка". За этим стоит обычно что-то более рельефное.

ВI: Мы, наверное, немножко отклоняемся от нашей основной темы.

С: Я это веду к тому, что здесь надо подыматься повыше. Вы
знаете, было особое совещание, были "тройки". Ведь на "трой-

ке" появляется обязательно диктатор, навязывает свою волю всем остальным. Это закон. Поэтому в эти вопросы, думаю, Сталин меньше всего вмешивался. Это рядовые, это не то, что какие-то политические деятели. Это рассматривались как военнопленные. Мог возникнуть этот вопрос у Сталина уже тогда, когда возникал внешнеполитический скандал. Поэтому мне кажется, что тут рядовые сотрудники мало что скажут.

B: Простите, а когда вы услышали фамилию Валленберг впервые?

C: Я даже не могу сказать.

B: Во время работы или потом?

C: Это было где-то в газете, то ли нота была, я сейчас не помню

B: То есть это уже было значительно позже, после войны.

C: После войны. Ведь я же в 1946 году уехал вообще из страны. Я семь лет отсутствовал, потому что я перешел в разведку в 1946году, вернее, меня перевели. Меня же перевели в этот отдел в свое время временно. Я работал в разведке. Я не был здесь. Так что, что делалось после этого срока, я не могу сказть.

B: А вот вам тогдашний давний разговор с Карташовым. Он так ничего конкретно не сказал?

C: Ничего не сказал.

B: Вообще ничего?

C: Да. Я думаю, что это связано с тем, что до руководства дошло бы, что он рассказал, раскрыл какие-то вещи о том или ином в судьбе человека. Его могли бы достать, хотя он был на пенсии. Ведь Вы понимаете, какая еще сложность. Мы как-то почувствовали свободу, право на собственное мышление после выступления известного вам Хрущева. Но у нас оставалось недоверие

и к Хрущеву. Конкретно мы мало что знали, но слухи упорные ходили о том, как он участвовал в тех карательных операциях, которые проводил Сталин. Поэтому недоверие сохранялось.

Второе. У нас сложилось и такое мнение - двойственное. С одной стороны, появилось какое-то доверие, какая-то перспектива в том, что у нас установится правопорядок. А с другой стороны, сам приход его к власти мы расценивали как дворцовый переворот. Мы за него не голосовали, в выборах, вы знаете, мы не участвовали. Влияния не могли оказывать. Такова была система.

Единственное, что у нас оставалось - это вера в идею. Мы еще верили, что авось с приходом Хрущева все наладится. Но он оказался по природным данным, грубо говоря, мужиком, неграмотным политиком, неграмотным хозяйственником, неграмотным организатором. Поэтому вот эта скрытность, подозрительность друг к другу продолжалась долго. Были ли попытки с нашей стороны как-то разрядить обстановку? Были, но это не доходило до верх Вот вы спрашиваете насчет этого. Да, возможно, я тоже с ним вс чался! Но могу ли я об этом с уверенностью сказать? Не могу. Если тот же Соловов или кто-то еще мог, скажем, вызвать 2-3-5 прибывших военнопленных и опросить, - ну, опросили, передали документы начальнику отдела, и все. А куда они дал пошли, кто с ними работал, неизвестно.

З: Кузьмишин?

С: Кузьмишин, да. Но он умер. Кузьмишин больше всех там оставал Очень порядочный человек.

В: А Бурашников, который был там?

С: Умер.

В: Умер? Это точно? Потому что мы его сейчас пытаемся найти.

С: Умер, умер. Владимир Бурашников. Умер.

В: Владимир? Он же Николай Иванович.

С: Барышников!

В: Бу-раш-ни-ков. Не Барышников, а Бурашников.

С: Нет, это был заместитель Кардашова.

В: Да.

С: Он умер.

В: Это точно?

С: Точно.

В: Потому что мы его сейчас пытаемся найти.

С: Не найдете. Он умер. С ним связь - такую, дружественную - поддерживал Борис Соловов.

В: Ну, он нам говорил про него, но он не знал точно. Мы недавно беседовали с Борисом Алексеевичем.

С: По-моему, он давно умер. Он намного старше.

В: Да, да.

С: Мне уже в марте начнется 80-ый год! А он был намного старше.

Л: Но как заместитель он мог бы и знать про Валленберга, как Вы думаете?

С: Не уверен. Не уверен.

В: Вы очень справедливо отметили, что необходимо указанием Председателя создать группу работников, которая бы поработала и в архивах, и все прочее, - это все сделано и продолжает делаться. Все это есть. Но самая сложность ситуации заключае

в том, что никаких конкретных материалов непосредственно, скажем, тюремного дела, следственного дела поиски так и не дают. Удается выхватывать какие-то отдельные фрагменты. Напр мер, из этих фрагментов ясно, что Валленберга, - по крайней мере, на допросы - вызывал в основном Кардашов. Чем все это могло быть вызвано? Просто в этой связи возникает вопрос: почему СМЕРШ заинтересовался Раулем Валленбергом? Ведь это был январь 1945 года, бои за Будапешт. У СМЕРШа масса забот такой ситуации. И вдруг в поле зрения попадает, в общем-то, дипломат, сотрудник миссии, причем сотрудник миссии нейтральн страны. Вот каковы могли бы быть, скажем, мотивы его задержания?

С: Мотивы задержания? Трудно сказать. Я с дипломатами работал, но с немцами.

В: Я понимаю, что с дипломатами воюющих стран - тут было понятн

С: Привезли целое посольство из Софии, и мне дали какого-то там Штейтлера -опросить его. Ну, ничего интересного не было, реч шла об отношениях во время войны немецкого посольства, Герма нии, с Болгарией и о готовности болгар участвовать или не участвовать в этой войне.

Был еще, помню, румын из Румынии, но о человеке из нейтраль ной страны, в данном случае, кто-то из нас мог собирать первичные анкетные данные, я это не исключаю. Но я убежден, что никто из рядовых не мог по нему работать. Потому что это во рос деликатный. И чем это было вызвано - трудно сказать. Знаю что были какие-то натянутые отношения у нас с англичанами по линии разведки, хотя существовало соглашение о взаимном обмен информацией о нашем общем противнике.

Но насколько эти слухи были достоверны, я не знаю. А слухи были такие: якобы нашу агентуру пытались перебросить во Фран цию (сколько – одного или двух – я не знаю), и, то ли случай но, то ли не случайно, не раскрылись парашюты, как сообщали англичане. Наши самолеты туда летать не могли, поэтому их, я бы, перебрасывали англичане. И вот возникло сомнение. Ведь эти ребята были подготовленные, прошли здесь тренировки по прыжкам с парашютом. Отчего же не сработали парашюты? Может быть, это искали?

В: Это было бы трудно увязать с Валленбергом.

С: Трудно. Но тогда было убеждение, что англичане тесно сотруд ничали со Скандинавией в разведывательном плане. Как далеко э ходили эти подозрения –трудно сказать. Чего тут больше – глу- пости или необоснованных подозрений – сказать трудно.

В: Как я понимаю, в период вашей работы в СМЕРШе вам с фами- лией Валленберг или с какими-то связанными с ним обстоятельс вами, или вообще со сведениями о некоем шведе, находящемся ведении вашего отдела, встречаться не приходилось?

С: Нет. Я вот еще что скажу. Я на этой работе оказался не по призванию. В I942 году (это вы можете проверить по моим делам я подал рапорт о том, чтобы меня отправили на фронт. Мне отк зали. В I946 году, весной, поскольку меня не хотели демобилиз вать, я подал заявление в орготдел ЦК Кузнецову, которого потом расстреляли (помните процесс, ленинградский?).

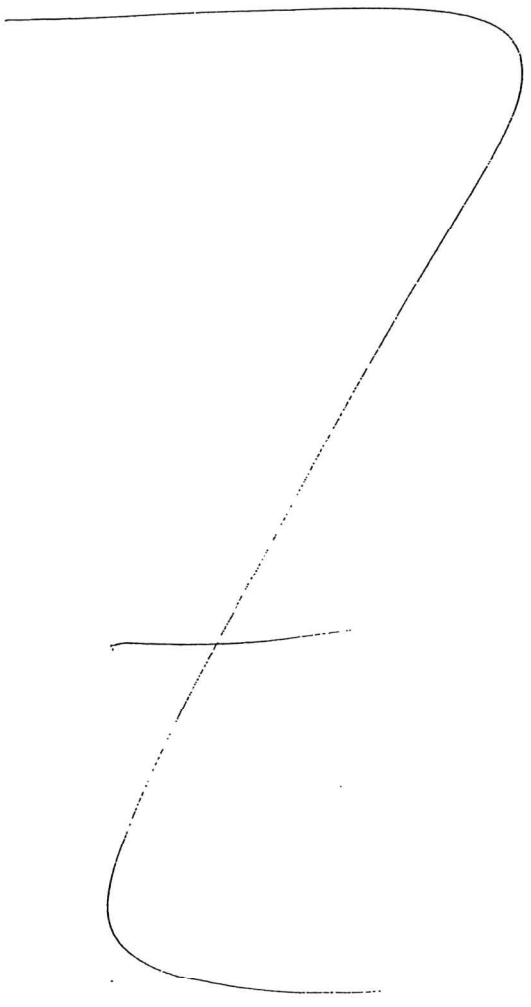
В: В общих чертах.

С: Оргбюро тогда занималось кадрами комитета госбезопасности. Я дал рапорт о демобилизации. Его долго не разбирали. Я к нему пришел и говорю: "Когда же будет решен вопрос?" Он на меня с ходу накричал: "Что вы обиваете пороги? Мы не можем делать

это ведомство проходным двором!"

Я спрашиваю: "Вы мой рапорт читали?" – "Нет, не читал. Мне доложил инструктор". Я говорю: "Настаиваю, чтобы вы прочитали и сказали, в чем я не прав".

А я просился обратно в промышленность, по своей специальности. Он прочитал и говорит: "Ну, если ваше руководство согласится, мы поддержим. Можно докладывать вашему руководству? Кому из замминистров?" Я говорю: "Доложите Селиванову, кому, он меня знает"?



Однажды Селивановский меня вызывает. Я смотрю на столе ле жит мой рапорт, который я писал почему-то - так получилос красными чернилами. И вот я вижу издалека мой рапорт. Он сказал инструктору ЦК, что тот может уйти, а мы сами здес разберемся. "Ну что? - говорит. - Я бы пошел тебе навстреч Раз тебе здесь климат не нравится, - так он сказал, - я п шел бы тебе навстречу. Но я не имею права. Если бы ты бы капитан, а ты теперь уже майор. Я должен докладывать Абак мову. Абакумов разозлится и может отправить тебя на Кури Тогда было модно пугать Курилами.
"Дети есть?" Я говорю: "Есть." " Сколько?" - "Три года" - - "Ну, рано еще на Курилы. В таком возрасте ребят не посы лают." "А что делать?" "На твоем месте я бы сделал так. Т более, что тебя отправляют обратно в разведку, отдают. Дал бы согласие, чтобы я написал резолюцию: "В дело." И н то читать не будет, и Абакумов знать не будет. Потому что твой рапорт будет воспринят, как какой-то протест." Вот ч кончилось. Вот он еще жив, Селивановский. Кстати, он вряд ли помнит что-нибудь по этому вопросу.

В: В какой должности он тогда был?

С: Замминистра госбезопасности. Заместитель Абакумова.

В: Вы поддерживаете какие-то связи с ним, нет?

С: Нет.
Я его видел в госпитале. Он был болен, жаловался на сосу

В: Когда это было?

С: Это уже было лет 8 - I0 назад.

В: А вы не вспомните имя, отчество Селивановского?

С: Нет, не помню.

ВI: Если он замминистра, то больших сложностей не представит Это мы уточним.

С: Так что и это, кстати говоря, тоже одна из причин, что я не мог особенно лезть, интересоваться. Тем более, было та кое намерение уйти, демобилизоваться из органов.
Но это для моей биографии характерно.
Между нами говоря.
В I953-ем году выдвигали начальником отдела - я тогда отк зался. В 67-ом предложили должность замначальника главка я отказался. Первого.

Наконец, попросил Андропова, чтобы меня убрали из этой службы, из контрразведки. Остальную работу я делал по лин разведки.

Сколько? 8 лет, по-моему. Для координации меня туда посла Но это особый разговор.

В: Понимаю. Леонид Емельянович, у нас есть список людей. Это иностранцы, - как раз из той категории, о которой вы расс зывали, - которые по тем документам, которые нам удалось найти и восстановить, в то или иное время пересекались с Валленбергом в Лефортово или во внутренней тюрьме. Может быть, - вы что-то вспомните, - я зачитаю их фамилии.

С: Прочитайте, прочитайте.

В: Так, Рихтер.

С: Помню Рихтера. Он был представителем службы СД в Румынии. Насколько помнится. Я с ним беседовал долго. Меня интерес вала его работа по Франции. Мы считали, что они занимались там активной работой по сбору информации, по выявлению ан тинацистских сил.

Но он мне тогда сказал: "Нам незачем было этим заниматься я работал против Ватикана, находясь в службе СД". Он возг лавлял по-моему, какую-то группу. "И мы прекрасно знали, где эти католические священники хранят свои отчеты в Вати В этих отсчетах имелись все необходимые сведения о том ил ином районе и даже характеристики на политических деятеле Поэтому мы приходили к этому священнику - признавался он или не признавался, где у него отчеты. Мы их знали по об- ложке, знали, где они хранятся и т.д. Мы брали этот докумен больше нам ничего не было нужно."

Вот. Это его воспоминания.

В: А какая его дальнейшая судьба, не помните?

С: Не знаю. Не знаю, потому что я беседовал с ним году в сор пятом, наверное, в сорок четвертом. Как наши в Румынию вс ли, так его сразу прислали сюда. А дальше, поскольку он и службы безопасности, его могли передать в службу следстве ную, для следствия. Хотя оснований - ну, скажем, по Румын вроде там не было, потому что он фактически выполнял там роль связника. По-моему, ничего преступного он там не дел Их, помню, было три брата, кажется, все мечтали о социали ме, и пришли к выводу, что лучше ориентироваться тогда на свой, национальный социализм.

В: Так, следующий: Роде.

С: Не знаю.

В: Редель?

С: Тоже не знаю.

В: Кичман?

С: Тоже не знаю.

В: Пелконен?

С: Нет.

В: Абельман?

С: Нет, не знаю.

В: Штрайт?

Л: /поправляет/ Штагель.

В: Да, Штагель.

С: Нет, не знаю.

В: Лойда?

С: Тоже не знаю.

В: Гроссхайм, Томсон, он же Крыско.

С; Нет.

B: Харт?

C: Тоже не знаю.

B: Бергеман?

C; Нет.

B: Супреан?

C: Нет.

B: Валленштайн?

C: Нет.

B: Хоффштеттер?

C: Нет.

B: Шлихтер?

C: Шлихтер?

B: Шлихтер. Он же Шойер.

C: Нет, не знаю.

B: Хубер?

C: Нет.

B: Крафт?

C: Нет.

B: Деморс?

C: Тоже нет.

B: Хинкельдай?

C: Нет.

B: Катана, Шандор?

C: Нет.

B: Алиджани, Петро Стефано?

C: Нет.

B: Лангфельдер?

C: Нет.

Больше о дело было по югославским партизанам, я с ним долго

работал. Потому что настаивало начальство довести дело до кон
ца, подозревая, что это подстава немецкой разведки, но я
был фамилию, я помню, что по Югославии у него была кличка
"Тигр" - руководитель партизанского отряда. Но мне удалос
доказать, что он не виновен ни в чем и наоборот, заслужив
ет всяческого поощрения. Он пробрался из Югославии, выдав
себя за немца, прибыл на передовую линию фронта под Таган
гом. Познакомился с немцами, его пустили в дот. Легендиро
вал себя, что он из той же местности, из Бохума. Рассказы
вал, как выглядит Бохум во время войны и прочие вещи. Ну,
разведал обстановку, взорвал этот дот вместе с немцами,
а сам бросился в море. Тогда была весна, плавали льдины.
Немцы начали вести обстрел этого участка моря. С льдинами
он проплыл 2 километра на нашу сторону. На передовой он
дал подробнейшее описание, начертил, где какие укрепления,
где боевые точки. К нам его прислали без всяких документов
Он говорит: "Но ваше наступление хорошо прошло. Наверняка
подтвердились мои показания, а никак не можем доказать".
Мы, конечно, достали его показания. Он подтвердил, что так
все действительно было. Нашлась женщина, которая им дала
немецкую экипировку. Она уже никого не помнила. Удалось
оправдать его. Но это была жуткая работа. Вызываете,
а в чем подозревать? Человек плачет: "Пошлите на фронт". И
тоже я фамилии уже не помню. Кто еще был? Генерал Шпатин(?
Тоже не знаю, какова его судьба. Он чем интересен? Когда су
дили Тухачевского, то по процессу Шпатин (?) проходил как
один из немецких шпионов, который получал секретные матери
лы от нашего министра. Когда он был в Румынии, он уже был
генерал-майором. Тогда он был лейтенантом. Я не знал, как

подступиться к этому. Руководство требовало по существу под
тверждения показаний Тухачевского и обвинений, который выд
гались против него, что он, Шпатин (?) действительно был
фигурантом.

Но у меня появилось недоверие - как наш министр, маршал мог
доверять материалы лейтенанту немецкой армии. Не знал, как
этому подступиться. Говорили о его домашних делах, настроен
и прочие вещи. А потом он сам не выдержал: "Почему по главн
му вопросу меня не спрашиваете?" - Я говорю: "По какому?" -
"По этому". Я говорю: "Я тогда студентом был и мало что зна
по этому процессу. Но если есть у вас желание - поделитесь!
И вот он мне стал рассказывать. Ну что ж, пришлось краснеть
потому что это, конечно, все было надумано, ложь.

В: У вас есть вопросы?

ВI: У меня отвлеченный вопрос.

Широкой общественности стало известно о деле Валленберга в
1957 году, когда Громыко заявил о том, что он действительно
содержался у нас. И в качестве доказательства того, что его
уже нет в живых, предъявили рапорт начальника медчасти Смальцо
ва на имя Абакумова.

С: Я не знаю, что это за санчасть.

В: Имеется в виду санчать внутренней тюрьмы.

ВI: Он пишет на имя министра рапорт и задает вопрос:"Такой-то скончался от болезни, можно ли его тело вскрывать?" Примерн таково содержание этого рапорта. После того, как это было опубликовано, существовали разные точки зрения. Настоящий ли это рапорт? Почему какой-то начальник санчасти пишет на имя министра? Почему это так?

С: Я могу только предположить, что когда пошли такого рода документы,видимо, решили замести следы. Громыко здесь ни при чем. Зная обстановку в то время, а это I957 год, новое руководство могло и не добраться до истинных причин смерти.

В: Леонид Емельянович, я спросил вас об этом просто для уточнения. Дело в том,что сам рапорт был написан, по крайне мере, как в рапорте датировано, в I947 году.

С: А провели исследование по поводу даты его написания? Дейст вительно, ли он был написан в I947 году?

В: Здесь есть большие сложности. Дело в том,что благодаря проведенным исследованиям, рука Смольцова доказана. Рапорт писал, действительно, Смальцов. Смольцов умер, по-моему, в I953 году.Рапорт писал он. Насколько мне известно, современные технические возможности экспертизы не позволяют с точностью до дня и месяца утверждать,что он написан именно тогда.

С: Я не хочу искать здесь более позднего периода. Если заметались следы, то их заметали тогда, когда выяснилось, что мож разразиться скандал.

Живым его выпускать было нельзя. Тогда могли сказать Смольцову, чтобы он написал этот рапорт. Я это допускаю, т.к. в то время было полнейшее беззаконие. Я вряд ли смогу рассказать об этом, надо спрашивать тех, кто работал по лин карательных органов: это следственная часть, это тюремная администрация. Девяносто процентов чекистов не работали в карательных органах. А там, в карательных органах, всё было возможно.

Л: Как вы считаете, могли написать такой рапорт Абакумову, хот Валленберг был на самом деле жив?

С: Нет, такое невозможно.

Л: Не могли его отправить под каким-либо номером в лагерь?

С: Нет.С точки зрения того же Абакумова, оставлять его живым, это оставить мину. Зачем ему это было надо? Если он виноват в операции задержания, ему Сталин мог снять голову. Когда что-то задевало его, Сталин уничтожай таких людей, я хочу сказать, когда люди мешали его личным интересам. В данном случае трудно сказать, чем все это закончилось. Я не понима причем тут этот рапорт на вскрытие. Зачем он нужен? Это необъяснимо. Медицина имела право сама решать подобные вопр сы.

В: Конечно, а потом уже докладывать о результатах. Проведенным исследованиями доказано, что рапорт писал действительно Смольцов. Смольцов умер,по-моему, в 1953 году.Умер своей смертью.

С: Следовательно, речь о чем может идти? О том,что же именно они знают о Валленберге. Это нужно знать для того, чтобы решить вопрос: "Что с ними делать как с источниками информации?" Могло быть так? Конечно, искать в этом здравый смысл и пытаться объяснить что-то - очень трудно.

В: Понятно.

С: Я думаю,что только при извращенном нравственном мышлении можно дойти до этого.

Л: А тот факт, что Кузьмишин вел все эти допросы и спрашивал о том,что они знают про Валленберга, указывает ли это на то что он тоже, видимо, вел дело Валленберга? Что вы думаете по этому поводу?

С: Нет. Он мог просто иметь такое задание,полученное от начальника отдела. Меня вот что смущает.Дело в том,что начальник отдела - это по существу был работник малограмотный в оперативном отношении. Ни одного иностранного языка он не знал.

В: Это о ком идет речь?

ВI: О Карташове.

С: Я просто не представляю,как он мог вести дело по Валленберг Ведь для этого надо знать политическую обстановку в других странах, надо знать кое-что о разведке стран Запада.Просто трудно предположить себе такой вариант. Правда, может быть он работал с переводчиком. Но если говорить о переводчике, то им мог быть только один человек - Копелянский. Пожалуй, больше там некому было быть.

BI: А женщины, работавшие в то время, не могли быть привлечены в качестве переводчиц? Мы беседовали с Анной Стесновой. Она дала отрицательный ответ. Но есть еще несколько челове Потапова, Кущ, – которые тоже работали в этом отделе переводчицами. Мы с ними еще пока не беседовали.

C: Насчет Потаповой я не помню. Она пришла, по-моему, в конце войны. Говорили, что была такая женщина. Потапова, как я думаю, в таком состоянии, что с ней можно было бы поговорит

Но я вспоминаю, что приблизительно в конце войны пришел переводчик венгерского языка. Я его не так давно видел.

В: Это Вотрин Сергей?

С: Да, Вотрин. С ним надо побеседовать. Дело в том, что когда я уже ушел из этого отдела, он там продолжал работать.

В: А Кулешев?

С: Я помню только его фамилию, но не представляю, как он выглядел

В: Насколько нам удалось выяснить, Кулешев был помощником начальника следственной части.

С: Я этого не знаю.

В: То есть он работник следчасти по особо важным делам.

С: Из следственной части я знал только одного человека - Соколова. Но Соколов, по-моему, не имел отношения к этим делам

ВI: Имя Константина Соколова уже упоминалось. Его упоминал Данил Григорьевич Копелянский.

Л: Да, правильно, Копелянский.

/Пауза/

Так вы думаете, что этот человек вряд ли имел дело ...(н/д)

С: (Пер) Соколов?

Л: Да.

С: Дело в том, что если это было очень важное дело, то его мог поручить лично Абакумов.

Это был следователь, которого очень ценили. Он где-то в коллегии .... (обрыв)

В: Это свидетельствует о том, что он, наверное, тоже вел дело Валленберга?

С: Нет, это могло быть просто задание. Он, по-моему, работал в какой-то Коллегии, может быть, Коллегии защитников. Это было

он, - предпочту отдать кошелек, чтобы остаться жить".
В таком же положении находятся многие работники госбезопасности, которые работали в то время. Они себя так же чувствуют. Я приведу только один пример. В 1942 году меня вызывает руководство: "Прими группу для подготовки ее заброс на территорию Польши". Что же это за группа? Люди были осуждены... (не дог.) Один поляк - молодой, мой ровесник. Я в то время был еще молодой. Этот человек закончил университет, сын крупного помещика, он организовал группу террора после того, как наши войска вошли в западные и восточные районы Польши. Это была группа террора против советских военнослужащих. Его осудили на 8 лет, других - на разные сроки ...
И вот с ним надо было провести работу: согласен ли он сотрудничать в борьбе с немцами. Он дал согласие сотрудничать до тех пор, пока наш общий враг - немцы. Он просил направить на самые острые участки борьбы в тыл к немцам. Но он заявил, что если наши войска останутся на территории Польши после победы над немцами, они будут продолжать борьбу за освобождение польских земель от Советской Армии. Честный договор? Честный! Я вам скажу, что я с удовлетворением работал с ним. Когда же приходилось работать с предателем собственного отца я не мог ему доверять. А руководство по каким-то причинам говорило: "Надо готовить к заброске". Это вызывало у меня внутренний протест. Обстановка была такая: тебе приказали - выполняй. Я ничего нового не скажу с точки зрения содержания к тому, что сказал в свое время Хрущев. Здесь трудно что-либо добавить. Так что факты можно подбирать по этому поводу и такие. .... прошло два года, вызывает весь наш отдел

Абакумов и говорит: "Помните спецсообщение, которое посылали Сталину по такому-то вопросу?

Как фамилия этого немца?"

Никто из отдела не мог назвать, хоть мы и привыкли уже к немецким фамилиям. Нужно же было поднять дело, поднять это спецсообщение. Никто не мог вспомнить, потому что приходило очень много людей.

В: Конечно, заклинит, когда еще тут министр ногами топает!

С: Да. Он ходил, ходил, вспоминал и назвал фамилию. Точно назвал. Нашли дело, там есть такое сообщение. То есть, если он не проявил себя какими-то особыми сообщениями, то могли его и не помнить.

В: Понятно.

Э/96 (38)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Бубновым Олегом Сергеевичем
2 октября 1991 года

Присутствовали: Арханников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

Б: Значит, это было в послевоенное время. Время было довольно трудное, сами понимаете. В составе Третьего главного управления контрразведки был 4-й отдел. Возглавлял этот отдел Сергей Николаевич Карташов, его заместителем был Бурашников. В рамках отдела было несколько отделений - два или три. Я был тогда сравнительно молодым - лет 25-26 В этом отделе сосредотачивались дела, которые приходили из армии после войны. Попадали все военные разведчики- и не только военные, но и все разведчики:контрразведчики, военные атташе. Тогда было немало и довольно больших фигур, таких, как Ганс Пикенброк - начальник абвер-I,Центивени/?/ -начальник абвер-3,были многие сотрудники из СД. В общем, все, что было интересного в этом отношении с немецкой стороны, сосредотачивалось в этом отделе. Этот отдел тогда выделялся в управлении актуальностью, потому что все это было очень актуально, нужно, важно. И среди тех задержанных, которые были тогда в этом отделе, было много и сравнительно мелких людей, но они могли,конечно, принести нам определенную пользу в вопросе выявления агентуры, заброшенной к нам сюда, да и, наверное, из других стран. В общем, они могли рассказать все, что они знали. Такой была задача отдела - разбираться в поступавших к нам материалах. По тем временам на фоне таких "тузов как Пикенброк, Центивени и так далее, в этот же отдел, как я помню, попал и фельдмаршал Шернер, который, правда, к разведке отношения не имел, но тем не менее был на балансе этого отдела после его задержания в Праге.
Я сам его тогда встречал-его привезли самолетом. Потом

его, по-моему, вернули - когда приезжал Аденауэр. Все тогда было относительно так же, как и сейчас:каждый занимался своим делом - такой был принцип - и никто не совал свой нос в чужое дело. Каждому были поручены свои дела, и все мы занимались своими делами. Фамилия Валленберга тогда прозвучала. По фамилии товарищи знали, ведь работали в одном кабинете. Я занимался Шернером, другой - Валленбергом - это я к примеру говорю. И каждый занимался своим делом. Так что в отношении того, что тогда был человек с фамилией Валленберг, и того, что он был шведом, по-видимому, с тех пор у меня и отложилось. Валленберг!

Я больше узнал о сути дела совершенно случайно весной этого года. Где-то в апреле я купил "Независимую газету"-там была публикация о Валленберге.

По-моему, это было в апреле или в мае. Там были сфотографированы документы, подписанные Карташовым, Бурашниковым. Кроме того там упоминается фамилия Соловова Бориса .По-моему, Борис жив.

В: Да. Мы беседовали с Борисом Алексеевичем.

Б: Концовка была там такая: расскажите, что вы знаете в этом отношении. Так что я в смысле того,чтобы что-то знать, больше,чем опубликовано в этой газете, не знаю. Из газеты я больше узнал, поскольку прошло, слава богу, почти 45 лет. Тогда я не знал. Каждый занимался,повторяю, своими делами. Какие это были дела - кто что вел в то время?

В: Олег Сергеевич. Вы не могли бы хотя бы попытаться вспомнить,кто из работников вел дело Валленберга?

Б: По-моему, часто у нас было так, что дела переходили.

В: Это понятно.

Б: Я мог, например, заболеть и так далее.

В: Нет,это ясно.Вспомните кого-нибудь,кто бы конкретно этим делом лично занимался.

Б: Совершенно четко я вам сказать не могу. Был тогда у нас еще заместитель начальника отделения .../не дог./ Не помню его фамилию. Вальштейн или .../не дог./

В: Вайндорф.

Б: Вот,Вайндорф.Он, я знаю, получил квартиру на Смоленской, Наш дом.
Это у метро. Это все, что я последнее знаю. Знаю, что тогда он был над нами начальником. А потом,когда прошла эта волна, когда товарищи по национальному признаку перестали работать в органах,тогда он ушел, по-моему. Но как замначальника отделения имел отношение к этому делу, конечно, знал он больше, чем мы - оперуполномоченные, двадцатилетние лейтенанты. У меня с ним что-то связано в памяти. Валленберг и Вайндорф. Это конкретика. Ну, а что здесь опубликовано, это почитайте, если это надо...
/Шелест бумаги./

В: Да, это все ясно.
А вот такая ситуация. Вместе с Валленбергом был задержан и доставлен в Москву его шофер. Фамилия шофера - Лангфельдер, имя - Вильмар.

Б: Я читал это в газете.

В: Эта фамилия Вам ничего не говорит?

Б: Ничего не говорит.

На фоне тех дел.../не дог./

По тому времени были и интереснее вопросы. Были у нас, например, свидетели смерти Гитлера, если мне память не изменяет, их было II человек. Это были врачи, которые занимались его зубами. Потому что после сожжения трупа они должны были подтвердить как эксперты. Вот такие для истории, может быть, интересные в какой-то степени моменты. Была такая группа. Этим тоже занимался Вайндорф. Это я помню. А так, для нас более важными делами были дела по разведчикам, контрразведчикам, по тем, которые что-то знали и могли дать нам какие-то наводки. Это вполне понятно. Обычная работа контрразведки по тому периоду, когда это для нас было очень актуально, и мы считали, что делаем достаточно важное и нужное для страны дело.

В: Еще такой вопрос, Олег Сергеевич. Ситуация с делом Валленберга достаточно уникальна, поскольку в архивах детально, конкретно никаких дел, ничего в отношении него толком не сохранилось.

Б: Но дело-то какое-то на него было, наверное?

В: Дело на него наверняка было. Даже есть документальные свидетельства того, что, по крайней мере, тюремное дело на него было. Мы, в том числе, посмотрели по журналам "Движение заключенных во внутренней тюрьме" и нашли там ряд закрашенных подписей. Большинство этих надписей относится к Валленбергу и к Лангфельдеру, к его шоферу.

В том числе там есть несколько указаний на то .../не дог./ Вот, в частности, там есть указание, что он вызывался на допросы, Валленберг, скажем, к Карташову. В тюремном деле есть пометка. Не только он доставляется, но и Лангфельдер доставляется. В том числе там есть пометка, что Лангфельдер вызывался на допрос к Бубнову. Я, естественно, не берусь утверждать, что речь идет о вас, может быть, кто-то из ваших однофамильцев, но такая отметка есть.

Б: Я не помню совершенно.

В: То есть, если это не вы, то не было ли у вас там однофамильцев?

Б: Нет, однофамильцев не было, по-моему.

В: Может быть, это кто-то из работников следчасти по особо важным делам, а не из вашего отдела?

Б: Я фамилию-то Лангфельдер узнал из "Независимой газеты". Но, по-моему, другого не было. В этом отделе, во всяком случае, не было. У нас практиковалось иногда такое, начальство поручало вызвать по какому-то вопросу, в смысле арестованный что-то просил, хотел какой-то встречи. Давалось иногда такое разовое поручение: „Слушай, вызови такого-то, спроси ,что ему нужно, что он хочет." Вот в таком плане. Такие разовые поручения практиковались от случая к случаю. Дело не твое, но вызвать почему-либо поручалось - как разовое. Будешь там, будешь заниматься своими делами, слушай, вызови такого-то, он просится на встречу, что-то хочет сказать, или сообщить, или попросить.

Такие поручения могли быть, но они такие незначительные в памяти не остаются.

Если было бы что-то значительное, оно в памяти бы остало как-то зафиксировалось.

И уровень такой: ведь он был шофером.

Я его даже не знал.

В памяти не остается такой вызов и такая встреча: что и как. Работа шла колоссальная, мы пропускали, в общем-то, довольно много людей.

Память совершенно не удержала такую личность.

Какие-то крупные фамилии остались в памяти, известные. Более значительные дела были, более главные для нас. И то сейчас трудно восстановить, что и как. Тут нужны только документы. Я не знаю, Симанчук Леонид, по-моему, жив?

В: Жив.

Б: Жив, да?

Потом Кузьмишин, он умер, по-моему.

В: Умер.

Б: Да, к сожалению. Александр Николаевич, по-моему. Вот они, наверное, больше знали, потому что в те времена мы были не полковники, а лейтенанты, оперуполномоченные и. .../не дог./ Борис Соловов был тогда капитан по званию, по-моему. Старше меня он был. Вот, может быть, Кузьмишин, Симанчук больше могли знать?

В: ... Почему Симанчук может знать больше, чем вы?

Б: Ну, по должности он был начотделения, по-моему, тогда. Он был майором. Кузьмишин был майором. Это были старшие товарищи у нас в отделении. А мы тогда были оперуполномоченные Почему был этот отдел тогда? Потому что тогда с языком был не так богато, как сейчас, в наши времена. Мы, молодые офицеры, оперуполномоченные, были с языком, вот почему нас туда и взяли в то время. Это были товарищи, говорившие на языке. В других отделах этого не было, а в этом отделе молодежь, это была не очень большая группа, но они говорили, все мы были с языком. В этот отдел подбирали кадры молодых, знающих язык. Соловов знал язык, Симанчук плохо знал язык, он больше понимал, но говорил плохо. Старшее поколение. Кузьмишин тоже понимал, но говорил плохо. Они могли работать с переводчиками, были переводчики. И потом

в этом отделе еще была группа прикомандированных товарищей, военных контрразведчиков с такими званиями: капитан, майор. Они работали переводчиками. Вот та пора послевоенная. Я не помню, был ли тогда Сверчук. Это наш начальник отделения. Мне неизвестно, жив ли он или нет. Много лет прошло.

В: Как фамилия этого человека?

Б: Сверчук. Он был начальником отделения.

ВI: Когда это было?

Б: После войны. I944-I945 год.

В: А имя, отчество его вы не помните?

Б: Может быть Борис Соловов помнит? Я пришел в I944 году.

В: Он больше вспоминал Смирницкого.

Б: Смирницкого Володю? А он жив?

В: Он умер. По-моему, в I988 году.

Б: Недавно. Да , по-моему, мне тоже Стеснова говорила. Она сказала, что он умер. Я еще тогда переспросил: "Точно ли то, что он умер, или нет?" Потом потеряли многих. Потеряли друг друга потом. Многие работали в Германии. Но больше у меня в памяти осталось, что что-то знал Вайндорф. Он вообще жив? Или умер?

В: Мы не можем его найти. Что называется "судьба неизвестна".

Б: Но вы знаете, что он жил в этом доме? Я тогда приезжал к нему.

В: По адресным учетам города Москвы и Московской области он не значится.

ВI: А в каком доме?

Б: В большом доме напротив метро "Смоленская". Дом Комитета. Это желтый дом на противоположной стороне, напротив метро "Смоленская". Когда дом был построен, он получил там квартиру. До этого он жил на улице Кирова в маленькой комнате. Это ведь было послевоенное время. Он там жил с женой и ребенком. Комната маленькая. Для него это был большой вопрос. И когда построили этот дом, он переехал туда. В этот новый дом. Я знаю это по следующей причине. Иногда бывало так, что по работе возникали какие-то вопросы, а сотрудник был болен. Вайндорф болел. И меня направили к нему на квартиру для того, чтобы что-то уточнить. Начальник дал мне такое поручение. Вот поэтому я и знаю, что Вайндорф жил в этом доме. Я один раз был у него.

ВI: А у вас не осталось его телефона?

Б: Ну что вы!

В: То есть это было очень давно?

Б: Очень.

ВI Еще во время работы.

Б: Очень давно. Это было вскоре после завершения строительства этого дома.

В: Я просто помню, что в пятидесятые годы он был уволен из органов. Как все.

Б: Да, он был уволен. Тогда очень многие были уволены.

В: Это были пятидесятые. Он не получил ни пенсии, ничего. Поэтому больше у нас не осталось никаких документов. А по учету проживающих в Москве и в области он нигде не значится. Не исключено, что он мог какое-то время тому назад скончаться. Поэтому, естественно, никаких данных нет.

Б: Он был значительно старше нас. Если всем нам уже почти по семьдесят лет, то ему сейчас, наверное, было бы 78-80 лет. Он был старше нас приблизительно на десять лет. Он был подполковник, а мы - лейтенанты. Естественно, он был старше. Как замнач отделения он, конечно, знал больше, чем другие младшие товарищи. Не знаю, почему Смирницкий... По-моему, Валленберг - это был не его уровень. Об этом можно судить даже по этой публикации. Почему звучало его имя? Потому что, видимо, начальство "дёргало".

Наверное, просили написать какую-то справку, или что-то другое. И поэтому фамилия Смирницкого... (не дог.) Конечно, эта фамилия Валленберга, звучала. Люди знали, что делом Валленберга занималс там такой-то. Вот так.

Это скорее был уровень Бориса Соловова, который был старше нас п возрасту, по званию. Соловов больше знает, кто мог ... (не дог.)

В: Соловой искренне хотел нам помочь . Но он сказал, что ... (не дог.)

Б: Борис - очень положительный человек, честный.

В: Он рассказал только одну вещь. Что он по поручению, кажется, Карташова (когда это было, он точно не вспомнил) относил Герцовскому пакет с какими-то документами в отношении Валленберга.

Б: Да, Герцовский. Это отдел "А". Тогда был такой отдел.

В: Вот и все, что он рассказал. Я имею в виду какие-то конкретны сведения.

Б: Я был молод. В глаза никогда не видел начальника отдела "А". Это архив. Для нас это был большой начальник - начальник отдела "А". Еще был Прокопенко.

В: Нет, сейчас у нас руководит Краюшкин.

Б: Нет, я не то имею в виду. Потом, после Герцовского был, помоему, Прокопенко. Сейчас в архиве работает.

ВI: После Герцовского был Прокопенко?

Б: По-моему, Прокопенко.

Но это общеизвестно.

В: Но это после Герцовского. В последние годы был Фокин.

Б: Может быть. Для нас это было малозначительно. Это были большие начальники. Все дела сдавались в архив, в отдел "А".

Герцовский его возглавлял. По тем временам это были большие начальники. Мы их в глаза не видели.

ВI: Олег Сергеевич, а вот Гришаев? Такая фамилия вам что-нибудь

говорит?

Б: Гришаев - известная фамилия. Это Павел Гришаев. Он был в Нюрнберге, по-моему.

В: Павла Ивановича мы нашли. Он сейчас прихворнул. Лежит в больнице. Но вроде бы ничего серьезного.

Б: У всех у нас теперь что-то не то. Когда-то все мы были молоды. А сейчас... (не дог.). И ведь как мы тогда работали! Я думаю, что сейчас в нашей беседе не будет ничего особенного, ценного для вас. Если вам нужны какие-то фамилии, каких-то товарищей, то я постараюсь вспомнить, а так ... (не дог.)

В: Я просто думал, что, может быть... (не дог.) есть какие-то конкретные вопросы.

ВI: Хотя бы вообще сориентироваться в обстановке. Ведь вы сейчас говорили о том, что там были люди, заслуживающие внимания. И в политическом плане. Они так же представляли интерес для разведки... (не дог.) и вдруг какой-то Валленберг, в общем, в это время он ничем особенным выделялся, становится особо важным заключенным! Почему?

Б: Для этого нужно знать суть вопроса: почему он вообще был задержан? Ведь это остается открытым вопросом!

В: Да.

Б: Так уж лично для себя я анализировал эту проблему. Опираясь на свой большой опыт работы в контрразведке.

С профессиональной точки зрения, я считаю, что, может быть поскольку Валленберг занимался лицами еврейской национальности в Венгрии, то, может быть, нас этот вопрос заинтересовал с точки зрения приобретения агентуры. Чтобы он помог в чем-нибудь или что-то рассказал. Так я думаю. Но это мои домыслы в отношении того, почему его взяли, почему взяли ч

ловека,не имеющего прямого отношения к .../не дог./

В: Да еще к тому же и нейтрала.

Ведь он же - нейтрал, дипломат не воюющей против него страны!

Ведь это скандальное дело!

Б: Почему его взяли?

Может быть, в том плане, что он сам занимался вербовкой среди того контингента, который он освобождал.

С другой стороны с выходом на политику, поскольку он был нейтральным, наверное, не было оснований его брать просто так, юридически нельзя было это сделать?!

А вот почему-то большое начальство,руководство, заинтересовалось им.

Почему он туда попал?

В: Почему вокруг Валленберга существовала завеса секретности, и он имел статус особо важного заключенного? На делах людей, которые сидели вместе с ним в камере, были найдены пометки, что они сидели с особо важным заключенным. Эти дела были найдены в архивах. Нам рассказал кое-что об этом и Борис Алексеевич. Вы не могли бы рассказать о причинах такого положения?

Б: Лично я считаю, что все дело было в том, что он был официальным лицом, и его нельзя было арестовывать. Это видно из всех опубликованных сейчас материалов. Он был шведским дипломатом, а Швеция была нейтральной страной во время войны. С юридической точки зрения он не мог быть арестован. Валленберг представлял интерес для контрразведки с профессиональной точки зрения, т.к. он имел контакты с большим количеством людей. Как пишут журналисты, он давал паспорта тем людям, кого освобождал.

В: А не могли они сначала арестовать его, а потом подумать о том, что они сделали?

Б: Могли.

В: Такое бывало?

Б: Такое бывало. Тогда все концы надо было прятать.

В: У меня есть еще один вопрос. Я задаю вопросы, которые много раз звучали в прессе

Б: Бога ради. Пожалуйста.

В: Прошло много лет и вдруг в каком-то году, по-моему, в 1957, Громыко передает информацию, что Валленберг был у нас. В качестве доказательства он передает рапорт начальника медчасти Смольцова, который сообщает о том, что заключенный такой-то умер и просит разрешение на его вскрытие. У тех, кто изучает

это дело, возникает вопрос: "Почему начальник медчасти пишет рапорт на имя министра". Вероятно, есть какой-то иной порядок обращения к министру. Так было во все времена. Не вызывает ли это у вас сомнений?

Б: Мне кажется, что такое может быть. Тюремное начальство знало, что был задержан необычный арестованный. Исходя из этих соображений, они выделяли его из других. Вот почему этот человек написал рапорт. Таково положение вещей. В повседневной жизни становится ясно, что арестованный - необычный человек. В работе это всегда понятно. Только из этих соображений был написан рапорт.

В: Как он должен был передать этот рапорт? Я, например, начальник медчасти. У меня здесь какое-то хозяйство. Я написал рапорт, но я должен был передать его своему руководству.

ВI: Там, видимо, надо было все сделать именно таким образом. Это ведь внутренняя тюрьма.

В: Все равно.

Б: Я повторяю свою мысль. Я думаю, что тюремное начальство, а также и врач тюрьмы знали, что к этому арестованному необычное отношение.

В: Извините, что перебиваю. Олег Сергеевич, скажите, пожалуйста, где хоронили заключенных, если они умирали в санчасти?

Б: Понятия не имею. С этой точки зрения мы были отрезаны от тюрьмы. Мы имели право вызвать на допрос, проводить допрос. Затем арестованного уводили. Людям моего уровня были непонятны внутренние распоряжения. Нас это совершенно не интересовало. Случаев смерти на моей памяти не было: тогда никто из моих не умирал - ни по возрасту, ни по жизни, хотя многие из них были люди более старшего поколения. Таких случаев

я не помню, совершенно нет. Короче говоря, не то, что не помню, а у меня их не было. Насколько я помню, и у моих товарищей такого тоже не было: чтобы кто-то умер или что-то вроде такого. Нет. Очень большим людям потом, по-моему, дали по 25 лет, а затем, такого, как Шетнер, по-моему, после приезда Аденауэра вернули. Тогда стоял вопрос о возвращении генералитета, были налажены отношения с Германией. После первого, основного приезда Аденауэра пошла волна их освобождения, их передачи. Об этом они договорились, и о возвращении военнопленных было опубликовано, несмотря на то, что они были приговорены.

В: Олег Сергеевич, у меня есть еще вот такой вопрос: у нас имеется перечень фамилий людей, разных по национальностям, которые – по имеющимся у нас данным, по тому, что мы установили, – в той или иной степени во время пребывания во внутренней тюрьме или в Лефортове пересекались с Валленбергом. Эти фамилии говорят вам что-нибудь?

Б: Давайте, читайте.

В: Рихтер.

Б: Да, такую фамилию я помню: это был немец, который, по-моему, представлял интерес, поскольку его фамилия в кабинетах звучала в том плане, что... (не дог.). Не помню, то ли Симанчук или кто-то там еще. Я не могу конкретно сказать, чтобы не напутать в этом вопросе. Где его взяли? По-моему, в Румынии, если мне память не изменяет. Но дело Рихтера должно быть, это был немецкий разведчик. Не помню, был ли он дипломатом или нет, но такой человек был. Это был профессиональный ... (не дог.). У меня отложилось в памяти, что это был немецкий раз-

ведчик. Я сейчас не помню, к какой службе он принадлежал. Я знаю, что в немецкой разведке было много направлений: то ли он принадлежал к абверу, то ли к СД.

Но дело Рихтера в памяти осталось. Это был какой-то незаурядный человек.

Наряду с большими по тому времени именами, такими, как Пикенброк и так далее, были и люди малозначительные, но которые могли что-то знать, поэтому состав был разнородный. Например, могла быть и стенографистка того же Рихтера, если их взяли вместе - это я говорю к примеру - Рихтер, допустим, и его секретарша. Вот так это было.

В: Понятно.

Б: Стенографистка иногда больше знает и помнит и это естественно.

Был состав настоящих разведчиков и вспомогательный состав из разведывательных служб. Примерно, так.

И это было естественно, потому что сразу, когда пошла армия - в Румынию и Венгрию.../не дог./ для того времени это было естественно.

В: Теперь следующая фамилия: Родде.

Б: Что-то знакомое, но четко не могу сказать, как в отношении Рихтера.

В: Понятно. Редель.

Б: Такого не помню.

В: Пелконен.

Б: Такого помню, такое дело было. Правда, прокомментировать никак не могу, но что-то знакомое было.

В: Кичман.

Б: Это имя мне ничего не говорит.

В: Адельман.

Б: Тоже ничего не говорит.

В: Штрайх.

Б: Ничего.

В: Лойда, Хартман.

Вот оригинальная личность: Гроссхайм, Томсон, Крысько.

Б: Нет.

В: Химе, Хатс.

Б: Хате, да. Он был военным атташе, по-моему, он был венгр, даже говоривший по-русски. Это я помню четко. Военный атташе немецкий или венгерский.

В: Бергеман, Валенштайн.

Б: Помню Ратенхубера. Это личность известная.

средственному начальнику. Сначала начальнику отделения, а если что-то важное, то начальник отделения вместе с вами идет к начальнику отдела. Обычное правило работы разведки и контрразведки. Это наша этика.

ВI: И тем не менее о стенографистках.

Б: У нас был очень маленький технический состав. По тем временам техники особой не было, Чернильница и перо. И все. Секретари отдела - девицы по 30 лет - по своему интеллекту не имели никакого понятия. Были карточки. И так, чтобы что-то знать, я в этом сомневаюсь. У нас, по-моему, было два секретаря Отдела, которые из канцелярии не выходили вообще.

Почту носил Карташов. Карташов подписывал документы и носи начальникам отделений. Панибратства у нас не было.

В: А водители, курьеры?

Б: Нет. Во-первых, мы курьеров не знали. Если мы заканчивали какое-то дело, мы отдавали его в канцелярию, и оно шло на вечное хранение.

В: А вы использовали машину, когда куда-то выезжали? Вас кто-то возил?

Б: Нет, в то время этого не было. Машина была у начальников отдела. Начальники отдела - это были фигуры. А мы работали и днем, и ночью. Или до часу ночи, пока работает метро. Или до пяти утра. Автобус приходил в Лефортово и развозил нас. Я выходил у Разгуляя. А в II часов - снова в кабинете. Работал до шести, потом перерыв. Затем с II и до утра. Кино и театр было для нас - табу. Это был особый период. А нам было 25,26 лет.

В: Вы не помните таких женщин как Кущ Лида, Потапова Мария?

Б: Помню. Прекрасно помню. Они живы. Маша жива, она живет где-то на Песчаной. Мне говорила Аня Стеснова.

В: Стеснова, наверное, знает их всех?

Б: Их знает..., потому что Стеснова работала до меня. Она хорошо знает немецкий язык. Когда офицеры получали направление, она проверяла их знания по языку. Мы были молодые, способные и нужные, а со знанием языка было плохо. Вот почему была создана эта группа в четвертом отделе, там были немецкоговорящие товарищи. А на молодых делали ставку. Была группа прикомандированных, но мы их плохо знали. Они приезжали с периферии, из армии, из отдела контрразведки. Они работали с переводчиками. Лида Кущ и Потапова были у нас в 4-м отделе постоянно в штате. Стеснова может знать, ей уже за 70 лет, наверное, она была старше всех. А Потапова жива, Аня мне говорила в начале этого года. Я даже позвонил Маше Потаповой, это было 8 марта. Это человек, знающий язык, но ничего не определявший.

Она была переводчиком. К ней был прикомандирован майор. Но проработали они там долго. Они были в штатах. Маша Потапова была одинокой, бездетной, интересной женщиной. Бог ей все дал. Как товарищ она была очень хорошей и знала людей. Может быть, она что-то помнит. Так по крупицам можно что-то собрать. У вас ведь такая задача, собирать по крупицам кто что помнит. Я бы на вашем месте тоже также делал. У кого что осталось в памяти. Прошло ведь почти 45 лет.

Это сейчас все спокойно, а после войны была такая кутерьма Все данные собирались в отдел Карташова, я повторяю, все

самое интересное.

Может быть, кто-то что-то помнит. Можно поговорить с Машей Потаповой. У Ани Стесновой есть ее телефон. По-моему, она мне сказала, что живет на Песчаной. Я повторяю еще раз, что сама фамилия Валленберга каким-то большим секретом в нашем коллективе не являлась в то время. Тогда не было такого звучания, что это что-то особенное. Как Харт, как Рихтер. Это так! Как обычно! Как Харт. Ну военный атташе! Их были сотни.

В: Как по-вашему, кто еще мог знать?

Б: (Пауза) Насколько у меня осталось в памяти, что-то мог знать Вайндорф.

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Крымовым Николаем Васильевичем
20 ноября 1991 года

Участвовали : Аржанников Николай Михайлович, заместитель Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека

Люрвалль Бьерн, 2-ой секретарь посольства Швеции в СССР

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР

Козлов Александр Андреевич, представитель Агентства федеральной безопасности РСФСР

4/96

20 ноября 1991 года

/В разговоре участвуют Крымов Николай Васильевич (К.), Зиборов А.Е., Аржанников Н.М., Козлов А.А., Люрваль Б./

К: Я, Крымов Николай Васильевич, полковник в отставке, в 1950 году был переведен на работу в Москву в центральный аппарат тогда Министерства госбезопасности. Поскольку я знал шведский язык, то имел отношение и работал длительное время по, так называемой, скандинавской линии, в контрразведке. С 1950 по 1961 год я занимался норвежской линией, некоторое время также и датско-исландской. К шведской линии до 1961 года я прямого отношения не имел. А с 1961 года по 1964 год меня назначили начальником отделения, в тот период я уже имел отношение опосредованное, как говорится, к шведской линии. В дальнейшем я тоже имел отношение к шведской линии с 1972 по 1976 год. Последнее отношение, таким образом, я имел в 1976 году. Мне стало известно о Валленберге практически сразу же по приезде в центральный аппарат на работу в скандинавское отделение. Почему? Поскольку я знал шведский язык, то привлекался к переводу газетных статей, документов, которые имели какой-то интерес для органов госбезопасности и, в частности, очень часто попадались статьи, которые меня просили переводить, и очень редко документы, которые касались судьбы Валленберга. Поскольку уже, видимо, начиная с 1944 года, когда он был в Будапеште, вопросы о нем постоянно возникали в связи с обращениями шведских властей, шведского посольства в Москве в МИД. МИД, естественно, запрашивало различные органы: и МВД, и МГБ, прося сообщить, что известно о его судьбе. Эти вопросы, естественно, спускались в различные подразделения. Подразделения обычной контрразведки прямого отношения к этому делу не имели. Поскольку мы участвовали в подготовке ответов в МИД СССР, мы соби-

рали данные со всех других подразделений, которые могли иметь отношение к делу Валленберга, и составляли ответы в МИД, поскольку переписка с МИДом велась тогда, в основном, Вторым Главным Управлением . Насколько я помню из разговоров товарищей, эти вопросы возникали и до 1950 года, но тогда я, конечно, к ним прямого отношения не имел и не знал ничего, так, из истории вопроса только по разговорам. И в дальнейшем, почему мне становилось известно о подготовке, о запросах докуметов? Повторяю, что я непосредственно отношения к этой линии не имел. Мы работали в одной комнате, 5 - 6 человек, которые занимались всей Скандинавией и Финляндией. И, конечно, в разговорах, в беседах, естественно, были осведомлены о тех или иных вопросах, которые вызывали интерес и у нас, поскольку были злободневными. Надо сказать, что в тот период о том, кто такой Валленберг и что значит семья Валленбергов для Швеции, широкому кругу, в том числе и руководству МГБ не было известно. Допустим, о Морганах, Рокфеллерах, Дюпонах в Америке, все знали, а о том, что Валленберг имеет такое же значение для Швеции, не было известно, поэтому сам Валленберг представлялся обычным шведом, рядовым дипломатом, но не имеющим какого-то большого значения для судеб стран, государств, тем более для Советского Союза в тот период. Примерно в тот период в 50-е годы, я не берусь точно сказать какой это был год, но вопросы эти постоянно возникали, я знаю, что среди работников, которые готовили ответы в МИД, была полная уверенность в тот период, что Валленберга в живых нет. Насколько я понимаю и в шведском посольстве, посол Швеции в СССР он тоже был, если не уверен, то во всяком случае придерживался тоже мнения, что его в живых нет, но поскольку на него, видимо, давило и МИД Шве-

ции и общественное мнение, газеты, то постоянно эти вопросы возникали. У нас, работников, тоже не было сомнений, что в живых его нет, поскольку все же тогда в органах госбезопасности какой-то учет был, находившихся под следствием и в лагерях и т.д., да и в МВД, по-моему, тоже учет заключенных в их лагерях сохранялся. И, получив первоначальные ответы, что такой-т нигде не значится, ответы были и из отдела учета, отдел "А", если не ошибаюсь, тогда был в МГБ, сейчас 10-й отдел, в последнее время был, оттуда поступали ответы, что он за ними не значится. Т.е., нигде его ни в тюрьмах, ни в лагерях нет, ни в следственных изоляторах. Из МВД поступали точно такие же ответы. Кроме того, насколько я знаю, видимо, свыше было известно, что он находился в тюрьме, в тот период были такие документы, и по официальной версии он умер. До рядового состава какие-то документы о том, что с ним произошло, естественно, не доходили. Видимо, они были известны высокому кругу руководителей. Поэтому нам давали поручение сообщить, что такой-то ... (не догов.) Видимо, уже при Хрущеве было принято решение сообщить, что он был у нас, но умер. То есть, давали официальный ответ, что умер. Но среди работников, в тот период еще были и живые люди, которые имели к этому отношение, ходили разные версии о том, что с ним случилось. В основном, многие склонялись к версии, что поскольку руководители высокого ранга вплоть до Молотова, Деканозов был тогда зам.министра иностранных дел, сообщили тогда шведам, что его у нас нет, и длительное время упорствовали в этом, им не захотелось , видимо, признаваться, что они обманывали раньше. Сначала сообщили, что он находится у нас в войсках, потом сообщили, что его нет, и в третий раз говорить, что он у нас и сидел два года в тюрь-

ме и они скрывали, видимо, не хотелось терять лица. И была версия, что его по какому-либо обвинению подвели и, как говорится, лишили жизни. Как и что, этого, конечно, не было известно. Не исключено, что его могли обвинить в пособничестве немцам по тем материалам, которые тогда имелись в органах, что где-то он помогал немцам, это я из печати, менять грузовики на жизни еврейского населения Венгрии и прочее. Т.е. , это уже, чтобы оправдать каким-то образом... (не дог.) Но повторяю, что это была просто устная молва, что в этом кто-то был заинтересован свыше, чтобы это дело похоронить. Вот, что касается того периода.

Так что, могли его обвинить и в шпионаже, и в пособничестве, не исключено, что он мог и умереть, т.е. версии такие были, но в том, что он умер, мы в своем кругу сомневались. Почему сомневались? Потому что это был сравнительно молодой человек, и если бы он просто умер, то не было бы какой-то таинственности вокруг этого дела, потому что нам в руки его дело, какие-то документы не попадали, касающиеся его допросов, пребывания в тюрьме и прочее. Обычно, если человек умирал в тюрьме и было какое-то дело, писали запрос, нам сообщали номер архивного дела, мы сами поднимали его, смотрели и составляли. В данном случае ничего этого не было. Видимо, существовал запрет на выдачу дел. И до нас первоначально документы не доходили, кроме вот таких разговоров, что кто-то где-то что-то сказал. Это вот первоначальный период. В дальнейшем, вот уже в течение 30 лет никто его поисками практически не занимался. Все ответы шли со ссылкой на прежде сообщавшиеся данные, что да, он был, находился до 1947 года и умер. Когда я уже был начальником отделения, сами мы готовили, и зам. началь-

ника отдела имел отношение, то мы уже на 100% были уверены, что его в живых нет, поэтому искать его где-то было бесполезно. Речь могла идти только о том, как он окончался, и о причинах его задержания в течение 2 - 3 лет с 1944 по 1947 год. Почему его держали?

Второе Главное Управление, где мы работали, этим не занималось Просто он находился в распоряжении то ли следственных органов, то ли органов СМЕРШ, которые его тогда задержали. У нас этих материалов не было, и мы их никогда не получали. Это примерно то, что до 1976 года ... (не дог.) Потому что , повторяю, регулярно через год, через два поступали новые запросы. Теперь, что касается всех этих заявлений, сообщений о том, чт кто-то его видел в тюрьме, кто-то его видел в лагере. Мы к ним относились с полнейшим недоверием, потому что мы были пол ностью уверены, что его в живых нет и видеть его никто не мо после 1947 года. В тот период незачем было скрывать и делать из него какую-то железную маску. Почему? Потому что тогдашнее руководство МГБ было настолько уверено в своей безнаказанности, что скрывать, что он где-то находится и его прячут, ну, до нас этого просто не доходило, и не могло этого быть в той системе, в которой мы существовали. Не было необходимости. Если он был не нужен, то его вполне могли, если он не умер, в тот период ликвидировать по чьему-то распоряжению, а не скрывать где-то в отдельной камере, в изоляции. Этого не могло быть. Поэтому все эти сообщения могли быть мотивированы или искренним заблуждением, или желанием получить от этого какие-то выгоды морального или материального плана. Поэтому все эти сообщения в прессе, все эти заявления мы воспринимали именно под таким углом зрения, что это или искренно заблуждающийся человек, или ищущий какие-то выгоды, а видеть его он не мог, по-

тому что это пустой труд - проверять такие сообщения, эти сообщения практически даже не проверялись. Была полная убежденность, что его нет в живых с 1947 года. И все ответы уже готовились по такому принципу, что ... (не дог.) По-моему, посол Швеции тоже был уверен в этом, мы контактировали со скандинавским отделом, и он в беседах говорил: "Я, конечно, понимаю все это, но вот видите поступают новые заявления и просьбы проверить."

Я не знаю, может быть, занимались проверкой и другие органы, которые имели к нему отношение - следственный отдел или отдел учета и информации, или в МВД-в тот период все лагеря и тюрьм находились в ведении МВД, может быть, они занимались, но наши подразделения не занимались, но были уверены, что его нигде больше нет. Почему могли возникнуть какие-то сомнения, жив он или нет? До 1941 года был стереотипный ответ, - „приговорен к 10 годам, без права переписки"., человека нет в живых, а родственникам отвечали, что он приговорен к определенным срокам, без права переписки . Но после войны, насколько я знаю, этот термин уже не употреблялся. Не было случаев, чтобы так отвечали. Поэтому уж если сообщили, что он умер, то ни у меня, ни у товарищей, которые занимались в тот период шведскими делами, не возникало сомнений в этом. Насколько я знаю, у руководства были какие-то документы, потому что я непосредственно этим не занимался.

Вопрос: В пятидесятые годы, в начале 50-х, до 56-го, когда вашим коллегам доводилось заниматься ... /не дог/

К: /переб./ В период реабилитации эти вопросы стали подниматься особенно остро.

Вопрос: Я понимаю, что не вам, а вашим коллегам со шведской линии

доводилось заниматься проверкой запросов, о Валленберге. Получали ли они на проверках какой-нибудь штамп о наличии дела, когда проверяли его по учетным материалам? Им могли не выдавать дела на руки. Но стоял или нет штамп о наличии дела? Или проверки были пустыми, то есть материалов дела не было?

К: Сейчас я не могу сказать вам, были ли проверки. Но я знаю, что какие-то дела были у руководства, и их не давали даже работникам, которых наметил/?/ Совнарком.

Вопрос: То есть было известно совершенно точно, что в начале 50-х годов существовали какие-то дела?

К: Да, какие-то материалы существовали.

Вопрос: У какого руководства?

К: Во всяком случае, у руководства отдела.

Вопрос: Кто был там в то время?

К: В то время работал и руководил отделом Тахчианов, но уже в 53-м году он был уволен.

Сначала, когда пришел Кабулов и Берия, он был переведен в Саратов. У них были какие-то личные счеты.

Вопрос: Тахчианов.

К: Да, вначале он был один год в Саратове, а затем его вообще уволили. Позднее начальником отдела был генерал-лейтенант Шевелев. По-моему, он тоже скончался.

Вопрос: И Тахчианов скончался?

К: Тахчианов тоже скончался. Он был 1903 года рождения. Мы-то едва кто за 70 лет перескакиваем, а наши старшие коллеги, к сожалению ... /не дог/. Его заместителем был Лейбкинд. Я не знаю, где он, потому что его уволили из органов во время "еврейской кампании".

Вопрос: Лейбкинд?

К: Лейбкинд.

Вопрос: А как его звали?

К: /Неуверенно/ Рафаил Самойлович.

Вопрос: Рафаил Самойлович. А в какие времена это было? Тоже в начале 50-х?

К: В начале 50-х. В 1952 году, примерно.

Реплика: Я думаю, что увольнение евреев пошло примерно в 1952 году

К: В 1952-1953. Сначала его перевели в Ржев, начальником Ржевского отдела, а потом уволили. Был сначала он, дальше был Иванов. Он скончался в 50-м или в 51-м году.

Вопрос: Он тоже был начальником отдела?

К: Заместителем.

Реплика: Ах, да, замом.

К: Начальником отдела был сначала Тахчианов, потом Шевелев, после него за это время сменилось уже много народу. Сейчас очень трудно вспомнить, были начальниками и заместителями. Позднее, когда мы, то есть, наше отделение, уже перешли в немецкий отдел, начальником был Новик. Новик, Крутоусов, Тунгарев/?/. Я не знаю, по-моему, Крутоусов еще жив. Не исключено, что и Новик, может быть, жив. Конечно, все они уже давно на пенсии. В этот период сами начальники отделов не занимались этими вопросами, а передавали их нам, и поэтому мы тщательно и подробно поднимали старые дела и показывали, что тогда-то давался такой-то ответ. И все удовлетворялись этим, слали это наверх и давали однотипные ответы, можно сказать, по шаблону. Тем более, что он значился не за нами, и ответы давались за подписью руководства МГБ, а мы их просто визировали на основании сообщений из учетного отдела и из МВД. Поскольку не поступало

ничего нового, мы докладывали, что занимались подробно и искали его в начале 50-х годов, но тогда ничего не было, а все эти новые сообщения о том, что он якобы жив, не заслуживают доверия.

Вопрос: Николай Васильевич, в какой степени вы готовили ответ? Готовили ли вы его под подпись руководства МГБ или в форме доклада, что проведена какая-то работа?

К: Как у нас это принято, сначала составлялись справки. Эти справки докладывали, и они шли к руководству МГБ. Шли не только наши справки, потому что от нас и не могли получить подробную справку, потому что мы не занимались этим делом. Шли справки из учетного /впоследствии 10-го/, а также из следственного отдела. Видимо, в основном материалы докладывались руководству следственного отдела и того подразделения, за которым он значился, как арестованный. Тогда существовала следующая система: если получали санкцию на арест, то все оперативные материалы собирались и после проведения ареста отдавались в следственный отдел. Далее мы им что-то посылали, только если это им было нужно. Но поскольку мы, 2-ой Главк, не вели этого ни оперативно, ни следствием, то мы только собирали различные материалы и докладывали их. Далее это шло на руководство Комитета, а оно давало указания, какой ответ нужно подготовить.

Работниками были Недосекин, Махалов, Виноградов, затем был еще Калинин. К сожалению, те, что были, почти все скончались. Единственно, я не уверен относительно Мохолова. Но я знаю, что у него была тяжелая операция лет I0 назад.

Вопрос: А вы не помните имя и отчество Махалова?

К: Руф Федорович, по-моему. Если не ошибаюсь, то Махалов Руф Федорович.

Вопрос: Скажите, Николай Васильевич, как вы относитесь к той мысли, что Недосекин был более, чем вы, информирован? Допускаете ли вы это?

К: Если только со слов руководства.

Вопрос: То есть, официально он не владел большей информацией, чем вы?

К: Нет, потому что все касалось разговоров. К нему лично, в отделение не поступало никакого дела, никаких материалов. Он мог только прийти к руководству, а там ему могли что-то сказать или показать, какой-нибудь документ. Потому что ниже никакие документы не спускались.

Вопрос: Николай Васильевич, прошу прощения, а в 50-е годы Недосекин работал по шведской линии?

К: В 50-е - да. Я сейчас скажу, он пришел на шведскую линию, когда нам возвратили звание.

По-моему, звания стали возвращать в 54-м году. Речь шла о том, чтобы приспособить должность к званию, а звание к должности. Чтобы ему не снижать звания, его сделали у нас зам. начальника отделения. Обычно на шведской линии у нас работало 2 человека, иногда один, но чаще всего двое. Там были Недосекин и Виноградов. С 54-го чуть ли не до 7Iго или до 72-го работал Недосекин. Чуть ли не до 70-го. В то время, в I966

году я уже уехал работать в Мурманск, а он тогда еще оставался работать. Примерно до 77-го, 78-го годов.

Вопрос: И он практически непрерывно все время сидел на скандинавской линии?

К: Нет, не на скандинавской, а на шведской. Потому что менялись начальники отделения, а он занимался этим с 53-го года примерно 17 лет.

Вопрос: Кто был куратором вашего отдела из руководства Главка?

К: В 50-е годы был Лялин, гораздо позднее был Щербак. Он уже поздно стал замом начальника Главка.

Вопрос: А вы с ним общались?

К: Да, мы общались с ним. А в 50-е годы с партийной работы пришли Лялин и Грибанов.

Вопрос: Вам не известно о судьбе Лялина и Грибанова?

К: По-моему, Грибанов умер, а о Лялине я не знаю. Он был затем зампредом и начальником 8 Главка, а уже куда он ушел оттуда, я не знаю.

Вопрос: Имя-отчество не помните?

К: Серафим Николаевич.

Вопрос: Серафим Николаевич Лялин. Николай Васильевич, еще такой вопрос. По литерным или другим делам вам лично не приходилось сталкиваться с документами о Рауле Валленберге? Знакомиться с ними?

К: Такие справки составлялись, когда приходило новое руководство Главка и возникал новый запрос со стороны МИД . Обычно, когда поступал запрос, то сначала писали справку, а не готовили ответ. Справки писали с тех документов, которые ранее находились в литерных делах. То есть, были какие-то обобщенные документы, и эти справки переписывались с материалов, ранее находившихся в делах.

Например, что по сообщению отдела "А" он был тогда-то привезен в Советский Союз, находился в тюрьме и прочее.

В период следствия он умер своей смертью. Если бы там нечего было скрывать, то это открылось бы в каком-то другом деле. Однако он понимает, что здесь замешаны какие-то высокие соображения для того, чтобы не давать этих материалов.

Вопрос: Насколько мне известно, в июле 1947 года была отменена смертная казнь. Не могло ли это послужить причиной того, почему ...

К: /переб/ Я не помню точно даты, когда она была отменена.

Реплика: Казнь действительно была отменена Указом в мае 1947 года, но это было непродолжительный период.

К: Дело в том, что была отменена смертная казнь по приговору суда, а приговора не было. Не исключено, что было принято решение, что он умер не своей смертью, но это только версия, которая имела хождение. Я не могу сослаться на какого-то конкретного человека, который бы мне сказал, что знает это наверняка. Существовало предположение: почему это вдруг умер сравнительно молодой человек. Особых разговоров это не вызывало: умер, ну и умер. Может быть, кому-то сказали или кто-то намекнул, что он умер неспроста. Были всего лишь сомнения в том, что он умер своей смертью.

Вопрос: Николай Васильевич, вы или кто-то из ваших товарищей составляли справку в ответ на такой вопрос и для составления справки пользовались материалами литерного дела. В какой форме находились материалы в самом литерном деле - тоже в форме справок или в какой-то иной форме?

К: Дело в том, что я сам не вел литерное дело в тот период. Я работал по другой линии. Иногда я занимался переводом тех документов, которые мне давали, но сами документы не составля

Вопрос: Значит, вы этим литерным делом не пользовались?

К: В тот период не пользовался. И вообще - нет.

Вопрос: И не знаете, какие материалы там находились?

К: Нет. Позднее, когда снова поступал запрос, мы поднимали литерные дела. Обычно представители МИД ссылаются на предыдущий запрос: тогда-то мы направили вам запрос под таким-то номером нет ли каких-то новых сведений по этому делу. Мы поднимали свой материал. Если значилось, что дело в архиве, мы запрашивали дело из архива. Там не было каких-то сообых пометок - это было самое обычное архивное дело. Поднимали дело, смотрели предыдущий наш ответ. Иногда приходилось запрашивать, например, следственный отдел. Но, как правило, не запрашивали, потому что такой необходимости не было - мы были уверены. И писали ответ: никаких новых сведений не поступило, тогда-то он скончался. Вы спросили, какие справки могли быть в литерном деле. Там могло быть, к примеру, следующее: по сообщению отдела "А", который курировал следственный отдел, тюрьмы и изоляторы, такой-то умер такого-то числа. Был официальный документ, в котором фиксировалось: находился, умер. На него и ссылались. Я повторяю: у нас никаких материалов не было. Мы только готовили ответы на запросы. Но, разумеется, основание официальное у нас было, иначе мы не стали бы писать ответ. Это основание - сообщение отдела А.

Вопрос: Это все было, когда, как вы говорите, было проведено расследование в начале 50-х годов? А потом - в 1956 году - во всей советской официальной позиции произошел поворот.

К: А не раньше произошел этот поворот? Когда Читалов (?)..

Реплика: /переб/ В 1956 году он, будучи заместителем министра иностранных дел, направил меморандум, где это и сообщалось.

Вопрос: Может быть, вы помните обстоятельства, как этот вопрос обсуждался тогда? Я понимаю, что вы не владеете...

К: /переб/ На нашем уровне он не обсуждался. Обычно в таких случаях вызывают к руководству и говорят: мы раньше писали, что у нас его не было, а сейчас новое руководство МГБ решило открыть это дело. А поскольку по старым документам значилось, что он умер, то и дали команду: напишите все, что было в наших справках - доставлен, находился под следствием в тюрьме, такого-то числа умер. Мы подготовили справку. Видимо, была представлена справка из тюрьмы о том, что он умер. Основания были - справка наша составлялась не со слов.

Вопрос: Вы говорили, что когда в начале 50-х гдов вы работали с материалами, составляли справку, по вашим данным он умер в тюрьме. Но потом шведской стороне был дан ответ, что его вообще не было в Советском Союзе. Такой ответ был дан нашей стороне до 1957 года. Когда вы составляли справку, с вашей стороны был другой подход, а вот руководство дало иной ответ.

К: Что его нет?

Реплика: Да.

К: Знаете, я боюсь перепутать годы, когда появились эти разговоры - то ли после того, как мы сознались, что он был у нас, то ли до этого. Я говорю сейчас, что это было в начале 50-х годов, но может быть, я просто путаю даты, когда возникли эти разговоры. Но всерьез начали собирать материалы именно в 1956 году, когда решили сообщить, что он был у нас. Тогда и стали

интересоваться подробностями: когда, где, кто занимался. А до этого, официально второе Главное управление сообщало, что у нас никаких материалов нет. Не исключено, что ответ готовили не мы - мы давали справку, что у нас материалов нет. А готовили ответ те, у кого были какие-то материалы. А дальше вероятно, секретариат готовил ответ.

Реплика: Но, Николай Васильевич; ведь не исключено и то, что на о; ном уровне готовится объективная информация, докладывается, а ответ выдается совсем другой - по распоряжению руководства.

Реплика: Это возможно.

К: Мне не хотелось бы как-то оговариваться, но обычно, когда готовится ответ, то его сопровождают материалы, служащие основанием. Документы шли за подписью руководства МГБ, одна копия оставалась в секретариате, а вторая - во втором главке у непосредственных исполнителей. Переписку, в основном, вел второй Главк. Но не исключено, что отдел, который этим занимался, тоже мог готовить такие ответы. Я лично не помню, чтобы мои товарищи или я готовили ответ, что его у нас не было. Потом уже занялись выяснением, кто же все-таки дал такой ответ, но ответ этот, разумеется, давали по распоряжению сверху. Кто его готовил, сейчас трудно сказать, потому что я не ко всем делам имел отношение. Мне трудно судить. До 1953 года примерно я даже и не слышал этой фамилии. Может быть, даже до 1954 года Видимо, вопросы, тогда не возникали. Я говорю - начало 50- х годов, но скорее речь должна идти о середине - после смерти И.Сталина, когда началась смена руководства, точек зрения. Видимо, тогда поступил очередной запрос, стали поднимать материалы, искать.

Вопрос: Николай Васильевич, как вам видится все, что произошло? Я могу понять, что в 1947 году, да и позднее могла быть заинтересованность, чтобы скрыть истину, вообще лишить информации Но в 1957 году готовится достаточно серьезное правительственное заявление, а как оно готовилось, тоже неизвестно. С одной стороны -решили открыть данные, а как их открывали? Откуда взялся рапорт Сальцова, кто его нашел, кто доложил? Почему нет следов поисков 1957 года, как вы думаете?

К: Думаю, здесь опять сыграло роль желание сохранить лицо. Неудобно было пришедшему к власти Н.Хрущеву признаваться, ведь он тоже тогда был в составе Политбюро. А МИД остался в прежнем составе. И в ЦК люди оставались те же самые. И, вероятно, всем им было не выгодно это делать - показывать, что столько лет они говорили неправду. И они продолжали говорить неправду. Какая, мол, разница - ведь умер же!

Вопрос: Но, видимо, квалификация повысилась: ведь если в 1947 году можно было найти тюремную книгу, где была фамилия Валленберга, потом зачеркнутая, то в 1957 году уже нельзя найти зачеркнутых материалов, Кто этим занимался?

К: Думаю, что это было сделано раньше - до 1957 года. Сейчас не восстановишь.

Вопрос: Это уже не важно. Я имею в виду два этапа: 1947 год - когда непосредственно развивались события. И 1957 год - когда решили изменить официальную позицию. Ведь тоже проводилась какая-то работа, не мог А.Громыко просто взять - и написать.

К: Знаете, могу изложить наше мнение, которого придерживаюсь и я. СМЕРШ, несмотря на то, что сделал много полезного во время войны, состоял, в основном, из малоквалифицированных в профессиональном отношении сотрудников. У них была очень развита

шпиономания. Не могу этого сказать о втором Главке - там искали какие-то серьезные основания, искали настоящих шпионов или хотя бы информаторов. СМЕРШ после войны искал мнимых преступников: скажем, становилось известно, что такой-то военнопленный был в английской зоне оккупации, следовательно, общался с англичанами. Все - на этого человека заводили дело по обвинению в шпионаже в пользу англичан. Если в концлагере какой то жалостливый охранник дал ему горбушку хлеба или этот военн пленный работал в хозяйственной зоне лагеря - он объявлялся пособником немецких оккупантов или того хуже - немецким агент То есть людей стали притягивать. Я сам сталкивался с несколькими подобными делами. И что получается: организация - СМЕРШ сохранилась, люди сохранились, им надо было подавать наверх результаты. И я не исключаю, что и Валленберга, который имел деловые контакты с немцами, стали разрабатывать, накручивать. Потом ничего не получилось - может быть, от них и исходила инициатива убрать его, боюсь утверждать это наверняка. Но когда его уже не было в живых, они, естественно, вообще стали скрывать, что он был у них.

На каком-то отрезке времени в 1951-52 годах - арест Абакумова, других - люди, которые стояли у истоков дела, арестовали его, вели следствие, были разогнаны. Разумеется, это и подобное ему "липовые" дела они были заинтересованы уничтожить. Тогда это не составляло труда: составлялся акт - и дело уничтожалось.

Не могу сказать в отношении следственных дел - не работал в следственных отделах, но литерные дела одно время полагалось хранить чуть ли не вечно, а потом их разрешили уничтожать или изымать ненужные материалы и уничтожать их. Люди, отвечавшие за дело Валленберга, были заинтересованы его скрыть, уничтожить. Я вспоминаю - шведы, наверное, то же помнят - во время войны в 1942 году тоже была громкая история, когда потопили шведский пароход. 17 человек из команды спасли и на подводной лодке доставили в Ленинград . О том, что мы потопили шведский корабль, нигде не было известно. Кто-то время спустя в воспоминаниях написал. Стали искать, где же команда. Он сообщил, часть экипажа доставили в Ленинград. В Ленинграде же не нашли никаких следов, кроме тюрьмы, куда их доставили и где отобрали вещи. Дальнейшая их судьба вообще неизвестна, потому что под следствием они не были, а были по сути интернированы. Время было сами знаете какое - голод, люди умирали тысячами. И единственный след - это тюрьма, где нашли опись вещей. Тогда же мы и сообщили шведской стороне: часть экипажа была в Ленинграде, но дальнейших следов нет.

Я даже не знаю, сохранились их вещи или их вернули. А в документах нет никаких следов, потому что их или сожгли, или просто отправили куда-то в лагерь для интернированных, где они умерли.

Вопрос: Николай Васильевич, вы употребляли такое слово как "убрать". Мы все в той или иной степени понимали, абстрактно представляли, что это значит, что этот человек должен умереть

К: Да.

Вопрос: Но ведь тот, кто, предположительно, принял решение (предположим, что это был Абакумов), он ведь не зайдет в камеру с кистенем?

К: Нет. Это было, конечно,решение особого совещания.

Вопрос: Какой механизм? Здесь должен быть использован какой-то механизм. Ведь тот же самый человек, кто приводит приговор в исполнение, он тоже должен иметь эти документы для того, чтобы провести непосредственное действие: вывести куда-то, выстрелить.

К: Да.

Вопрос: Это же тоже действие.

Как оно могло выглядеть?

К: Могло быть решение особого совещания. Я не знаю, сам я не видел эти материалы особого совещания, но знаю, что там должны быть очень короткие установочные данные на него, резюме - в чем он обвиняется и предложение - что с ним сделать. То ли осудить на десять лет, то ли ... / не дог/ Но как правило, насколько я знаю, одно время особому совещанию было запрещено выносить приговор, а после отмены смертной казни - тем более. То есть тут могло быть, если его действительно решили убрать, только распоряжение, а в тот период могли быть и устные распоряжения.

Вопрос: Хорошо. Каким образом могло быть вынесено это устное распоряжение? Ведь для конкретного исполнителя нужно указание не Абакумова, а своего руководителя. Так вот каким обра-

зом это могло быть? Ведь человек, который реализует замысел высшего руководителя, он же ему не известен, он не знает, что это Абакумов распорядился. Это все равно должно быть как-то легендировано для исполнителя.

К: Как легендировано? Какие распоряжения поступали об убийстве Троцкого? Но это, правда, на свободе, не в тюрьме. Или там убийство Бандеры и прочих. В тот период могли дать такое указание.

Вопрос: Нет. Речь идет в основном о технологии приведения в исполнение.

К: Это надо спрашивать не у меня, а у следственной части и в отделе ... /не дог./ Какая технология? Я к этому не имею никакого отношения.

Вопрос: Я могу предположить, что на воле можно дать задание агенту или человеку, который формально числится, что надо поступить так-то. Потому что он на воле. А здесь-то человек в тюрьме, за него несет ответственность другой человек, то есть все равно нужно объяснить начальнику тюрьмы, нужно объяснить в конце концов кому-то еще, кто просто открывает и закрывает дверь - к нему же просто не войдешь.

К: Ведь это делалось - не просто взяли и зарезали его ножом. Методы вы знаете. Того же Бандеру. Видимо, это вызывало нечто вроде инфаркта.

Сейчас это уже известно из печати, когда на Западе двух руководителей организации украинских националистов убрали именно таким способом. То есть внешне это выглядело, как инфаркт.

Реплика: Это я понимаю. Если бы он был на воле, я бы вам как профессионалу, не задавал такого вопроса.

К: Вы поймите, что это только мое предположение.

Реплика: Я понимаю, что это только предположение. Но вы имеете большую базу для предположения, чем я.

К: Могло быть точно так же. Заболел человек, насморк у него какой-то или что-то, к нему могли пригласить врача. То есть технологию этого я не могу вам сказать. Поэтому я и говорю, что это одна из версий. Когда есть версии, то это вполне возможно

Реплика: Безусловно. Я думаю, что мы все здесь в этом сходимся.

К: Тюрьма есть тюрьма.

Человек три года сидит в тюрьме. Да вон сколько есть случаев самоубийств! Переживает человек. То есть у него мог быть и инфаркт, в конце концов, или инсульт. Хотя инсульт мало вероятен у такого молодого, но инфаркт мог быть.В тот период мы в это мало верили, учитывая, что он мог кому-то тут мешать. Потому что три года сообщали и сообщали, что его у нас нет, а потом надо же что-то делать, ведь не может же человек сидеть десять лет в тюрьме без приговора.

Реплика: Дело в том, что мы выдвигаем такие абстрактные версии только для того, чтобы сориентироваться самим, где можно найти документальный след реального события.

К: Насколько я знаю, официальная справка там тогда была, что он умер от инфаркта. Насколько я понял.

Вопрос: Это вот тот самый рапорт Смольцова?

К: Я рапорт не видел. Я знаю только, что такие официальные данные были даны и что писали ответ, что он умер. В тот период мы даже не писали от чего, от какой болезни он умер. Не писали. Умер - все. Это уже потом появилось: разыскали, по-моему, даже после меня, во всяком случае я не видел. И мы в ответах не писали от чего он умер. Когда я непосредственно этим занимался, я тоже пару раз уже позже отвечал: "Умер", но от че-

го не писали. То есть он мог и действительно умереть. Сомнения, конечно же, возникали. Почему возникла такая версия - его не выгодно было отдавать в тот период. Три года обманывали - и вдруг сказать, что он жив, и отдать его.

Многие люди, в том числе и Молотов, который отвечал, что нет, и другие, я уже не говорю о ЦК, без ЦК же никакого ответа на таком уровне не давалось. Значит, врали, врали и вдруг сказать что он жив, что он у нас: "Возьмите, пожалуйста!" То есть над было или его освобождать, отдавать и признаваться в том, что врали, или надо было от него как-то избавляться. Потому что если осудить его, значит, шведы сразу же потребуют с ним свидания, поскольку он - шведский подданный.

А это значит, что все откроется. Вот почему мы были уверены.. /переб./ Не уверены, конечно. А почему-то возникла такая версия. Я не исключаю, что под нее были какие-то основания из тех разговоров, которые велись о том, что это могло быть.

Вопрос: Может быть, я вас неправильно понимаю, но вы говорите три года, а на самом-то деле все-таки десять лет, ничего не говорили.

К: Нет, я имею в виду к тому времени, когда он умер, когда надо было решать.

Реплика: Ах вот так.

Реплика: Николай Васильевич считает с 44 по 47, а реально в жизни там получается два с небольшим года- то есть январь 1945- июль 1947 года.

Реплика: Да, понятно.

К: Надо было решать, что же делать. Тем более, что (тут действительно могли играть какие-то такие соображения) смертную казнь отменили. Значит, его надо судить и осудить на тюрем-

ное заключение, а это значит, что откроется, что он у нас, по тому что из тюрьмы удержать сведения, проследить, чтобы он не переписывался – это очень сложно. То есть он подпадает уже под совсем другие рамки. Это не следственный изолятор, где можно держать и не давать свиданий, а лагерь. То есть надо было или судить его, пусть даже особым совещанием, но смертная казнь отменена, значит, его надо отпускать в лагерь или в тюрьму, но уже в другие условия. Понимаете? И надо было уже решать, что с ним делать. И вот тут могли сыграть уже интересы высшего руководства, что надо как-то избавляться.

Вопрос: А в лагере уже нельзя было бы ни ограничить его контакты, ни проконтролировать в должной степени контакты?

К: Человек в лагере на прогулках... /не дог/ Одно дело в следственном изоляторе, где его могли держать в одиночной камере, и то, по-моему, у него все же были какие-то контакты. И другое дело выпускать в лагерь. И даже во Владимирскую тюрьму. У нас же здесь нет таких лагерей и тюрем, только следственный изолятор. А в тюрьму значит, надо было во Владимирскую. А там и иностранцы,и все. То есть все всплыло бы наружу, и кто-то, конечно, от этого выглядел бы очень некрасиво. Вот это и вызвало предположение, что он не просто умер. Но повторяю, он мог и умереть. Сколько у нас случаев, когда человек умер, а потом в газетах и везде говорят,что его убило КГБ или еще кто. Сколько угодно таких случаев. То есть вот три версии. А найти настоящие следы – это только надо обратиться к тем, кто вел следствие. В тот период, конечно, кто-то занимался этим делом.

Реплика: То есть резюмируя, мы еще раз подтверждаем, что в тех документах, в тех справках...

К: /переб./ ... которые готовились у нас, там правды о том, что

с ним произошло, нет. То есть не правды, а так сказать, нет полной уверенности. То есть, есть уверенность, что он умер, но как он умер, там, конечно...

Вопрос: /переб./ То есть причины смерти там не раскрывались?

К: Нет. И конечно, если действительно была не естественная смерт то причину сейчас будет очень трудно найти. Потому что никто не заинтересован признаться в этом. А документов, конечно, уж если исчезли, как вы говорите архивные материалы, такие материалы естественно... / не дог/ В то время должен был быть какой-то материал, какое-то распоряжение, потому что без письменного распоряжения , я сомневаюсь, чтобы кто-то действительно мог пойти на это дело.

Реплика: Я хотел бы суммировать. Вы помните, что в начале и в середине 50-ых годов, поскольку вы помните, что у вас тогда не было никаких материалов, о том, что он даже находился в Союзе.

К: Да. Я просто о нем, в принципе, не слышал. Я не слышал вообще его фамилии и не сталкивался, потому что я этой линией непосредственно не занимался.

А после такого широкого обсуждения, когда начал подниматься этот вопрос в прессе и везде, когда действительно было принято решение признаться, что он у нас, тогда как-то обсуждали, что же с ним случилось. Потому что когда просто говорили, что он умер, вернее, что его у нас нет - у нас его не было - ну, нет и нет, мы к нему не имели никакого отношения, то есть Второе Главное Управление, поэтому вопроса не возникало.

Вопрос: Насколько можно понять, какая-то реальная проработка судьбы Валленберга по линии Второго Главка тогда в пятидесятые годы...

К: (переб.) Она не проводилась.

Реплика: ... она была по крайней мере где-то во второй половине пятидесятых годов.

К: Да, скорее всего.

Реплика: Не в начале, а ближе ...

К: (переб.) Она, может быть, была и сразу в 1954-55, но тогда еще не было принято решение сообщить, и особенно подробно об этом не говорилось, то есть где-то на уровне, может быть, руководства. Ну, нет его и нет. Со Второго Главка тогда никто не требовал какого-то ответа и обоснования, потому что он за нами не числился.

Реплика: Понятно, понятно. Какие у нас содержательные вопросы - часовая пленка закончилась.

К: Что касается содержания, то я думаю, что я, наверное, не сказал вам ничего нового. Просто история вопроса, как она возникала, как проходила, как принимаются решения.

Вопрос: Тогда, наверное, остался один последний вопрос Николаю Васильевичу, поскольку все-такие к делу Валленберга существует большой общественный интерес, то членов комиссии постоянно терзают как с шведской, так и с советской стороны и журналисты, и историки, и общественные деятели, которые тоже хотели бы побеседовать с теми людьми, с кем беседуем мы. Поэтому какое у вас отношение к возможности - можем мы обнародовать ваше имя или этого не стоит делать?

К: Пожалуйста, пожалуйста. Можете, я - пенсионер и поэтому...

Вопрос: Просто очень многие говорят с той точки зрения, что не надо, так как они не хотели бы, чтобы их терзали корреспонденты и журналисты. "Для вас - пожалуйста, а для прессы - нет". Значит, у вас возражений нет?

К: Нет. Единственное, скрывать мне нечего, но вот эти все предположения, это только лишняя пища для прессы, которая любит "жареные" факты.

Реплика: А вот это.

(Смех)

К: Поэтому нужно ли это ... (не дог.). По существу здесь нет никакого фактического материала, кроме разговоров. Ни одну из этих версий я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Нужно давать то ли только фактическую сторону дела, то ли все эти разговоры типа сплетен.

Реплика: Ну, это ваше право определять характер ваших возможных контактов с журналистами. У нас действительно возникает много проблем, например, одна киногруппа снимает фильм, собственно они снимают уже вторую серию. Первую они уже сняли, и его показывали по телевидению. "Миссия Рауля Валленберга". Теперь они снимают вторую часть о поисках. Я не исключаю, что они тоже обратятся с просьбой предоставить им возможность побеседовать с вами.

К: Ради бога. Мне скрывать нечего, поскольку я не виновник и не первоисточник, как говорится, этих материалов. Я рассказываю только о том, что видел, слышал, знаю. Единственное, что я больше всех знал, потому что читал всю эту прессу, шведские газеты, где эта история описывалась, я знал, что это за лицо.

Вопрос: Насколько я понимаю, это уже в вашу бытность начальником отделения, когда вы непосредственно имели какое-то отношени к шведской линии, там этот вопрос на тот момент по сути был прояснен, и вы только отписывались.

К: То есть глубоко он уже не исследовался.

Вопрос: Да, то есть там считалось, что необходимости в этом не было, и были дежурные ссылки на предыдущие материалы?

К: Да, поскольку там возникали только новые лица, которые якобы видели его в лагерях или где-то там в другом месте.

Реплика: Я понял.

Вопрос: В принципе один вопрос, который мы не задавали ...

К: (переб.) Простите, вы знаете, когда особенно остро возник этот вопрос? Это не в 1957 году, а в 1955, когда немецкие военнопленные стали выезжать в ФРГ.

Реплика: Да, да, да.

К: И вот тогда возникло очень много таких сообщений.

Реплика: Да. Это- то, что послужило толчком к изменению советской позиции.

К: Поступали запросы, и стали думать: "А что же делать?"

Реплика: Да, мы понимаем, конечно.

К: Это было не в 1957-ом, а несколько раньше. Почему я и говорю, что это с начала 50-х стало возникать.

Вопрос: Вы опытный человек, вы многое знаете. Как вы думаете, почему его вообще арестовали? Как это вообще могло случиться? Чисто случайно или ?

Реплика: Я думаю, он ответил на это.

Вопрос: Извините, Николай Васильевич, я просто поясню вопрос. Потому что никто из нас до сих пор не может понять: чем он вызвал такой интерес органов СМЕРШ и МГБ еще тогда, в 45-ом. Чем? Он мог быть интересен тем, что из-за него пошли на такие заведомо чреватые сложностями шаги. Это нам не совсем понятно.

К: Это, конечно, мое личное предположение. Он вызвал к себе

этот интерес сам. Это на мой взгляд. Когда он стал рассказывать о своих контактах с немцами с целью освобождения евреев и о договоренности снабжать немцев грузовиками. По-моему там речь шла о 10 тысячах грузовиков. Видимо, он сказал, с кем из немцев он контактировал, с гестапо или с СС.

Реплика: Да, там без администрации нельзя ничего сделать.

К: Конечно. Или из разведки. Потому что просто военные никаких вопросов не решали. Решала вся система безопасности - СД. Он, конечно, имел контакты с этими людьми и договаривался с ними. И когда он рассказал, с кем он контактировал с СД и прочими, у кого-то возникла идея: как это, человек, который сотрудничал с немцами, обеспечивал их вооружением, сотрудничал с СД, с разведкой - это явно или немецкий агент или пособник врага. И решил на этом деле показать себя. Вот в связи с чем его задержали и вывезли в Москву. Это мое личное мнение.

Реплика: Понятно.

К: Он заинтересовал именно связями с СД, с разведкой в этом деле. Конечно, ведь СМЕРШ вышел на дипломата. То есть это фигура, а не просто какой-нибудь солдат или рядовой офицер. Это связи с верхушкой СД. Он же контактировал с большими чинами. Насколько я знаю по печати. И это, конечно, вызвало определенный интерес. Другое дело, что когда разобрались, и, может быть, сразу же надо было решать вопрос, но уже заангажировали и сказали, что у нас его нет.

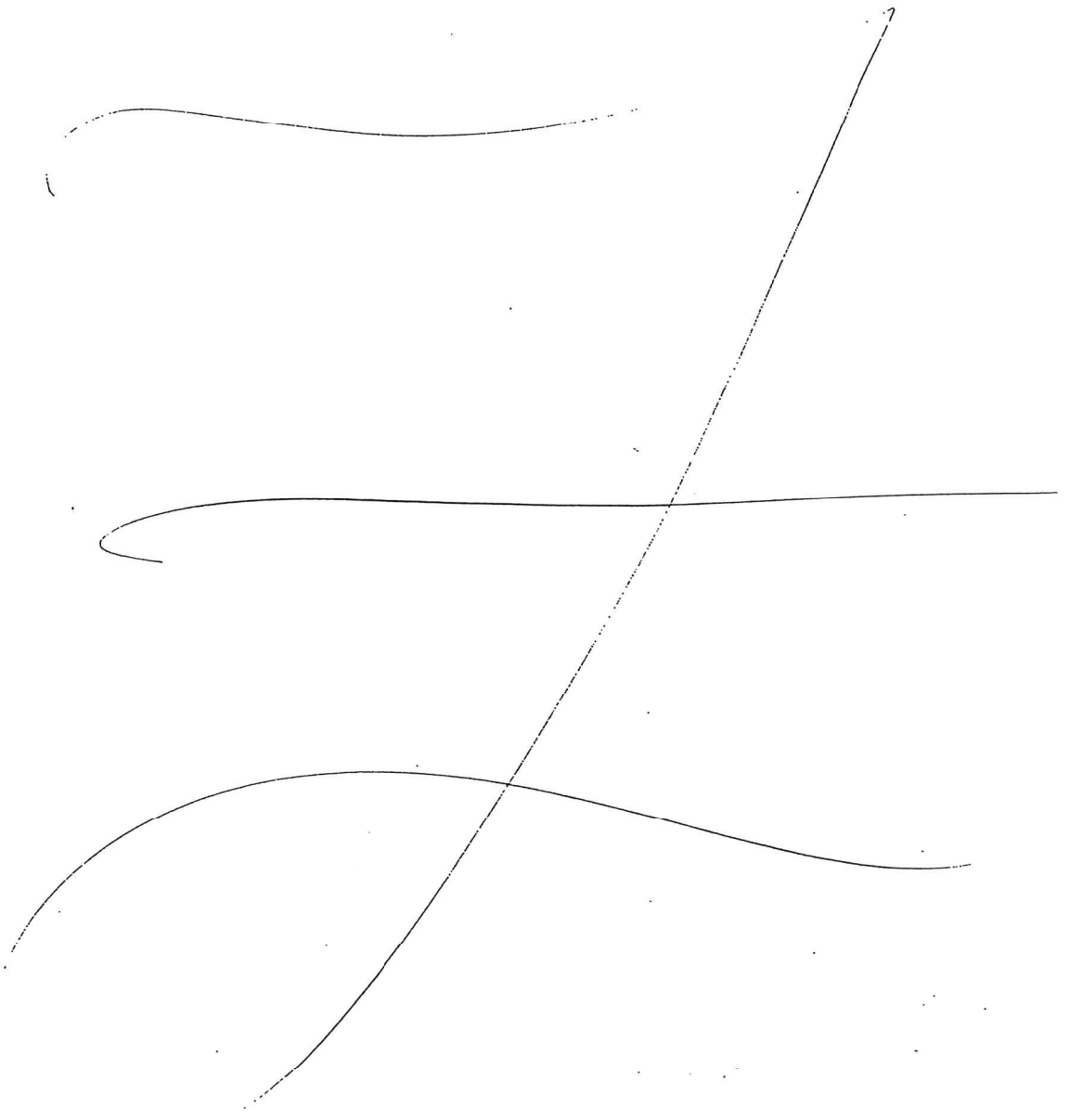
А дальше стояли на своем: нет - значит, нет.

Реплика: Но здесь есть такой момент: все-таки сначала говорили, что он находится у вас, а потом ... (не дог.).

К: Да-да. Это тогда решалось на низшем уровне. Где-то в дивизии. Ну, швед. Все знаю, что Швеция с нами не воевала.

Реплика: Не совсем так.

История возникновения выглядит несколько сложнее.



ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

(40)

беседы со Спроге Владимиром Александровичем
15 октября 1991 года

Присутствовали: Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;
Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

СВ: Мне хотелось бы знать, что вас все-таки навело на мысль, что именно я мог бы быть полезным? Одно ваше заявление, что я мог работать или работал в 4-м отделе, очевидно, не совсем близко, так сказать к организационной структуре. Я помню, что на это время у нас была очень строгая конспирация в работе, и никто из соседнего отдела не знал, что делал другой отдел.

В: Безусловно.

СВ: Поэтому, если у вас есть, конечно, какие-либо косвенные улики...(не дог.)

В: (смеется) Нет, об уликах речь не идет.

СВ: Ну, я говорю улики в кавычках. Могли быть какие-то технические переводы для отдела Карташова по их просьбе, поскольку они задыхались, я знаю, с этими вопросами. Людей, владеющих немецким языком, было очень мало. Я могу по пальцам назвать, кто там был. И потом были военные преступники, с которыми надо было в следственных изоляторах работать: это гестаповцы, абверовцы и прочая публика, которая находилась под следствием. Мы работали сверх нормы общечеловеческого понятия. Но поскольку мы находились на казарменном положении у нас не было возможности дышать атмосферой соседнего отдела. Вот почему я говорю, что мне трудно сейчас сказать, поче-

му меня, в какой-то степени по вашим заявлениям, можно было бы видеть в 4-ом отделе.

В: Понимаете, тогда мне придется приоткрывать еще одну тайну.

СВ: Открывайте все откровенно. Может быть, действительно где-то есть какой-то документ, который я переводил.

В: Владимир Александрович, документов никаких нет.

СВ: Никаких?

В: Но мы беседовали со многими бывшими работниками. Какие есть документы? Например, такие, что на допросы к Карташову вызывался Валленберг. Это мы восстановили. Но Карташов не владел языком. Он должен был работать с переводчиком. Мы побеседовали с очень многими бывшими переводчиками. И, кстати, на одной из таких бесед в том числе вспомнили и вас. Может быть, вам доводилось где-то в процессе работы слышать это имя или привлекаться, пусть даже в разовом порядке, к какому-то мероприятию, связанному с Валленбергом.

СВ: Значит, вы исходите из моей профессиональной должности, которую я в то время имел?

В: Да. В то время. И плюс из воспоминаний очевидцев, которые говорят: "Да , действительно, мы не можем сказать, соприкасался он с этим делом или нет. Но среди людей, владеющих языком и работавших в этом направлении, есть, в том числе, и Владимир Александрович Спроге.

СВ: Тогда у меня возникнет естественный вопрос: "В каком качестве должен был бы находиться Валленберг в 4-ом отделе?" В качестве арестованного? В качестве подследственного? В качестве подозреваемого? Или в качестве просто заложника? Или же номерного человека, о котором вообще никто не должен был бы знать?

В: Нет. Точно определить, в каком качестве он пребывал, я, наверное, все-таки затруднюсь. Я могу сказать, что он в общем пользовался статусом военнопленного. Содержался не под номером.

СВ: Да. Ведь были номерные. О номерном вообще никто ничего не знал бы.

В: Мы восстановили по старым журналам движения заключенных записи, которые касались Валленберга, хотя они и были там вымараны. Конкретно его фамилия была зачеркнута и даже закрашена, если быть точным. Мы восстановили эти записи. Из этих записей следует, что, как минимум, на него было тюремное дело и содержался он именно под фамилией Валленберг. Кроме того, есть другая фамилия. Это - шофер Валленберга. Его фамилия Лангфельдер, Вильмош Лангфельдер, который тоже содержался под своим именем. Вот собственно судьба этих людей и любая информация, касающаяся этих людей, нас как раз интересует.

СВ: Я могу из опыта сказать, что действительно в Лефортовской тюрьме, в Бутырской тюрьме и во внутренней тюрьме появлялись оперативные работники, не имеющие отношения непосредственно к следствию, как таковому. Я в то время был в следственном отделе.

В: Владимир Александрович, какое время вы имеете в виду?

СВ: Я вернулся с фронта в июне 1945 года. Так что целый большой отрезок времени я не мог просто физически соприкасаться с этими вопросами. Я единственно допускаю мысль о том, что, может быть, оперативный отдел Карташова задыхался со своими делами, и могли попросить по линии начальства использовать меня для перевода каких-либо документов. Но фамилия Валлен-

берг и его опубликованная фотография не возбудили у меня какого-либо памятного обстоятельства, что этот человек мне знаком. Но мне казалось, что в первую очередь должны иметь отношение к этому Валленбергу... (не дог.) Он владел немецким языком?

ВI: Владел.

СВ: В принципе обычно к человеку, которого опрашивают органы военной контрразведки, должен был бы ~~ты~~ приставлен переводчик его родного языка.

В: Но таковых просто не было.

СВ: Шведского языка не было? Хорошо. Тогда надо в первую очередь спросить тех сотрудников 4-го отдела, которые владели немецким языком. А там их было не мало.

В: Опрашивали.

СВ: Ну, может быть, многих и нет в живых?

В: Конечно.

СВ: Я знаю, там был Олег Бубнов.

В: Говорили.

СВ: Даня Копелянский.

В: Говорили.

СВ: Анна Стеснова.

В: Говорили и с Анной Георгиевной.

СВ: Соловов Борис.

В: Говорили с Борисом Алексеевичем.

СВ: Последним, может быть, привлекался также Смирнитский. Он пришел со мной вместе из военного института иностранных языков, мы закончили тогда курсы военных переводчиков. Но я слышал, что он умер.

В: Да. Он умер.

СВ: Это – примерный круг. Но были еще люди. Я знаю, что Ким Соловьев тоже владел немецким языком. Попробуйте, может быть, он что-нибудь вспомнит. Александр Грачев. Он был у нас даже в следственном отделе переводчиком. Владел немецким языком. Вот это то, что у меня на памяти. Еще кто мог быть? Вот только я не помню, когда Александр Грачев к нам пришел. Но во всяком случае это было после июня 1945 года, когда я уже приехал. Но у нас была очень большая загрузка. Очень много приезжали из управлений фронтов.

В: Это понятно.

СВ: Со своими делами, со своими арестованными. И меня привлекали к другим подразделениям из фронтов. Я работал в Бутырской тюрьме с группой товарищей с Прибалтийского фронта. Они не имеют ничего общего с центром.

В: Понятно.

СВ: Мы допрашивали, потому что там задыхались: не было переводчиков. И где-то такие технические средства изыскивались и привлекались. Я даже помню, что у нас была переводчица немецкого языка Безлюдная, ее привлекли к нам вообще с технической службы. Что же, группа товарищей из бывшего 4 отдела Карташева ничего не помнят, ничего не знают?

В: Только некоторые косвенные обстоятельства.

СВ: Изучены все документы этого 4 отдела? Или есть какие-нибудь закрома, которые не подняты?

В: Практически все закрома, какие есть, просмотрены, там пока ничего нет.

Знаете, Владимир Александрович, ситуация достаточно серьезная, это уникальное по своей сути дело, потому что, если (нет

оснований сомневаться в этом) материалы по этому делу уничтожались, но они уничтожались достаточно тщательно, если даже в журналах движения заключенных во внутренней тюрьме фамилию на всякий случай закрасили.

СВ: Я могу только предположить, что этот человек не должен был выходить на очень широкий круг сотрудников, его роль, очевидно, была определена кем-либо из руководства ...

В: Безусловно.

СВ: Руководства Главного управления СМЕРШ в то время, поскольку он был, очевидно, завязан с каким-то государственным вопросом. А если учесть, что при его задержании, как я понял, при нем были какие-то ценности, а ценности бесследно не исчезают, они просто растворяются где-то ...

В: (Переб) Ценности нашли.

СВ: Слава богу, хоть ценности нашлись! Конечно, вопрос мог быть поставлен так, что в интересах сокрытия изъятых ценностей человек не нужен.

В: Нет, там речь явно шла не о ценностях, поскольку как явствует из бесед, которые мы провели ... (не дог.) Мы беседовали с Николаем Николаевичем Селивановым. Вам, наверное, говорит что-то эта фамилия?

СВ: Был такой. Я знал и Абакумова, мы с ним ехали в одной машине в Восточной Пруссии. Это было мое первое знакомст с генералом, который ехал впереди в машине. Нас было переводчика: Земсков Василий и я. Мы только приехал института, и нас направили прямо на фронт.

В: У нас, естественно, не было возможности побесед кумовым.

СВ: Я тоже не беседовал с ним.

В: Даже Николай Николаевич в курсе дела. Он говорит, что, судя по всему, лично Абакумов занимался этим вопросом, он никого не подпускал к этой проблеме.

СВ: Не подпускал. Даже привлечение технического работника из другого отдела под такие дела рискованно.

ВI: Вы не знаете, кто обычно работал переводчиком у Абакумова?

СВ: Я знаю тех, кого назвал: 4 человека. Они заканчивали специальную немецкую школу и владели языком. Мы пришли позднее, они уже работали там, и, естественно, кто мог иметь отношение к этой истории в Будапеште...

В: (Переб.) Будапешт - это начало истории, нас интересует, в первую очередь, ее окончание.

СВ: Интересно то, как из пленного сделали военнопленного? Какой же он военнопленный, если он - дипломат? Я знал, у нас сидели военнопленные: это генерал-лейтенант Пацвиц, который имел отношение к группе Краснова. Их судили в 1947 году, на 25-летие Октября. Я был там в качестве переводчика, потому что в этой группе был единственный немец - генерал-лейтенант Пацвиц, командующий кавалерийскими войсками. Казалось бы, какое он имеет отношение к военным преступлениям? Я понимаю - начальник 5 Управления Гестапо, СД. Был такой генерал Мюллер. Это другое дело!

В: Его так и не нашли.

СВ: Почему?! Был.

В: Нашли Генриха Мюллера?

СВ: Это другой, однофамилец. Вот к нему я имею отношение. Я знаю почти всех своих подследственных по фамилиям: и Трепера Леопольда Захаровича, и Гуревича Анатолия, они входили в состав "Красной капеллы". Знаю и Рада Александра.

В: Владимир Александрович, еще вопрос. В беседах с коллегами

сослуживцами того времени фамилия Валленберг не всплывала?

СВ: Абсолютно.

В: Хоть бы косвенно?

СВ: Не могло этого быть никогда, потому что он не являлся подследственным.

В: Я имею в виду "постфактум", в значительно более позднее время.

СВ: Никогда не всплывала. Я сидел на пересмотровых делах именно 3 Главного управления.

В: Я имею в виду не документальные материалы, а частные беседы. Может быть, кто-то обмолвился в разговоре?

СВ: Нет. Я говорю, что я долго сидел на пересмотровых делах 3 Главного управления с 1955 по 1959 год, но через мои руки даже косвенно не прошли следственные дела по этому человеку. Я не помню такой фамилии, тем более иностранец. Странно то, что иностранец находится в 3 Главном или в Главном управлении контрразведки.

В: Там еще подключилась следственная часть по особо важным делам.

СВ: Я не работал в следчасти, хотя привлекался. Как ни странно, привлекался. У Белова Федора был под следствием начальник полевой полиции, который расправился с краснодонцами. Т не было переводчика, они попросили меня принять участие Вот видите, я помню и арестованных, так что я, конечн нил бы Валленберга, если бы мне пришлось постоянно татать с ним в течение какого-то срока в качестве п если бы он состоял под следствием. Что-то уж оч фигура или скрытый объект. Я не думаю, что о го говорили, широко рекламировали.

В: Это бесспорно.

СВ: Очень узкий круг лиц имел доступ. Я смотрю, что даже мои коллеги из 4 отдела Карташова, которые непосредственно занимались немецкими проблемами ... (не дог) Ясно, что эта проблема не немецкая, она немного другая.

В: Да, немного другая.

СВ: И чувствуется ее причастность к дипломатической сфере.

В: Возможно и к политической тоже.
Поскольку ей занимались именно те подразделения, которые лично курировал Абакумов.

СВ: Одно то обстоятельство, что дипломат страны, не воюющей против Советского Союза, находился в тюрьме, накладывало на все происходившее тогда очень большую тайну.

В: Да, очень большую. Я согласен с вами.

СВ: В то время уровень конспирации был очень высок. Очень сильно наказывали, если возникал какой-то блуждающий вопрос. Кто-то в силу любопытства мог что-то где-нибудь сказать, и его немедленно выгоняли из органов. Я знаю об этом, факты такие были.

В: Владимир Александрович, давайте обратимся к вашей памяти. У нас есть список, здесь в основном немцы. Те лица, в отношении которых нам удалось установить, что они находились в то или иное время вместе с Валленбергом. Может быть, я просто перечислю их фамилии, и они вам что-то скажут.

СВ: Пожалуйста, это интересно. Могут встретиться мои знакомые.

В: Рихтер.

СВ: Рихтер. Дайте подумать. Это были 1945-47-е годы?

В: Да, как раз этот период.

СВ: Фамилия Рихтер мне ничего не говорит. Давайте просмотрим весь список, может быть, я на ком-то сразу остановлюсь.

В: Родде.

СВ: Это был венгр.

В: Нет, это немец Родде. И сходная фамилия - Рёдель.

СВ: Рёдель. Нет, сходу я бы не сказал, что эта фамилия мне знакома. Хотя он мог, конечно, быть подследственным, и я мог эпизодически участвовать в допросах. Но сказать определенно что эта фамилия имела отношение к следствию, не к эпизоду, а к следствию, я не могу.

В: Пеллконен.

СВ: Это уже финн.

В: Кичман. Адельман. Штагель. Лойде. Вот есть броская фамилия - Гроссхайм, он же Томпсон, он же Крысько.

СВ: Это подследственные?

В: Это военнопленные, которые были интернированы. Кто-то из них был под следствием, кто-то выступал в другой, так сказать, роли. Я продолжу список.

СВ: Хорошо.

В: Хилле. Харт. Бергеман. Суприан. Валленштайн. Хоффштетер. Шнихтер, он же Шоер. Использовалось два имени. Хуберт. Крафт Деморс. Хинкельдай, Катона, Шандор, он же Александр. Алицжани Пьетро. Это, естественно, итальянец.

СВ: Да.

В: Лонгфельдера мы уже вспоминали.

СВ: Нет, сходу я не могу никого вспомнить. Их надо было бы разделить на группы, выделить тех, кто имел отношение к след-

ственному отделу военной контрразведки.

В: Это сложно сейчас установить.

СВ: Сложно?

В: Да, очень сложно.

СВ: На них есть ведь какие-нибудь дела.

В: Большинство сохранилось.

СВ: Там ведь следователи указаны, фамилии тех, кто конкретно вел дела, Эти люди должны их помнить, каждого из них.

В: Вы сами понимаете, что прошло столько лет!

СВ: Да, 45 лет. И не каждый сохранил хорошую память.

В: Может быть, склероз.

(Смеются)

К сожалению, не все просто дожили до 91 года.

СВ: А, может быть, даже и не все дожили.

В: Очень многие из тех людей, которые работали по делу Валленберга (мы это установили совершенно точно),уже умерли.

СВ: Это объективная утрата.

В: Поэтому извините нас за то, что вас потревожили.

СВ: Я понимаю вас.

ВI: Мы пытаемся найти где-то хоть что-нибудь.

СВ: Но если бы я хоть что-нибудь знал про Валленберга. Я разговаривал с заместителем начальника следственного отдела (нынешнего) генералом Загвоздиным и сказал, что фамилии ничего не говорят. Я сказал: "Если он был в оперативном отделе, то мало имел отношения к следственному отделу. Это был номерной отдел, который не должен никто знать... (не дог.) Я могу предположить, что я переводил какой-нибудь документ. Если ты имеешь такие сведения, тогда скажи мне. Может быть, я прочту документ, который когда-то переводил, и что-нибудь вспомню." До июня месяца 1945 года я не мог сталкиваться с этим человеком по объективным причинам.

Ни по делу, ни физически. Хотя, может быть, идя по коридору (там же ведут арестованных) я мог его видеть.

В: Конечно.

СВ: Он мне не запомнился даже в лицо, да мы и не старались запоминать, если говорить откровенно.

В: Это естественно. Там такой поток лиц!

СВ: Мы сидим по кабинетам, а арестованного ведут лишь в том случае, когда никого нет. У надзорного состава тоже конспирация. Тюремные работники могли бы что-нибудь сказать. Например те, кто имел отношение к надзору за арестованным, за их поведением, кто вел их. Правда, они могли и не знать, что он из себя представляет. Его дело - взять арестованного из камеры, привести его к следователю и увести обратно. Если он бунтует, принять какие-то меры воздействия и доложить

начальству об этом. Валленберг никак не подходит. Тем более оперативный отдел. Они ведь все были оперработники. Проходили по должности. Я же проходил по должности технического работника. По своему положению они были на голову выше меня. Они вели конкретные дела. С них и спрос. Они могли что-то запомнить, обмениваясь друг с другом какими-то сведениями. Мне же трудно вам оказать помощь.

В: Ну, что делать!

СВ: Я бы так себе представлял, где нужно искать, если бы это дело попало ко мне в руки. Начинать надо, конечно, с документов. Они лучше скажут, чем живой человек. Живой человек может дополнить документы.

В: Косвенные указания у нас есть, а вот прямых документов не сохранилось.

ВI: У меня вопросов нет.

Л: Вы уже затронули вопрос о том, что как опытный работник могли бы размышлять о возможной причине ареста.

СВ: Мы уже это обсудили. Я пытаюсь понять с чего начать и как быть. До июня 1945 года я объективно не мог ничего иметь, потому что я был на другом фронте, на 3-м Белорусском. Это была Австрия, Центральная группа войск, Южная группа войск

В: /переб./ Там был 2-й Украинский. Мы проверяли по руководству "Смерша", но, к сожалению, ни руководство "Смерша" ни 2-го Украинского ни, если мне не изменяет память, Восемнадцатой ...

СВ: /переб./ Я помню, там был Белкин, генерал - лейтенант.

В: Вот мы и ищем сейчас Белкина.

СВ: Белкин был разжалован в рядовые и, по-моему, работал на заводе имени Лихачева, ящики сбивал.

В: Когда это было?

СВ: Как раз в то время, когда у нас сняли пятьдесят генералов.

В: Сколько времени с тех пор прошло!

СВ: Много. Это был 1951 год.

В: В том-то и дело. Прошло сорок лет, а он и тогда уже был не молод.

СВ: Как я сейчас помню, против него было громкое дело по Австри Если в отношении такого начальника были громкие компрометир ющие материалы, то, возможно, он был замешан и в другом пла не. Он должен был бы знать, как начальник, что арестовали дипломата.

В: По идее - да. Хотя в этом деле есть немало отходов от законов логики и правил.

СВ: Мне тоже пришлось все-таки сталкиваться с австрийским вопро сом. Тогда пришло письмо из посольства Швейцарии по поводу того, что в 1945 году наши солдаты в Австрии подорвали толо вой шашкой какой-то подвал, принадлежавший швейцарцам, и вытащили оттуда какие-то серебряные ложки и вилки. Это се ребро швейцарцы и просили вернуть.

/Смеется/

Вот такой эпизод по Австрии всплывает в памяти. Тут секрета никакого нет, потому что швейцарцы официально обратились к нам с этой просьбой. Шли же военные действия! Я, конечно, понимаю, что это серебро хотелось бы вернуть.

/Смеется/

Но, может быть, солдаты действовали не по своему усмотрению Может быть, их кто-то науськивал? Война, как говорится, все спишет. Я не знаю такого эпизода с Валленбергом: чтобы арес товали шведского дипломата, чтобы он находился в тюрьме и велось бы следствие. Я не знаю, кто мог иметь к нему отно-

шение. В тюрьме ведь долгое время хранились карточки вызова.

ВI: Вот это мы и нашли.

СВ: Есть же фамилия, кто вызывал.

В: Карташов.

СВ: Он жив?

В: К сожалению, нет.

СВ: У него был заместитель.

В: Бурашников тоже умер.

СВ: Слишком поздно вы занялись этим делом, я должен вам сказать.

/Смеется/

В: Как нам поручили, так мы и взялись.

Л: К вам раньше обращались насчет Валленберга?

СВ: Никогда.

Л: А Загвоздин, вы говорили.

СВ: Когда в печати появились статьи о Валленберге, он спросил меня как-то в разговоре, не помню ли я такую фамилию. Я сказал что не помню.

Он мне сказал: "Ты же работал в то время". Я ему сказал: "И ты работал тогда в военной контрразведке" Мы все пришли оттуда.

(Смеется.)

В: Понятно.

СВ: Но это не был официальный запрос.

ВІ: Кстати, Загвоздина тоже кое-кто вспоминал как возможного очевидца.

СВ: Видимо, его кто-то и спрашивал, а он решил на меня обратить внимание, не зная меня. Он не работал у нас в следственном отделе. Он был в следственном отделе, но в каком-то другом.

В: Понятно.

СВ: Я знаю, что у него были дела, он ездил...

В: (переб.) Тогда много народу было.

СВ: Мы давно знаем друг друга, с 1945 года. Но в контрразведке он с 1944 года, а я с 1945 года.

ВІ: Мы вынуждены поблагодарить Вас и попросить прощения за вторжение.

(Беседа со Спроге Владимиром Александровичем закончена.)

x x x

(41)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Евсениным Федором Яковлевичем
10 октября 1991 года

Присутствовали: Аржанников Николай Михайлович, заместитель председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека;

Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

Е: ... здесь по Москве, как говорят, содержался в тюрьмах НКВД – МГБ, здесь я его фамилию не вспоминаю. Не помню.

В: Мы уже много проводили исследований в этой области, и то, что нам удалось более или менее установить документально – это то, что в феврале 1945 года Рауль Валленберг был доставлен в Москву.

Е: В феврале 1945 года?

В: Сорок пятого, да. И до июля 1947 года, что подтверждается документально, он содержался в Лефортовском изоляторе и во внутренней тюрьме. Вот то, что мы знаем совершенно точно.

Е: Понятно. А поскольку это такая фигура, не мог ли он содержаться просто под номером, чтобы не разглашать фамилию?

В: Понимаете, мы нашли некоторые записи в журнале движения заключенных, в том числе вызовы на допросы, которые, кстати Сергей Николаевич Карташов проводил. Все записи идут под его собственной фамилией, но тюремного дела, увы, нет. Поэтому мы и беседуем с сотрудниками органов госбезопасности, которые могли иметь какое-то отношение к делу Валленберга или могли что-то знать.

Е: Так, я сейчас позвоню одному товарищу. Значит, Сверчука нет, да?

ВI: Увы, пока мы его не нашли. У нас нет достоверных сведений о его смерти, сейчас мы ищем, но боюсь, что мы вряд ли его найдем.

В: А позвонить вы кому хотите, простите?

Е: А я хочу позвонить некоему Доверчуку, тоже в прошлом наш работник, на тот предмет, чтобы у него выяснить судьбу Сверчука, жив ли он.

В: Мы были бы очень признательны вам, так как вы бы очень облегчили нашу задачу.

ВI: Тем более с Доверчуком мы заочно познакомились, мы узнали такую фамилию, но телефона его не знали, а теперь думаю, что вы нам подскажете.

Е: Есть, есть, подскажу.

В: Потому что нам только вчера, по-моему, Вотрин Сергей Иванович назвал фамилию Доверчука. Так-то мы уже со многими людьми

побеседовали.

Е: Ну что, ищем телефон?

В: Или, может быть, просто попозже позвоните, сначала поговорим а потом, в конце, позвоним.

Е: Теперь так, в те времена, по-моему, Абакумов командовал, верно?

В: Да.

Е: А начальником тюрьмы был Миронов, и Абакумов тогда установил такой порядок, что Миронов подчинялся ему только лично, и что все эти дела из внутренней тюрьмы Миронов докладывал только Абакумову.

В: То есть следователи, которые вели дела и оперативные работники, которые работали с содержащимися во внутренней тюрьме, они к вопросам содержания и того, что происходило во внутренней тюрьме, отношения никакого не имели.

Е: Совершенно точно, все шло напрямую, и Абакумов тогда в тактичной форме объяснил нам, что, дескать, я отвечаю за состояние работы по содержанию заключенных перед ЦК, я и должен быть в курсе всех вопросов, минуя агентурное обслуживание личного состава тюрьмы, этой тюрьмы. Ваша задача не допустить нелегальных связей с волей, а больше ни в какие вопросы не лезьте. Так что, с вашего разрешения я Татарчуку позвоню и выясню, жив ли Сверчук. А если действительно дело тогда было у Сергея Николаевича, они были несколько обособлены по подобным делам. Татарчук, конечно, ничего по этому поводу нам не скажет, кроме того, что, какова судьба Сверчука.

ВI: Насколько я понимаю, в те годы, я имею в виду с сорок пятого по сорок седьмой, что-либо о Рауле Валленберге вам больше знать не доводилось?

Е: Не доводилось. Я повторюсь, что где-то, по-моему, в "Москов ских новостях" что-то о нем было. Я отсюда знаю, что его активно ищут, интересуются его судьбой.

В: А бесед с коллегами на эту тему у вас не было в последующем может быть, из тех, кто какое-то отношение к этому делу мог иметь или имел?

Е: Я с Татарчуком разговаривал, но он тоже меня выводит на покойного Карташова. Карташов и потом бывший его начальник отделения. Давайте я сейчас позвоню Татарчуку, он нам скаже фамилию начальника отделения, хотя это не имеет особого зна чения. Имеет значение только в том плане, как он пережил пятьдесят второй год.

(Е. смеется.)

В: Он работал в органах?

Е: Да, но дело в том, что он теперь уже в архиве работает, проходит, как русский по анкетным данным, вот так. Будут ли какие-нибудь еще вопросы?

В: Вопросы, конечно, будут.

Е: Понятно.

В: Нам хотелось бы узнать от вас то, что не удалось узнать у архивных работников, т.е. какой был режим содержания в то время во внутренней тюрьме. Наиболее важный вопрос, как поступали в том случае, когда, кто-либо из заключенных умирал? Где их хоронили? Какая была система регистрации? Как можно найти концы ? Вот основная наша задача.

Е: По-моему, была специальная бригада по похоронам умерших из состава внутренней тюрьмы. Умерших вывозили, по-моему, чу ли не на кладбище Сухановской тюрьмы.

В: Это было одно кладбище на всю тюремную Москву?

Е: Трудно сказать.

В: А порядок был один как в отношении тех, кто умер от болезни, так и тех, в отношении которых был приведен в исполнение приговор?

Е: Наверное, порядок был разный. Потому что для приведения приговора в исполнении необходимо участие прокурора. Умерший естественной смертью мог быть похоронен просто с уведомлением.

В: Чисто технический вопрос: когда есть тело, его нужно отвезти, закопать или кремировать. Это должны делать какие-то люди, и вероятно где-то должна быть отметка.

Е: Безусловно. Только я сейчас не помню, была ли тогда кремация.

В: Может быть, кремация вообще не практиковалась?

Е: Может. По-моему, кремация установилась несколько позже, а не с первых дней после окончания войны.

В: Московского крематория не было, а каких-то внутренних, ведомственных крематориев тоже не было?

Е: Точно, не было.

В: Наиболее вероятный вариант, следовательно, состоит в том, что умерших и расстрелянных хоронили?

Е: Вероятнее всего. В тот период, пожалуй, так и было.

В: А какие учеты существовали? Где искать следы?

Е: Только во внутренней тюрьме по личным делам. На каждого заключенного велось какое-то тюремное дело с учетными данными: вопросы свиданий, переписки. Все это фиксировалось.

В: Я хочу уточнить: речь идет о 1947 годе. А кто закапывал тела, ведь это был не оперуполномоченный?

Е: Нет, конечно же. Это была группа тюремных надзирателей, которые

вывозили трупы умерших и закапывали их.

В: Кто может знать подробности этого механизма?

Е: Кто-нибудь из старых корифеев внутренней тюрьмы и Лефортовской тюрьмы. Кто сейчас начальник Лефортовской тюрьмы, я не знаю. Начальником внутренней тюрьмы был Миронов, он уже умер.

В: Из руководства того времени сейчас в живых никого не осталось. Мы ищем кого-нибудь рангом ниже - начальников, дежурных. Что из наших поисков выйдет, я пока не знаю. Вы не помните, кого-либо из тех людей, кто работал в тот период и знал тюремный распорядок, правила?

Е: Прошло много времени, и я затрудняюсь вспомнить. У вас никто не фигурирует из работников следственной части Третьего Главного управления?

В: По материалам нам известно, что там работала не следственная часть Третьего Главного управления, а следственная часть по особо важным делам. Работники есть. В частности, мы беседовали с Константином Анатольевичем Соколовым. К сожалению, он к этому делу отношения не имел и не был в курсе.

В: Итак, мы выяснили, что их хоронили на кладбище Сухановской тюрьмы. А почему вы назвали Сухановскую тюрьму?

Е: Потому что именно там чаще всего проводились захоронения умерших в Лефортовской и внутренней тюрьмах.

В: А откуда вам это известно? - Вам докладывали? Вы слышали в разговорах, вы видели, присутствовали? Читали документы?

Е: Нет. К сожалению, я этого не видел и документов никаких не читал. Помню просто из разговоров с тем же начальником внутренней тюрьмы, ныне покойным Мироновым, что они захоронили по указанию Абакумова на кладбище Сухановской тюрьмы.

В: Понятно. То есть начальник тюрьмы Миронов в личном разговоре сказал, что по указанию Абакумова - на кладбище Сухановской тюрьмы?

Е: Да.

В: А вам известна эта тюрьма?

ВI: Нам она всем известна.

В: Мне - нет. Я не москвич.

ВI: Это достаточно известный факт. То, что там производились захоронения - это общеизвестный факт.

Е: Да. Известный.

В: А сейчас там уже ... /не дог/.

ВI: Сейчас там над этой проблемой многие историки работают. Этот порядок существовал достаточно долго.

Е: Я даже не знаю, что сейчас на базе этой бывшей Сухановской тюрьмы. Она, вероятно, превращена в какое-то архивное хранилище. Так мне кажется.

В: А во что превращено кладбище?

Е: Я даже не знаю.

В: Понятно. Мы иногда задавали такой вопрос. Чтобы просто знать ваше мнение как профессионала. В 1957 году Громыко передал шведской стороне копию документа, которая подтверждала /на взгляд части исследователей - историков/ сам факт смерти Валленберга в тюрьме. Это был рапорт начальника медчасти Смольцова. /Не приходилось ли вам его знать?/ на имя Абакумова, где он пишет о том, что в тюрьме скончался, предположительно, от сердечной болезни, заключенный Валленберг, и спрашивает его, кому поручить вскрытие. Как вам кажется, по форме, насколько достоверен этот документ?

Е: Фамилия как?

В: Смольцов.

Е: Что-то у меня не отложилась в памяти эта фамилия. Не отложилась. Тогда, в 1945-1946 годах кто-то другой был!

В: Этот рапорт датирован опять же 1947 годом.

Е: Не помню я эту фамилию.

В: Сам факт обращения начальника медчасти на имя министра, как вам кажется, это возможно или нет?

Е: Тогда Абакумов разве был министром?

В: В 1947 году он был министром.

Е: Такое, пожалуй, закономерно.

В: Вполне возможно?

Е: Вполне.

В: А как же он миновал Миронова?

...

Е: По-моему, извне судмедэкспертов в тюрьму не приводили. Скорее могло быть так, что из внутренней тюрьмы могли отправить в Бутырскую тюрьму. Там была своя довольно крупная медсанчасть, которая практиковала и приглашения квалифицированных специалисто: из города. Так могло быть.

В: Но во внутренней тюрьме экспертиза своими силами все-таки проводилась?

Е: Безусловно. Надо же было дать хотя бы предварительное заключение, анализ болезней.

В: Федор Яковлевич, скажите, во время вашей работы вам доводилось иметь какие-нибудь контакты с военнопленными или интернированными, содержавшимися во внутренней тюрьме и Лефортово? Дело в том, что у меня есть список иностранцев из числа военнопленных и интернированных, которые пересекались с Валленбергом во время

своего пребывания здесь. Вам доводилось сталкиваться с этой категорией лиц?

Е: Я присутствовал иногда на совещаниях, посвященных вопросам репатриирования, которые проводил Карташов. И хотя я к этому непосредственного отношения не имел, но кое-что слышал, и это откладывалось в памяти.

В: Сейчас я перечислю эти фамилии. Может, вы что-нибудь о них слышали? Рихтер, Родде, Пелконен, Кичман, Адельман, Штагель, Лойда, Гроссхайм, он же Томсон, он же Крысько.

Е: Нет. /Смеется./ Тут, я смотрю такие звучные фамилии, видимо, еврейские.

В: Скорее, немецкие. В основном, это, естественно, немцы. Далее. Хилле.

Е: Нет.

В: Бергеман. Супреан Валленштайн. Хофштеттер. Шлиттер.

Е: Нет.

В: Хубер, Крафт, Деморс, Хинкельдей, Катона, Алиджани.

Е: Нет.

Уж очень велик срок давности.

В: Понятно.

ВI: В 1989 году совершенно неожиданно где-то в Комитете, я не знаю где, вдруг обнаружили личные вещи Валленберга. Ведь если бы Абакумов дал распоряжение спрятать все концы, то они были бы спрятаны качественно. Но личные вещи сохранились. Какова ваша версия-почему так случилось?

К: Наверное, небрежное выполнение указания Абакумова.

В: А не могло получиться так, что документы хранились в одном месте, а личные вещи в другом.

Е: Нет.

В: Я имею в виду территориально в разных местах. Тюремное дело в одном месте, а вещи, изъятые при задержании, в другом.

Е: Может быть, по каким-то соображениям следователей.

В: А вот теперь теоретический вопрос. Представим, что это не нам поручили работать по делу Валленберга, а вам, то как бы вы работали, с чего бы начали? Какие ваши планы?

Е: Наверное, я стал бы искать кого-то из пока еще сохранившихся работников следчасти.

В: Мы пока нашли только Соколова. И думаю, вряд ли больше кого найдем. Подавляющее большинство были к сожалению, расстреляны еще в 50-е годы.

X X X

1/96 (42)

ЗАПИСЬ ФОНОГРАММЫ

беседы с Гришаевым Павлом Ивановичем
18 октября 1991 года

Присутствовали: Зиборов Андрей Евгеньевич, представитель КГБ СССР;

Люрваллъ Бьерн, 2-й секретарь посольства Швеции в СССР.

Г: Хочу сказать, что о г-не Валленберге /жив он или мертв/ я впервые узнал из советской печати. Но полагаю, что ко мне вас привело письмо председателя Комитета. Вот статья Вадима Бирштейна в "Независимой газете". Я хотел бы проанализировать эту статью, но не в связи с этим делом, а потому что я, пожалуй, остался один/ еще только тоже больной Борис Алексеевич Соловов/, кто может написать о Нюренберге, о ходе процесса и отдельных его деталях. В последнее время в советской печати появился ряд статей, которые под видом ликвидации белых пятен истории только затуманивают истину, подменяя факты выдумками. Такова и статья Вадима Бирштейна. Я хочу написать мемуары, не знаю, позволит ли сердце, но я это решил твердо во имя защиты ушедших из жизни советских обвинителей и судей, на которых ныне наскакивают молодые публицисты-дилетанты. Своим последним долгом на земле я считаю восстановление истины. Вернусь к этой статье. Действительно, в 1945 году я вел дело генерал-лейтенанта Ганса Штагеля. Он специализировался на "разрушении котлов", то есть, на уничтожении частей, попавших в окружение, и участвовал в подавлении Варшавского восстания. Он был задержан советскими войсками и доставлен в Москву. Мне было поручено вести его допрос. Мы получили показания и повезли в числе прочи материалов с двумя будущими подсудимыми Редером и Фриче в Нюренберг. Протокол допроса Штагеля был оформлен в соответствии с требованиями регламента Нюрнбергского трибунала, предъявлен нашим обвинением и принят в качестве доказательства. Он есть в материалах Нюренбергского

процесса. К сожалению, издавая всякую макулатуру, правительство не удосужилось издать полный отчет по Нюрнбергскому процессу. Это отсекло бы всякие попытки выдумать какую-то сенсацию и нажить капитал. Вы заметили, что статья в "НГ" напечатана под рубрикой "Архив". Это внушает доверие. Здесь есть часть материалов,соответствующая действительности, фотокопии, но фокус в последней части вопроса: "Кто знает тайну Валленберга?" Я и хотел бы прокомментировать эту часть. Напомню ее вам. "Естественно, авторы таинственных фраз в делах Рихтера и Гроссгейма ведали, что творили.. Следователь Соловов, подписавший постановление Рихтера, допрашивал его, начиная с 1944 года. За это время Борис Алексеевич поднялся высоко по служебной лестнице"...Я так не считаю. Он поднимался всю жизнь. Дальше. "Со Штагелем Соловов был знаком не только в Москве но и в Нюрнберге, куда привозил его вместе со своим сослуживцем П.И.Гришаевым для дачи свидетельских показаний." Я обращаю внимание на эту фразу. Получается, что данные взяты из архива и последний обзац якобы тоже основан на архивных данных. Я утверждаю, что последнее - это недобросовестные умозаключения автора статьи. Потому что из немцев, выступавших свидетелями на Нюрнбергском процессе, был только один-фельдмаршал Фридрих Паулюс, кстати, никакой не "фон". В течение трех дней его допрашивали в суде, и я ассистировал Руденко. Никаких других немецких свидетелей в Нюрнберг не возили, только представляли

протоколы допросов. Из этой же фразы получается, что Штагель был в Нюр-нберге. Это искажение и порождает ложный след. Мне очень жаль, что из-за таких недобросовестных публикаций высокая комиссия вынуждена заниматься этим. Штагеля не было там. В 1945 году Соловов не имел никакого отношения к Штагелю. Я его допрашивал! И я повез протокол. Думаю, вы знаете порядки того времени: в чужие дела нос не суй. Год я был на Нюр-нбергском процессе, вернулся в октябре 1946 года. /Г.показывает дарственную надпись Руденко в альбоме./ Я вернулся, и к делу Штагеля уже не имел никакого отношения. Что с ним случилось? Какова его судьба? Мне об этом ничего неизвестно. Поэтому утверждение автора статьи, грубо говоря, высосано из пальца. Даже стиль:получается, что Соловов взял меня, и прихватив Штагеля, повез в Нюр-нберг в качестве свидетелей.

Это совершенно несуразное утверждение. Поэтому я ничего не знал:жил ли такой человек, какова его судьба. Я впервые узнал о Рауле Валленберге из публикаций в "Комсомольской правде", кажется, именно эта газета была пионером в освещении этой темы. Узнал, что органы военной контрразведки арестовали его в Будапеште. То есть все, что уже сейчас известно. Поэтому я и утверждаю, что, к сожалению, ничем помочь в этом деле не могу. Я понимаю родственников Р.Валленберга; истину установить - по-человечески понятное желание. Истину надо искать. Но я здесь помочь не могу. Если бы я что-то знал, то естественно все рассказал бы. Я очень внимательно смотрел последние передачи о Р.Валленберге, которые шли по ЦТ. Если вас это интересует, могу изложить свое мнение.

Знаете, вот у меня на полке стоит книга И.Ильфа и Е.Петрова "Золотой теленок". Если помните, там есть глава о детях лейтенанта Шмидта.

В: Да, конечно.

Г: Вот и в этом кинофильме – я его в больнице смотрел– один парень утверждал, что он – сын Р.Валленберга. Это просто кощунство– не более того. Вот, пожалуй ,и все, что я могу, к сожалению, вам сказать.

В: Павел Иванович, если позволите, несколько вопросов.

Г: Пожалуйста.

В: После нашего изучения имеющихся материалов мы выяснили, что делом Р.Валленберга занимался отдел Карташова и подключалась следственная часть по особым делам. Кто из работников того времени мог, на ваш взгляд, иметь непосредственное отношение к этому делу?

Г: Этот вопрос, откровенно, говоря, меня несколько удивляет. Ведь есть же само дело.

В: Вот его-то как раз и нет.

Г: А куда же оно делось?

В: Вся проблема и заключается в том, что дела нет.

Г: Должно быть! И всегда было. И следственное дело, и тюремное дело.

В: Следов следственного дела мы вообще пока не нашли, даже в журнале регистрации дел, который сохранился. Записи о регистрации этого следственного дела там нет. По журналам мы установили движение заключенных внутренней тюрьмы. Р.Валленберг вызывался на допросы с тюремным делом, то есть в тюрьме он содержался под своей фамилией и существовало – как минимум – тюремное дело.

Но и тюремного дела тоже нет.

Г: Не как минимум, а на каждого заключенного обязательно за-водилось тюремное дело. Был такой квиточек, где отмечалось:на допрос вызван, допрос окончен. Все это должно быть.

В: Да, должно быть, но его нет.

Г: Как же так?

В: Этим и вызваны наши беседы с людьми, которые хоть чем-то могут помочь.

Г: Меня удивляет, что основой этих бесед являются газетные публикации. Я же всегда задавал себе вопрос: как же так. Что-то должно быть! Допустим, дело Штагеля. Там видно было, что я его допрашивал. И протоколы допросов...

В: /пер./Можно восстановить?

Г: Конечно. В конце концов они есть в архиве Нюрнбергского трибунала. Я не знаю, имеете ли вы к этому отношение, но скажу, что в период с 1946 по 1949 год американцы издали 42 тома материалов. А у нас - только выдержки. Я уже говорил по этому поводу с издательствами, а они говорят, что это - не их вина. Пусть нет полных материалов, но даже в архиве трибунала - а я имел отношение к подготовке восьмитомника - мне показывали копии протокола. Я говорю о деле Штагеля. А здесь - не понятно : что произошло, почему это дело куда-то пропало?

Непонятно, что стряслось, почему это дело вдруг куда-то задевали, кто мог это сделать и в какой период. Я же в следственную часть был переведен уже в начале 1947 года.

Кто мог?

В: Для нас как раз этот период наиболее интересен. Именно 1947 год. Потому что единственный пока документ, прямо указывающий на судьбу Рауля Валленберга, это - рапорт Смольцова.

Г: Это я читал:от инфаркта сердца.

В: Это-единственный документ.

Л: Как вы считаете, такой рапорт является достоверным сам по себе? Такое могло бы быть?

Г: Я могу сказать, что такой рапорт мог быть. Ведь люди умирали не только в тюрьме, но и на воле. И инфаркт - дело такое. Инфаркт не щадит возраст порой. А с учетом того /я из печати знаю/, что судьба у этого господина была нелегкая, это могло быть. И я вот, например, сколько ни напрягал свою фантазию, не знаю, какой смысл что-то тут таить. Я совершенно не могу понять этого. Что тут такое, когда полтюрьмы было в то время немецких военных преступников. Шорнер был, например,там. И другие. Фост был, вице-адмирал Фост. Много таких было. И тут я не могу понять. Я считаю, что во всяком случае у врача.../не дог./ Какой ему смысл был?

В: Коллега еще имеет в виду саму форму. Насколько реально,что начальник медчасти внутренней тюрьмы обращается напрямую к министру сразу?

Г: Это,конечно, может быть, и необычно, потому что он все-таки непосредственно в подчинении начальника тюрьмы был.

Наверное, указание было от министра. Если бы начальник тюрьмы подписал, что скончался, то всякие могли бы возникнуть мысли: так это или не так. А это - врач, это - медицинский работник. По этому тут не исключалась вообще подача напрямую, раз с него требовали. Это же компетентное лицо.

В: В то время это могло быть?

Г: Вполне могло быть. Я в этом не вижу совершенно ничего необычного. Случай специфический, требующий квалификации. Было бы странно, если бы подписал начальник тюрьмы: "Умер заключенный такой-то". Кто бы ему мог поверить? Да еще и диагноз указал бы.

Л: Если все-таки вернуться к вопросу относительно того, кто мог бы вести это дело в отделе Карташова или в части по особо важным делам. Вы не могли бы подсказать?

Г: Нет. Вот бывший коллега знает, что в то время суровые порядки были. И даже попытка что-то спросить обречена на провал была. Никто вам не скажет: "Я веду какое-то дело". А еще, если и добросовестный попадется коллега, кому следует скажет, что вот тот-то интересуется. Потом начинается выяснение: "Зачем это вам нужно?" Поэтому каждый свое дело вел и все. Если начальство не скажет, что есть какая-то перекличка с таким-то, то ты не имеешь права. Это, значит, уже лезть, куда не следует.

В: А вы в тот период с Сергеем Николаевичем Карташовым сталкивались лично?

Г: Нет. Я его только знал, как шапочное знакомство. Я капитан был, он-полковник. Я-рядовой следователь, а он-начальник.Я его только знал в лицо. Нет, не на одном этаже, кажется были. Наверное, на разных этажах были. Ну, начальство - это начальство, а рядовой - рядовой.

В: Наш повышенный интерес именно к Сергею Николаевичу Карташову вызван тем, что как раз в том самом журнале, о котором я говорил, "Движение заключенных".../не дог./ Из него следует, что Сергей Николаевич сам вызывал на допрос Валленберга.Но, как мы из бесед с другими сотрудниками выяснили, Сергей Николаевич языками особо не владел.

Г: Если бы он даже и владел, он должен с переводчиком разговаривать. Я не знаю, какой иностранный язык знал Валленберг.

В: Он владел немецким, английским, французским, Русский он, наверное, не знал.

Б: Это бесполезный разговор. Это разговор двух немых.

В: Конечно, здесь должен был быть переводчик.

Г: Там у них в этом отделе официально довольно большой штат переводчиков.

В: Просто ваше мнение, с кем из переводчиков мог работать Карташов.

Г: Я там переводчиков вообще уже всех совсем позабыл. Даже не знаю. Мне запомнился Бубнов. Он был переводчиком в то время, я даже не знаю, какого языка. Больше я не имел никакого отношения к этому отделу. Ведь прошло сколько времени. Так, что не знаю, с кем.

Неужели это нельзя выяснить у тех, кто работал в этом отделе.

В: Мы беседовали...

Г: Я знаю,что беседовали.

В: Пока вы лечились, мы обошли здесь многих.

Г: Поэтому,я не знаю. Лично для меня, может быть мое мнение интересует, ссылка на какого-то заключенного во Владимирской тюрьме, как он давал интервью, не знаю.../не дог./ Мой жизненный опыт говорит, что лично я ему не поверил бы.

В: Вообще-то,понятно. Потом здесь действительно можно отрицать реальные...

Г: /перебив./ И человек какой-то такой, он не мог все знать. Его спрашивают один вопрос, а он говорит:"Вот был какой-то генерал, он закрывал лицо."
Вы не помните последний фильм?

В: Я его целиком не смотрел.

Г: А я посмотрел этот фильм по телевизору, когда находился в больнице.

В: Просто там не могли сообщить ничего нового, а сами понимаете, за прошедшие практически скоро уже будет 50 лет, это дело обросло, естественно, и домыслами.
И какими-то, так сказать, может быть, даже добросовестными заблуждениями. Сейчас мы стараемся отталкиваться от конкретных фактов: то есть от того, что действительно установлено документально или что рассказывают компетентные люди.

Г: Я хотел бы вернуться к этой статье. Ведь это же надо! "Кто знает тайну?" В своих мемуарах, я, конечно, отражу этот факт. Слово "тайну" он берет в кавычках, значит это вроде бы никакая не тайна. И прямо указать, что вообще тайну могут знать два человека: Соловов и Гришаев. Чтобы дойти до такой недобросовестности, нужно потерять всякую не только журналистскую этику, но вообще общечеловеческую этику. Я совершенно не понимаю, как это можно привязать мою фамилию. А вот так, видите? Рубрика- "Архив". А вот это уже не архив, а умозаключение. Как это можно так утверждать?

В: Ну, оставим это на совести автора, если таковая у него имеется.

Г: Я бы хотел еще добавить. Вот здесь у этой газеты есть девиз, который в переводе с латинского означает:"Без гнева и пристрастия". Я не берусь судить об этой "Независимой газете", о всех ее статьях, а что касается вот этой статьи. то этот принцип явно нарушен. Тут правда смешана с явной ложью, есть попытка опорочить лично меня.

В: Мы, в общем, проделали достаточно большую работу, и в результате этой работы получился список из лиц, которые нах дились в одной камере с Валленбергом в период его пребывани в Москве. А он, мы установили документально, был в двух местах: в Лефортовском изоляторе и во внутренней тюрьме. Это в основном немцы, естественно, военнопленные и интернированные.

Я перечислю эти фамилии, если вам что-то об этих людях известно, было бы интересно знать. Значит:Рихтер,

Г: Этого я не помню.

В: Роде?

Г: Нет.

В: Рёдель?

Г: Нет.

В: Пелконен?

Г: Нет.

В: Вот уже встречавшаяся в печати фамилия - Кичман.

Г: Нет.

В: Адельман?

Г: Нет.

В: А вот как раз Штагель.

Г: Ну, Штагель, я вам объясню. В 1945 году я вел его дело, и уехал Нюрнберг на целый год. Вы сами понимаете, дело не стояло так:кто-то его вел. И, видимо, закончил или передал куда-то в суд.

В: А Штагель оставался, естественно, в это время во внутренней тюрьме и там продолжал.../не догов./

Г: И все, я уже не имел к нему никакого отношения.

В: То есть, тот период вашей работы со Штагелем, с кем он сидел вместе.../не догов./

Г: Слушайте, это же война, военные преступления. Зачем нужно еще через кого-то выяснять, с кем он сидит,зачем?

В: Просто, вы случайно могли знать, кто его сокамерники, с кем он сидит в камере.

Г: Нет, ничего случайного на следствии не бывает. Вы же прекрасно знаете, что если сокамерником интересуются,то это для получения каких-то сведений. Я вам честно скажу, что за все время работы никем не интересовался, кто с кем сидит, меня не интересовало. Есть же другие доказательства, зачем мне? Человек готовится в качестве свидетеля и, вдруг, я начну вытворять такие штучки.

В: Павел Иванович, а судьба Штагеля вам известна?

Г: Нет.

В: Не известна?

Г: Нет, не известна.

В: Лойда?

Г: Нет, я этого тоже не знаю.

В: Гроссхайм, Томпсон, он же Крысько.

Г: Нет.

В: Это все одно и то же лицо, я думал, если бы вы сталкивались, то они бы запомнились вам.

Г: Неужели этих дел нет? Вы по делам смотрите?

В: Нет, дела их есть, хотя, тоже, не на всех полностью попадаются. Хилле, Хайнц, Бергеман, Суприан,Валленштайн, Хофштеттер, Шлиттер, он же Шоер, Хубер, Крафт.

Г: Нет,нет.

В: Деморс, Хинкельдай.

Г: Эти фамилии я впервые слышу.

В: Понятно. А такие фамилии как Катона и Алиджани у вас ни с чем не ассоциируются?

Г: Нет.

В: Про Лангфельда я не спрашиваю, это шофер Валленберга, мы уже об этом говорили.

Г: Как же так получилось, столько людей было и ничего нету там?

В: Нет, на этих людей дела есть, но там , понимаете ... (не догов

Г: Там же все до минуты фиксировалось.

В: Там все зафиксировано, в этих делах как раз и находится упоминание о том, что кто-то из них находился в одной камере с Валленбергом или одновременно был переведен вместе с Валленбергом.

Г: Знаете, я 15 октября 1945 года вылетел в одном самолете с Фриче, а вернулся я на работу только в конце октября 1946 года, через год. Эти фамилии мне абсолютно ни о чем не говорят. И, вообще, вы меня извините, после 40 лет надеяться на память ... (не догов.). Я уже 40 лет преподаю, не работаю 40 лет, это дело дохлое. Если бы у меня была возможность ознакомиться с теми материалами, я бы, наверное, написал мемуары получше, чем вот сейчас пишу, хотя я стараюсь. Вот у меня. (Показывает.) Альберт Шпеер, это одна из книг, а у него их было три. Потом Фриче и все врут на свой манер.

В: Они же заинтересованные лица.

Г: Например, Фриче утверждает, что когда он у нас сидел в Лубянке, то на полуголодном пайке. Я вынужден был ответить на это. Во-первых, тогда вся страна была на полуголодном пайке, а он питался по нормам офицера-военнопленного. И когда его привезли в Нюрберг, полковник Эндрю составил акт, врачи составили, что он прибыл в состоянии хорошей упитанности

Я хотел бы, чтобы в 1945 году кто-нибудь увидел в Москве человека хорошо упитанного и показал на него пальцем, это мог быть только жулик, который обворовал кого-нибудь и отъел морду. Тогда вся страна голодала, даже если бы и этот, но ведь есть же официальный акт, но тем не менее он пишет, что его бедного так вот плохо кормили.

В: Ну, надо же пожаловаться.

Г: И, вообще, он так много наговорил, этот заместитель Геббельса, так много лжи. Наиболее честный из них это Шпеер.

В: Он профессионал.

Г: Он был его заместителем, и он просто не может не врать. Ну, например, он пишет о том, что мы везли его из Бабельсберга на грузовой машине. Это идиотизм чистой воды! Как мы могли, имея всего-навсего двух подсудимых, брать грузовую машину и везти их в чужую зону, где мы оказались в первый раз?! Как можно нагораживать такие детали?! Я считаю, что хоть это и мелочь, но ее необходимо восстановить. Мы ехали на легковой машине. С одной стороны сидел Борис Алексеевич, а с другой я. Он, естественно, там сидел. Нам дали автомобиль "Хорьх". Мы с комфортом доехали до Нюрнберга. Вот Александрова покойного у меня есть дарственная надпись, Григория Николаевича. Вот Карев тут есть. Вот это записи Рогинского, но он мастер присочинить кое-что. Так что я очень сожалею, но я не знаю, чем я вам могу помочь.

Л: Мы благодарим вас за то, что вы смогли уделить нам время.

Г: Ну, что делать! Я вижу, что это приобрело международный масштаб. Я видел, что существует общество Валленберга.

Л: Да, есть такое.

Г: Все эти данные я получил из кинофильма. Я не могу понять, зачем там надо было все это скрывать. Это, наверное, знает тот, кто это все делал.

В: Еще раз спасибо, Павел Иванович, до свидания!

4/96

(43)

З А П И С Ь

фонограммы беседы
с Сиамончуком Леонидом Емельяновичем
2 июня 1993 г.

Участвовали:

Люрвалль Бьери – 2 секретарь Посольства Швеции в России

Козлов
Александр Андреевич

Зиборов
Андрей Евгеньевич

сотрудники Министерства безопасности России

Запись беседы с Сиамончуком Леонидом Емельяновичем, 2 июня 1993 года.

М: Мы уже задавали Вам ряд вопросов когда встречались в первый раз по поводу Валленберга. Может быть, за то время, которое прошло с октября 1991 года, удалось вспомнить что-нибудь еще, кроме того, что Вы уже нам тогда рассказали, именно связанное с фамилией Валленберга и его шофером?

С: Нового, практически, нет. Я и сам был бы заинтересован что--нибудь еще выяснить. Но опять я коснусь обстановки.
Первое: с сорок шестого года я в этом ведомстве не работаю. И что происходило после сорок шестого года, по крайней мере, с сентября - августа сорок шестого года я не знаю, потому что ни с кем из бывших своих соратников по работе я не встречался. Я готовился к отъезду в Австрию - туда и уехал. Работал там в советской части союзнической комиссии. Поэтому всякие контакты с прежней службой я потерял в то время. Кстати говоря, отдел наш пополнился к 46 году, в 45 году отозвали большинство отдела и пригласили других, потому что в нашем отделе было большинство тех, кто не знал языка. Их заменили товарищами, которые знали язык, но т.к. большинство из тех, кто знал язык, были лица еврейской национальности, то они и вели основную работу по иностранцам. Я обратил на это внимание.
Почему я останавливаюсь на этом?
- потому, что мне не понятна статья, которая появилась в "Новом времени".

М: Статья о допросе Валленберга на Лубянке.

С: Да,да,да, я ее читал. И там косвенно обвиняется, ну, не обвиняется, а высказывается подозрение в отношении Копелянского. Копелянский был одним из лучших работников. И ни в каких злых намерениях в отношении лиц еврейской национальности или тех всех, которые помогали, я не могу его обвинить. Он был переводчиком на Нюрнбергском процессе. Здесь пишут, что, вот, мол, он допрашивал вместе с Абакумовым, но комиссии все, что он знал, не доложил. Что я могу сказать по этому поводу? - Этого не могло быть. Более того, он - еврей, а тогда половина отдела пострадала: всех их уволили, когда началось "дело врачей". Им всем была испорчена жизнь, в частности и Копелянскому. Это был способный человек, хорошо рисовал, готовился стать архитектором

Но он день и ночь работал, поскольку чувствовал себя бойцом. И работал в основном по представителям карательных органов, которые издевались над жителями оккупированных территорий. В связи с этим мне не понятно, почему автор называет эту фамилию. Здесь какие-то вредители.

М: Фамилию Копелянского мы встречали много раз, и по документам проходит.

С: Но я знаю, как он работал. Его вызывал Абакумов.

М: Он работал непосредственно у Абакумова?

С: Выручал.

М: А,да.

С: Наиболее важные дела поручал ему, например, провести допрос, иногда и сам Абакумов принимал в этом участие. Т.е использовали его как переводчика. Что это означает? Допустим, вызывали арестованного ответственные работники - Абакумов или его заместители. Ставили вопросы и говорили: "Вы подумайте, а затем вас господин Копелянский вызовет, в ему все изложите. Хотите - письменно, сами, добровольно. Бумагу получите." А потом уже это оформляют в качестве протокола. Вообще говоря, для меня тогда фамилия Валленберг ничего не значила. Я просто не помню этой фамилии. Допрос вели другие, но не Копелянский. Т.е. он не отвечал за это, за следственный результат.

М: А кто это мог быть?

С: Здесь нужно спрашивать руководящих работников, которые продолжали это дело уже в 47 году. Мне кажется, сам отдел не мог вести допрос и следствие, поскольку это был не следственный отдел. Он не занимался расследованиями. Иногд ему ставились конкретные задачи: это, например, харьковски процесс, смоленский процесс. И то люди из этого отдела использовались только в качестве помощников следственного отдела, поскольку там не было знающих немецкий язык, их прикомандировывали на время к следственному отделу в качестве специалистов.

Тот же С...ов здесь упоминается. Я тоже его помню как переводчика. О том, что он был выдвинут уже в 47 году, я узнал из какой-то статьи.

М: Он уже тогда был заместителем. Помощник начальника отделения Кокошкина.

С: Возможно, отдел к тому времени преобразовали в следственный. Я не могу сказать, потому что в 46 году я уходил из отдела. А уходил я, могу Вам сказать, почему. Я написал в ЦК партии о том, чтобы меня демобилизовали из органов. Я не буду объяснять почему, но написал я так, чтобы меня тоже ни в чем не обвиняли, что я дезертирую, но мне сказали, что это может плохо кончиться, кстати, тот же Селивановский, который здесь упоминается. "Я,- говорит, -тебя уволить не имею права, должен доложить Абакумову."
Ну, надо сказать, что он с добром, хорошо ко мне отнесся. "Если бы имел право, я бы пошел на удовлетворение твоей просьбы. Но придется докладывать - и может кончиться плох
Я говорю:"Как тогда поступить?"
"Учитывая, что у тебя есть жена, а также ребенок, котором менять климат вредно, я напишу резолюцию на этом деле, а иди в распоряжение разведки." Вот и все, кончилась моя работа, моя деятельность. Поэтому чем я могу вам помочь?
Только с точки зрения подсказки: надо искать, если они ес остались - искать их, действительно знающих это дело, есл оно, будем говорить, шло вне законности, искать ответстве ных лиц, тех, кто отвечал за работу следственного аппара в целом, кто отвечал за работу КГБ. Ну, Абакумова сейчас не спросишь. Но, насколько я знаю, - не конкретно, а по с хам, - зачастую решения, суровые решения, он принимал лич даже в отношении своих заместителей. Я помню такую вещь. Был такой Меншик. Его, по-моему, в 54-м году расстреляли вместе с Абакумовым. Он был заместителем Абакумова. И вот он звонит из Польши: мол, он договорился с подпольной это армией /полк что ли был там, целый полк поляков в лесу, которые сражались сначала против немцев, а потом против Советской Армии, поскольку они были не согласны с тем, чт там дислоцируется часть СА./ Конкретно каких-то особых боевых действий не было, но вместе с тем они опасались, ч если они сдадут оружие, явятся по домам, разойдутся, то их начнут преследовать. Меншик правильно поступил: он дал обещание, что никто не будет арестован, никто не будет наказан, давайте, мол, приступайте к мирному труду, сдай оружие. Более того, он выпустил тех, которых он задержал которые содержались в тюрьме. И звонит, докладывает Абаку ву.

Абакумов сказал, что тот, во-первых, без его разрешения не имел права делать это. А тот отвечает, что он спас своих людей и спас поляков, которые были втянуты в борьбу. "Так вот, если они не придут добровольно, я тебя сам посажу в тюрьму". Я говорю вам это чтобы охарактеризовать обстановк

М: А кто, может быть, из его замов мог заниматься этими делами

Судоплатов С: Наиболее осведомленным мог быть.../задумался./ Сейчас не знаю, он был начальником управления, которое занималось "играми". Мы в то время вели где-то 160 "игр" с немецкими службами. Ну, это в основном была перевербованная агентур люди, которые пришли с рациями и которые зачастую были дез риентированы командованием Германии о наших военных планах Я забыл его фамилию, он был начальником этого управления после Титова/?/, в 46-м году он продолжал командовать име но этим управлением, а потом это управление, кажется, было переформировано, но оставались, были даны какие-то дополни тельные задания. Почему? -Потому что с окончанием войны "игры" были закончены. Знаю, что он занимался и закордон ной агентурой, по-моему, так говорили. В отставку он ушел где-то во времена Хрущева.

М: Он был уже в возрасте?

С: Уже был в возрасте.

М: Старше вас?

С: По-моему, после ухода в отставку он преподавал в каком-то университете. Он мог знать. Но если вопрос был очень дели катный, то это решал один Абакумов, судьбу решать мог толь он.

М: А не Судоплатов?

С: Нет, не Судоплатов, а Абакумов. Судоплатов к этому отношени не имел.

М: Совершенно в этом уверены?

С: Я уверен, он не мог иметь отношения к этому материалу.

РМ: Судоплатов этой "игрой" не занимался.
В то время, судя по истории, у него был немножко другой профиль.

М: По вашему мнению Судоплатов не имел никакого отношения к Валленбергу?

С: Нет, я думаю, что нет. Я ведь у Судоплатова работал до перевода на работу с военнопленными, до Сталинградской битвы Я у него был. Чем я занимался? Я занимался подготовкой оперативных групп для работы в тылу, в партизанских отряда в партизанских зонах. И он был занят в основном этими дела Ну, если так, по старым меркам говорить, подготовкой "зеле ных беретов".

/Смеются./

Потом признали, что он делал некоторые противозаконные вещ в частности, обвиняли его из-за каких-то там лабораторий, хотя, по-моему, к нему просто привязали эти лаборатории, вряд ли он имел к ним какое-либо отношение. Но его тогда осудили не столько за его дела, сколько за то, что нашли его фамилию в списке Берия как кандидата на выдвижение в руководство органами. Поэтому признали, что он сторонник Берия, он единственный человек из бывшей разведки, который остался в живых, остальных Берия всех уничтожил. Это второ довод. Осудили его на 15 лет вместе с его заместителем, эт годы они отсидели. Кстати говоря, по заданию руководства, поскольку я его знал, я ездил к нему, так сказать, дать для истории некоторые материалы. Многие же вещи у нас не писали. Это был живой свидетель. Но он как сказал?- мол, будет приказ - я вам скажу, иначе меня опять посадят.

/Смеются./

РМ: Печальный опыт научил.

М: Вы никогда не спрашивали его о Валленберге?

С: Никогда не спрашивал.

РМ: Леонид Емельянович... Саловоь.?

С: /перебивает./ Раз упоминается Салавон/?/, то Салавон никог не подчинялся Судоплатову. А здесь я вижу какой год? 47-й год упоминается. В это время он Судоплатову не подчинялся, и Судоплатов поэтому не мог знать.

Тем более, что разглашать рядовой работник другому рядово работнику, который занимает высокий пост, но в другом управлении, не мог. И мы как себя вели: поменьше знать из того, что тебя не касается. Иначе, если начнется расследование по этому делу, и станет известно, что Иванов знал ил Петров знал, то начнутся всякие подозрения. Такая обстанов

М: Какие были отношения между Абакумовым и Судоплатовым в это время?

С: Никаких.

М: Не могло ли быть так,что Судоплатов мог выполнять определенные задания по прямому указанию?

С: Абакумов никого не признавал: ни Меркулова/Меркулов был тогда министром/, ни тем более его замов, тех, кто ниже его стоял. Он замыкался только.../не догов./ Одно время он был заместителем Сталина в Совете обороны, когда у Сталина было шестнадцать заместителей. Когда этот Совет ликвидировали,- сам был случайным свидетелем , - он какой-то небольшой вопрос согласовывал с Маленковым. Но Маленков, насколько было известно, ему докладывал только для того, чтобы, если нужно он сам доложил Сталину. Понимать так, что Абакумов мог в любое время попасть на прием к Сталину - это неправильно. Когда Сталин его вызовет - тогда он попадет.

М: Естественно, Абакумов имел возможность давать прямые указания Судоплатову выполнять какие-то задачи.

М: Только, начиная с 46 года, когда стал министром. Тогда он мог давать указания. Но я говорю, что у меня такое впечатление что он занимался более узкими вопросами.

М: Судоплатов?

С: Да. Потому что это управление, которое занималось "играми" оно продолжало действовать, его даже укрепляли, как мы говорили.

РМ: Я просто хотел показать вам эти документы. Тут собственно выдержка. Это об отношении Ландервальца. Первый лист - он несущественный. Там важен второй лист. Поскольку там будет упомянута фамилия Валленберг..

/Рассматривают документы./

С: Вот здесь протокол допроса. Хотя никакой обязанности по допросам я не имел, я не следователь. Но так было принято формальность.Поэтому, наверное, вот этот автор тоже ссылается на Капелянского, что он допрашивал. Я думаю вот что, поскольку я Ландервальца не помню, их проходило через меня сотни человек.

РМ: /перебив./ Леонид Емельянович, я прошу прощения, тут вопр немножко в другом. Там действительно упоминается /имеет в виду документы/, что, когда вы задаете вопрос Ландервальц

о том, с кем еще он поддерживал контакты в шведском посольст ве в Будапеште, тот в числе других упоминает и Валленберга. Никаких дополнительных моментов это не вызывает?

С: Если бы я знал, о чем идет речь, допустим о Валленберге, я бы задал ему дополнительные вопросы.

РМ: /перебив./ Конечно, конечно. Естественно. Тут немножко с другой стороны.

С: Наверное, в то время я и не знал вообще, из какой семьи происходит Валленберг.

РМ: Просто, может быть, вы припомните по тем делам, которые вы вели, что-либо связанное со шведской миссией в Будапеште во время войны. Любые эпизоды, которые были связаны с ним.

С: Нет, нет.

РМ: Потому что именно там работал Валленберг. Может быть, здес будут какие-то существенные детали.

С: Дело в том, что в связи с тем, что я знаю только немецкий венграми я не занимался. Я занимался румынами. Когда прие ло правительство, я занимался конкретно министром иностра ных дел. Сейчас я забыл его фамилию. Как его там... Потом был какой-то крупный спекулянт, еврей, ювелир. Он был связан и с немцами и с этим. Но занимался в порядке опроса, потому что мне никто не поручал и на это санкций кто не давал, и приказа не давал, [illegible] что- бы я допрашивал его. Я его опросил: "Какова была ваша рол как министра иностранных дел в организации нападения на Советский Союз, развязывания войны против Советского Союз Какие поручения в годы фашизма он выполнял. Что он мне от ветил? - "А кто мы, румыны, были по отношению к немцам? М были по существу лакеи, поскольку нам пообещали отдать Одессу. Второе, мы были противниками коммунистов, это тоже нас сближало с немцами. Но нельзя считать, что мы во всем подчинялись немцам. У нас были и свои интересы. И, когда ко мне приходил посол, насколько я помню, по-мое фамилия его была Келленгер, приходил и выдвигал какие-то требования, я снимал трубку телефона, который ни с кем не был соединен, и начинал ругать мнимого подчиненного, что они не выполняют мои указания, которые я обещал немецкому послу выполнить.

На самом деле телефон ни с кем не был связан."

"Так, - говорил, он, - мы саботировали ряд просьб немецкого командования."

Конечно, это была уловка. Верить ему я не верил, но, с моей точки зрения, никакого интереса он не представлял. Наверное, с этим согласилось и руководство, потому что все это правительство отправили обратно в Румынию, мол, занимайтесь, разбирайтесь сами.

Так же было с Болгарией. Так же было с немецким посольством, которое было интернировано сюда.

Никакой они роли не играли, так представительство

.../не догов./

М: Это понятно. Вот вы говорите, что вы не имели права на допрос, вы характеризуете это как опрос. Вы имеете в виду что у Копелянского положение было такое же, когда он работал в 46 году: именно, что он выступал в качестве посредника и задавал какие-то вопросы, а не был следователем?

С: Я считаю, что он не был следователем, потому что следователи были в Следственном управлении. Был следственный отдел по особо важным делам, было следственное управление. Они как-то делились, потом объединялись. Но входить к прокурору и согласовывать - это, как правило, надо следователю. Он же не имел никакого образования. Кстати говоря, ни одного следователя с образованием у нас не было. Когда некоторые дела передавали в суд, я имею в виду смоленский суд, харьковский суд, то обязательно эти протоколы, даже если вел допрос, допустим, Копелянский с участием других офицеров, визировал, подтверждал или присутствовал следователь. Я говорю то, что мне известно. Может быть, были поручения другого порядка. Например, здесь приводится прим что допрашивал Карташов, допрашивал Абакумов. Кстати гово Карташов тоже не следователь. Следственные дела ему вряд ли поручали. Допрос вел Абакумов. А этот присутствовал, п скольку арестованный числился за Карташовым. Его начальни нельзя было обходить.

М: Как вы думаете, могло быть, что формально на допрос вызы ет Копелянский, а ведет допрос другой?

С: Нет. Если он числится в тюрьме за ним, то он должен делат это сам. Изменить может только его начальник.

М: Могла возникнуть ситуация, что тот же начальник дает Копе скому указания, что ты мне такого-то вызови на допрос, а сам свободен?

С: Это могло быть.

М: С другой стороны, тогдашние руководители Абакумов и Карта вряд ли обошлись бы без переводчика.

С: Они не могли обойтись без переводчика. Ни тот,ни другой н знали языка.

М: И Копелянский тогда был...

С: (перeб.) Вот из этих, что я здесь вижу, есть Рихтер. Вот

это я помню. Он меня заинтересовал лично. Не потому, что он владел каким-то языком. Он меня заинтересовал тем, что, как он говорил, пришел к фашистам случайно. Он верил в социализм, прочие идеи. Короче, боролся за идею. Это - глупость. Я заинтересовался, почему из такой семьи, у нег еще два брата, по-моему, они в Мюнхене. Он заинтересовал меня, как человек. Психологически. Как мог такой человек быть так испорчен. Он рассказывал мне о Франции. Я сказал чтобы он рассказал мне, как они боролись там с партизанами, прогрессивными деятелями. Он сказал, что они боролись с партизанами. Он возглавлял церковный отдел. Собственно говоря, они использовали католическую церковь для того, что получить характеристики высшего церковного лица. Каким об зом? Все описано у них в ежегодниках, отчетах, направленн в Ватикан. Там характеристики партий, государственных деятелей, в том числе лиц, которые настроены антинемецки. Во чем они занимались. Это для меня было новостью. Это меня и тересовало. По-моему, единственное, что я использовал для информации, вот этот момент. Дальше он меня уже не интересовал. Были и другие поручения, от которых я имел право от казаться. Я отказался. Например, попался один немец. Я сей час забыл его фамилию. Это был офицер, который проходил по процессу Рокоссовского. Заместитель начальника отдела, ко рый верил в это дело, что он справедливо был осужден, требовал от меня, чтобы я добился подтверждений от этого вое нопленного, но когда я изучил дело Тухачевского, я от этого дела отказался, потому что я мог попасть к другому следователю. Вопрос стоял так: или разоблачать это как лживое дело или становиться не на честный путь подтверждения с помощью этого немца, что все это было, что они связаны с Тухачевским как с немецким шпионом, как с заговорщиком.

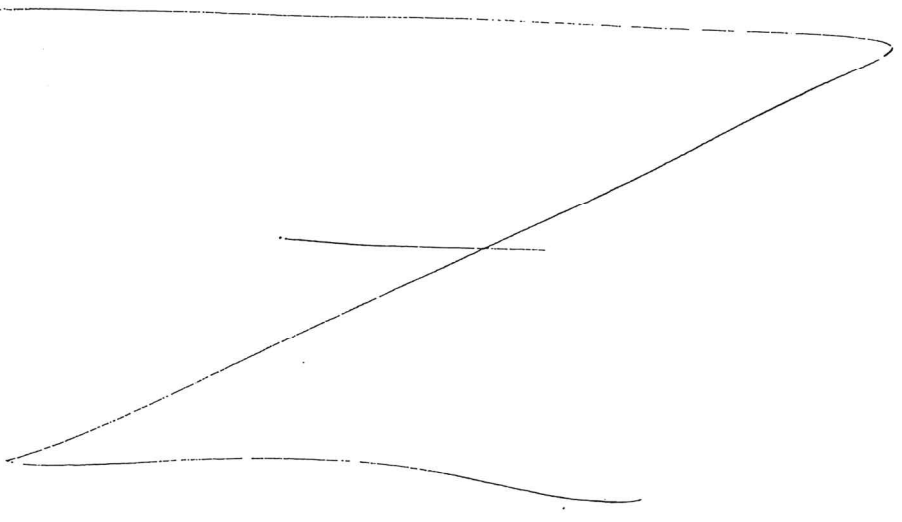
М: Можно еще раз вернуться к вопросу о Капелянском?

С: На это здесь надо обратить внимание? Может быть, он помни в каком плане велись допросы, чего хотели добиться руково

тели от тех, кого они допрашивали, в том числе Валленберга, чтобы понять, в каком направлении велись допросы. В чем его обвиняли? Видите, здесь говорится об английском шпионаже, а этот автор говорит об американском шпионаже. В чем дело? Значит, есть какая-то путаница в этих вопросах. Вначале, вот видете я смотрю по Вандервайсу, он его обвиняет на предыдущих допросах. Видимо, это ссылка на допросы, которые велись на фронте. Когда направляли в центр интересного, с их точки зрения человека, то направляли первичные допросы. Вы, мол, разберитесь, что с ним дальше делать. Видимо, я читал эти допросы. Однако и в тех допросах не было обращено внимание... (не дог.) Может быть, они пошли вслед за Валленбергом. Это, вы видите, прошло у меня незамеченным. Если же Капелянский допрашивал его вместе с Абакумовым...

М: (переб.) Это точно не установлено. Это предположение автор. Если смотреть по книгам допросов, то Капелянский проходит там два раза. Он дважды вызывал Валленберга. А однажды он вызывал Валленберга и его водителя на очную ставку. Мне кажется, он должен вспомнить этот эпизод.

С: Он должен вспомнить. По крайней мере, если он допрашивал не один раз, то должен вспомнить, в каком направлении шел допрос. У Капелянского, как я понимаю, не было конкретного материала для обвинения Валленберга. А начальство требовало результата. У меня был такой эпизод. Приходит военнопленный. Доброволец. Перешел фронт из Югославии. Руководитель партизанского отряда. Когда немцами в Хорватии было ликвидировано партизанское движение, было принято решение, что ему надо бежать. Он пробрался к нам.



Мой начальник считает, что это все невероятно, то, о чем он рассказывает, то, как он проник. Это подстава немецкой разки. И начальник требует от меня: я должен по крайней мере собрать подозрения. Чтобы правильно решить - начальство должно передать это дело в следственный отдел, если он действительно подозревается в шпионаже. Но я поверил ему, наши документы 1933 года, когда его судили за прогрессивную деятельность. В МИДе я нашел эту газету. Его судили, по-моему за сочувствие коммунистам, я не помню, но факт в том, что он собирал оружие. Мне не разрешают: "Скажи, он шпион или нет Я говорю, что я считаю, что нет никакого шпионажа." Какие доказательства?" - "Доказательств у меня нет." И пришлось возиться с этим. Он и плакал у меня, и т.д., что незаконно его держат. Говорил, что вы хоть меня в лагере держите, ведь я воевал на вашей стороне! Пришлось ждать, пока не пришли с фронта подтверждения, что он все показания дал правильно. Когда перешли в наступление, то все, что он описал: укрепления немцев, расположение (это возле Таганрога) немецких боевых точек подтвердилось. Кстати говоря, он еще и дот взорвал перетем, как броситься в море и плыть на нашу сторону. Вот тогда его отпустили. Так что тут, понимаете... (не дог.).

М: Время было такое тогда.

С: Недоверия!

М: Да.

С: Сплошное недоверие к работникам.

М: У военных недоверие - вещь оправданная.

С: А там военные доказали на фактах, что он прав.

М: Леонид Емельянович, как Вы можете прокомментировать следующий факт: у нас имеются определенные основания полагать, что с Валленбергом было покончено (или он сам скончался) 17 июля 1947 года. И буквально сразу после этой даты практически все его сокамерники, которые раньше и в Лубянской, и в Лефортовской тюрьмах с ним находились (в этой статье Вы, наверное, заметили), допрашивались вот этими двумя людьми: Целововым и Копелянским. Это установлено по журналам, это документально. Как вот Вам смотрится сам этот факт?

С: Мне смотрится так на это дело. Среди военнопленных, как и немцев, так и у наших, проводили вербовки агентуры. Причем вербовали зачастую тех, кто сам напрашивался: какие-то доно составлял. С тем, чтобы оправдать свои преступные действия он обвинял других, своих коллег. Это замечалось даже среди офицеров. А работники, я имею в виду рядовых, в большинстве случаев никакой школы не проходили, их брали буквально с ул цы и заставляли искать, и, используя показания на того или иного военнопленного, подтверждать их. Чем? Добейся его при нания. Сажают вместе в камеру. И тот старается доказать, чт он был прав. Т.е. я считаю, что это не агентура, а провокат ры, агенты-провокаторы. Кого обвинять в этом деле? Того, кто вводил эту систему. Я, например, между нами говоря, кот ду ушел на пенсию, особенно когда началась перестройка, всегда доказывал: давайте сначала вскрывать все недостатки, аморальное поведение в первую очередь руководящего состава, их противозаконные действия. Когда заставляли этих рядовых начинающих работников ... (не дог.). Короче говоря, портить их как работников. Но, видимо, у начальства до этого руки не доходят. А это надо было бы сделать. Я говорил: "Хорошо, давайте не называть их фамилии, не наказывайте, учитывая, что у них есть дети, внуки, чтобы не травмировать их. Но са ми факты давайте покажем, потому что их истолковывает улица по-разному." Люди, которые не работали и не работают в орга нах, думают, что здесь звери находятся, одни нечестные люди.

М: Спасибо.

С: С этого, мне кажется, если говорить об органах, то любую перестройку надо начинать с очищения.

М: В данном случае мы затронули вопрос ... (не дог.).

С: Я почему обратил внимание на Копелянского - потому что я ег знаю только с положительной стороны. Как человека преданного человечеству, а не вообще органам.

М: Вы предполагаете, что ... (не дог.).

С: Его отношения с нижестоящими работниками. Он всегда по-челов вечески относился. Я, к сожалению, его давно не видел, не встречался.

М: Леонид Емельянович, Вы так думаете, что если бы Даниил Григорьевич Копелянский владел какой-либо информацией, не ущемляющей его собственное достоинство, он бы мог рассказать эт

С: И да, и нет, понимаете? Эти работники запуганы. Они еще не знают, что завтра будет. А руководящие работники, которые, кстати говоря, этим должны заниматься в первую очередь, дол ны, во-первых, определить, исходя из тех задач, которые ст ли перед Карташовым, перед Огневым, перед работниками, чем они занимались, что они могли знать, а что не могли знать. Любой руководящий работник это легко может сделать в Комите те, т.е. в Министерстве. Но они, я чувствую, уходят от этого. Бывший министр или председатель (тогда Комитет же был) направил 30 писем в основном работникам этого отдела, что, мол, вы и отвечайте. За что отвечать?

М: Да, за что отвечать?! Это Ваш вопрос.

С: Так что мне казалось, что здесь не международная комиссия поможет. Если доверие установилось с министром, то пусть эт ваш министр или наш министр, давайте по-честному разберемс Чтобы не тянуть этот разговор. Вот, например, о поляках. Я узнал о том, что их расстреляли, только когда недавно опуб ковали материалы.

М: Во всем скрыта тайна за семью печатями.

С: Были дела, по которым свидетели проходили. Но дела сфабрикованы, и вы никого не уличите, потому что свидетелей тоже нет.

Вот такая обстановка. То есть, нам из этого надо извлечь у А наши, будем говорить, друзья на Западе должны понять эту ситуацию и помочь.

М: Извините, а с Рихтером вы долго работали? Он вам так запомнился.

С: Да, встречался, раз 5-6. Это был молодой человек. Меня интересовало, с чего началось воспитание. Когда он стал фашистом.

М: А скажите, пожалуйста...

С: (переб.) Я с детства начинал его разрабатывать.

М: Я понял, вы его хорошо помните, Леонид Емельянович. А скажите, пожалуйста, вас никогда не интересовал вопрос, с кем он содержится в одной камере? Вас, как человека, постоянно с ним работающего.

С: Нет, никогда. У меня, наверное, в этой камере никого не было, кто бы меня интересовал. И я сомневаюсь, чтобы его использовали. Может быть, и использовали. Но я считал грязным делом, чтобы работника СД использовать как доносчика, которого самого надо наказывать.

РМ: А Рихтер был, извините, откровенен с вами?

С: Трудно сказать. У меня не было никаких возможностей для его проверки.

РМ: Допустим, есть личные показания Рихтера, что он содержался в одной камере с Валленбергом и подружился. Вам не кажется парадоксальным, что отъявленный фашист, по идейным соображениям пришедший в ряды СД, содержась в одной камере, подружился с Раулем Валленбергом, ярым антифашистом?

С: Но вы же понимаете. Человек в таком положении, будучи работником СД, он же должен был - если он надеялся на то, что его когда-то выпустят, как военнопленного - иметь какие-то доказательства (пусть устные) того, что он осуждает фашизм и способен на дружбу с антифашистом. Я не думаю, что здесь он искренен. Правда, многие были искренни. Почему? Проиграл войну - куда деваться. Они меняли свою точку зрения, свои взгляды. Как и у нас: проиграли битву за социализм и сразу сказали, что это не годится, изменили свою идеологию, взгляды.

М: Леонид Емельянович, я, извините, снова вас перебью и вернусь к теме, которая довольно интересна для меня:

вопросы содержания и перемещения арестованных в Лубянской и Лефортовской тюрьмах. Кто-то руководил их перемещением, содержанием или этим ведал контролерский состав?

С: Обычные военнопленные, какими мы занимались - это офицер, командир полка, командир дивизии. Нужно получить сведения по военным вопросам. Там был разработан целый вопросник. Это решала тюрьма: где свободно, а где нет. Если здесь мест не хватало, потому что здесь были первичные встречи, анкетные опросы; а дальше начальник отдела решал, кто будет вести. Я, допустим, мог говорить с этим военнопленным в первый раз, потому что меня вызвали познакомиться, разобраться и доложить руководству. А дальше я мог с ним не встречаться, потому что начальник решил его куда-то передать. Что здесь: есть материал для передачи? - Да, есть. Потому что его подозревают в шпионаже, причем в английском шпионаже. Но ведь англичане - союзники. Деликатный вопрос! Значит, речь идет не о военной информации, а о политической. Это политический вопрос. А наш отдел этим не занимался.

РМ: Ясно.

М: Но тогда остается поблагодарить Леонида Емельяновича.

С: Ну, спасибо. Тут нечего было давить.